Юлия Аксельрод

МОЙ ДЕД ЛЕВ ТРОЦКИЙ

И ЕГО СЕМЬЯ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Юлия Сергеевна Аксельрод – внучка Л.Д. Троцкого. В четырнадцать лет за опасное родство Юля с бабушкой и дедушкой по материнской линии отправилась в Сибирь. С матерью, Генриеттой Рубинштейн, второй женой Сергея – младшего сына Троцких, девочка была знакома в основном по переписке.

Сорок два года Юлия Сергеевна прожила в стране, которая называлась СССР, двадцать пять лет – в США. Сейчас она живет в Израиле, куда уехала вслед за единственным сыном.

Имея в руках письма своего отца к своей матери и переписку семьи Троцких, она решила издать эти материалы как историю семьи. Получился не просто очередной труд троцкианы. Перед вами трагическая семейная сага, далекая от внутрипартийной борьбы и честолюбивых устремлений сначала руководителя государства, потом жертвы созданного им режима.

- Юлия Сергеевна Аксельрод
- Вступление
- Часть первая Лев Давидович Троцкий Яновка, Одесса. 1879–1929 годы
- По статье А. Пасюты: Земляки Троцкого: «Проклятие его золота убило наших селян»
- Из книги Льва Троцкого «Моя жизнь»
- Из книги Б.Я. Фрезинского «Предисловие к публикации. Письма А.Л. Соколовской и А.А. Иоффе [10] Л.Д. Троцкому»
- Из книги Д. А. Волкогонова «Троцкий. Политический портрет». Кн. 1
- По книге Натальи Седовой и Виктора Сержа «Жизнь и смерть Льва Троцкого» (перевод отрывков с англ. и примечания Юлии Аксельрод)
- По книге Натальи Седовой и Виктора Сержа «Жизнь и смерть Льва Троцкого»
- Из книги Д. А. Волкогонова «Троцкий. Политический портрет». Кн. 1
- Из книги Н. Седовой и В. Сержа «Жизнь и смерть Льва Троцкого» (Глава «Тюрьма, суд, побег и эмиграция»)
- Из книги Н. Иоффе [26] «Время назад. Моя жизнь, моя судьба, моя эпоха»
- Из воспоминаний Н. Седовой
- Из писем А.Л. Соколовской Л.Д. Троцкому
- Из книги Н. Седовой и В. Сержа «Жизнь и смерть Льва Троцкого»

- Из книги Н. Иоффе «Время назад»
- Из книги Д. А. Волкогонова «Троцкий. Политический портрет». Кн. 1
- Из книги Н. Седовой и В. Сержа «Жизнь и смерть Льва Троцкого»
- По книге Н. Седовой и В. Сержа «Жизнь и смерть Льва Троцкого»
- Из письма Н.И. Троцкой о сыне
- Из статьи Д. Смирнова «Она спасала «буржуйское добро»
- Из статьи В. Волкова «Женщина в русской революции. Письма Натальи Седовой к Льву Троцкому»
- Из книги Н. Седовой и В. Сержа «Жизнь и смерть Льва Троцкого»
- Из книги В. Савченко «Отступник. Драма Федора Раскольникова» [64]
- Из статьи В. Финкельштейна «Первая защитница российских памятников» [66]
- Из книги Л.Д. Троцкого «Дневники и письма»
-
-
- Из книги Б. Рунина «Мое окружение. Записки случайно уцелевшего» [68]
- Из книги Л.Д. Троцкого «Моя жизнь»
- Из книги Н. Седовой и В. Сержа «Жизнь и смерть Льва Троцкого»
- Из книги Н. Иоффе «Время назад»
- По книге «Л.Д. Троцкий. Архив в 9 томах». Т. 2 «Телеграммы, 1928 г.» (редактор-составитель Ю.Г. Фельштинский)
- По книге Л. Троцкого «Письма из ссылки», 1928
- Все это в письме ЛД, датированном 2 июня 1928 года
- Из книги Л.Д. Троцкого «Моя жизнь»
- Из книги Н. Седовой и В. Сержа «Жизнь и смерть Льва Троцкого»
- Из письма Л.Д. в ЦК ВКП(б) и Президиум исполкома коминтерна (опубликовано в книге «Моя жизнь»)
- Из книги Н. Седова и В. Сержа «Жизнь и смерть Льва Троцкого»
- Из книги Д. А. Волкогонова «Троцкий. Политический портрет». Кн. 1
- Из книги Б. Рунина «Мое окружение» [84]
- Часть вторая Лев Давидович Троцкий и его семья Турция, Европа, Советский Союз. 1929–1935 годы
- Из статьи Я. Травинского «Письма Троцкого продолжают

приходить»
- Из книги «Л.Д. Троцкий. Архив в 9 томах». Т. 6 «Из писем Л.Д. Троцкого Л.Л. Седову» (редактор-составитель Ю.Г. Фельштинский)
- Из книги А. Глоцера «Троцкий. Воспоминания и критика»
- Из книги «Милая моя Ресничка» Письма С. Седова к родителям и брату [90]
-
- Из книги Н. Седовой и В. Сержа «Жизнь и смерть Льва Троцкого»
- Из издания «Бюллетень оппозиции» № 64,1938 года Л. Троцкий. «Лев Седов: сын, друг, борец»
- Из книги Д.А. Волкогонова «Троцкий. Политический портрет»
- Из книги «Милая моя Ресничка», письма Сергея Седова
- Из книги Л.Д. Троцкого «Дневники и письма» Страницы дневника. Записи 1933 года
-
- Из книги Л.Д. Троцкого «Дневники и письма»
- Из книги Л.Д. Троцкого «Дневники и письма»
- Из книги «Л.Д. Троцкий. Архив в 9 томах» Т. 7
- Из статьи В. Волкова «Женщина в русской революции»
- Из писем Б.И. Николаевского [125] к А.м. Бургиной [126] [февраль 1933 г.]
- Архив Гуверовского института Коллекция Николаевского, ящик 478, папка 9, открытка от 16 февраля 1933 года
- Письмо Л.Д. к Н. Седовой
- Письмо Л.Л. Седова Л.Д. Троцкому
- Из книги «Милая моя Ресничка». Письма Сергея Седова
- Письмо ЛД к Н. Седовой
- Письма Сергея Седова
- Из книги Д. А. Волкогонова «Троцкий. Политический портрет». Кн. 1
- Из книги Л.Д. Троцкого «Дневники и письма»
-
-
-
-
-
-
-
- По книге Н. Седовой и В. Сержа «Жизнь и смерть Льва Троцкого»
- Из книги Л.Д. Троцкого «Дневники и письма»

- Из книги Л.Д. Троцкого «Дневники и письма»
-
- Из книги Н. Иоффе «Время назад»
- Из книги Л.Д. Троцкого «Дневники и письма»
- Из письма Л.Л. Седова Н.И. Седовой
- Часть третья Сергей Львович Седов Москва, Красноярск, Воркута, Красноярск 1935–1937 годы
- Анатолий Азарх [165] . Письмо к Юлии Аксельрод в Нью-Йорк
- Из книги «Милая моя Ресничка». Сергей Седов. Письма из ссылки
-
-
- Из книги «Милая моя Ресничка» (по: ЦА ФСБ РФ. Д.Р-33640. Л. 80–82)
- Из книги Л.Д. Троцкого «Дневники и письма»
- Из статьи А. Ильина, канд. ист. наук, «Загадки ссыльного Седова» (прислана автору-составителю по Интернету)
- «Правда», 26 января 1937 г. К. Пухов. Сын Троцкого Сергей Седов пытался отравить рабочих
- Из статьи П. Ричардс [203] «Встреча с сыном Троцкого»
- Из книги Иосифа Бергера [204] «Крушение поколения. Воспоминания»
- Из книги «Милая моя Ресничка»
- Из статьи С. Ларькова, Е. Русаковой, И. Флиге «Сергей Седов «сын врага народа Троцкого»
- Письмо Б.И. Николаевского к Н.И. Седовой [210]
- Из книги Бориса Рунина «Мое окружение»
- Из книги Александра Яковлева «Омут памяти»
- Часть четвертая Лев Троцкий и Лев Седов Норвегия, Франция, Мексика 1937–1940 годы
- Из книги Л.Д. Троцкого «Дневники и письма» Показания об отбытии из Норвегии
- Из книги Д. А. Волкогонова «Троцкий. Политический портрет»
- Из писем Л.Д. Троцкого Н.И. Седовой [218]
-
- Отрывки из писем Л.Л. Седова Л.Д. Троцкому
- По книге Н. Седовой и В. Сержа «Жизнь и смерть Льва Троцкого»
- Из писем Л.Д. Троцкого Н.И. Седовой [234]
- По книге Н. Седовой и В. Сержа «Жизнь и смерть Льва Троцкого»
- Из книги Д. А. Волкогонова «Троцкий. Политический

портрет»
- Письмо М. Зборовского и Л. Эстрин Л.Д. Троцкому
- По поводу смерти Льва Седова
- Из «Бюллетеня оппозиции» № 64 «Лев Седов: сын, друг, борец» (1938)
- Письмо М. Зборовскому и Л. Эстрин
- Письмо М. Зборовскому и Л. Эстрин
- Письмо В. Сержу
- Письмо С. Вебер Л. Эстрин [257]
- Из книги Вадима Роговина «Была ли альтернатива?»
- Из примечаний Ю.Г. Фельштинского к интернет-изданию «Л.Д. Троцкий. Архив в 9 томах»
- Письмо министру юстиции Франции
- Завещание
- Из писем Н.И. Седовой-Троцкой Саре Якобс-Вебер
- Л.Д. Троцкий. Письмо советским рабочим
- Из интервью Всеволода-Эстебана Волкова Наталье Козловой, Ольге Петраковой, «Российская газета», 2 июня 2006 г. специально для «РГ», Мехико
- Из примечаний Ю.Г. Фельштинского к интернет-изданию «Л.Д. Троцкий. Архив в 9 томах»
- Из писем Н.И. Седовой-Троцкой Саре Якобс-Вебер
- Из книги Б. Рунина «Мое окружение»
- Из письма Н.И. Седовой-Троцкой Саре Якобс-Вебер
- Из книги Надежды Улановской, Майи Улановской «История одной семьи» [1953]
- Из книги Б. Рунина «Мое окружение»
- Из статьи Наталии Верхолаз
- Из интервью Всеволода-Эстебана Волкова Наталье Козловой, Ольге Петраковой
- Из газеты «Секрет» (Тель-Авив), 19.03.06
- Из книги Льва Либова «Сталин, Троцкий и я»
- Из писем Н.И. Седовой-Троцкой Саре Якобс-Вебер
- Из письма Н.И. Седовой-Троцкой Л. Эстриной от 8 марта 1958 года:
- Из послесловия Н. Седовой к американскому изданию дневников Троцкого 1935 года и предисловию М. Шахтмана (июль 1958, не закончено и не опубликовано)
- Из статьи Якова Шауса «Красная дактилоскопия на голубом экране»
- Из письма Жан-Жака Мари Елене Чавчавадзе (текст получен составителем от автора)
- Часть пятая Юлия Аксельрод Из записок последних лет
- Моя мама

- Отец
- Old man [281]
- Москва, Маросейка, 13, кв. 12
- Америка
-
- Переезд в Израиль [297]
-
- Три мои бабушки
-
-
-
- Либерия
-
-
- Заключение. От редактора
- Использованная литература
-

Юлия Сергеевна Аксельрод
Мой дед Лев Троцкий и его семья. Личный взгляд. Воспоминания, материалы, документы

Юлия Сергеевна Аксельрод – внучка Л.Д. Троцкого.

В четырнадцать лет за опасное родство Юля с бабушкой и дедушкой по материнской линии отправилась в ссылку в Сибирь. С матерью, Генриеттой Рубинштейн, второй женой Сергея – младшего сына Троцких, девочка была знакома в основном по

переписке.

Сорок два года Юлия Сергеевна прожила в стране, которая называлась СССР, двадцать пять лет – в США. Сейчас она живет в Израиле, куда уехала вслед за единственным сыном.

Имея в руках письма своего отца к своей матери и переписку семьи Троцких, она решила издать эти материалы как историю семьи. Получился не просто очередной труд троцкианы. Перед вами трагическая семейная сага, далекая от внутрипартийной борьбы и честолюбивых устремлений сначала руководителя государства, потом жертвы созданного им режима

Примечание редакции

Вступление

Эта книга о моей родне – родне с материнской стороны, я их всех хорошо знала и любила, и родне с отцовской стороны – я узнала об их существовании, когда мне было лет пятнадцать – шестнадцать. Сейчас мне семьдесят три года, обстоятельства сложились так, что я оказалась в чужом для меня месте, и, чтобы хоть как-то скрасить свое существование, я решила попытаться выстроить хронологическую цепочку событий, происшедших с моей родней.

Мне очень помог в этом Юрий Фельштинский. Без его трудов я ничего бы не смогла сделать. Занявшись этой книгой, я по-настоящему оценила вклад Сергея Ларькова и Анатолия Ильина, нашедших архивные документы необыкновенной для меня ценности. Я использовала также отрывки из мемуаров моего дяди

Бориса Рунина «Мое окружение» для показа бытового фона тех времен.

Приношу глубокую благодарность Леоноре Сороке (США) и Евгении Крамаровой (Израиль), оказавшим значительную помощь в подготовке этой книги к печати. Я благодарна также Рипсимэ Долныковой, обсуждавшей со мной в Израиле многие страницы этой книги, а ныне живущей в Москве.

Юлия Аксельрод

Часть первая Лев Давидович Троцкий Яновка, Одесса. 1879–1929 годы

По статье А. Пасюты: Земляки Троцкого: «Проклятие его золота убило наших селян»

На родине отца революции

Вот уже несколько месяцев на родине выдающегося революционера Льва Троцкого только и разговоров что о земляке. После десятков лет забвения и ненависти отечественная история повернулась к политику передом, и в родных краях решили – этот человек достоин отдельной улицы, музея и даже памятника. Начали с последнего. Такое решение по случаю 130-летия Льва Троцкого принял горсовет Бобринца (Кировоградская область). «Общественный совет принял решение единогласно, – рассказывает городской голова Леонид Кравченко. – Но мы не ожидали, что это вызовет такой резонанс и в Украине, и в России. Националисты стали упрекать нас, что мы хотим увековечить память тирана и убийцы миллионов людей, а коммунисты – кричать: «Как можно врагу народа ставить памятник?!»

У нас свое мнение: этот человек известен во всем мире как талантливый политик и публицист, он сегодня имеет миллионы последователей в мире, его работы изучают в институтах. И это наш земляк». В Бобринце надеются также, что таким образом смогут привлечь в эти края туристов, которые захотят посетить места, где родился революционер.

Правда, как оказалось, смотреть в селе Яновка (ныне Береславка), где родился революционер, уже совсем нечего.

Отказался от синагоги

В этом умирающем селе всего полсотни жителей, самому молодому – пятьдесят семь лет. Любимое развлечение дедов Береславки: под рюмочку мутной самогонки поругать современную власть да вспомнить, как жилось при власти старой. На втором месте – разговоры о земляке, который стоял у истоков зарождения той самой старой власти – советской. «Мы никогда не считали Троцкого врагом народа, – начинает разговор земляк знаменитого политика, семидесятидвухлетний Александр Федорчук. – Конечно, вслух своих соображений никто не высказывал – боялись. Но в каждой семье хранили какую-то историю, связанную с Лейбой, и плохих воспоминаний среди них не было».

Лейба родился у Бронштейнов как раз в тот год, когда они переехали в Яновку. Когда мальчишке исполнилось пять лет, отец

стал одним из крупнейших местных помещиков. У него на хуторе постоянно трудились 19 крестьян села Яновки. На его мельницу все крестьяне везли свое зерно. Давид Бронштейн основал собственный кирпичный заводик, выпускавший продукцию с клеймом «Б». Хуторяне помнят рассказы старожилов, что Давид Бронштейн, отец Троцкого, был очень резким и жестким человеком. Сын был другим – однажды, приехав на каникулы с учебы, он увидел, что рабочие отца едят из корыт. Уже на следующий день из города доставили новую посуду и столовые приборы. Причем тарелки были фарфоровые. Больше у Бронштейна из корыт не ели.

«На добро люди ответили добром, – рассказывает краевед Неля Самборська. – Однажды, тайно вернувшись из-за границы из очередной ссылки, Лейба решил пересидеть у отца в имении, но на него донесли, и целый отряд полиции отправился его арестовывать. Так селяне спрятали молодого Троцкого на дно повозки, закидали навозом и так вывезли из имения [1] .

Сидя на лавочке, старики вспоминают одну историю за другой, мол, тому бабка рассказывала, что Лейба еще в пять лет отказался посещать синагогу и бегал к крестьянам учиться плести лапти из соломы, а другому дед говорил, что учил играть Троцкого на сопилке [2] .

Спас от голода Кстати, когда вся страна переходила по инициативе наркома от военного коммунизма к нэпу, в родном селе, как и во всей Украине, начался голод. «По его указанию из Кировограда в Яновку привезли продукты – мешки с зерном и крупы. Так земляки были спасены от голода». Сегодня на месте некогда богатого имения Бронштейнов – глухая, поросшая бурьяном степь и черные поля. Только наметанный глаз вычислит места, где стояла усадьба, синагога [3] и хозпостройки. «Уничтожали все специально, чтобы никто даже не вспоминал о Бронштейнах, – сокрушается Федорчук. – Усадьба долго была школой, а потом ее решили снести, мол, она уже ветхая». Ее растащили местные жители, сегодня кирпич с буквой «Б» есть в каждой хате Береславки. «Все уничтожили очень разумно, – подводит итог Самборська, – и если бы не воспоминания старожилов, то можно было бы подумать, что в Яновке Лейба Бронштейн никогда и не рождался».

Родственницу увели с урока Не по иронии судьбы, а для услады честолюбия вождя колхоз в селе Береславка был назван его именем. Так даже в мелочах Сталин мстил заклятому врагу. В 30-х годах он планомерно уничтожал «троцкистов» в Кремле, в Москве и по всей стране, не забывая и о крохотной Береславке. «До 1930-х годов в школе работала учительницей Катерина

Гуренко, – вспоминает самый старый житель села, девяностотрехлетний дед Иван. – Я ее помню. Родители тогда шептались, что она родственница Троцкого и что ей бежать нужно из этих мест. Но она верила в советскую власть, искренне считала своего родственника врагом народа и не хотела даже думать, что ей грозит опасность. Потом на нее, видно, кто-то донес. В какой-то из дней за ней пришли прямо в школу люди из города, забрали посреди урока». Когда началась Вторая мировая война, в колхозе имени Сталина уже не осталось никого из Бронштейнов. Односельчане боялись даже дома произносить их имена. Примечательно, что об убийстве земляка в далекой Мексике в Яновке узнали только через пять лет. Эту весть в село после войны принесли вернувшиеся солдаты.

Мемуары стали бестселлером

В конце 20-х годов прошлого века Лев Троцкий взялся за написание мемуаров. Две главы книги «Моя жизнь» он посвятил Яновке. Впервые он подробно рассказал о семье и тех местах, где прошло его детство, где он познавал мир. После убийства Троцкого книга стала бестселлером в США и Великобритании. За год она переиздавалась дважды, было продано около трех миллионов экземпляров. При этом в СССР, где все делалось для того, чтобы даже имя революционера было забыто, книга впервые попала только в 1990-х годах. «Интересно, что Лев Давидович не написал ни о ком из тех, кто в это время жил в Яновке, – замечает краевед Неля Самборська. – Скорее всего, он боялся, что этих людей будут преследовать. Хотя, увы, эти предосторожности не помогли. До 1935 года ни в Яновке, ни в Бобринце не осталось никого, кто был близок к этой семье. Всех уничтожили».

«Ни парламентские дебаты, ни дипломатические акты, ни даже динамитные взрывы не доносили своих отголосков до деревни Яновки… В необъятных степях Херсонской губернии и всей Новороссии жило особыми законами царство пшеницы и овец. Оно было прочно ограждено от вторжения политики своими пространствами и отсутствием дорог… От Яновки до ближайшего почтового отделения – 23 километра. Отсюда далеко до начальства, до магазинов, до городских центров и еще дальше до больших событий истории. Жизнь здесь регулируется исключительно ритмом земледельческого труда. Газет и журналов в деревне в те годы не читали. Письма получались редко, с оказией. Иной раз сосед, захвативший из Бобринца письмо, носил его неделю или две в кармане».

Великий «Иуда» …На родине, вплоть до 1980-х годов, за хранение любых материалов о Троцком грозила тюрьма. А учителя и сотрудники музеев, рассказывая о становлении

советской власти, говорили о Троцком как о величайшем «Иуде».

Легенда: за разграбленную могилу заплатили жизнью

Всего в километре от Береславки, посреди черных полей есть нетронутый, весь в сухих бурьянах, коричневый островок земли. «Это – старое еврейское кладбище, точнее, то, что от него осталось, – поясняет наш проводник из села. – Где-то здесь нужно искать колодец и огромную мраморную плиту с надгробием Анны Бронштейн, матери Троцкого». Именно с этой могилой в селе связана одна из самых жутких местных легенд. Жители рассказывают, что уже в 1960-х годах еврейское кладбище было разгромлено, уцелела только могила матери и огромная мраморная плита на ней. «Но слухи о том, что старый Бронштейн положил рядом с любимой женой золотые украшения и серебряную утварь, не давали покоя многим авантюристам в нашей деревне, – вспоминает дед Александр Григорьевич. – И вот однажды двое трактористов подцепили к трактору мраморную плиту, рванули ее и залезли в могилу. Говорят, что золото они там нашли. Но счастья оно им не принесло. Буквально в том же месяце один из них попал под колеса трактора и умер по дороге в больницу. А другой погиб той же осенью. Загорелся его дом, в котором были дети и жена, он кинулся спасать, но уже не вышел из горящего дома, его привалило упавшей балкой. В селе эти смерти связывают с разграблением могилы Бронштейнов». После того случая место, где было кладбище, трактористы аккуратно объезжают, а огромную мраморную плиту с именем Анны Бронштейн трогать никто не решается. Правда, найти ее не так просто. «Пройдет еще года два, и здесь ничего нельзя будет обнаружить, – расстраиваются жители Береславки. – Недавно приезжали сюда на джипе несколько человек, представители очень богатого человека. Все фотографировали, обещали плиту забрать на реставрацию в Киев и колодец восстановить, но пока что-то их не слышно».

Из книги Льва Троцкого «Моя жизнь»

[1879]

Мое детство не было детством голода и холода. Ко времени моего рождения родительская семья уже знала достаток. Но это был суровый достаток людей, поднимающихся из нужды вверх и не желающих останавливаться на полдороге. Все мускулы были напряжены, все помыслы направлены на труд и накопление. В этом обиходе детям доставалось скромное место. Мы не знали нужды, но мы не знали и щедростей жизни, ее ласк. Мое детство не представляется мне ни солнечной поляной, как у маленького меньшинства, ни мрачной пещерой голода, насилий и обид, как детство многих, как детство большинства. Это было сероватое детство в мелкобуржуазной семье, в деревне, в глухом углу, где природа широка, а нравы, взгляды, интересы скудны и узки.

…Покупных игрушек я в детстве почти не имел. Раз только из Харькова мать привезла мне бумажную лошадку и мяч. С младшей сестрой я играл в самодельные куклы. Однажды тетя Феня и тетя Раиса, сестры отца, сделали нам несколько кукол из тряпочек, и тетя Феня навела карандашом глаза, рот и нос. Куклы казались необыкновенными, я помню их и сейчас. В один из зимних вечеров Иван Васильевич, наш машинист, вырезал и склеил из картона вагон с окнами и на колесах. Старший брат, приехавший на Рождество, сразу заявил, что сделать такой вагон можно в два счета. Он начал с того, что расклеил мой вагон, вооружился линейкой, карандашом и ножницами, долго чертил, а когда по чертежу отрезал, то вагон у него не сошелся.

…Отец мой был земледельцем, сперва мелким, затем более крупным. Мальчиком он покинул со своей семьей еврейское местечко в Полтавской губернии, чтоб искать счастья на вольных степях Юга. В Херсонской и Екатеринославской губерниях имелось в те годы около сорока еврейских земледельческих колоний с населением около 25 ООО душ. Евреи-земледельцы были уравнены с крестьянами не только в правах (до 1881 г.), но и в бедности. Неутомимым, жестоким, беспощадным к себе и к другим трудом первоначального накопления отец мой поднимался вверх.

…Отец и мать прошли через свою трудовую жизнь не без трений, но в общем очень дружно, хотя были они разные люди. Мать вышла из городской мещанской семьи, которая сверху вниз смотрела на хлебороба с потрескавшимися руками. Но отец был в молодости красив, строен, с мужественным и энергичным лицом. Он успел собрать кое-какие средства, которые в ближайшие годы

дали ему возможность купить Яновку. Переброшенная из губернского города в степную деревню, молодая женщина не сразу вошла в суровые условия сельского хозяйства, но зато вошла полностью и с той поры не выходила из трудовой упряжки в течение почти сорока пяти лет. Из восьми рожденных от этого брака детей выжило четверо. Я был пятым в порядке рождения. Четверо умерли в малых летах от дифтерита, от скарлатины, умерли почти незаметно, как и выжившие жили незаметно. Земля, скот, птица, мельница требовали всего внимания без остатка. Времена года сменяли друг друга, и волны земледельческого труда перекатывались через семейные привязанности. В семье не было нежности, особенно в более отдаленные годы. Но была глубокая трудовая связь между матерью и отцом. «Подай матери стул», – говорил отец, как только мать приближалась к порогу, покрытая белой пылью мельницы. «Ставь, Машка, скорей самовар, – кричала хозяйка, еще не дойдя до дому. – Скоро хозяин будет с поля». Оба они хорошо знали, что такое предельная усталость тела.

…Долгими зимами, когда степным снегом заносило Яновку со всех сторон, наваливая сугробы выше окон, мать любила читать. Она садилась на небольшой треугольной лежанке в столовой, ставя ноги на стул, или, когда надвигались ранние зимние сумерки, пересаживалась в отцовское кресло, к маленькому обмерзшему окну и громким шепотом читала заношенный роман из Бобринецкой библиотеки, водя натруженным пальцем по строкам. Она нередко сбивалась в словах и запиналась на сложно построенной фразе. Иногда подсказка кого-либо из детей совсем по-иному освещала в ее глазах прочитанное. Но она читала настойчиво, неутомимо, и в свободные часы зимних тихих дней можно было уже в сенях слышать ее размеренный шепот.

Отец научился разбирать по складам [4] уже стариком, чтобы иметь возможность читать хотя бы заглавия моих книг. Я с волнением следил за ним в 1910 г. в Берлине, когда он настойчиво стремился понять мою книжку о немецкой социал-демократии.

Октябрьская революция застигла отца очень зажиточным человеком. Мать умерла еще в 1910 г., но отец дожил до власти Советов. В разгар гражданской войны, которая особенно долго свирепствовала на юге, сопровождаясь постоянной сменой властей, семидесятипятилетнему старику пришлось сотни километров пройти пешком, чтоб найти временный приют в Одессе. Красные были ему опасны, как крупному собственнику. Белые преследовали его, как моего отца. После очищения юга

советскими войсками он получил возможность прибыть в Москву. Октябрьская революция отняла у него, разумеется, все, что он нажил. Свыше года он управлял небольшой государственной мельницей под Москвой. С ним любил беседовать по хозяйственным вопросам тогдашний народный комиссар продовольствия Цюрупа. Отец умер весной 1922 г. от тифа в тот час, когда я выступал с докладом на IV конгрессе Коминтерна.

…Во время каникул я бывал за счетовода, т. е. вперемежку со старшим братом и старшей сестрой записывал в книгу нанятых рабочих, условия найма и отдельные выдачи продуктами и деньгами. При расчетах с рабочими я нередко помогал отцу, и тут у нас вспыхивали короткие, приглушенные присутствием рабочих столкновения. Обманов при расчете никогда не было, но условия договора истолковывались всегда жестко. Рабочие, особенно постарше, замечали, что мальчик тянет их руку, и это раздражало отца.

После резких столкновений я уходил из дому с книгой, не возвращался иногда и к обеду. Однажды во время такой ссоры застигла меня в поле гроза: гром грохотал без перерывов, степной дождь захлебывался от обилия воды, молнии, казалось, искали меня то с одной, то с другой стороны. Я прогуливался взад и вперед, весь мокрый, в чавкающих башмаках и в картузе, похожем на водосточный раструб. Когда я пришел домой, все молча и искоса глядели на меня. Сестра дала мне переодеться и поесть.

После каникул я возвращался обычно с отцом. При пересадках носильщика не брали, вещи несли сами. Отец брал что потяжелее, и я видел по его спине и по вытянутым рукам, что ему тяжело. Мне было жалко отца, и я старался нести, что мог. Когда же случался большой ящик с деревенскими гостинцами для одесской родни, то брали носильщика. Платил отец скупо, носильщик бывал недоволен, сердито крутил головой. Я всегда переживал это болезненно. Когда ездил один и приходилось прибегать к носильщикам, то я быстро расточал свои карманные деньги, всегда опасаясь недодать и беспокойно заглядывая носильщику в глаза. Это была реакция на прижимистость в родительском доме, и она осталась на всю жизнь.

И в деревне, и в городе я жил в мелкобуржуазной среде, где главные усилия направлены были на приобретение. По этой линии я оттолкнулся и от деревни моего раннего детства, и от города моих школьных годов. Инстинкты приобретательства, мелкобуржуазный жизненный уклад и кругозор – от них я отчалил резким толчком, и отчалил на всю жизнь.

В религиозной и национальной области город и деревня не противоречили друг другу, наоборот, с разных сторон дополняли

друг друга. Религиозности в родительской семье не было. Сперва видимость ее еще держалась по инерции: в большие праздники родители ездили в колонию [5] в синагогу, по субботам мать не шила, по крайней мере открыто. Но и эта обрядовая религиозность ослабевала с годами, по мере того как росли дети и рядом с ними благосостояние семьи. Отец не верил в бога с молодых лет и в более поздние годы говорил об этом открыто при матери и детях. Мать предпочитала обходить этот вопрос, а в подходящих случаях поднимала глаза к небесам.

О революционных вопросах в школе при мне еще не было и речи. Шепотом передавали, что в частном гимнастическом зале у чеха Новака собирались какие-то кружки, что были аресты, что именно за это Новак, преподававший у нас гимнастику, уволен из училища и заменен офицером. В кругу людей, с которыми я был связан через семью Шпенцера [6] , режимом были недовольны, но считали его незыблемым. Самые смелые мечтали о конституции через несколько десятков лет. О Яновке и говорить нечего. Когда после окончания училища я явился в деревню со смутными демократическими идеями, отец сразу насторожился и враждебно сказал: «Этого не будет еще и через триста лет». Он был уверен в тщете реформаторских усилий и боялся за сына. В 1921 г., когда, спасшись от белых и красных опасностей, отец прибыл ко мне в Кремль, я шутя сказал ему: «А помните, вы [7] говорили, что царских порядков еще на триста лет хватит?» Старик лукаво улыбнулся и ответил по-украински: «Пусть на сей раз твоя правда старше…»

[1898]

При общей облаве в январе 1898 г. я был арестован…

Старая николаевская тюрьма совсем не была приспособлена для политических, да еще в таком числе. Я попал в одну камеру с молодым переплетчиком Яви-чем. Камера была очень велика, человек на тридцать, без всякой мебели и еле отапливалась. В двери был большой квадратный вырез в коридор, открытый прямо на двор. Стояли январские морозы. На ночь нам клали на пол соломенник, а в шесть утра выносили его. Подниматься и одеваться было мукой. В пальто, в шапках и калошах мы садились с Явичем плечо к плечу на пол и, упершись спинами в чуть теплую печь, грезили и дремали час-два. Это было, пожалуй, самое счастливое время дня. На допрос нас не звали. Мы бегали из угла в угол, чтоб согреться, предавались воспоминаниям, догадкам и надеждам. Я стал заниматься с Явичем науками. Так прошло недели три. Потом наступила перемена. Меня вызвали в тюремную контору с вещами и передали двум рослым жандармам, которые перевезли меня на лошадях в херсонскую

тюрьму.

Это было еще более старое здание. Камера была просторная, но с узким, наглухо заделанным окном в тяжелом железном переплете, едва пропускавшем свет. Одиночество было полное, абсолютное, беспросветное. Ни прогулок, ни соседей. Из заделанного по-зимнему окна ничего не было видно. Передач с воли я не получал. У меня не было ни чаю, ни сахару. Арестантскую похлебку давали раз в день, в обед. Паек ржаного хлеба с солью служил мне завтраком и ужином. Я вел с собой длинные диалоги о том, имею ли я право увеличить утреннюю порцию за счет вечерней. Утренние доводы казались вечером бессмысленными и преступными. За ужином я ненавидел того, который завтракал. У меня не было смены белья. Три месяца я носил одну и ту же пару. У меня не было мыла. Тюремные паразиты ели меня заживо. Я давал себе урок: пройти по диагонали тысячу сто одиннадцать шагов. Мне шел девятнадцатый год. Изоляция была абсолютная, какой я позже не знал нигде и никогда, хотя побывал в двух десятках тюрем. У меня не было ни одной книги, ни карандаша, ни бумаги. Камера не проветривалась. О том, какой в ней воздух, я судил по гримасе помощника начальника, когда он входил ко мне. Я откусывал кусочек тюремного хлеба, ходил по диагонали и сочинял стихи. Народническую «дубинушку» я переделал на пролетарскую «машинушку». Я сочинил революционную «камаринскую». Весьма посредственного качества, стихи эти позже приобрели большую популярность. Они перепечатываются в песенниках и сейчас. Но иногда меня грызла жестокая тоска одиночества. Тогда я преувеличенно твердо отсчитывал стоптанными подметками тысячу сто одиннадцать шагов.

К концу третьего месяца, когда тюремный хлеб, мешок, набитый соломой, и вши стали для меня незыблемыми элементами жизни, как день и ночь, надзиратели вечером внесли ко мне гору предметов из другого, фантастического мира: свежее белье, одеяло, подушку, белый хлеб, чай, сахар, ветчину, консервы, апельсины, яблоки, да, большие, ярко окрашенные апельсины… И сейчас, через тридцать один год, я не без волнения перечисляю эти замечательные предметы и уличаю себя в том, что упустил баночку варенья, мыло и гребешок. «Это вам мать доставила», – сказал мне помощник. И как ни плохо я тогда читал в человеческих душах, но по тону его понял сразу, что он получил взятку.

Скоро меня перевезли на пароходе в Одессу и там поместили в одиночную тюрьму, построенную за несколько лет перед тем, по последнему слову техники. После Николаева и Херсона одесская

одиночка показалась мне идеальным учреждением. Перестукивания, записочки, «телефон», прямой крик через окна – словом, служба связи действовала почти непрерывно. Я выстукивал соседям свои херсонские стихи, они снабжали меня в ответ новостями…

Первые месяцы пребывания в одесской тюрьме я не получал книг извне и вынужден был довольствоваться тюремной библиотекой. Она состояла главным образом из консервативно-исторических и религиозных журналов за долгий ряд лет. Я штудировал их с неутомимой жадностью.

…Прибывшая из деревни сестра доставила мне, по моей просьбе, четыре Евангелия на иностранных языках. Опираясь на школьное знакомство с немецким и французским языком, я, стих за стихом, читал Евангелие также и по-английски и по-итальянски. За несколько месяцев я значительно продвинулся, таким образом, вперед. Нужно, однако, сказать, что мои лингвистические способности весьма посредственны. В совершенстве я и сейчас не знаю ни одного иностранного языка, хотя долго жил в разных странах Европы [8] .

Во время свиданий с родными заключенных помещали в узенькие деревянные клетки, отделенные от посетителей двумя решетками. При первой встрече со мной отец вообразил, что я все время заключения вынужден стоять в этом тесном ящике. Внутреннее содрогание лишило его речи. В ответ на мои вопросы он беззвучно шевелил побелевшими губами. Никогда не забуду его лица. Мать явилась уже предупрежденной и была спокойнее.

…Так как в тюрьме при выдаче новой тетради отбирали исписанную, то я завел себе для франкмасонства тетрадь в тысячу нумерованных страниц и мелким бисером записывал в нее выдержки из многочисленных книг, чередуя их со своими собственными соображениями о франкмасонстве и о материалистическом понимании истории. Работа эта заняла в общем около года.

…К концу моего пребывания в одесской тюрьме толстая тетрадь, заверенная и скрепленная подписью старшего жандармского унтер-офицера Усова, стала настоящим кладезем исторической эрудиции и философской глубины. Не знаю, можно ли было бы ее напечатать сегодня в таком виде, в каком она была написана. Я слишком многое узнавал одновременно из разных областей, эпох и стран и, боюсь, слишком многое хотел сразу сказать в своей первой работе. Но думаю, что основные мысли и выводы были верны. Я уже чувствовал себя тогда достаточно устойчиво на ногах, и это чувство росло по мере работы. Я многое сейчас дал бы, чтобы разыскать эту толстую тетрадь. Она сопровождала меня

и в ссылку, где я, правда, прекратил работу над масонством, перейдя к изучению экономической системы Маркса. После побега за границу Александра Львовна [9] доставила мне эту тетрадь из ссылки через родителей, когда они посетили меня в Париже в 1903 г. Тетрадь осталась вместе со всем моим скромным эмигрантским архивом в Женеве, когда я нелегально уехал в Россию, и вошла в состав архива «Искры», который стал для нее преждевременной могилой. После вторичного побега из Сибири за границу я тщетно пытался разыскать свою работу.

Из книги Б.Я. Фрезинского «Предисловие к публикации. Письма А.Л. Соколовской и А.А. Иоффе [10] Л.Д. Троцкому»

Об Александре Львовне Соколовской известно не много. Она родилась в 1872 в небогатой еврейской семье на юге России; получила в Одессе специальность акушерки; с молодых лет увлеклась революционной идеей и в пору, когда большинство оппозиционно к российскому режиму настроенной молодежи ощущало себя народниками, стала убежденной марксисткой. В 1896 семья Соколовских жила в Николаеве; Александра Соколовская создала революционный кружок (он собирался в саду Франца Швиговского) и вовлекла в него своих младших братьев – Григория (по сведениям полиции, Герша) и Илью (Элью). Именно в этом кружке произошло вскоре ее знакомство с молодым Левой Бронштейном, заканчивавшим в Николаеве реальное училище.

В мемуарах 1930 года Троцкий упоминал тот «кружок Александры Соколовской», но подробно описывал лишь его участников из рабочей среды; еще… упомянул, что с Ильей Соколовским писал тогда драму, но не закончил ее и что Григорий Соколовский, «юноша примерно моего возраста», был самым юным участником этой коммуны. Отметим и важное признание, сделанное в «Моей жизни»: «Год учения в Николаеве, 1896-й, стал переломным годом моей юности, ибо поставил передо мною вопрос о моем месте в человеческом обществе». Участник кружка Соколовской Г. Зив, вспоминая то же время, написал об Александре Львовне: «Она была единственной марксисткой во всем саду, и ей на себе приходилось выносить всю тяжесть нападений со стороны всех завсегдатаев сада, начиная с самого Франца, самого старшего из нас (ему было лет двадцать восемь – тридцать), и кончая самым младшим, Бронштейном. Все они причисляли себя к народникам и рьяно накидывались на Соколовскую как на марксистку».

…Студенческое движение вылилось в демонстрации. Казаки стегали студентов. Либералы возмущались, ибо обижали их сыновей. Социал-демократия крепла, все больше сливаясь с рабочим движением. Революция переставала быть привилегированным занятием интеллигентских кружков. Число арестованных рабочих росло. В тюрьме становилось, несмотря на

тесноту, легче дышать. К концу второго года мы получили приговор по делу Южно-русского союза: четыре главных обвиняемых ссылались на 4 года в Восточную Сибирь. Нам пришлось еще провести свыше полугода в московской пересыльной тюрьме. Это было время усиленной теоретической работы. Здесь я впервые услышал о Ленине и проштудировал его незадолго перед тем вышедшую книгу о развитии русского капитализма. Здесь я написал и передал на волю брошюру о рабочем движении в Николаеве, напечатанную вскоре в Женеве. Из московской пересыльной нас увезли летом. Далее следовали еще остановки в ряде тюрем. На место ссылки мы попали только осенью 1900 г.

[1900] …Мы спускались вниз по Лене. Течение медленно сносило несколько барж с арестантами и конвоем. По ночам было холодно, и шубы, которыми мы укрывались, обрастали под утро инеем. По пути в заранее назначенных деревнях отсаживали одного-двух. До села Усть-Кут плыли, помнится, около трех недель. Здесь ссадили меня вместе с близкой мне ссыльной по николаевскому делу. Александра Львовна занимала одно из первых мест в Южно-русском рабочем союзе. Глубокая преданность социализму и полное отсутствие всего личного создали ей непререкаемый нравственный авторитет. Совместная работа тесно связала нас. Чтобы не быть поселенными врозь, мы обвенчались в московской пересыльной тюрьме.

Из книги Д. А. Волкогонова «Троцкий. Политический портрет». Кн. 1

Вопреки утверждениям ЛД о «полном отсутствии всего личного» в этой женитьбе, женился он по любви. Вот его письмо к А.Л. Соколовской накануне свадьбы:

«Шурочка! Мне нужно тебе передать целую кучу новостей (хотя и не особенно любопытных). Третьего дня я имел свидание с матерью. Свидание окончилось полным разрывом [11] – и лучше, не правда ли? Я на этот раз дал отпор, и вышла довольно скверная сцена. Я отказался от помощи. Сейчас я получил письмо от твоего отца: он очень милый человек! Отец не огорчен моим разрывом с родными, но, по-видимому, даже рад… Мол, устраняется вопрос имущественного неравенства…

Я теперь так близко сижу от тебя, что, кажется, ощущаю твое присутствие. Если бы ты, спускаясь по лестнице на прогулку, сказала бы что-нибудь, я бы обязательно услыхал. Попробуй, Сашенька! Мне тяжело… Я хочу тебя слышать, тебя видеть…

Ну а если нам не разрешат обвенчаться? Это невозможно! У меня бывали такие минуты (часы, дни, месяцы), когда самоубийство было самым приличным исходом. Но у меня не хватало для этого смелости…

Сибирская тайга умерит нашу гражданскую чувствительность. Зато мы там будем счастливы! Как олимпийские боги! Всегда-всегда неразлучно вместе! Сколько раз я уже повторяю это, и все-таки хочется повторять и повторять…»

В селе было около сотни изб. Мы поселились в крайней. Кругом лес, внизу река. Дальше к северу по Лене лежат золотые прииски. Отблеск золота играл на всей Лене. Усть-Кут знал раньше лучшие времена – с неистовым разгулом, грабежом и разбоем. Но в наше время село затихло. Пьянство, впрочем, осталось. Хозяин и хозяйка нашей избы пили непробудно. Жизнь темная, глухая, в далекой дали от мира. Тараканы наполняли ночью тревожным шорохом избу, ползали по столу, по кровати, по лицу. Приходилось время от времени выселяться на день-два и открывать настежь двери на 30-градусный мороз. Летом мучила мошкара. Она заедала насмерть корову, заблудившуюся в лесу. Крестьяне носили на лицах сетки из конского волоса, смазанного дегтем. Весною и осенью село утопало в грязи. Зато природа была прекрасна. Но в те годы я был холоден к ней. Мне как бы жалко

было тратить внимание и время на природу. Я жил меж лесов и рек, почти не замечая их. Книги и личные отношения поглощали меня. Я изучал Маркса, сгоняя тараканов с его страниц.

…Ссыльные обменивались письмами, выраставшими в теоретические трактаты. Переводы с места на место давались иркутским губернатором сравнительно легко. Мы переехали с Александрой Львовной за 250 верст восточнее, на реку Илим, где были друзья. Там я служил короткое время конторщиком у купца-миллионера.

…Мы снова вернулись в Усть-Кут. Стояла лютая зима, морозы доходили до 44 градусов по Реомюру. Ямщик рукавицей сдирал льдины с лошадиных морд. На коленях у меня была десятимесячная девочка. Она дышала через меховую трубу, сооруженную над ее головой. На каждой остановке мы с тревогой извлекали девочку из ее оболочек. Путешествие прошло все же благополучно. Но в Усть-Куте мы пробыли недолго. Через несколько месяцев губернатор разрешил нам переселиться несколько южнее, в Верхоленск, где были друзья.

…Мои рукописные рефераты, газетные статьи и прокламации для Сибирского Союза сразу показались мне маленькими и захолустными пред лицом новой, грандиозной задачи. Надо было искать другого поприща. Надо было бежать.

У нас были в это время уже две девочки; младшей шел четвертый месяц. Жизнь в сибирских условиях была нелегка. Мой побег должен был возложить на Александру Львовну двойную ношу. Но она отводила этот вопрос одним словом: надо. Революционный долг покрывал для нее все другие соображения, и прежде всего личные. Она первая подала мысль о моем побеге, когда мы отдали себе отчет в новых больших задачах. Она устранила все сомнения, возникавшие на этом пути. В течение нескольких дней после побега она успешно маскировала мое отсутствие от полиции. Из-за границы я едва мог переписываться с ней. Для нее наступила затем вторая ссылка. В дальнейшем мы встречались только эпизодически. Жизнь развела нас, сохранив ненарушимо идейную связь и дружбу.

[1902]

Приятель-крестьянин брался вывести из Верхоленска меня вместе с Е.Г. [12] , переводчицей Маркса. Ночью в поле он укрыл нас на телеге сеном и рогожей, как кладь. В то же время, чтоб выиграть дня два у полиции, на моей квартире укрыли одеялом чучело мнимого больного. Ямщик вез нас по-сибирски, т. е. со скоростью до двадцати верст в час. Я считал спиною все ухабы и слышал сдержанные стоны соседки. Лошадей в пути сменяли раза два. Не доезжая до железной дороги, мы с попутчицей

разделились, чтоб не помножать взаимно наши промахи и опасности. Я без приключений сел в вагон, куда иркутские друзья доставили мне чемодан с крахмальным бельем, галстуком и прочими атрибутами цивилизации. В руках у меня был Гомер в русских гекзаметрах Гнедича. В кармане – паспорт на имя Троцкого, которое я сам наудачу вписал, не предвидя, что оно станет моим именем на всю жизнь. Я ехал по сибирской линии на запад. Вокзальные жандармы равнодушно пропускали меня мимо себя. Рослые сибирячки выносили на станцию жареных кур и поросят, молоко в бутылках, горы печеного хлеба. Каждая станция походила на выставку сибирского изобилия. На всем протяжении пути весь вагон пил чай, заедая дешевыми сибирскими пышками. Я читал гекзаметры и мечтал о заграница. В побеге не оказалось ничего романтического: он целиком растворился в потоке чаепития.

…В Лондон – из Цюриха через Париж – я приехал осенью 1902 г., должно быть, в октябре, ранним утром. Нанятый полумимическим путем кеб доставил меня по адресу, написанному на бумажке, к месту назначения. Этим местом была квартира Ленина. Меня заранее научили, еще в Цюрихе, стукнуть три раза дверным кольцом. Дверь мне открыла Надежда Константиновна, которую, надо думать, я своим стуком поднял с постели. Час был ранний, и всякий более привычный к культурному общежитию человек посидел бы спокойно на вокзале час-два, вместо того чтобы ни свет ни заря стучаться в чужие двери. Но я еще был полон зарядом своего побега из Верхоленска. Таким же варварским образом я потревожил в Цюрихе квартиру Аксельрода [13] , только не на рассвете, а глубокой ночью. Ленин находился еще в постели, и на лице его приветливость сочеталась с законным недоумением. В таких условиях произошло наше первое с ним свидание и первый разговор. И Владимир Ильич, и Надежда Константиновна знали уже обо мне из письма Клэра [14] и ждали меня.

…В Лондоне, как и позже в Женеве, я гораздо чаще встречался с Засулич [15] и с Мартовым [16] , чем с Лениным. Живя в Лондоне на одной квартире, а в Женеве обедая и ужиная обычно в одних и тех же ресторанчиках, мы с Мартовым и Засулич встречались несколько раз на день, тогда как Ленин жил семейным порядком, и каждая встреча с ним, вне официальных заседаний, была уже как бы маленьким событием. Привычки и пристрастия богемы, столь тяготевшие над Мартовым, были Ленину совершенно чужды. Он знал, что время, несмотря на всю свою относительность, есть наиболее абсолютное из благ. Ленин проводил много времени в библиотеке Британского музея, где

занимался теоретически, где писал обычно и газетные статьи. При его содействии и я получил доступ в это святилище. У меня было чувство ненасытного голода, я захлебывался в книжном обилии. Но скоро мне пришлось уехать на континент.

Вот относящаяся к тому времени страничка из воспоминаний Н.И. Седовой [17] .

«Осень 1902 года была обильна рефератами в русской колонии Парижа. Группа «Искры», к которой я принадлежала, увидала сначала Мартова, потом Ленина. Шла борьба с «экономистами» и с социалистами-революционерами. В нашей группе говорили о приезде молодого товарища, бежавшего из ссылки. Он зашел на квартиру Е.М. Александровой, бывшей народоволки, примкнувшей к «Искре». Мы, молодые, очень любили Екатерину Михайловну, с большим интересом слушали ее и находились под ее влиянием. Когда появился [так!] в Париже молодой сотрудник «Искры», Екатерина Михайловна поручила мне узнать, нет ли свободной комнаты где-нибудь поблизости. Одна комната оказалась в том доме, где я жила, за 12 франков в месяц, но она была очень мала, узка, темна, похожа на тюремную камеру. Когда я ее описывала, Екатерина Михайловна прервала: «Ну, ну, нечего расписывать – хороша будет, пусть занимает». Когда молодой человек (фамилии его нам не называли) устроился в этой комнате, Екатерина Михайловна спрашивала меня: «Ну что ж, готовится он к своему докладу?» – «Не знаю, верно, готовится, – отвечала я, – вчера ночью, поднимаясь по лестнице, я слышала, как он насвистывал в своей комнате». – «Скажите ему, чтоб он не свистел, а хорошенько готовился». Екатерина Михайловна была очень озабочена, чтоб «он» удачно выступил. Но ее тревога была напрасна. Выступление было очень успешно, колония была в восторге, молодой искровец превзошел ожидания».

…С Парижем я знакомился несравненно более внимательно, чем с Лондоном. В этом сказалось влияние Н.И. Седовой. Я родился и вырос в деревне, но к природе стал приближаться в Париже.

По книге Натальи Седовой и Виктора Сержа «Жизнь и смерть Льва Троцкого» (перевод отрывков с англ. и примечания Юлии Аксельрод)

От переводчика

Извлечения из книги носят исключительно семейный характер. Они дополняют то, что написал ЛД в книге «Моя жизнь». По-видимому, приведенные отрывки принадлежат самой Наталье, ибо Виктор Серж не мог знать этих деталей.

Книга впервые вышла во Франции в 1951 г., ее английский перевод опубликован в Англии в 1975 г. (Полагаю, оригинал писался по-русски, но его местонахождение мне неизвестно.)

При чтении и переводе (реставрации?) текста у меня возникли вопросы, задать которые сегодня некому [18] .

В юности я познакомилась с революционными идеями… Меня определили в пансион при Краковской гимназии. Мы организовывали ученические кружки, на которых я по вечерам встречалась с молодыми людьми, увлеченными политикой. Они приносили с собой нелегальные брошюры, провозглашающие принципы свободы.

Когда мое среднее образование было завершено, я, как и многие другие, хотела дышать воздухом свободной страны. Поехала учиться в Женеву. Моей специальностью была ботаника, но больше я интересовалась общественными проблемами. Я была счастлива, когда меня представили группе, движущей силой которой был Ленин…

В 1902 г. я жила в Париже на улице Лаланд. Приходил сюда Юлий Мартов, и однажды он объявил, что юный беглец из Сибири появится здесь, как только приедет в Париж…

Случилось так, что в один прекрасный день мы с ЛД стояли рядом и смотрели на могилу Бодлера на кладбище Монпарнас; с этого момента наши жизни соединились навсегда.

Мои родители высылали мне на прожитье 20 руб. в месяц, и ЛД зарабатывал примерно столько же писанием статей. Мы с трудом сводили концы с концами.

[1903] Срок, назначенный для съезда [19] … приближался, и было в конце концов решено перенести редакцию в Швейцарию, в Женеву: там жизнь обходилась несравненно дешевле и связь с

Россией была легче. Ленин скрепя сердце согласился на это. «В Женеве мы устроились в двух маленьких комнатках мансардного типа, – пишет Седова, – Л.Д. был поглощен работой к съезду. Я готовилась к отъезду в Россию, на партийную работу».

[1905]

23 января утром я вернулся в Женеву с рефератной поездки, усталый и разбитый после бессонной ночи в вагоне. Мальчишка продал мне вчерашний номер газеты. О шествии рабочих к Зимнему дворцу говорилось в будущем. Я решил, что оно не состоялось. Через час-два я зашел в редакцию «Искры». Мартов был взволнован до крайности. «Не состоялось?» – спросил я его. «Как не состоялось? – накинулся он на меня. – Мы всю ночь просидели в кафе, читая свежие телеграммы. Неужели вы не знаете? Вот, вот, вот…» И он совал мне газету. Я пробежал первые десять строк телеграфного отчета о кровавом воскресенье. Глухая и жгучая волна ударила мне в голову.

Оставаться за границей я дольше не мог. С большевиками связей не было со времени съезда. С меньшевиками я организационно порвал. Приходилось действовать на свой страх. Я достал через студентов паспорт. С женой, которая осенью 1904 г. снова вернулась за границу, мы отправились в Мюнхен. Парвус [20] поселил нас у себя.

…Из Мюнхена мы проехали с Седовой в Вену. Эмигрантский поток уже хлынул обратно в Россию. Виктор Адлер [21] был целиком поглощен делами: доставал для эмигрантов деньги, паспорта, адреса… У него на квартире парикмахер изменял мою внешность, уже достаточно примелькавшуюся русским охранникам за границей.

…Н.И. Седова была захвачена конной облавой на первомайском митинге в лесу. Она просидела около полугода в тюрьме и затем была выслана под надзор в Тверь… [22]

…Я уехал летом в Финляндию. Там для меня наступила передышка, состоявшая из напряженной литературной работы и коротких прогулок. Я пожирал газеты, следил за формированием партий, делал вырезки, группировал факты. В этот период сложилось окончательное мое представление о внутренних силах русского общества и о перспективах русской революции.

…Обстановка, в которой жил я в Финляндии, мало напоминала о перманентной революции: холмы, сосны, озера, прозрачный воздух осени, покой…

…В тишине отеля шорох газет отдавался в ушах, как грохот лавины. Революция была в полном ходу. Я потребовал у мальчика счет, заказал лошадь и, покинув свой «Покой», поехал навстречу лавине. Вечером я выступал уже в Петербурге, в актовом зале

Политехнического института.

…Прибыл я в Петербург в самый разгар октябрьской стачки. Забастовочная волна все ширилась, но была опасность, что движение, не охваченное массовой организацией, безрезультатно сойдет на нет. Я приехал из Финляндии с планом выборной беспартийной организации, по делегату на 1000 рабочих.

По книге Натальи Седовой и Виктора Сержа «Жизнь и смерть Льва Троцкого»

Наталья в тюрьме за революционную деятельность. Пишет, что относятся к ней хорошо. Стражница вежливо говорит ей: «Ваша ванна готова, мадам Седова!»

Прочитав еще несколько страниц и произведя подсчеты, догадываюсь: Наталья беременна!

…После октябрьского манифеста она [Наталья] вернулась в Петербург. Под фамилией Викентьевых мы сняли комнату, как оказалось, у биржевого спекулянта. Дела на бирже шли плохо. Многим спекулянтам пришлось потесниться в своих квартирах. Разносчик приносил нам каждое утро все выходившие газеты. Квартирный хозяин брал их иногда у жены, читал и скрежетал зубами. Его дела шли все хуже. Однажды он прямо-таки ворвался в нашу комнату, потрясая газетным листом. «Смотрите, – вопил он, тыча пальцем в мою свежую статью «Доброго утра, петербургский дворник!», – смотрите, они уже до дворников добираются. Если б попался мне этот каторжник, я бы его вот из этого застрелил». Он выхватил из кармана револьвер и потрясал им в воздухе. У него был вид безумного. Он искал сочувствия. Жена приехала ко мне в редакцию с этой тревожной вестью. Надо было искать новую квартиру. Но не было свободной минуты, и мы положились на судьбу. Так мы и прожили у отчаявшегося биржевика до моего ареста. К счастью, ни хозяин, ни полиция до конца не узнали, кто жил под фамилией Викентьева. После моего ареста на нашей квартире даже не сделали обыска.

…Кроме «Русской газеты» и «Начала», я писал еще передовицы в «Известиях», официальном органе Совета, а также многочисленные воззвания, манифесты и резолюции. Пятьдесят два дня существования первого Совета были насыщены работой до отказа: Совет,
Исполнительный Комитет, непрерывные митинги и три газеты. Как мы в этом водовороте жили, мне самому неясно.

[1906]

В момент моего второго ареста мне было двадцать шесть лет. И от старика Дейча [23] пришло признание зрелости: он в тюрьме торжественно отказался называть меня юношей и перешел на имя-отчество.

…В жизни России революция 1905 г. была генеральной

репетицией революции 1917 г. Такое же значение имела она и в моей личной жизни. В события 1917 г. я вошел с полной решимостью и уверенностью, потому что они были для меня лишь продолжением и развитием той революционной работы, которую оборвал арест Петроградского Совета 3 декабря 1905 г.

Арест последовал на второй день после опубликования нами так называемого финансового манифеста, который провозглашал неизбежность финансового банкротства царизма и категорически предупреждал, что долговые обязательства Романовых не будут признаны победоносным народом.

Начался второй тюремный цикл. Я переносил его гораздо легче, чем первый, да и условия были несравненно благоприятнее, чем за восемь лет до того. Я посидел некоторое время в «Крестах», затем в Петропавловской крепости, а под конец в Доме предварительного заключения. Перед отправкой в Сибирь нас перевели еще в пересыльную тюрьму.

Разделявший со мной заключение Д. Сверчков следующим образом описывал впоследствии тюремный период в своей книге «На заре революции»: «Тюремная камера Троцкого превратилась вскоре в какую-то библиотеку. Ему передавали решительно все сколько-нибудь заслуживающие внимания новые книги; он прочитывал их и весь день с утра до поздней ночи был занят литературной работой. «Я чувствую себя великолепно, – говорил он нам. – Сижу, работаю и твердо знаю, что меня ни в коем случае не могут арестовать… Согласитесь, что в границах царской России это довольно необычное ощущение…»

Из книги Д. А. Волкогонова «Троцкий. Политический портрет». Кн. 1

Из тюрьмы ЛД отправил несколько писем и Соколовской, поддерживая слабую, тонкую связь с первой семьей. Например, 17 мая 1906 года Троцкий написал Александре Львовне:

«Дорогой друг, Неужели ты не получила моего последнего письма? Я написал его на адрес твоего отца. Письмо я посвятил, главным образом, моему отношению к обеим фракциям (ты меня спрашивала об этом)…

Положение мое все то же. Суд отложен до 19 октября. Сижу я в одиночной камере, прогулка общая часа 3–4 в день…

…Родители привезли мне карточку девочек, – я тебе писал об этом. Девочки превосходны, каждая в своем роде! У Нинушки такое личико – испуганное и вместе с тем лукаво заинтересованное лицо! А у Зинушки такое размышляющее личико! Кто-то тронул рукой карточку у меня в номере, и на личике Зинушки пятно. Если у тебя есть одна свободная карточка, пришли мне, пожалуйста…»

В конце концов, я не могу жаловаться на свои тюрьмы.

Они были для меня хорошей школой. Плотно закупоренную одиночку Петропавловской крепости я покидал с оттенком огорчения: там было тихо, так ровно, так бесшумно, так идеально хорошо для умственной работы. Предварилка, наоборот, была переполнена людьми и суетой. Немало было смертников: террористические акты и вооруженные экспроприации шли в стране широкой волною. Режим в тюрьме, ввиду первой Думы, был либеральный, камеры днем не запирались, прогулки были общие. Мы по часам с упоением играли в чехарду. Приговоренные к смерти прыгали и подставляли свои спины вместе с другими. Жена приходила ко мне дважды в неделю на свидание. Дежурные помощники смотрели сквозь пальцы, как мы обмениваемся письмами и рукописями.

И отец, и мать присутствовали на процессе. Их мысли и чувства двоились. Уже нельзя было объяснять мое поведение мальчишеской взбалмошностью, как в дни моей николаевской жизни в саду у Швиговского. Я был редактором газет, председателем Совета, имел имя как писатель. Старикам импонировало это. Мать заговаривала с защитниками, стараясь от них услышать еще и еще что-нибудь приятное по моему

адресу. Во время моей речи, смысл которой не мог быть ей вполне ясен, мать бесшумно плакала. Она заплакала сильнее, когда два десятка защитников подходили ко мне друг за другом с рукопожатиями. Один из адвокатов потребовал перед тем перерыва заседания, ссылаясь на общую взволнованность. Это был А.С. Зарудный. В правительстве Керенского он стал министром юстиции и держал меня в тюрьме по обвинению в государственной измене. Но это было через десять лет… В перерыве старики глядели на меня счастливыми глазами. Мать была уверена, что меня не только оправдают, но как-нибудь еще и отличат. Я убеждал ее, что надо готовиться к каторжным работам. Она испуганно и недоумевающе переводила глаза с меня на защитников, стараясь понять, как это может быть. Отец был бледен, молчалив, счастлив и убит в одно и то же время.

Нас лишили всех гражданских прав и приговорили к ссылке на поселение. Это был сравнительно мягкий приговор. Мы ждали каторги. Но ссылка на поселение – это совсем не та административная ссылка, которой я был подвергнут в первый раз. Ссылка на поселение была бессрочной, и всякая попытка побега каралась дополнительно тремя годами каторжных работ. Сорок пять плетей в добавление к каторжным работам были отменены за два-три года перед тем.

До Тюмени мы ехали по железной дороге. Из Тюмени отправились на лошадях. На 14 ссыльных дали 52 конвойных солдата, не считая капитана, пристава и урядника. Шло под нами около 40 саней. Из Тюмени через Тобольск путь тянулся по Оби. «Каждый день, – писал я жене, – мы за последнее время продвигаемся на 90—100 верст к северу, т. е. почти на градус. Благодаря такому непрерывному передвижению, убыль культуры – если тут можно говорить о культуре – выступает перед нами с резкой наглядностью. Каждый день мы опускаемся еще на одну ступень в царство холода и дикости».

Пересекши сплошь зараженные тифом районы, мы 12 февраля, на 33-й день пути, доехали до Березова, куда некогда сослан был сподвижник Петра князь Меньшиков. В Березове нам дали остановку на два дня. Предстояло еще совершить около 500 верст до Обдорска. Мы гуляли на свободе. Побега власти отсюда не боялись. Назад была одна-единственная дорога по Оби, вдоль телеграфной линии: всякий бежавший был бы настигнут. В Березове жил в ссылке землемер Рошковский. С ним я обсуждал вопрос о побеге. Он сказал мне, можно попытаться взять путь прямо на запад, по реке Сосьве, в сторону Урала, проехать на оленях до горных заводов, попасть у Богословского завода на узкоколейную железную дорогу и доехать по ней до Кушвы, где

она смыкается с пермской линией. А там – Пермь, Вятка, Вологда, Петербург, Гельсингфорс!..

Дорог по Сосьве, однако, нет. За Березовом сразу открывается дичь и глушь. Никакой полиции на протяжении тысячи верст, ни одного русского поселения, только редкие остяцкие юрты, о телеграфе нет и помину, нет на всем пути даже лошадей, тракт исключительно олений. Полиция не догонит. Зато можно затеряться в пустыне, погибнуть в снегах. Сейчас февраль, месяц метелей…

Доктор Фейт, старый революционер, один из нашей ссыльной группы, научил меня симулировать ишиас, чтобы остаться на несколько лишних дней в Березове. Я с успехом выполнил эту скромную часть задуманного плана. Ишиас, как известно, не поддается проверке. Меня поместили в больницу. Режим в ней был совершенно свободный. Я уходил на целые часы, когда мне становилось «легче». Врач поощрял мои прогулки. Никто, как сказано, побега из Березова в это время года не опасался. Надо было решиться. Я высказался за западное направление: напрямик к Уралу.

Рошковский привлек к совету местного крестьянина, по прозвищу Козья ножка. Этот маленький, сухой, рассудительный человечек стал организатором побега. Он действовал совершенно бескорыстно. Когда его роль вскрылась, он жестоко пострадал. После Октябрьской революции Козья ножка не скоро узнал, что это именно мне он помог бежать десять лет перед тем. Только в 1923 г. он приехал ко мне в Москву, и встреча наша была горяча. Его облачили в парадное красноармейское обмундирование, водили по театрам, снабдили граммофоном и другими подарками. Вскоре после того старик умер на своем далеком Севере.

Ехать из Березова надо было на оленях. Все дело было в том, чтобы найти проводника, который рискнул бы в это время года тронуться в ненадежный путь. Козья ножка нашел зырянина, ловкого и бывалого, как большинство зырян. «А он не пьяница?» – «Как не пьяница? Пьяница лютый. Зато свободно говорит по-русски, по-зырянски и на двух остяцких наречиях: верховом и низовом, почти не схожих между собою. Другого такого ямщика не найти: пройдоша». Вот этот-то пройдоха и предал впоследствии Козью ножку. Но меня он вывез с успехом.

…Путешествие длилось неделю. Мы проделали 700 километров и приближались к Уралу. Навстречу все чаще попадались обозы. Я выдавал себя за инженера из полярной экспедиции барона Толя. Недалеко от Урала мы наткнулись на приказчика, который раньше служил в этой экспедиции и знал ее

состав. Он закидал меня вопросами. К счастью, он был нетрезв. Я торопился выйти из затруднения при помощи бутылки рома, которую захватил на всякий случай. Все сошло благополучно. По Уралу открывался путь на лошадях. Теперь уж я значился чиновником, и вместе с акцизным ревизором, объезжавшим свой участок, я доехал до узкоколейки.

Станционный жандарм безучастно глядел, как я освобождался из своих остяцких шуб.

На подъездном уральском пути положение мое было далеко еще не обеспеченным: по этой ветке, где замечают каждого «чужого» человека, меня на любой станции могли арестовать по телеграфному сообщению из Тобольска. Я ехал в тревоге. Но когда я через сутки оказался в удобном вагоне пермской дороги, я сразу почувствовал, что дело мое выиграно. Поезд проходил через те же станции, на которых недавно нас с такой торжественностью встречали жандармы, стражники и исправники. Но теперь мой путь лежал в другом направлении, и ехал я с другими чувствами. В первые минуты мне показалось тесно и душно в просторном и почти пустом вагоне. Я вышел на площадку, где дул ветер и было темно, и из груди моей непроизвольно вырвался громкий крик – радости и свободы!

На одной из ближайших остановок я по телеграфу вызвал жену на станцию, где скрещивались поезда.

Она не ждала этой телеграммы, во всяком случае, не ждала ее так скоро. И немудрено. Путь наш до Березова длился более месяца. Петербургские газеты были полны описаний нашего продвижения на север. Корреспонденции еще только продолжали поступать. Все считали, что я на пути к Обдорску. Между тем весь обратный путь я проделал в 11 дней. Ясно, что встреча со мной под Петербургом должна была казаться жене невероятной. Тем лучше: встреча все же состоялась.

Вот как рассказано об этом в воспоминаниях Н.И. Седовой: «Получивши телеграмму в Териоках, финляндском селе под Петербургом, где я была совершенно одна с совсем маленьким сыном, я не находила себе места от радости и волнения. В тот же день я получила с пути от ЛД длинное письмо, в котором, кроме описания путешествия, заключалась еще просьба привезти ему книги, когда буду ехать в Обдорск, и ряд необходимых на севере вещей. Выходило, будто он сразу раздумал и каким-то непостижимым путем мчится обратно и даже назначает свидание на станции, где скрещиваются поезда. Но удивительным образом в тексте телеграммы название станции выпало. На другой день утром выезжаю в Петербург и стараюсь по путеводителю выяснить, до какой именно станции я должна взять билет. Не

решаюсь наводить справки и отправляюсь в путь, так и не выяснив название станции. Беру билет до Вятки, выезжаю вечером. Вагон полон помещиков, возвращающихся из Петербурга с покупками из гастрономических магазинов в свои имения – праздновать масленицу; беседы идут о блинах, икре, балыке, винах и пр. Я с трудом выносила эти разговоры, взволнованная предстоящим свиданием, терзаемая мыслью о возможных случайностях… И все же в душе жила уверенность, что свидание состоится. Я едва дождалась утра, когда встречный поезд должен был прийти на станцию Самино: только в дороге я узнала ее название и запомнила его на всю жизнь. Поезда остановились, и наш, и встречный. Я выбежала на станцию – никого нет. Вскочила во встречный поезд, пробежала в страшной тревоге по вагонам, нет и нет, – и вдруг увидела в одном из купе шубу ЛД – значит, он здесь, здесь, но где? Я выпрыгнула из вагона и сейчас же наткнулась на выбежавшего из вокзала ЛД, который меня искал. Он негодовал по поводу искажения телеграммы и хотел по этому поводу тут же затеять историю. Я еле отговорила его. Когда он отправил мне телеграмму, он отдавал себе, конечно, отчет в том, что вместо меня его могут встретить жандармы, но считал, что со мной легче ему будет в Петербурге, и надеялся на счастливую звезду. Мы сели в купе и продолжали путь вместе. Меня поражала свобода и непринужденность, с которой держал себя ЛД, смеясь, громко разговаривая в вагоне и на вокзале. Мне хотелось его сделать совсем невидимым, хорошенько спрятать; ведь за побег ему грозили каторжные работы. А он был у всех на виду и говорил, что это-то и есть самая надежная защита».

С вокзала мы отправились прямо в артиллерийское училище, к нашим верным друзьям. Никогда я не видел людей, до такой степени пораженных, как семья доктора Литкенса. Я стоял, как призрак, в большой столовой, все глядели на меня, не переводя духу. После того как мы перецеловались, все начали удивляться и не верить себе по второму разу. В конце концов убедились все же, что это я. И сейчас чувствую: это были счастливые часы. Но опасность еще далеко не миновала. Об этом первым напомнил доктор. В некотором смысле она только теперь начиналась. Из Березова уж пошли, конечно, телеграммы о моем исчезновении. В Петербурге меня слишком многие знали по Совету депутатов. Мы решили с женой перебраться в Финляндию, где завоеванные революцией свободы держались значительно дольше, чем в Петербурге. Наиболее опасным пунктом был Финляндский вокзал. Перед самым отходом поезда в наш вагон вошло несколько жандармских офицеров, ревизовавших поезд. По глазам жены, которая сидела лицом ко входной двери, я

прочитал, какой опасности мы подвергаемся. Мы пережили минуту большой нервной нагрузки. Жандармы безучастно поглядели на нас и прошли мимо. Это было самое лучшее, что они могли сделать.

Из книги Н. Седовой и В. Сержа «Жизнь и смерть Льва Троцкого» (Глава «Тюрьма, суд, побег и эмиграция»)

В книге приводится отрывок из письма ЛД к Наталье из ссылки с датой 12 января 1906 года. Далее идут письма от 16 января и от 27 января. Через месяц, продолжает Наталья, ЛД послал ей телеграмму о побеге из ссылки.

Побег был блестящий, но состоялся он в 1907 году, а не в 1906-м, как пишет Наталья. Ведь ЛД был посажен в тюрьму в самом конце 1905 года и просидел в тюрьме

13 месяцев. Наталья приходила к нему в тюрьму 2 раза в неделю. Лева родился в феврале 1906 года. На момент побега Леве был год. Должен ли был заметить эту оплошность Виктор Серж или редактор?

…И Ленин, и Мартов уже задолго до этого времени покинули Петербург и жили в Финляндии. Объединение фракций, происшедшее на Стокгольмском съезде в апреле 1906 г., уже снова дало глубокую трещину. Революционный отлив продолжался. Меньшевики каялись в безумствах 1905 г. Большевики ни в чем не каялись, а держали курс на новую революцию. Я посетил Ленина и Мартова, которые жили в соседних селениях. В комнате Мартова царил, как всегда, неистовый беспорядок. В углу были навалены газеты в человеческий рост. Во время беседы Мартов время от времени нырял в эту кучу и доставал нужную ему статью. На столе лежали рукописи, покрытые пеплом. Непротертое пенсне свисало на тонком носу. Как всегда, у Мартова было множество мыслей, тонких, блестящих, но не было одной мысли, самой главной. Он не знал, что предпринять. В комнате Ленина царил, как всегда, образцовый порядок. Ленин не курил. Нужные газеты с пометками лежали под рукой. А главное, была несокрушимая, хотя и выжидательная уверенность в этом прозаическом, но необыкновенном лице. Еще неясно было, есть ли это окончательный отлив революции или только заминка перед новым подъемом. Но и в том и в другом случае одинаково необходимы были борьба со скептиками, теоретическая проверка опыта 1905 г., воспитание кадров для новой волны подъема или для следующей революции. Ленин одобрял в беседе мои тюремные работы, но укорял за то, что я не делаю необходимого

организационного вывода, т. е. не перехожу на сторону большевиков. Он был прав. На прощание он дал мне адреса в Гельсингфорсе, которые оказались для меня неоценимы.

Указанные Лениным друзья помогли мне с семьей укромно устроиться в Огльбю, под Гельсингфорсом, где некоторое время после нас жил и Ленин. Гельсингфорсский полицмейстер был *активист* , т. е. революционный финский националист. Он обещал предупредить меня в случае какой-либо опасности со стороны Петербурга. В Огльбю я прожил несколько недель с женой и маленьким сыном, который родился, когда я сидел в тюрьме. Здесь в уединении я описал свое путешествие в книжке «Туда и обратно» и на полученный гонорар выехал за границу через Стокгольм. Жена с сыном оставалась пока в России. До границы меня провожала молодая финская активистка.

Из Лондона я отправился в Берлин, навстречу жене, которая должна была приехать из Петербурга. К этому времени бежал уже из Сибири Парвус. В Дрездене в социал-демократическом издательстве Кадена он устроил издание моей книжки «Туда и обратно». Для брошюры, посвященной моему побегу, я взялся написать предисловие о самой революции. Из этого предисловия выросла в течение нескольких месяцев книга «Russland in der Revolution» [24] . Втроем – моя жена, Парвус и я – отправились пешком по саксонской Швейцарии. Стоял конец лета, дни были прекрасны, по утрам тянул холодок, мы пили молоко и воздух гор. Попытка наша с женой спуститься в долину без дороги едва не стоила нам обоим головы. Мы вышли в Богемию, в городишко Гиршберг, дачное место маленьких чиновников, и прожили там ряд недель [25] . Когда деньги оказывались на исходе, – а это бывало периодически, – Парвус или я писали спешно статью в социал-демократическую печать.

В октябре (1907 г.) я был уже в Вене. Скоро приехала и жена с ребенком. В ожидании новой революционной волны мы поселились за городом в Hütteldorfe. Ждать пришлось долго.

…Я упомянул уже, что сразу по приезде мы поселились за городом. «Hütteldorf мне понравился, – писала жена. – Квартира была лучше, чем мы могли иметь, так как виллы здесь обыкновенно сдавались весною, а мы сняли на осень и зиму. Из окон были видны горы, все в темно-красном осеннем цвете. На простор можно было пройти через калитку, минуя улицу. Зимой по воскресеньям венцы с салазками и лыжами, в цветных шапочках и свитерах приезжали сюда по пути в горы. В апреле, когда мы должны были покинуть нашу квартиру, так как плата за нее удваивалась, уже цвели в саду и за садом фиалки, аромат их заполнял комнаты через открытые окна. Здесь родился Сережа.

Пришлось переселиться в более демократический Sievering».

Из книги Н. Иоффе [26] «Время назад. Моя жизнь, моя судьба, моя эпоха»

С 1908 года в Вене издавалась газета «Правда», и все ее издатели – Парвус, Скобелев [27] , Троцкий и Иоффе – постоянно встречались, были дружны семьями. Старший сын Троцкого – Лева – мой ровесник и друг детства.

Помню такой эпизод. Мы с Левой – нам обоим года по три или четыре – сидим за столом и едим кашу. Я свою порцию уже съела, а Лева балуется, капризничает, бросает ложку. Заходит Лев Давыдович, спрашивает: «Как дела, ребятишки?» Я тут же докладываю (хорошая, должно быть, была стервочка), что я кашу съела, а Лева не ест, балуется. Он посмотрел на сына, очень спокойно спросил: «Так почему ты не ешь кашу?» Лева схватил ложку и, глядя на него, как кролик на удава, начал поспешно запихивать в себя кашу, давясь и кашляя. А между тем я не помню случая, чтобы ЛД не только наказывал, но даже голос повысил на ребенка.

И еще один эпизод. Я сижу и рассматриваю домики и кораблики, которые мне нарисовал отец. О качестве рисунков можно судить по тому, что ЛД, который зашел в комнату и посмотрел на них, сказал: «Надюша, как ты хорошо стала рисовать». Я возмущенно сообщаю ему, что это рисовал папа. «Ах, папа! Прекрасно нарисовано, я бы так не сумел». Я очень любила отца, и, помню, была просто счастлива, что вот даже ЛД не сумел бы так нарисовать, как мой папа.

Из воспоминаний Н. Седовой

«Дети говорили на русском и параллельно на немецком языке. В детском саду и школе они объяснялись по-немецки, поэтому, играя дома, они продолжали немецкую речь, но стоило мне или отцу заговорить с ними, они тотчас переходили на русский. Если мы к ним обращались по-немецки, они смущались и отвечали по-русски. В последние годы они усвоили еще венское наречие и говорили на нем великолепно.

Они любили бывать в семье Клячко, где все – и глава семьи, и хозяйка дома, и взрослые дети – были к ним очень внимательны, показывали им много интересного и к тому же угощали их прекрасными вещами.

Любили дети и Рязанова, известного исследователя Маркса. Рязанов, живший тогда в Вене, поражал воображение мальчиков своими гимнастическими подвигами и нравился им своей шумливостью. Как-то младшего мальчика стриг парикмахер, я сидела тут же. Сережа пальцем подозвал меня к себе и тихо на ухо сказал: «Я хочу, чтоб он мне сделал прическу как у Рязанова». Его восхитила большая, гладкая лысина Рязанова – это было не так, как у всех, а гораздо лучше.

Когда Левик поступил в школу, встал вопрос о «законе божьем». По тогдашнему австрийскому закону дети обязаны были до четырнадцати лет воспитываться в религии своих отцов. Так как в наших документах никакой религии не было указано, то мы выбрали для детей лютеранство, как такую религию, которая казалась нам все же более портативной для детских плеч и для детских душ. Преподавала закон Лютера учительница во внешкольные часы, хотя и в школе. Левику нравился этот урок, это было видно по его рожице, но он не находил нужным дома распространяться по этому поводу. Как-то вечером слышала, как он, лежа уже в постели, что-то шептал. На мой вопрос он ответил: «Это молитва, знаешь, молитвы бывают очень хорошенькие, как стихи».

Еще со времени моей первой эмиграции родители начали выезжать за границу. Они были у меня в Париже, затем приезжали в Вену с моей старшей девочкой, которая жила у них в деревне. В 1910 г. они прибыли в Берлин. К этому времени они уже окончательно примирились с моей судьбой. Последним тяжеловесным доводом была, пожалуй, моя первая книга на немецком языке. Мать была тяжкобольна (actino-micosis). Последние десять лет своей жизни она несла свою болезнь как дополнительный груз, не переставая работать. Ей удалили в

Берлине почку. Матери было шестьдесят лет. В первые месяцы после операции она расцвела. Случай этот приобрел довольно широкую известность в медицинском мире. Но болезнь скоро вернулась и в несколько месяцев унесла ее. Она умерла в Яновке, где провела свою трудовую жизнь и где вырастила детей. …Мой заработок в «Киевской мысли» был бы вполне достаточен для нашего скромного существования. Но бывали месяцы, когда работа для «Правды» не давала мне возможности написать ни одной платной строки. Тогда наступал кризис. Жена хорошо знала дорогу в ломбард, а я не раз распродавал букинистам книги, купленные в более обильные дни. Случалось, что наша скромная обстановка описывалась на покрытие квартирной платы. У нас было двое маленьких детей и не было няни. Наша жизнь ложилась двойной тяжестью на мою жену. Но она еще находила время и силы помогать мне в революционной работе.

Из писем А.Л. Соколовской Л.Д. Троцкому

6.03.1913

Мой дорогой друг!

Несколько времени тому назад я написала тебе через «Киевскую мысль» [28] (г-ну Антиду Ото [29]), не зная твоего адреса. Письмо послала заказным.

Получил ли ты его? Теперь Бетя [30] мне сообщила твой венский адрес. Кажется, это прежний твой.

Страшно хочется узнать о тебе и вообще побеседовать на разные темы. Сюда получается и «Киевская Мысль» и «Луч» [31] (то же и «Правда» и много других органов), и я знаю по ним о тебе. И с великой радостью я всегда читаю твои статьи. Сколько в них свежести и темперамента… И это не личное мое только мнение. Все ссыльные, вплоть до самых твердокаменных большевиков, отмечают их и рекомендуют друг другу. Жаль только, что мало ты пишешь. <…> Живу здесь уже три месяца. Успела порядком и давно отдохнуть после этапного хождения. Много читаю. Здесь книг довольно много. Есть и новинки. Пришла недавно книга Гельфердинга «Промышленный капитал», [так] Твой ли это знакомый? [32]

Здесь все много работают. Народ все хороший. Случайного элемента почти нет. Повторяю, жить можно. А все-таки тоска страшная. Пиши, родной, о своем здоровье, и вообще, что и как там у тебя. Мне Бетя писала, что ты не то собрался мне писать, не то писал… Я не совсем поняла. Во всяком случае, я ничего, никаких писем от тебя не получила и знаю о тебе единственно по твоим газетным статьям. Недавно Нинушка [33] была больна дифтеритом. Хотя я узнала об этом, когда опасность миновала, но все же и одного сознания, в какой она была опасности, достаточно было. Зинушка [34] тоже все хворает. Эх, мои милые деточки! Как ты нашел Зину? [35]

Знаешь ли ты что-нибудь об Адольфе Абрамовиче? [36] Ему-то досталась лучшая часть…

Будь здоров, мой друг, и пиши. Как всегда, жду твоего письма с нетерпением.

Адрес: Яренск Вологодской губернии. Мне. <…>

Всего хорошего.

Саша

Одесса, 21.12.1913

Дорогой друг мой! Все посланное тобой получила. Сегодня у

меня большой праздник. Все, о чем я так много думала, осуществляется. Предложение не только принимаю, но даже не могу представить для себя чего-нибудь лучшего [37] . Стоять около дела, которое мне так близко… К сожалению, есть некоторые «но»… Дело в том, что немедленно я не могу поехать [38] . Свое акушерское свидетельство я уже получила наконец; но его нужно обменять на диплом в Киеве. Теперь наступают праздники, и канцелярии не работают. Все делается в канцеляриях так медленно, черт возьми! Когда я получила свидетельство, нужно было еще, чтобы врачебный инспектор его подписал. А он возьми да и уедь больше нежели на неделю в Питер. И так все. После диплома надо будет еще с полицией возиться: выключить себя из сословия мещан. Вот и рассуди положение вещей! Ты просишь, чтобы я ответила по существу сделанного предложения, по крайней мере в принципе. Поэтому я и решила дать утвердительный ответ, хотя и не могу сейчас же поехать. Больше того, я бы тебя очень просила сделать все возможное (если тебе это не неудобно), чтобы я могла быть у этого дела. Я себя чувствую сейчас столь бодрой и здоровой, что готова работать сколько угодно, только бы около дела по душе. А это дело мне симпатично во всем своем существе. <…>

Почему, друг мой, так долго не писал? Почему не ответил на деловое, посланное заказным, письмо? Этому уже скоро год минет… Как мне необходимо было знать твою позицию. Я, конечно, не ошиблась насчет нее. Если бы нас разделяли пространства и годы [так], я уверена – никогда не ошибусь в оценке твоего отношения к тому или иному вопросу. Но это я знаю для себя, а мне нужно было твое имя, как моральная поддержка для других. Как я рада за тебя, что будешь иметь где приложить свои силы. Сколько мучений доставляло мне сознание, что не к чему тебе рук приложить, и твое вынужденное молчание. Нужно было видеть, как вороны выклевывали нашу партийную душу, а человек, каждое выступление которого столь ценно, не имеет возможности проявить себя… Как давно нужно было сделать то, что сделано сейчас. Повторяю, сегодня у меня большой праздник… <…> А здесь точно кто подслушал мои некоторые мысли. Даже странно как-то. Кто будет сотрудничать? Ну, пока довольно. На твое протокольно-сухое письмо я и то ответила слишком непринужденной болтовней. Напиши, получил ли это письмо. Будь здоров.

Саша

Одесса, 19.01.1914

Пишу тебе, дорогой Лева, через Илюшу [39] . У него ты узнаешь подробно о моих делах. Не еду из-за документов,

которые еще не готовы [40] . Вчера получила письмо от Эрнесты [41] . Она очень торопит меня, но между прочим пишет, чтобы я деньги на дорогу заняла в Одессе. Сейчас мне негде достать. Единственный источник – это Илюша, но он для своей поездки занял деньги, и весь в долгах. Раньше двух недель мне вряд ли удастся выбраться отсюда. Илюша меня, наверно, еще застанет здесь, так что если у тебя есть нечто конфиденциальное, можешь написать через него.

До сих пор я еще не вижу объявления о журнале [42] . Эрнеста пишет несколько слов и ничего определенного, а лишь о том, что дела отвратительны!! [43] и что мой приезд необходим. Я так и не знаю: когда все-таки выйдет первый №? [44]

…Я, понятно, Эрнесте сегодня напишу энергичное письмо. Пожалуй что, приходится с тобой согласиться относительно «платформы». Когда имеешь дело с нашими товарищами, то все представления о логике должны быть пересмотрены.

«Умом Россию не понять, ее аршином не измерить…» [45] Точно так и у наших… Сильно спешу. Более подробно о личных делах у Илюши.

Твой поцелуй могла передать только Нине. Зинушке ты должен сам, непосредственно, переслать его. Что-то давно уже от нее писем не было [46] . Она все еще не совсем здорова, и отсутствие писем меня очень волнует. Нинушка тебя крепко целует.

Всего хорошего.

Саша

Одесса, 25.02.1914

Не знаю, мой дорогой друг, что делать и как быть? Думаю, что вы должны подумать о замене меня каким-нибудь другим лицом [47] . Больше ждать невозможно. Какое-то проклятие тяготеет над моим делом [48] . Вернее, это проклятие русской жизни: канцелярщина и евреи. Моей доверительнице сказали в канцелярии университета, «с детской циничностью», как она пишет – сама русская, что, будь это дело русской, можно было бы многими формальностями пренебречь, но для еврейки сделать этого не хотят. Значение имеет для хулиганья и то, что в моем брачном свидетельстве сказано, что брак совершен над <так!> сидящими в тюрьме ссыльными. Одно прошение вернули потому, что слово *Императорский* (универс<ите>т) было недостаточно крупно написано, не выделялось из всего заголовка. Можно ли поверить этому? Уже давно выполнены все формальности, послано полицейское свидетельство о потере подлинника и проч. И лишь теперь получила прилагаемое при сем известие. Лишь теперь будут *искать в архиве*… Можно ли после этого на что-

нибудь надеяться? А если можно, то через сколько времени? Я не стану говорить о своем состоянии: оно тебе понятно. Тюремное начальство никогда не доводило меня до такого состояния, в каком сейчас нахожусь. Но не в этом дело. Сейчас речь не обо мне. Вы должны найти выход из создавшегося положения. Я все равно уеду в Питер, когда бы ни получился этот злополучный диплом [49] . Но сейчас, что делать сейчас?

…Всего хорошего. Будь здоров.

Саша

[Авг. 1914 г.]

На венских заборах появились надписи: «Alle Serben muessen sterben» [50] . Это стало кличем уличных мальчишек. Наш младший мальчик, Сережа, движимый, как всегда, чувством противоречия, возгласил на зиверингской лужайке: «Hoch Serbien!» [51] Он вернулся домой с синяками и с опытом международной политики.

Гейер [52] выразил осторожное предположение, что завтра утром может выйти приказ о заключении под стражу русских и сербов.

– Следовательно, вы рекомендуете уехать?

– И чем скорее, тем лучше.

– Хорошо, завтра я еду с семьей в Швейцарию.

– Гм… я бы предпочел, чтобы вы это сделали сегодня.

Этот разговор происходил в 3 часа дня, а в 6 часов 10 минут я уже сидел с семьей в вагоне поезда, направляющегося в Цюрих. Позади оставались семилетние связи, книги, архив и начатые работы, в том числе полемика с профессором Масариком [53] о судьбах русской культуры.

…В тот момент, когда немцы приближались к Парижу, а буржуазные французские патриоты покидали его, два русских эмигранта поставили в Париже маленькую ежедневную газету на русском языке. Она имела своей задачей разъяснять заброшенным в Париж русским развертывающиеся события и не давать угаснуть духу международной солидарности. Перед выпуском первого номера в «кассе» издания имелось ровным счетом 30 франков. Ни один «здравомыслящий» человек не мог верить, чтобы можно было с таким основным капиталом издавать ежедневную газету. И действительно: не реже чем раз в неделю газета, несмотря на бесплатный труд редакции и сотрудников, переживала такой кризис, что, казалось, выхода нет. Но выход находился. Голодали преданные своей газете наборщики, редакторы носились по городу в поисках за несколькими десятками франков – и очередной номер выходил. Так, под ударами дефицита и цензуры, исчезая и немедленно же появляясь под новым именем, газета

просуществовала в течение 2-х лет, т. е. до Февральской революции 1917 г. По приезде в Париж я стал усердно работать в «Нашем слове», которое тогда еще называлось «Голосом». Ежедневная газета явилась для меня самого важным орудием ориентировки в развертывающихся событиях. Опыт «Нашего слова» оказался полезен мне позже, когда пришлось близко подойти к военному делу.

Семья моя переехала во Францию только в мае 1915 г. Мы поселились в Севре, в маленьком домике, который нам предоставил на несколько месяцев наш молодой друг, итальянский художник Рене Пареше. Мальчики стали посещать севрскую школу. Весна была прекрасна, зелень казалась особенно нежной и ласковой. Но число женщин в черном непрерывно росло. Школьники оставались без отцов. Две армии закопались в землю. Выхода не видно было.

…Из Севра моя семья… переселилась в Париж, на маленькую rue Oudry. Париж все более опустошался. Останавливались одни за другими уличные часы. У бельфортского льва торчала почему-то из пасти грязная солома. Война продолжала закапываться в землю.

[1916 г.] …В сентябре 1916 г. мне в префектуре предъявили приказ о высылке меня из пределов Франции. Чем это было вызвано? Мне не сказали на этот счет ни слова. Только постепенно раскрылось, что поводом послужила злостная провокация, организованная во Франции русской охранкой.

[Испания]

…Сидя у себя в отеле, я со словарем в руках читал испанские газеты и ждал ответа на письма, отправленные в Швейцарию и Италию. Я все еще надеялся проехать туда. На четвертый день пребывания в Мадриде я получил из Парижа письмо с адресом французского социалиста Габье. Он занимал здесь пост директора страхового общества. Несмотря на свое буржуазное общественное положение, Габье оказался решительным противником патриотической политики своей партии. От него я узнал, что испанская партия находится целиком под влиянием французского социал-патрио-тизма. Серьезная оппозиция только в Барселоне, у синдикалистов. Секретарь социалистической партии Ангиано, которого я хотел посетить, оказался посажен в тюрьму на 15 дней за непочтительный отзыв о каком-то католическом святом. Во дни оны Ангиано просто-напросто сожгли бы на аутодафе.

Я ждал ответа из Швейцарии, заучивал испанские слова, беседовал с Габье и посещал музеи.

…Замечательно, что кадикские газеты ничего не сообщали о войне, как будто ее не существовало. Когда я обращал внимание

собеседников на полное отсутствие военных бюллетеней в самой распространенной газете «El Diario de Cadiz», мне отвечали удивленно: «Неужели? Не может быть… Да, да, действительно». Значит, сами раньше не замечали. В конце концов, воюют где-то за Пиренеями. Я сам стал отвыкать от войны.

Пароход на Нью-Йорк отходил из Барселоны. Я добился разрешения выехать туда навстречу семье. В Барселоне новые затруднения с префектурой, новые протесты и телеграммы, новые филеры. Прибыла семья. У них было за это время немало волнений в Париже. Зато теперь все хорошо. Осматривали Барселону в сопровождении филеров. Мальчики одобряют море и фрукты. С мыслью о переезде в Америку мы все уже примирились. Хлопоты мои о переезде из Испании в Швейцарию через Италию не привели ни к чему. Правда, разрешение было наконец по настоянию итальянских и швейцарских социалистов дано, но лишь после того, как я уже погрузился с семьей на испанский пароход, отчаливший 25 декабря из барселонского порта. Запоздание было, разумеется, преднамеренным.

…Пароход открывает для мальчиков необъятное поле наблюдений. Каждый раз они открывают что-нибудь новое. «Знаешь, кочегар здесь очень хороший. Он репюбликан». Вследствие непрерывных переброс ок из страны в страну они говорят на некотором условном языке. «Республиканец? Да как же вы его поняли?» – «Он все нам хорошо объяснил, – сказал Альфонсо [54] , а потом так: пиф-паф». – «Ну, значит, действительно республиканец», – соглашаюсь я. Мальчики тащат для кочегара сушеную малагу и другие привлекательные вещи. Они нас знакомят. Республиканцу лет двадцать, и насчет монархии у него, по-видимому, взгляды вполне определенные.

1 января 1917 года Все на пароходе поздравляли друг друга с Новым годом. Два Новых года войны я встретил во Франции, третий – на океане. Что готовит 1917 год?

[1917]

Я оказался в Нью-Йорке, в сказочно-прозаическом городе капиталистического автоматизма, где на улицах торжествует эстетическая теория кубизма, а в сердцах – нравственная философия доллара. Нью-Йорк импонировал мне, так как он полнее всего выражает дух современной эпохи.

…Я читал доклады на русском и немецком языках в разных частях Нью-Йорка, в Филадельфии и других соседних городах.

…Мы сняли квартиру в одном из рабочих кварталов и взяли на выплату мебель. Квартира за 18 долларов в месяц была с неслыханными для европейских нравов удобствами: электричество, газовая плита, ванная, телефон, автоматическая

подача продуктов наверх и такой же спуск сорного ящика вниз. Все это сразу подкупило наших мальчиков в пользу Нью-Йорка. В центре их жизни стал на некоторое время телефон.

…Рабочие массы относились к перспективам революции совсем по-иному. Пошли необычайные по размерам и настроению митинги во всех частях Нью-Йорка. Весть о том, что над Зимним дворцом развевается красное знамя, вызывала повсюду восторженный рев.

Не только русские эмигранты, но и дети их, часто уже почти не знающие русского языка, приходили на эти собрания подышать отраженным восторгом революции.

Я показывался в семье урывками. А там шла своя, сложная жизнь. Жена устраивала гнездо. Появились у детей новые друзья. Самым главным другом был шофер доктора М. Жена доктора с моей женой возила мальчиков на прогулку и была очень с ними ласкова. Но она была простой смертной. Шофер же был чародей, титан, сверхчеловек. Мановению его руки повиновалась машина. Сидеть рядом с ним было высшим счастьем. Когда заезжали в кондитерскую, мальчики обиженно теребили мать и спрашивали: «Почему шофер не с нами?»

Детская способность приспособления неизмерима. Так как в Вене мы жили большей частью в рабочих кварталах, то мальчики, кроме русского и немецкого языка, отлично владели венским диалектом. Доктор Альфред Адлер с большим удовольствием отмечал, что они говорят на диалекте, как добрый старый венский извозчик (Fiakerkutscher). В цюрихской школе пришлось переходить на цюрихский диалект, который в низших классах является языком преподавания, немецкий же язык изучается как иностранный. В Париже мальчики круто перешли на французский язык. В течение нескольких месяцев они им овладели полностью. Я не раз завидовал непринужденности их французской речи. В Испании и на испанском пароходе они провели меньше месяца. Но и этого оказалось достаточным, чтоб подхватить ряд наиболее употребительных слов и выражений. Наконец, в Нью-Йорке они в течение двух месяцев посещали американскую школу и вчерне овладели английским языком. После Февральской революции они стали петроградскими школьниками. Учебная жизнь была в расстройстве. Иностранные языки улетучивались из их памяти еще быстрее, чем раньше всасывались ею. Но по-русски они говорили как иностранцы. Мы нередко с удивлением замечали, что построение русской фразы представляет у них точный перевод с французского. Между тем по-французски они построить эту фразу уже не могли. Так на детских мозгах, как на палимпсестах, оказалась записанной история наших

эмигрантских скитаний.

Когда я телефонировал из редакции жене, что в Петербурге революция, младший мальчик лежал в дифтерите. Ему было девять лет. Но он знал давно и твердо, что революция – это амнистия, возвращение [55] в Россию и тысяча благ. Он вскочил и плясал на кровати в честь революции. Так обозначилось его выздоровление. Мы спешили выехать с первым пароходом. Я бегал по консульствам за бумагами и визами. Накануне отъезда врач разрешил выздоравливающему мальчику погулять. Отпустив сына на полчаса, жена укладывала вещи. Сколько раз уже пришлось ей проделывать эту операцию! Но мальчик не возвращался. Я был в редакции. Прошло три томительных часа. Звонок по телефону к нам на квартиру. Сперва незнакомый мужской голос, потом голос Сережи: «Я здесь». Здесь – означало в полицейском участке на другом конце Нью-Йорка. Мальчик воспользовался первой прогулкой, чтобы разрешить давно мучивший его вопрос: существует ли в действительности первая улица (мы жили, если не ошибаюсь, на 164-й). Но он сбился с пути, стал расспрашивать, и его отвели в участок. На счастье, он помнил номер нашего телефона. Когда жена со старшим мальчиком прибыла час спустя в участок, ее встретили там веселыми приветствиями, как давно жданную гостью. Сережа, весь красный, играл с полицейским в шашки. Чтобы скрыть смущение, которое вызывал в нем избыток административного внимания, он усердно жевал черную американскую жвачку вместе со своими новыми друзьями. Зато он и до сего дня помнит номер телефона нашей нью-йоркской квартиры.

[Петроград]

Не только мальчики, но и мы с женой удивлялись на улицах Петрограда русской речи и русским вывескам на стенах. Мы покинули столицу десять лет тому назад, старшему было тогда немногим больше года, младший родился в Вене.

…Мы поселились с женой и детьми в каких-то «Киевских номерах», в одной комнате, да и той добились не сразу. На второй день к нам явился офицер во всем великолепии. «Не узнаете?» Я не узнавал. «Логинов». Тогда из-под нарядного офицера выступил в памяти молодой слесарь 1905 г.

Он состоял в боевой дружине, сражался из-за тумб с городовыми и был ко мне привязан горячей молодой привязанностью. После 1905 г. я потерял его из виду. Только теперь я узнал от него, что на самом деле он был не пролетарием Логиновым, а студентом-технологом Серебровским из богатой семьи, но в годы молодости хорошо ассимилировался в рабочей среде. В период реакции он стал инженером, давно отошел от

революции и во время войны был правительственным директором двух крупнейших заводов в Петрограде. Февральская революция слегка встряхнула его, он вспомнил прошлое. О моем возвращении он узнал из газет. Теперь он стоял предо мною и горячо требовал, чтоб я поселился с семьей у него на квартире, и притом сейчас, немедленно. Поколебавшись, мы согласились.

Это была огромная и богатая квартира директора, в которой Серебровский жил со своей молодой женой. Детей не было. Все было готово. В полуголодном, развалившемся городе мы почувствовали себя как в раю. Но дело сразу ухудшилось, когда разговор перешел на политику. Серебровский был патриот. Как обнаружилось позже, он питал злобную ненависть к большевикам и считал Ленина немецким агентом. Натолкнувшись с первых слов на отпор, он, правда, сразу стал осторожнее. Но совместная жизнь с ним была для нас невозможна. Мы покинули квартиру гостеприимных, но чуждых нам людей и вернулись в комнату «Киевских номеров». Серебровский после того еще раз залучил мальчиков к себе в гости. Он угощал их чаем с вареньем, и мальчики благодарно рассказывали ему о выступлении Ленина на митинге. Их лица раскраснелись, они были довольны беседой и вареньем. «Да ведь Ленин немецкий шпион», – заявил им хозяин. Что такое? Неужели эти слова были произнесены? Мальчики бросили чай с вареньем. Они вскочили на ноги. «Ну уж это – свинство», – заявил старший. Он не нашел в своем словаре другого слова, которое достаточно отвечало бы обстановке. Тут наступила очередь хозяина удариться в обиду. На этом знакомство прекратилось. После нашей победы в Октябре я привлек Серебровского к советской работе. Как многие другие, он через советскую службу вошел в партию. Сейчас это член сталинского ЦК партии, одна из опор режима. Если в 1905 г. он сходил за пролетария, то теперь несравненно легче сходит за большевика… [56]

…После выхода из тюрьмы «революционной демократии» мы поселились в маленькой квартире, которую сдавала вдова либерального журналиста, в большом буржуазном доме. Подготовка к октябрьскому перевороту шла полным ходом. Я стал председателем Петроградского Совета. Имя мое склонялось печатью на все лады. В доме нас все больше окружала стена вражды и ненависти. Наша кухарка Анна Осиповна подвергалась атаке хозяек, когда являлась в домовой комитет за хлебом. Сына моего травили в школе, называя его, по отцу, «председателем». Когда жена возвращалась со службы из профессионального союза деревообделочников, старший дворник провожал ее ненавидящими глазами. Подниматься по лестнице было пыткой.

Хозяйка квартиры все чаще справлялась по телефону, не разгромлена ли ее мебель. Мы хотели переехать, но куда? Квартир в городе не было. Положение становилось все более невыносимым. Но вот в один, по-истине прекрасный день квартирная блокада прекратилась, точно кто-нибудь снял ее всемогущей рукой. Старший дворник при встрече с моей женой поклонился ей тем поклоном, на который имели право только самые влиятельные жильцы. В домовом комитете стали выдавать хлеб без задержки и угроз. Перед нашим носом никто не захлопывал больше с грохотом дверь. Кто сделал все это, какой чародей? Это сделал Николай Маркин. О нем надо сказать, потому что через него – через коллективного Маркина – победила Октябрьская революция.

Маркин был матрос Балтийского флота, артиллерист и большевик. Он не сразу обнаружился. Высовываться вперед было совсем не в его характере. Маркин не был оратором, слово давалось ему с трудом. Кроме того, он был застенчив и угрюм – угрюмостью загнанной внутрь силы. Маркин был сделан из одного куска, и притом из настоящего материала. Я не знал о его существовании, когда он уже взял на себя заботу о моей семье. Он познакомился с мальчиками, угощал их в буфете Смольного чаем и бутербродами и вообще доставлял им маленькие радости, на которые было так скупо то суровое время. Он приходил незаметно справляться, все ли в порядке. Я не подозревал о его существовании. От мальчиков, от Анны Осиповны он узнал, что мы живем во вражьем стане. Маркин заглянул к старшему дворнику и в домовой комитет, притом, кажется, не один, а с группой матросов. Он, должно быть, нашел какие-то очень убедительные слова, потому что все вокруг нас сразу изменилось. Еще до октябрьского переворота в нашем буржуазном доме установилась, так сказать, диктатура пролетариата. Только позже мы узнали, что это сделал приятель наших детей, матрос-балтиец.

…Потом началась гражданская война. Маркин затыкал бреши, которых было много. Теперь он устанавливал диктатуру далеко на Востоке. Маркин командовал флотилией на Волге и гнал врага. Когда я узнавал, что в опасном месте Маркин, на душе становилось спокойнее и теплее. Но пробил час. На Каме вражеская пуля догнала Николая Георгиевича Маркина и свалила его с крепких морских ног. Точно гранитная колонна обрушилась предо мною, когда пришла телеграмма о его гибели. На столике детей стояла его карточка, в матросской фуражке с ленточками. «Мальчики, мальчики, Маркин убит!» И сейчас помню два бледных лица, сведенных судорогой неожиданной боли. С

мальчиками угрюмый Николай был на равной ноге. Он посвящал их в свои замыслы и в свою жизнь. Девятилетнему Сереже он рассказывал со слезами, что женщина, которую он давно и крепко любил, покинула его и что поэтому у него бывает черно и мрачно на душе. Сережа испуганным шепотом и со слезами поверял эту тайну матери. И этот нежный друг, который, как ровня, открывал им свою душу, был в то же время старый морской волк и революционер, насквозь герой, как в самой чудесной сказке. Неужели же погиб тот самый Маркин, который учил их в подвале министерства стрелять из бульдога и карабина? Два маленьких тела содрогались под одеялами в тиши ночи, после того как пришла черная весть. Только мать слышала безутешные слезы.

[Июль 1917 г.]

Меня арестовали как немецкого агента.

…Мальчики были недовольны. Что это за революция, упрекали они мать, если папу сажают то в концентрационный лагерь [57] , то в тюрьму? Мать соглашалась с ними, что это еще не настоящая революция…

…В тюрьму на свидание ко мне приходила жена с мальчиками. У них к этому времени был уже собственный политический опыт.

Лето мальчики проводили на даче, в знакомой семье отставного полковника В. Там собирались гости, больше всего офицеры, и за водкой ругали большевиков. В июльские дни ругательства достигли высшего напряжения. Кое-кто из этих офицеров вскоре уехали на юг, где собирались будущие белые кадры. Некий молодой патриот назвал за столом Ленина и Троцкого немецкими шпионами. Мой старший мальчик бросился на него со стулом, младший – на помощь со столовым ножом. Взрослые разняли их. Мальчики истерически рыдали, запершись у себя в комнате. Они собирались тайно бежать пешком в Петроград, чтоб узнать, что там делают с большевиками. На счастье, приехала мать, успокоила и увезла с собою. Но и в городе было не очень хорошо. Газеты громили большевиков. Отец сидел в тюрьме. Революция решительно не оправдала надежд. Это не мешало мальчикам с восторгом глядеть, как жена украдкой просовывала мне сквозь решетку в камере свиданий перочинный нож. Я по-прежнему утешал их тем, что настоящая революция еще впереди.

Из книги Н. Седовой и В. Сержа «Жизнь и смерть Льва Троцкого»

[ЛД в тюрьме, 1917 г.]

Я видела его, он в отличном настроении. Лева и Сережа привозят ему еду. Поскольку трамваи всегда переполнены, они ездят на буфере.

Из книги Н. Иоффе «Время назад»

После июльской демонстрации, разогнанной Временным правительством, Ленин и Зиновьев, как известно, скрывались в Разливе. Троцкий сидел в тюрьме – в Крестах, а мальчиков, его сыновей – Леву и Сережу – Наталья Ивановна привезла к нам. Помню, как-то мы гуляли на даче, и нам повстречалась группа матросов из Кронштадта. Не знаю, почему они разговорились с нами, с детьми, но помню, что, узнав, чьи это мальчики, они хлопали их по плечам и говорили: «Не горюйте, ребята, скоро пойдем освобождать вашего папашу, со штыками и музыкой!» Нам это ужасно понравилось – «со штыками и с музыкой».

Из книги Д. А. Волкогонова «Троцкий. Политический портрет». Кн. 1

…Как вспоминал семьдесят лет спустя сын А.Ф. Керенского Глеб Александрович, он учился в той же школе, куда ходили Лев и Сергей. Кроме двух сыновей Троцкого, там учились Дмитрий Шостакович и сын Каменева Александр. По воспоминаниям Г. Керенского, «сыновья Троцкого только приехали из Америки, мы их дразнили «янки», нам не нравились их хорошие манеры, аккуратность и независимость среди нас…».

Дочери мои уже более серьезно втягивались в политическую жизнь. Они посещали митинги в цирке Модерн и участвовали в демонстрациях. В июльские дни они попали в переделку, были смяты толпой, одна потеряла очки, обе потеряли шляпы, обе боялись потерять отца, который едва успел появиться на их горизонте.

…Вот выдержка из записей моей жены, сделанных, впрочем, уже значительно позднее: «Последние дни подготовки к Октябрю мы жили на Таврической улице. ЛД целые дни проводил в Смольном. Я продолжала свою работу в союзе деревообделочников, где руководили большевики, и атмосфера была накаленная. Все служебные часы проходили в дискуссии о восстании. Председатель союза стоял на «точке зрения Ленина – Троцкого» (так это тогда называлось), мы с ним совместно вели агитацию. О восстании говорили повсюду и везде: на улицах, в столовой, при встрече на лестницах Смольного. Питались плохо, спали мало, работали почти 24 часа в сутки. От наших мальчиков мы были оторваны, и октябрьские дни были для меня также и днями тревоги за их судьбу. Во всей школе, где они учились, было два «большевика», Лева и Сережа, и третий, «сочувствующий», как они говорили. Против этой тройки выступала компактная группа отпрысков правящей демократии, кадетов и эсеров. Как всегда при серьезных разногласиях, критика дополнялась практическими аргументами. Директору не раз приходилось извлекать моих сыновей из-под кучи навалившихся на них «демократов». Мальчики в сущности делали только то, что делали отцы. Директор был кадет. Поэтому он неизменно наказывал моего сына: «Возьмите вашу шапочку и ступайте домой». После переворота оставаться в школе стало совершенно немыслимо. Мальчики перешли в народное училище. Там все было проще и

грубее. Но дышать было легче.

Мы с ЛД совсем не бывали дома. Мальчики, приходя со школы и не находя нас, тоже не считали нужным оставаться в четырех стенах. Демонстрации, столкновения, нередкая стрельба внушали в те дни опасение за их благополучие: настроены они были архиреволюционно… При торопливых встречах они радостно рассказывали: ехали сегодня в трамвае с казаками, видели, как они читали папино воззвание «Братья-казаки!». «Ну и что?» – «Читали, друг другу передавали, хорошо…» – «Хорошо!» Знакомый ЛД инженер К., имевший большую семью, детей различных возрастов, бонну и пр., предложил нам временно устроить мальчиков у него, где они могли бы быть под надзором. Пришлось ухватиться за это спасительное предложение. По различным поручениям ЛД я заходила в Смольный раз пять на день. Поздней ночью мы возвращались на Таврическую, а с утра расходились: ЛД – в Смольный, я – в союз. По мере того как события нарастали, из Смольного почти не приходилось уходить. ЛД по нескольку дней сряду не заходил на Таврическую, даже поспать. Часто и я оставалась в Смольном. <…>

Помню, на второй или третий день после переворота, утром, я зашла в комнату Смольного, где увидела Владимира Ильича, Льва Давыдовича, кажется, Дзержинского, Иоффе и еще много народу. Цвет лица у всех был серо-зеленый, бессонный, глаза воспаленные, воротники грязные, в комнате было накурено… Кто-то сидел за столом, возле стола стояла толпа, ожидавшая распоряжений. Ленин, Троцкий были окружены. Мне казалось, что распоряжения даются как во сне. Что-то было в движениях, в словах сомнамбулическое, лунатическое, мне на минуту показалось, что все это я сама вижу не наяву и что революция может погибнуть, если «они» хорошенько не выспятся и не наденут чистых воротников: сновидение с этими воротниками было тесно связано. Помню, еще через день я встретила Марью Ильинишну, сестру Ленина, и напомнила ей впопыхах, что Владимиру Ильичу надо переменить воротник. «Да, да», – смеясь ответила она мне. Но и в моих глазах вопрос о чистых воротничках уже успел утратить свою кошмарную значительность».

Власть завоевана, по крайней мере в Петрограде. Ленин еще не успел переменить свой воротник. На уставшем лице бодрствуют ленинские глаза. Он смотрит на меня дружественно, мягко, с угловатой застенчивостью, выражая внутреннюю близость. «Знаете, – говорит он нерешительно, – сразу после преследований и подполья к власти… – он ищет выражения, – «es schwindelt» [58] , – переходит он неожиданно на немецкий язык и

показывает рукой вокруг головы. Мы смотрим друг на друга и чуть смеемся.

Все это длится не больше минуты-двух. Затем – простой переход к очередным делам.

Из книги Н. Седовой и В. Сержа «Жизнь и смерть Льва Троцкого»

Нас поселили в Смольном в двух квадратных комнатах с высокими потолками и большими окнами.

Я не могла найти никакого материала, чтобы сшить рубашки для наших мальчиков, и использовала для этой цели яркие бархатные скатерти. Лева и Сережа ненавидели эти рубашки. Однажды Ленин, занимавший комнаты в том же коридоре (с женой и сестрой), увидел детей. Он остановился перед ними, поставил детей рядом, отступил назад с восторгом на лице и сказал: «Выглядят очень хорошо». Я была счастлива, что Ленин проявил интерес к такому пустяку. С этого дня дети надевали свои рубашки без всякого протеста.

[1918]

В конце концов сопротивление было сломлено, большинство Центрального Комитета высказалось за переезд, и 12 марта (1918) правительство выехало в Москву. Чтоб смягчить впечатление от разжалования октябрьской столицы, я оставался еще, в течение недели или полутора, в Питере. Железнодорожная администрация продержала меня при отъезде на вокзале несколько лишних часов: саботаж свертывался, но еще был силен. В Москву я прибыл на другой день после назначения меня комиссаром по военным делам.

Со своей средневековой стеной и бесчисленными золочеными куполами Кремль, в качестве крепости революционной диктатуры, казался совершеннейшим парадоксом. Правда, и Смольный, где помещался раньше институт благородных девиц, не был прошлым своим предназначен для рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. До марта 1918 г. я в Кремле никогда не бывал, как и вообще не знал Москвы, за исключением одного-единственного здания: Бутырской пересыльной тюрьмы, в башне которой я провел шесть месяцев холодною зимою 98–99 гг. В качестве посетителя можно бы созерцательно любоваться кремлевской стариной, дворцом Грозного и Грановитой палатой. Но нам приходилось здесь поселяться надолго. Тесное повседневное соприкосновение двух исторических полюсов, двух непримиримых культур и удивляло, и забавляло. Проезжая по торцовой мостовой мимо Николаевского дворца, я не раз поглядывал искоса на царь-пушку и царь-колокол…

В Кавалерском корпусе, напротив Потешного дворца, жили до революции чиновники Кремля. Весь нижний этаж занимал

сановный комендант. Его квартиру теперь разбили на несколько частей. С Лениным мы поселились через коридор. Столовая была общая. Кормились тогда в Кремле из рук вон плохо. Взамен мяса давали солонину. Мука и крупа были с песком. Только красной кетовой икры было в изобилии вследствие прекращения экспорта. Этой неизменной икрой окрашены не только в моей памяти первые годы революции.

С Лениным мы по десятку раз на день встречались в коридоре и заходили друг к другу обменяться замечаниями, которые иногда затягивались минут на десять и даже на четверть часа, а это была для нас обоих большая единица времени. У Ленина была в тот период разговорчивость, конечно, на ленинский масштаб. Слишком много было нового, слишком много предстояло неизвестного, приходилось перестраивать себя и других на новый лад. Была поэтому потребность от частного переходить к общему, и наоборот. Облачко брест-литовских разногласий рассеялось бесследно. Отношение Ленина ко мне и членам моей семьи было исключительно задушевное и внимательное [59] . Он часто перехватывал наших мальчиков в коридоре и возился с ними.

По книге Н. Седовой и В. Сержа «Жизнь и смерть Льва Троцкого»

Столовая Совета народных комиссаров была рядом с нашими комнатами, и Политбюро – 10 старых товарищей – часто заседало там без церемоний и формальностей. Однажды дети увлеклись дракой и вкатились через не очень плотно запертую дверь прямо на заседание. Глава правительства с радостью встретил их появление.

Из письма Н.И. Троцкой о сыне

1 июня 1935 г.

Сережа… вырос в Кремле, сын Сталина [60] бывал частым гостем в комнате мальчиков.

…Низший состав оставался на местах. Они принимали нас с тревогой. Режим тут был суровый, крепостной, служба переходила от отца к сыну. Среди бесчисленных кремлевских лакеев и всяких иных служителей было немало старцев, которые прислуживали нескольким императорам. Один из них, небольшой бритый старичок Ступишин, человек долга, был в свое время грозой служителей. Теперь младшие поглядывали на него со смесью старого уважения и нового вызова. Он неутомимо шаркал по коридорам, ставил на место кресла, сметал пыль, поддерживая видимость прежнего порядка. За обедом нам подавали жидкие щи и гречневую кашу с шелухой в придворных тарелках с орлами. «Что он делает, смотри?» – шептал Сережа матери. Старик тенью ходил за креслами и чуть поворачивал тарелки то в одну, то в другую сторону. Сережа догадался первый: двуглавому орлу на борту тарелки полагается быть перед гостем посередине.

– Старичка Ступишина заметили? – спрашивал я Ленина.

– Как же его не заметить, – отвечал он с мягкой иронией.

Этих вырванных с корнями стариков было подчас жалко. Ступишин вскоре крепко привязался к Ленину, а после его перемещения в другое здание, ближе к Совнаркому, перенес эту привязанность на меня и мою жену, заметив, что мы ценим порядок и уважаем его хлопоты.

…В 26-м году старик медлительно умирал в больнице. Жена посылала ему туда гостинцев, и он плакал от благодарности.

…Военный комиссариат, где сосредоточивалась моя работа, не только военная, но и партийная, литературная и прочая, находился вне Кремля. В Кавалерском корпусе оставалась только квартира. Сюда к нам никто не ходил. По делу являлись в комиссариат. Приходить же к нам «в гости» никому просто не могло прийти в голову: для этого мы были слишком заняты. Со службы мы возвращались часам к пяти. К семи я уж снова бывал в комиссариате, где шли вечерние заседания. Когда революция устоялась, т. е. значительно позже, я вечерние часы посвящал теоретической и литературной работе.

Жена вошла в Народный комиссариат просвещения, где заведовала музеями и памятниками старины. Ей приходилось бороться за памятники прошлого в обстановке гражданской войны. Это была нелегкая задача. Ни белые, ни красные войска не

склонны были очень заботиться об исторических усадьбах, провинциальных кремлях или старинных церквах. Таким образом, между военным ведомством и управлением музеев не раз возникали препирательства. Хранители дворцов и храмов обвиняли войска в недостаточном уважении к культуре, военные комиссары обвиняли хранителей в предпочтении мертвых вещей живым людям. Формально выходило так, что я нахожусь в непрерывных ведомственных препирательствах со своей женой. На эту тему было немало шуток.

Из статьи Д. Смирнова «Она спасала «буржуйское добро»

На ярком фоне масштабной известности Л.Д. Троцкого историческая фигура его жены Натальи Ивановны Седовой-Троцкой почти не выделяется. И это неудивительно, если учесть, насколько несопоставимой была ее мирная, созидательная деятельность с кровавой опустошительностью пролетарских пушек ее мужа-вождя, его титанической борьбой с вражеским буржуазным миром.

Между тем именно этой удивительной женщине мы должны быть благодарны за сохранение огромного историко-культурного наследия дореволюционной России, именно ее жизненная судьба, судьба верной супруги большевистского «демона революции», в решающей степени определила спасение сотен тысяч материальных и духовно-исторических памятников.

Сегодня мало кому известно, что в течение десяти лет, начиная с 1918 года, Н.И. Троцкая возглавляла первый советский государственный орган, связанный с защитой памятников и исторических мест, – отдел по делам музеев и охраны памятников искусства и старины Народного комиссариата просвещения (коротко – музейный отдел Наркомпроса).

Этот отдел был создан в мае 1918 года по инициативе известного русского живописца и искусствоведа Н.Э. Грабаря, собравшего вокруг себя крупных специалистов, цвет русской искусствоведческой науки, музейного дела и реставрации. Это были люди широко образованные, большой культуры и порядочности.

В июне того же года заведующей отделом назначили Н.И. Троцкую. Что касается Грабаря, то ему пришлось довольствоваться положением члена коллегии и заведующего подотделом Национального музейного фонда. Игорь Эммануилович был человеком разумным, гибким и понимал, что при новой власти больше пользы делу сохранения наследия принесет умное руководство Троцкой, чьи авторитет и влияние в высших должностных кругах были неоспоримы. Грабаря же там не знали или относились к нему как бывшему буржуазному «спецу», а значит, человеку ненадежному.

Надо отдать должное Н.И. Троцкой, она не стала, что называется, выкручивать руки сотрудникам своими военно-административными порядками и оставила на руководящих постах всю ранее подобранную команду. Более того, она сразу

начала защищать их от притеснений, обысков и арестов (как контрреволюционных, по тогдашним понятиям, «защитников имущества буржуазии»), всячески старалась облегчить их материальное положение. Дело дошло даже до письма Ленину в марте 1920 года с настоятельной просьбой выдавать работникам отдела «вполне удовлетворительный паек».

Для такой смелой по тем временам просьбы имелись законные основания. В 1918–1920 годах было взято на учет свыше 500 старинных усадеб и дворцов, создано свыше 200 новых музеев, вывезено из бывших дворянских имений более 100 тысяч произведений искусства, сотни библиотек и фамильных архивов. То, что удалось тогда сделать для сбережения национального культурного достояния, нарком просвещения А.В. Луначарский восхищенно назвал «положительным чудом».

По своему драматизму и накалу человеческих страстей работа музейного отдела в годы гражданской войны была и всегда будет оставаться впечатляющей. Сколько здесь еще скрывается загадок и тайн, не знает никто. Бесспорно то, что главным приводным ремнем и одновременно главной загадкой в деятельности всей огромной машины сохранения культурного богатства России была Н.И. Троцкая.

Именно она телеграфировала 10 сентября 1918 года в Орловский губисполком требование не реквизировать усадьбу Галаховой, а устроить в ней музей-читальню И.С. Тургенева, причем потребовала со всей присущей ей решительностью и вопреки «железной классовой» точке зрения местных властей, считавших, что сейчас не до музеев и памятников.

Несмотря на проходившие в тех местах ожесточенные бои Красной Армии с деникинскими войсками, упорная женщина добилась своего – музей И.С. Тургенева, ныне всемирно известный, был создан. Но кто знает об этом? Историческая телеграмма Н.И. Троцкой всегда публиковалась со стыдливо вымаранной ее подписью.

Малоизвестным является также тот факт, что невероятно сложным, а зачастую непреодолимым препятствием для сохранения культурного наследия был принятый в 1917 году знаменитый Декрет о земле, который передавал бывшие усадьбы и дворцы, расположенные в сельской местности (а это фактически вся страна), в распоряжение местных Советов, которые могли делать и делали там все что угодно.

Весьма показательной в этом отношении является усадьба князей Барятинских в Курской губернии – Марьино, – которая по своему богатству входила в число крупнейших поместий России. Выполняя Декрет о земле, крестьяне ближайших сел взяли дворец

под охрану и вскоре стали требовать разделить княжеское имущество «по дворам», по существу, разграбить его. Когда в окрестностях Марьина опустошили спиртные склады, неуправляемая пьяная лавина крестьян, вооруженных солдат, анархиствующих матросов буквально захлестнула дворец, и никакая охрана не могла ее сдержать. Кто-то тащил из усадьбы старинный персидский ковер, иноземное кресло, кто-то – зеркало, дюжину серебряных тарелок, фарфоровые чашки, да и просто книгу или связку «буржуйских» бумаг для употребления на цигарки.

Чтобы спасти находящиеся в 180 залах дворца уникальные сокровища, нужно было срочно эвакуировать их в Москву. Это хорошо понимали в Наркомпросе и его музейном отделе, хотя законных оснований для изъятия «народной» собственности и ее эвакуации у сотрудников отдела не было. Начались переговоры. Крестьяне хотели получить за картины, фарфор, мебель, книги и архивные бумаги денежную компенсацию в размере ста тысяч рублей, сумму по тем временам ничтожную. Поторговавшись, в конце концов договорились. Художественные ценности Марьина обогатили несколько десятков республиканских и областных музеев, в том числе Третьяковку, Государственный музей изобразительных искусств имени А.С. Пушкина, Государственный исторический музей.

Нужно было обладать незаурядной волей, энергией и целеустремленностью Н.И. Троцкой, чтобы «нейтрализовать» революционный вандализм Декрета о земле. С огромным трудом, при мощном сопротивлении бюрократических ведомств, и прежде всего Народного комиссариата земледелия, ей удалось добиться принятия Совнаркомом в октябре 1918 года параллельного декрета «О регистрации, приеме на учет и охранении памятников искусства и старины», по которому музейный отдел Наркомпроса становился единственным распорядителем историко-художественных богатств и памятников страны.

Это была победа. Теперь сотрудники отдела, исходя из своего нового правового статуса, официально стали называться эмиссарами и на совершенно законных основаниях могли обеспечивать охрану культурных ценностей на местах или эвакуировать их в губернские центры и в Москву.

В 1924 году А.М. Эфрос [61] как-то высказался: «Мы считаем необходимым подчеркнуть, в какой значительной степени обязано музейное строительство энергии и такту Н.И. Троцкой, сыгравшей, несомненно, историческую роль своим руководством работы центрального музейного органа революции».

Кто же такая Наталья Ивановна Седова-Троцкая, еще при

жизни ушедшая не по своей воле в политическое и историческое забытье, чье имя и чей вклад в сбережение национального культурного наследия многие десятилетия были преданы анафеме и забвению?

Даже сейчас, после рассекречивания в спецхране ее личного дела, известно о ней немного. Родилась в 1882 году в Полтавской губернии, в семье казака, связавшего свою жизнь с красивой полькой из обедневшего шляхетского рода. Отец был человеком незаурядным, выбился в купцы первой гильдии и обеспечил дочери достойное образование…

…Меньше всего разногласий было именно между музейным отделом и Наркоматом по военным и морским делам, который возглавлял Троцкий. Военные часто выручали сотрудников отдела транспортом, охраной и продовольствием. Разумеется, большинство командиров и комиссаров никогда не слышали о каком-то непонятном музейном отделе, сохраняющем зачем-то «буржуйское добро», но мандаты его эмиссаров за подписью Троцкой, жены наркома и председателя Реввоенсовета республики, действовали магически и безотказно. Тем более что бланки мандатов, инструкции и другая документация, как указывалось на них, печатались в «походной типографии поезда Предвоенсовета тов. Троцкого».

Со стороны раздавались, разумеется, и критические высказывания в адрес Н.И. Троцкой, была и черная зависть, и скрытая злобная ненависть, но даже недруги единодушно отмечали ее несомненное положительное воздействие на деятельность отдела. Все понимали: она была женой Троцкого, причем умной женой, которой позволялось многое и нужное…

Из статьи В. Волкова «Женщина в русской революции. Письма Натальи Седовой к Льву Троцкому»

21—22 июля 1937 г.

Утро. 22 июля. Я говорила тебе не раз, что для меня работа в М.О. [музейный отдел Комиссариата просвещения] была большим серьезным трудом, совсем для меня не привычным, совсем новым. Мое положение меня обязывало. У меня всегда было чувство, что я не все еще, не все то делаю, что должна была бы, что у меня есть пробелы, но чтоб их заполнять, надо совсем оторваться от «дома», посвящать работе и вечера. Поездить по провинции, хотя бы более выдающейся в отношении моей работы. Мне иногда хоть и ставили это на вид, особенно провинциалы, ты не давал себе отчета в моих трудностях, в моей неподготовленности и в моей ответственности. Я долго, очень долго колебалась, прежде чем взять на себя эту работу. Советовалась с тобой. Ты больше склонялся к тому, чтобы я взяла более скромную работу. Но на этой настаивал Наркомпрос. Моя работа походила на подготовку к экзамену, затянувшемуся на годы. Я помню, когда я тебе хотела рассказать что-нибудь из области моей работы, связанное и с отношениями людскими, о каком-нибудь успехе или неудаче, ища твоего сочувствия, или одобрения, или совета – ты уклонялся, иногда мягче, большей частью резко. Я помню, как ты один раз прочел составленную мной копию письма в ЦК по поводу специалистов и сказал мне: «очень хорошо написала». Для меня это было величайшей радостью. Мне очень хотелось тебе показать это письмо перед посылкой. Но я не нашла подходящего момента, так как ты был занят тогда. Мы виделись наскоро за обедом и ужином. Вечера проводила дома в надежде тебя увидеть и с беспокойством, что скажут мне завтра за мое вчерашнее вечернее отсутствие на заседании. По большей части ты приезжал уже тогда, когда я была в постели. Я помню твои утренние настроения. Как бодро ты вставал с постели, как быстро одевался, вызывал машину и мимоходом жестом или словом подбадривал меня и… Сережу, который сумрачно одевался. Как я живо помню тебя таким, милым, хорошим, хотелось обнять тебя крепко. Я спешила догнать тебя и вместе с тобой выехать на работу.

Из книги Н. Седовой и В. Сержа «Жизнь и смерть Льва Троцкого»

Развлечения и отдых – роскошь, которая была нам недоступна. ЛД приходил домой в Кремль из Комиссариата пообедать и затем прилечь отдохнуть на софе около 1/2 часа. Его дочери Нина и Зина приходили иногда в это время [62] и бывали ужасно расстроены тем, что он не хотел говорить с ними о политике.

[1918]

Весна и лето 1918 г. были из ряда вон тяжелым временем. Только теперь выходили наружу все последствия войны. Моментами было такое чувство, что все ползет, рассыпается, не за что ухватиться, не на что опереться.

…После падения Симбирска решена была моя поездка на Волгу, откуда грозила главная опасность…Из Москвы я выехал 7 августа…

…В поезде со мной в числе других прибыл Гусев [63] …В начале 1924 г., когда травля против меня развертывалась уже вполне открыто, причем Гусев занимал в ней свое место флегматичного кляузника, воспоминания свияжских дней, несмотря на протекшие шесть лет, были еще слишком свежи и связывали до некоторой степени даже Гусева. Вот что он рассказывал о событиях под Казанью:

«Приезд тов. Троцкого внес решительный поворот в положение дел. В поезде тов. Троцкого на захолустную станцию Свияжск прибыли твердая воля к победе, инициатива и решительный нажим на все стороны армейской работы. С первых же дней и на загроможденной тыловыми обозами бесчисленных полков станции, где ютились политотдел и органы снабжения, и в расположенных впереди – верстах в 15 – частях армии почувствовали, что произошел какой-то крутой перелом. Прежде всего это сказалось в области дисциплины. Жесткие методы тов. Троцкого для этой эпохи партизанщины и недисциплинированности… были прежде всего и наиболее всего целесообразны и необходимы. Уговором ничего нельзя было сделать, да и времени для этого не было. И в течение тех 25 дней, которые тов. Троцкий провел в Свияжске, была проделана огромная работа, которая превратила расстроенные и разложившиеся части 5-й армии в боеспособные и подготовила их к взятию Казани».

…Свежий полк, на который мы так рассчитывали, снялся с

фронта во главе с комиссаром и командиром, захватил со штыками наперевес пароход и погрузился на него, чтобы отплыть в Нижний. Волна тревоги прошла по фронту. Все стали озираться на реку. Положение казалось почти безнадежным. Штаб оставался на месте, хотя неприятель был на расстоянии километра-двух и снаряды рвались по соседству. Я переговорил с неизменным Маркиным. Во главе двух десятков боевиков он на импровизированной канонерке подъехал к пароходу с дезертирами и потребовал от них сдачи под жерлом пушки. От исхода этой внутренней операции зависело в данный момент все. Одного ружейного выстрела было бы достаточно для катастрофы. Дезертиры сдались без сопротивления. Пароход причалил к пристани, дезертиры высадились, я назначил полевой трибунал, который приговорил к расстрелу командира, комиссара и известное число солдат. К загнившей ране было приложено каленое железо. Я объяснил полку обстановку, не скрывая и не смягчая ничего. В состав солдат было вкраплено некоторое количество коммунистов. Под новым командованием и с новым самочувствием полк вернулся на позиции. Все произошло так быстро, что враг не успел воспользоваться потрясением.

Из книги В. Савченко «Отступник. Драма Федора Раскольникова» [64]

Застал Троцкого в его вагоне в группе командиров, по виду которых легко было отличить латышей из охраны Троцкого – они были в кожанках, с маузерами через плечо – от командиров провинившегося полка, одетых кто во что горазд, в линялых гимнастерках, в косоворотках, кургузых пиджаках. Одни были в сапогах, другие в ботинках с обмотками. Люди тянулись в струнку. Перед низкорослым Троцким стоял, возвышаясь над ним на две головы, бледный командир полка, сутулившийся, чтоб казаться ниже ростом. В этом полку особенно провинился один батальон, о нем и говорили в вагоне Троцкого.

– Командира батальона – расстрелять! – диктовал приказ Троцкий. – Перед строем батальона! Батальон подвергнуть децимации – расстрелять каждого десятого мерзавца. Немедленно! Исполняйте!

Командир полка не двигался с места.

– Что такое?

Комполка что-то произнес, но его никто не услышал.

– Повторите?

– Не могу исполнить, – глядя себе под ноги, с трудом выговорил командир.

– Как изволите вас понимать? – произнес Троцкий шелестящим голосом. – Что это значит? Невыполнение приказа? Отказываетесь выполнить приказ?

– Не отказываюсь… не могу.

– Сдать оружие! – грозно потребовал Троцкий. Чуть повернувшись к одному из своих охранников, бросил через плечо: – Арестовать! Комиссар полка – построить батальон. Сейчас. Здесь, – махнул рукой в сторону окна. – Перед вагоном.

Комиссар, немолодой человек в пиджаке, в разбитых сапогах, бросился вон исполнять приказание.

Через несколько минут батальон – человек полтораста безоружных, худых и обросших, испуганных оборванцев – был выстроен перед вагоном. Его окружили вооруженные винтовками латыши из охраны Троцкого.

Троцкий вышел на площадку вагона, взялся одной рукой за поручень, сильно подавшись вперед, нависая над строем красноармейцев, резко заговорил, размахивая свободной рукой:

– Бойцы бесславного батальона! Не говорю – красноармейцы, потому что вы пока недостойны называться этим именем. Вы

совершили преступление перед революцией, позорно бежали с поля боя и поставили под удар противника своих соседей. Вы заслуживаете самого сурового наказания. Все до единого! Вину свою искупите кровью.

Сегодня вернетесь на передовую и отобьете у противника позиции, которые позорно уступили ему. Умри, но докажи, что имеешь право носить почетное звание красноармейца! Однако преступление не должно остаться безнаказанным. Некоторые из вас будут примерно наказаны. Комиссар, построить людей в одну шеренгу и рассчитать по порядку номеров от одного до десяти.

Кое-как, сбиваясь со счета, бойцы рассчитались, не понимая, зачем это нужно.

Троцкий скомандовал:

– Каждый десятый номер – выйти из строя!

Вышли. Оказалось их четырнадцать человек.

Их тут же окружили, сбили в кучку охранники Троцкого. Присоединили к ним стоявшего в стороне под присмотром двух латышей командира батальона, дюжего бородатого мужчину в гимнастерке без ремня, со связанными сзади руками.

Троцкий прокричал:

– Эти трусы приговариваются к расстрелу. Именем революции, приказываю привести приговор в исполнение немедленно!

Слегка подталкивая в спину безропотных осужденных, должно быть до конца не сознающих своего положения, не принимающих разумом того, что услышали, охранники отвели их на несколько шагов в сторону от полотна железной дороги. Поставили рядком, локоть к локтю, лицом в поле, в открывающийся отсюда дивный простор, обширную долину, обрамленную слева и справа зелеными холмами и оканчивающуюся манящей стеной синего леса. Сами встали в пяти шагах за их спинами, подняли винтовки.

Скучно, буднично прозвучал залп, осужденные попадали. Некоторые были еще живы, их деловито перестрелял из маузера, похаживая между ними, командир латышей.

Стоявшие в строю смотрели на казнь, выворачивая головы назад, никто не догадался повернуть строй кругом.

Над строем снова загремел металлом голос Троцкого:

– Так будет и впредь со всеми предателями и трусами. Комиссар, можете увести батальон. Готовьте к бою.

Повернулся и скрылся в вагоне.

Через пять минут площадь перед станционной избой опустела, поезд Троцкого ушел, бойцов бесславного батальона увели готовить к искуплению вины, только груда скрюченных тел

осталась лежать под жарким солнцем, покинутая всеми, даже охранник, поставленный над телами, бросил свой пост, спустился в овражек, в тень, где трое бойцов, его товарищей, разморенные жарой, лениво ковыряли землю лопатами, готовили место захоронения.

Ф.Ф. Раскольников – Л.М. Рейснер [65] .

18 октября 1923, Кабул, Афганистан [в Москву]

Дорогая Ларусенька, родная козочка, бедная мятущаяся девочка!

…Вспомни Свияжск. Мы с достоинством вышли из истории с Л.Д., в самом деле оказавшейся вполне случайным эпизодом.
Преданный тебе до смерти *Раскольников*

Из статьи В. Финкельштейна «Первая защитница российских памятников» [66]

7 ноября 1919 года председатель ВЦИК М.И. Калинин подписал грамоту о награждении знаком ордена Красного Знамени, в которой между прочим говорилось: «В дни непосредственной угрозы Красному Петрограду товарищ Троцкий, отправившись на Петроградский фронт, принял ближайшее участие в организации блестяще проведенной обороны Петрограда, личным мужеством вдохновлял красноармейские части на фронте под боевым огнем».

«Участник боя» (такова подпись автора публикации) рассказал об этом в журнале «Спутник коммуниста», органе Тверского губернского комитета РКП(б), вышедшего в ноябре 1922 года: «Генерал Юденич с кучкой офицеров, с портфелями в руках забравшись на воздушный наблюдательный пункт для обозрения Петрограда, распределяют между собой ответственные посты и собираются там «пить чай».

Юденич отдал приказ открыть артиллерийский ураганный огонь по красным войскам, выбить с Пулковской горы и двигаться форсированным маршем на Петроград.

Грянули орудия, затрещали пулеметы, посыпались бомбы с неприятельских аэропланов.

Завязался бой…

Положение Красной армии было самое критическое, ряды бойцов редели от пуль и снарядов противника, трусы и предатели бежали в разные стороны, бросая посты и оружие, но преданные пролетарской республике сыны, не считаясь с опасностью для своей жизни, перебегая из одной линии в другую, старались поднять дух в красноармейцах. А раскачать красноармейцев было очень трудно.

Много комиссаров и командиров стояли или даже сидели в стороне и ждали, что вот-вот в Петроград войдет противник и песнь республики будет спета.

Но в этот самый тяжелый момент на поле сражения в рядах красноармейцев, без головного убора, с крепко стиснутой винтовкой в руках появился вождь Красной армии товарищ Троцкий и раздался призывный железный клич: «Товарищи красноармейцы, крепче винтовку в руках – и вперед!»

У всех красноармейцев поднялся дух закаленных бойцов, они

тесными рядами, крепко обхватив руками винтовки, кинулись вперед.

В рядах противника оказались значительные потери, и в один миг враг был сбит с позиции и началось паническое отступление. Противник отступил к стенам города Нарвы, оставляя массу трофеев и тысячи пленных».

14 марта 1918 года Троцкий был назначен наркомом военных дел, а 6 апреля – и морских дел…Через неделю после ранения В.И. Ленина, 6 сентября 1918 года, Троцкий был назначен на пост председателя реввоенсовета республики. 16 октября 1919 года Юденич взял Гатчину. Накануне, 15 октября, Троцкий настоял на том, чтобы не сдавать Петроград, 16 октября Троцкий выехал из Москвы в Петроград. 22 октября Красная армия на Пулковских высотах перешла в наступление. 23 октября были взяты Детское Село и Павловское. 4 ноября поезд Троцкого (передвижной штаб наркома обороны) за участие в защите Петрограда был награжден орденом Красного Знамени, а 7 ноября – и сам Троцкий.

До 26 января 1925 года Л.Д. Троцкий находился на высшем военном посту в РСФСР, а потом – СССР. В эти годы была создана Красная армия и обеспечена ее победа в гражданской войне» [67] .

Из книги Л.Д. Троцкого «Дневники и письма»

9 апреля [1935 г.]

Белая печать когда-то очень горячо дебатировала вопрос, по чьему решению была предана казни царская семья… Либералы склонялись, как будто, к тому, что уральский исполком, отрезанный от Москвы, действовал самостоятельно. Это не верно. Постановление вынесено было в Москве. Дело происходило в критический период гражданской войны, когда я почти все время проводил на фронте, и мои воспоминания о деле царской семьи имеют отрывочный характер. Расскажу здесь, что помню.

В один из коротких наездов в Москву – думаю, что за несколько недель до казни Романовых, – я мимоходом заметил в Политбюро, что, ввиду плохого положения на Урале, следовало бы ускорить процесс царя. Я предлагал открытый судебный процесс, который должен был развернуть картину всего царствования (крестьянск[ая] политика, рабочая, национальная, культурная, две войны и пр.); по радио (?) ход процесса должен был передаваться по всей стране; в волостях отчеты о процессе должны были читаться и комментироваться каждый день. Ленин откликнулся в том смысле, что это было бы очень хорошо, если б было осуществимо. Но… времени может не хватить… Прений никаких не вышло, так [как] я на своем предложении не настаивал, поглощенный другими делами. Да и в Политбюро нас, помнится, было трое-четверо: Ленин, я, Свердлов… Каменева как будто не было. Ленин в тот период был настроен довольно сумрачно, не очень верил тому, что удастся построить армию… Следующий мой приезд в Москву выпал уже после падения Екатеринбурга. В разговоре со Свердловым я спросил мимоходом:

– Да, а где царь?

– Кончено, – ответил он, – расстрелян.

– А семья где?

– И семья с ним.

– Все? – спросил я, по-видимому с оттенком удивления.

– Все! – ответил Свердлов, – а что?

Он ждал моей реакции. Я ничего не ответил.

– А кто решал? – спросил я.

– Мы здесь решали. Ильич считал, что нельзя оставлять нам им живого знамени, особенно в нынешних трудных условиях.

Больше я никаких вопросов не задавал, поставив на деле крест. По существу, решение было не только целесообразным, но

и необходимым. Суровость расправы показывала всем, что мы будем вести борьбу беспощадно, не останавливаясь ни перед чем. Казнь царской семьи нужна была не просто для того, чтоб запугать, ужаснуть, лишить надежды врага, но и для того, чтобы встряхнуть собственные ряды, показать, что отступления нет, что впереди полная победа или полная гибель. В интеллигентных кругах партии, вероятно, были сомнения и покачивания головами. Но массы рабочих и солдат не сомневались ни минуты: никакого другого решения они не поняли бы и не приняли бы. Это Ленин хорошо чувствовал: способность думать и чувствовать за массу и с массой была ему в высшей мере свойственна, особенно на великих политических поворотах…

В «Последних новостях» я читал, уже будучи за границей, описание расстрела, сожжения тел и пр. Что во всем этом верно, что вымышлено, не имею ни малейшего представления, так как никогда не интересовался тем, как произведена была казнь и, признаться, не понимаю этого интереса.

* * *

…Сегодня во время прогулки в горы с Н[аташей] (день почти летний) я обдумывал разговор с Лениным по поводу суда над царем. Возможно, что у Ленина, помимо соображения о времени («не успеем» довести большой процесс до конца, решающие события на фронте могут наступить раньше), было и другое соображение, касавшееся царской семьи. В судебном порядке расправа над семьей была бы, конечно, невозможна. Царская семья была жертвой того принципа, который составляет ось монархии: династической наследственности.

* * *

Когда я в первый раз собирался на фронт между падением Симбирска и Казани, Ленин был мрачно настроен. «Русский человек добр», «Русский человек рохля, тютя…», «У нас каша, а не диктатура…». Я говорил ему: «В основу частей положить крепкие революционные ядра, которые поддержат железную дисциплину изнутри; создать надежные заградительные отряды, которые будут действовать извне заодно с внутренним революционным ядром частей, не останавливаясь перед расстрелом бегущих; обеспечить компетентное командование, поставив над сцепом комиссара с револьвером; учредить военно-революц[ионные]

трибуналы и орден за личное мужество в бою…»

Из книги Б. Рунина «Мое окружение. Записки случайно уцелевшего» [68]

В шесть лет я испытал нечто такое, что запечатлелось в памяти на всю жизнь, ибо стало первой встречей моего детского пугливого сознания с Историей, с характерным для революционной поры броуновским движением людских масс, с делами и событиями, которые уже никак не укладывались в привычные рамки семейного порядка вещей. Отправным моментом моего первого приобщения к царящей в мире жестокой борьбе стал для меня переход через фронт. Через советско-германский фронт.

Это – осень 1918 года. Мы – я, мама, тетя и сестра (она на два года старше меня) – пробираемся из голодного большевистского Ельца на оккупированную немцами сытую Украину, где застрял почему-то оказавшийся там отец. Последнее, чудом дошедшее письмо от него было из Харькова. Он звал нас к себе.

Было в этом предприятии что-то бездумно авантюрное, отчаянное, даже залихватское и в то же время – вполне типичное для той поры. Революция словно пробудила даже в самых смирных людях какое-то географическое беспокойство, охоту к перемене мест, жажду риска, потребность испытать неизведанное. Вся страна пришла в движение, не говоря уже о мешочниках, тучами осаждавших редкие, не признающие никаких расписаний, шальные поезда, с чем мы столкнулись в первый же день путешествия.

После нескольких мучительных пересадок с железной дорогой нам пришлось распрощаться ради обычной деревенской телеги. Медленно, обходными путями, петляя глухими проселками, наш нескончаемый обоз продвигается к демаркационной линии. Вот она, последняя советская застава. В лесу прямо на телегах происходит досмотр поклажи и обыск: как бы несчастные переселенцы вроде нас не увезли на территорию оккупантов нечто такое, что составляет достояние республики.

Я сжимаю в руке свой крохотный чемоданчик, ключ от которого хранится у сестры. Не дожидаясь, пока его отопрут, нетерпеливый молодой парень в кубанке – его все называют «товарищ комиссар» – рукояткой нагана напрочь сшибает с моего чемоданчика замок. Он даже не скрывает своего разочарования при виде высыпавшихся детских игрушек. Однако что-то из вещей, уже не помню что, он все-таки у нас отобрал, реквизировал, как тогда говорили, даже не посчитав нужным

объяснить, на каком основании.

Наш обоз снова трогается в путь. Мы уже на оккупированной немцами земле. После лесного безлюдья выезжаем на дорогу с оживленным движением. Все чаще встречаются крепкие иноземные фуры с парной упряжью без дуг и с двумя немецкими солдатами на козлах. Чувствуется близость большой железнодорожной станции. Так и есть, вот вокзал с немецким часовым у входа. Нас – двух женщин с двумя детьми – он пускает внутрь беспрепятственно. После российских станционных зданий, заплеванных, загаженных, забитых демобилизованными солдатами, дезертирами и мешочниками, тут бросаются в глаза малолюдье, порядок, чистота.

Мы выходим на перрон, вдоль которого на первом пути замерла длинная череда товарных вагонов непривычной для нашего глаза конфигурации – немецкий воинский эшелон, готовый к отправлению. Возле одной из теплушек о чем-то оживленно беседуют два офицера в странных, доселе виданных мною только на картинках касках. И тут происходит чудо. Наша тетя Маня, несколько лет назад окончившая медицинский факультет в Цюрихе, смело подходит к офицерам и обращается к ним по-немецки. Те учтиво козыряют ей, кивают головой и показывают на белую санитарную теплушку с красным крестом на двери, что-то дружно подтверждая и всем своим видом выражая согласие.

Нужно ли добавлять, что этот эшелон направлялся в сторону Харькова и что он доставил нас почти до места назначения без всяких хлопот.

Между прочим, вскоре после нашего отъезда из Ельца туда, прорвав фронт, нагрянул конный корпус белого генерала Мамонтова, который вырезал почти все еврейское население города.

Из книги Л.Д. Троцкого «Моя жизнь»

[1924]

Ленин скончался 21 января 1924 г. Смерть уже явилась для него только избавлением от физических и нравственных страданий. Свою беспомощность, и прежде всего отсутствие речи при полной ясности сознания, Ленин не мог не ощущать как невыносимое унижение. Он уже не терпел врачей, их покровительственного тона, их банальных шуточек, их фальшивых обнадеживаний. Пока он еще владел речью, он как бы мимоходом задавал врачам проверочные вопросы, незаметно для них ловил их на противоречиях, добивался дополнительных разъяснений и заглядывал сам в медицинские книги. Как во всяком другом деле, он и тут стремился достигнуть прежде всего ясности. Единственный из медиков, которого он терпел, был Федор Александрович Гетье. Хороший врач и человек, чуждый царедворческих черт, Гетье был привязан к Ленину и Крупской настоящей человеческой привязанностью. В тот период, когда Ленин уже не подпускал к себе остальных врачей, Гетье продолжал беспрепятственно навещать его. Гетье был в то же время близким другом и домашним врачом моей семьи в течение всех годов революции. Благодаря этому мы всегда имели наиболее добросовестные и продуманные отзывы о состоянии Владимира Ильича, дополнявшие и исправлявшие безличные официальные бюллетени.

…Мое недомогание приняло тем временем затяжной характер. «По настоянию врачей, – пишет Н.И. Седова, – перевезли ЛД в деревню. Там Гетье часто навещал больного, к которому он относился с искренней заботой и нежностью. Политикой он не интересовался, но жестоко страдал за нас, не зная, как выразить свое сочувствие. Травля застигла его врасплох. Он не понимал, выжидал, томился. В Архангельском он мне с волнением говорил о необходимости отвезти ЛД в Сухум. В конце концов мы решились на это. Путешествие, длинное само по себе – через Баку, Тифлис, Батум, – удлинялось еще снежными заносами. Но дорога действовала скорее успокаивающим образом. По мере того как отъезжали от Москвы, мы отрывались несколько от тяжести обстановки ее за последнее время. Но все же чувство у меня было такое, что везу тяжелобольного. Томила неизвестность, как сложится жизнь в Сухуме, окружающие нас там будут ли друзья или враги?»

21 января застигло нас на вокзале в Тифлисе, по пути в Сухум. Я сидел с женой в рабочей части своего вагона, как всегда

в тот период с повышенной температурой. Постучав, вошел мой верный сотрудник Сермукс, сопровождавший меня в Сухум. По тому, как он вошел, с серо-зеленым лицом, и как, глядя мимо меня остекленевшими глазами, подал мне листок бумаги, я почуял катастрофическое. Это была расшифрованная телеграмма Сталина о том, что скончался Ленин. Я передал бумагу жене, которая уже успела понять все…

Тифлисские власти получили вскоре такую же телеграмму. Весть о смерти Ленина быстро расходилась кругами. Я соединился прямым проводом с Кремлем. На свой запрос я получил ответ: «Похороны в субботу, все равно не поспеете, советуем продолжать лечение». Выбора, следовательно, не было. На самом деле похороны состоялись только в воскресенье, и я вполне мог бы поспеть в Москву. Как это ни кажется невероятным, но меня обманули насчет дня похорон. Заговорщики по-своему правильно рассчитывали, что мне не придет в голову проверять их, а позже можно будет всегда придумать объяснение. Напоминаю, что о первом заболевании Ленина мне сообщили только на третий день. Это был метод. Цель состояла в том, чтоб «выиграть темп».

Тифлисские товарищи требовали, чтоб я немедленно откликнулся на смерть Ленина. Но у меня была одна потребность: остаться одному. Я не мог поднять руку к перу. Короткий текст московской телеграммы гудел в голове. Собравшиеся, однако, ждали отклика. Они были правы. Поезд задержали на полчаса. Я писал прощальные строки: «Ленина нет. Нет более Ленина…» Несколько написанных от руки страниц я передал на прямой провод.

«Приехали совсем разбитые, – пишет жена. – Первый раз видели Сухум. Цвели мимозы – их там много. Великолепные пальмы. Камелии. Был январь, в Москве стояли лютые морозы. Встретили нас абхазцы очень дружески. В столовой дома отдыха висели рядом два портрета, один в трауре – Владимира Ильича, другой – ЛД. Хотелось снять этот последний, но мы не решились, опасаясь, что будет похоже на демонстрацию».

…«Со значительными запозданиями из-за снежных заносов стали приходить газеты и приносили нам траурные речи, некрологи, статьи. Друзья ждали ЛД в Москву, думали, что он возвратится с пути, никому в голову не приходило, что Сталин своей телеграммой отрезал ему путь. Помню письмо сына, полученное нами в Сухуме. Он был потрясен смертью Ленина, простуженный, с температурой в 40°, он ходил в своей совсем не теплой куртке в Колонный зал, чтоб проститься с ним, и ждал, ждал, ждал с нетерпением нашего приезда. В его письме

слышались горькое недоумение и неуверенный упрек». Это я привожу слова из записей жены.

Из книги Н. Седовой и В. Сержа «Жизнь и смерть Льва Троцкого»

[1927 г.]

ЛД страдал бессонницей… «Моя голова кажется мне пустой», – говорил он. Даже снотворное действовало далеко не всегда. Сыновья и я не спали вместе с ним. Утром за завтраком мы смотрели, как ЛД раскрывал газеты…

[1927]

16 ноября покончил с собой Иоффе, и смерть его врезалась в развертывающуюся борьбу.

Иоффе был глубоко больной человек. Из Японии, где он был послом, его привезли в тяжком состоянии < … >

…Я жил уже не в Кремле, а на квартире у моего друга Белобородова [69] , который все еще числился народным комиссаром внутренних дел, хотя его самого по пятам преследовали агенты ГПУ. В те дни Белобородов находился на родном Урале, где в борьбе с аппаратом пытался найти путь к рабочим. Я позвонил на квартиру Иоффе, чтоб справиться о его здоровье. Он откликнулся сам: аппарат стоял у его постели. В тоне его голоса – я отдал себе в этом отчет лишь позже – было нечто необычное, напряженное, тревожное. Он просил меня приехать к нему. Что-то помешало мне выполнить его просьбу немедленно. То были бурные дни, когда на квартиру Белобородова непрерывно являлись товарищи для совещания по неотложным вопросам. Через час или через два незнакомый мне голос сообщил по телефону: «Адольф Абрамович застрелился. На столике его лежит пакет для вас». На квартире Белобородова всегда дежурило несколько военных оппозиционеров. Они сопровождали меня при моих передвижениях по городу. Мы спешно отправились к Иоффе. На наш звонок и стук из-за двери справились об имени и открыли не сразу: за дверьми происходило что-то неясное. На покрытой кровью подушке вырисовывалось спокойное, проникнутое высшей мягкостью лицо Адольфа Абрамовича. За его письменным столом хозяйничал Б., член коллегии ГПУ. Пакета на столике не оказалось. Я потребовал немедленно вернуть мне письмо. Б. бормотал, что никакого письма не было. Вид его и голос не оставляли места сомнениям в том, что он лжет. Через несколько минут в квартиру стали приходить друзья со всех концов города. Официальные представители комиссариата иностранных дел и партийных учреждений чувствовали себя одиноко в массе оппозиционеров.

За ночь на квартире перебывало несколько тысяч человек. Весть о похищенном письме распространилась по городу. Иностранные журналисты передали об этом в своих телеграммах. Скрывать письмо дальше оказалось невозможным. В конце концов Раковскому [70] вручена была фотографическая копия письма. Почему письмо, написанное Иоффе для меня и запечатанное им в конверт с моей фамилией, было вручено Раковскому, и притом не в оригинале, а в фотографической копии, объяснить не берусь.

Из книги Н. Иоффе «Время назад»

Моего отца похоронили в ноябре 1927 года, а в январе 1928-го Троцкого выслали в Алма-Ату. В день высылки, узнав об этом, мы кинулись к нему на квартиру (в это время он жил уже не в Кремле, а на улице Грановского). Но мы его уже не застали. Дома была его дочь Нина и невестка – жена Левы, Аня, с годовалым ребенком, Львом – в третьем поколении. Они в ссылку не поехали. Было еще несколько товарищей, таких как мы. В квартире гэпэушники устроили засаду, всех пускали, но никого не выпускали, мы просидели там до утра. Утром всех выпустили.

[1928]

О высылке в Центральную Азию приведу целиком рассказ жены.

«16 января 1928 г., с утра, упаковка вещей. У меня повышена температура, кружится голова от жара и слабости – в хаосе только что перевезенных из Кремля вещей и вещей, которые укладываются для отправки с нами. Затор мебели, ящиков, белья, книг и бесконечных посетителей-друзей, приходивших проститься. Ф.А. Гетье, наш врач и друг, наивно советовал отсрочить отъезд ввиду моей простуды. Он себе неясно представлял, что означает наша поездка и что значит теперь отсрочка. Мы надеялись, что в вагоне я скорей оправлюсь, так как дома, в условиях «последних дней» пред отъездом, скоро не выздороветь. В глазах мелькают все новые и новые лица, много таких, которых я вижу в первый раз. Обнимают, жмут руки, выражают сочувствие и пожелания… Хаос увеличивается приносимыми цветами, книгами, конфетками, теплой одеждой и пр. Последний день хлопот, напряжения, возбуждения подходит к концу. Вещи увезены на вокзал. Друзья отправились туда же. Сидим в столовой всей семьей, готовые к отъезду, ждем агентов ГПУ. Смотрим на часы… девять… девять с половиной… Никого нет. Десять. Это время отхода поезда. Что случилось? Отменили? Звонок телефона. Из ГПУ сообщают, что отъезд наш отложен, причин не объясняют. «Надолго?» – спрашивает ЛД. «На два дня, – отвечают ему, – отъезд послезавтра». Через полчаса прибегают вестники с вокзала, сперва молодежь, затем Раковский и другие. На вокзале была огромная демонстрация. Ждали. Кричали «да здравствует Троцкий». Но Троцкого не видно. Где он? У вагона, назначенного для нас, бурная толпа. Молодые друзья выставили на крыше вагона большой портрет ЛД. Его встретили восторженными «ура». Поезд дрогнул. Один, другой толчок… подался вперед и внезапно остановился. Демонстранты

забегали вперед паровоза, цеплялись за вагоны и остановили поезд, требуя Троцкого. В толпе прошел слух, будто агенты ГПУ провели ЛД в вагон незаметно и препятствуют ему показаться провожающим. Волнение на вокзале было неописуемое. Пошли столкновения с милицией и агентами ГПУ, были пострадавшие с той и другой стороны, произведены были аресты. Поезд задержали часа на полтора. Через некоторое время с вокзала привезли обратно наш багаж. Долго еще раздавались телефонные звонки друзей, желавших убедиться, что мы дома, и сообщавших о событиях на вокзале. Далеко за полночь мы отправились спать. После волнений последних дней проспали до 11 часов утра. Звонков не было. Все было тихо. Жена старшего сына ушла на службу: ведь еще два дня впереди. Но едва успели позавтракать, раздался звонок – пришла Ф.В. Белобородова… [71] потом М.М. Иоффе [72] . Еще звонок – и вся квартира заполнилась агентами ГПУ в штатском и в форме. ЛД вручили ордер об аресте и немедленной отправке под конвоем в Алма-Ата. А два дня, о которых ГПУ сообщило накануне? Опять обман! Эта военная хитрость была применена, чтобы избежать новой демонстрации при отправке. Звонки по телефону непрерывны. Но у телефона стоит агент и с довольно добродушным видом мешает отвечать. Лишь благодаря случайности удалось передать Белобородову, что у нас засада и что нас увозят силой. Позже нам сообщили, что «политическое руководство» отправкой ЛД возложено было на Бухарина. Это вполне в духе сталинских махинаций… Агенты заметно волновались. ЛД отказался добровольно ехать. Он воспользовался предлогом, чтоб внести в положение полную ясность. Дело в том, что Политбюро старалось придать ссылке по крайней мере наиболее видных оппозиционеров видимость добровольного соглашения. В этом духе ссылка изображалась перед рабочими. Надо было разбить эту легенду и показать то, что есть, притом в такой форме, чтобы нельзя было ни замолчать, ни исказить. Отсюда возникло решение ЛД заставить противников открыто применить насилие. Мы заперлись вместе с двумя нашими гостьями в одной комнате. С агентами ГПУ переговоры велись через запертую дверь. Они не знали, как быть, колебались, вступили в разговоры со своим начальством по телефону, затем получили инструкции и заявили, что будут ломать дверь, так как должны выполнить приказание. ЛД тем временем диктовал инструкцию о дальнейшем поведении оппозиции. Мы не открывали. Раздался удар молотка, стекло двери превратилось в осколки, просунулась рука в форменном обшлаге. «Стреляйте меня [73] , т. Троцкий, стреляйте», – суетливо-взволнованно повторял Кишкин, бывший офицер, не раз

сопровождавший ЛД в поездках по фронту. «Не говорите вздора, Кишкин, – отвечал ему спокойно ЛД, – никто в вас не собирается стрелять, делайте свое дело». Дверь отперли и вошли, взволнованные и растерянные. Увидя, что ЛД в комнатных туфлях, агенты разыскали его ботинки и стали надевать их ему на ноги. Отыскали шубу, шапку… надели. ЛД отказался идти. Они его взяли на руки. Мы поспешили за ними. Я накинула шубу, боты… Дверь за мной сразу захлопнулась. За дверью шум. Криком останавливаю конвой, несший ЛД по лестнице, и требую, чтобы пропустили сыновей: старший должен ехать с нами в ссылку. Дверь распахнулась, оттуда выскочили сыновья, а также обе наши гостьи, Белобородова и Иоффе. Все они прорвались силой. Сережа применил свои приемы спортсмена. Спускаясь с лестницы, Лева звонит во все двери и кричит: «Несут т. Троцкого». Испуганные лица мелькают в дверях квартир и по лестнице. В этом доме живут только видные советские работники. Автомобиль набили битком. С трудом вошли ноги Сережи. С нами и Белобородова. Едем по улицам Москвы. Сильный мороз. Сережа без шапки, не успел в спешке захватить ее, все без галош, перчаток, ни одного чемодана, нет даже ручной сумки, все совсем налегке. Везут нас не на Казанский вокзал, а куда-то в другом направлении – оказывается, на Ярославский.

Сережа делает попытку выскочить из автомобиля, чтоб забежать на службу к невестке и сообщить ей, что нас увозят. Агенты крепко схватили Сережу за руки и обратились к ЛД с просьбой уговорить его не выскакивать из автомобиля. Прибыли на совершенно пустой вокзал. Агенты понесли ЛД, как и из квартиры, на руках. Лева кричит одиноким железнодорожным рабочим: «Товарищи, смотрите, как несут т. Троцкого». Его схватил за воротник агент ГПУ, некогда сопровождавший ЛД во время охотничьих поездок. «Ишь, шпингалет», – воскликнул он нагло. Сережа ответил ему пощечиной опытного гимнаста. Мы в вагоне. У окон нашего купе и у дверей конвой. Остальные купе заняты агентами ГПУ. Куда едем? Не знаем. Вещей нам не доставили. Паровоз с одним нашим вагоном двинулся. Было 2 часа дня. Оказалось, что окружным путем мы направлялись к маленькой глухой станции, где нас должны были прицепить к почтовому поезду, вышедшему из Москвы, с Казанского вокзала, на Ташкент. В пять часов мы простились с Сережей и Белобородовой, которые должны были со встречным поездом вернуться в Москву. Мы продолжали путь. Меня лихорадило. ЛД был настроен бодро, почти весело. Положение определилось. Общая атмосфера стала спокойней. Конвой предупредителен и вежлив. Нам было сообщено, что багаж наш идет со следующим

поездом и что во Фрунзе (конец нашего железнодорожного пути) он нас нагонит – это значит на девятый день нашего путешествия. Едем без белья и без книг. А с каким вниманием и любовью Сермукс и Познанский укладывали книги, тщательно подбирая их – одни для дороги, другие для занятий на первое время, – как аккуратно Сермукс уложил письменные принадлежности для ЛД, зная его вкусы и привычки в совершенстве. Сколько путешествий он совершил за годы революции с ЛД в качестве стенографа и секретаря. ЛД в дороге всегда работал с утроенной энергией, пользуясь отсутствием телефона и посетителей, и главная тяжесть этой работы ложилась сперва на Глазма-на, потом на Сермукса. Мы оказались на этот раз в дальнем путешествии без единой книги, без карандаша и листа бумаги. Сережа перед отъездом достал для нас Семенова-Тян-Шанского – научный труд о Туркестанском крае, в дороге мы собирались ознакомиться с нашим будущим местожительством, которое мы представляли себе лишь приблизительно. Но и Семенов-Тян-Шанский остался в чемодане вместе с другими вещами в Москве. Мы сидели в вагоне налегке, точно переезжали из одной части города в другую. К вечеру вытянулись на скамьях, опираясь головами на подлокотники. У приоткрытых дверей купе дежурили часовые.

Что нас ожидало дальше? Какой характер примет наше путешествие? А ссылка? В каких условиях мы там окажемся? Начало не предвещало ничего хорошего. Тем не менее мы чувствовали себя спокойно. Тихо покачивался вагон. Мы лежали вытянувшись на скамьях. Приоткрытая дверь напоминала о тюремном положении. Мы устали от неожиданностей, неопределенности, напряжения последних дней и теперь отдыхали. В вагоне было тихо. Конвой молчал. Мне нездоровилось. ЛД всячески старался облегчить мое положение, но он ничем не располагал, кроме бодрого, ласкового настроения, которое сообщалось и мне. Мы перестали замечать окружающую обстановку и наслаждались покоем. Лева был в соседнем купе. В Москве он был полностью погружен в работу оппозиции. Теперь он отправился с нами в ссылку, чтоб облегчить наше положение, и не успел даже проститься с женой. С этих пор он стал нашей единственной связью с внешним миром…

Чем дальше от Москвы, тем предупредительней становился конвой. В Самаре закупили для нас смену белья, мыло, зубной порошок, щетки и пр. Питались мы обедами, которые заказывались для нас и для конвоя в вокзальных ресторанах. ЛД, который всегда вынужден придерживаться строгой диеты, теперь весело ел все, что подавали, и подбадривал нас с Левой. Я с удивлением и страхом следила за ним. Закупленные в Самаре для

нас вещи получили в нашем обиходе особые имена: полотенце имени Менжинского, носки имени Ягоды (это заместитель Менжинского) и пр. Снабженные этими именами вещи получали более веселый характер. Вследствие заносов поезд шел с большим опозданием. Но все же мы день за днем углублялись в Азию.

Перед отъездом ЛД требовал, чтоб ему дали взять с собой двух своих старых сотрудников. Ему отказали. Тогда Сермукс и Познанский решили ехать самостоятельно, в одном с нами поезде. Они заняли места в другом вагоне, были свидетелями демонстрации, но не покидали своих мест, предполагая, что с этим же поездом едем и мы. Через некоторое время они обнаружили наше отсутствие, высадились в Арыси и поджидали нас со следующим поездом. Тут мы и настигли их. Виделся с ними только Лева, пользовавшийся некоторой свободой передвижения, но горячо радовались мы все. Вот запись сына, сделанная тогда же: «Утром направляюсь на станцию, авось найду товарищей, о судьбе которых мы всю дорогу много говорим и беспокоимся. И действительно: оба они тут как тут, сидят в буфете за столиком, играют в шахматы. Трудно описать мою радость. Даю им понять, чтоб не подходили: после моего появления в буфете начинается, как всегда, усиленное движение агентов. Тороплюсь в вагон сообщить открытие. Общая радость. Даже ЛД трудно сердиться на них, а между тем они нарушили инструкцию и вместо того, чтоб ехать дальше, ожидают на виду у всех: лишний риск. Договорившись с ЛД, составляю для них записку, которую думаю передать, когда стемнеет. Инструкция такова: Познанскому отделиться, ехать в Ташкент немедленно и там дожидаться сигнала. Сермуксу ехать в Алма-Ата, не вступая в общение с нами…

После открытия, сделанного сыном в Арыси, ехали дальше с сознанием, что в этом же поезде есть верный друг. Это было отрадно. На десятый день мы получили наш багаж и поспешили вынуть Семенова-Тян-Шанского. Читаем с интересом о природе, населении, яблочных садах; главное, там великолепная охота. ЛД с удовольствием открывает письменные принадлежности, уложенные Сермуксом. Во Фрунзе (Пишпек) приехали рано утром. Это последняя железнодорожная станция. Стоял сильный мороз. Белый, чистый, вкусный снег, облитый солнечными лучами, слепил глаза. Нам принесли валенки и тулупы. Я задыхалась от тяжести одежды, и тем не менее в пути было холодно. Автобус двигался медленно по скрипучему снежному накату, ветер колол лицо. Проехавши тридцать километров, остановились. Темно. Казалось, что стоим среди снежной пустыни. Двое конвойных (сопровождало нас двенадцать –

пятнадцать человек) подошли к нам и со смущением предупредили, что ночевка «неважная». С трудом высадились и, нащупывая в темноте порог почтовой станции и низкую дверь, вошли внутрь и с удовольствием освободились от тулупов. В избе, однако, холодно, не топлено. Маленькие окошечки промерзли насквозь. В углу большая русская печка, увы, холодная как лед. Согревались чаем. Закусили. Разговорились с хозяйкой станции, казачкой. ЛД подробно расспрашивал ее о житье-бытье и попутно об охоте. Все любопытно, а главное – неизвестно, чем окончится. Начали укладываться спать. Конвой разместился по соседству. Лева устроился на скамье. Мы с ЛД легли на большом столе, подостлав под себя тулупы. Когда окончательно улеглись в темной холодной комнате с низким потолком, я громко рассмеялась: «Совсем не похоже на кремлевскую квартиру!» ЛД и Лева меня дружно поддержали. С рассветом двинулись дальше. Предстояла труднейшая часть пути. Переправа через хребет Курдай. Жестокий холод. Невыносимая тяжесть одежды, точно стена на тебя навалилась. На новой остановке разговаривали за чаем с шофером и агентом ГПУ, прибывшим навстречу из Алма-Ата. Перед нами постепенно кое-что открывалось… частица за частицей неизвестной нам жизни. Дорога для автомобиля была трудная, накат дороги часто перекрывался полосами наносного снега. Шофер управлял машиной ловко, знал хорошо свойства дороги, согревался водкой. Мороз к ночи делался все сильней и сильней. Сознавая, что все от него зависят в этой снежной пустыне, шофер отводил душу довольно бесцеремонной критикой начальства и порядков… Алма-атинское начальство, сидевшее с ним рядом, даже заискивало: только бы довез. В третьем часу ночи в полной темноте машина остановилась. Приехали. Куда? Оказалось, на улицу Гоголя, в гостиницу «Джетысу», меблированные номера действительно времени Гоголя. Нам отвели две комнатки. Соседние номера были заняты конвоем и местными агентами ГПУ. Лева проверил багаж – оказалось, нет двух чемоданов с бельем и книгами, остались где-то в снегах. Увы, снова мы без Семенова-Тян-Шанского. Погибли карты и книги ЛД о Китае и Индии, погибли письменные принадлежности. Не уберегли чемоданов… пятнадцать пар глаз.

Лева с утра вышел на разведку. Ознакомился с городом, прежде всего с почтой и телеграфом, которые заняли центральное место в нашей жизни. Нашел и аптеку. Неутомимо разыскивал всякие необходимые нам предметы: перья, карандаши, хлеб, масло, свечи… Ни я, ни ЛД в первые дни совсем не выходили из комнаты, потом стали совершать небольшие прогулки по вечерам. Вся связь наша с внешним миром шла через сына.

Обед нам приносили из ближайшей столовой. Лева был в расходе по целым дням. Мы с нетерпением ждали его. Он приносил газеты, те или другие интересные сообщения о нравах и быте города. Волновались мы насчет того, как доехал Сермукс. И вдруг утром, на четвертый день нашего пребывания в гостинице, услышали в коридоре знакомый голос. Как он был нам дорог! Мы прислушивались из-за двери к словам Сермукса, тону, шагам. Это открывало перед нами новые перспективы. Ему отвели комнату дверь в дверь против нашей. Я вышла в коридор, он издали мне поклонился… Вступить в разговор мы пока еще не решались, но молча радовались его близости. На другой день украдкой впустили его в свою комнату, торопливо сообщили обо всем происшедшем и условились насчет совместного будущего. Но будущее оказалось коротким. В тот же день, в десять часов вечера пришла развязка. В гостинице было тихо. Мы с ЛД сидели в своей комнате, дверь была полуоткрыта в холодный коридор, так как железная печь невыносимо накаляла атмосферу. Лева сидел в своей комнате. Мы услышали тихие, осторожные, мягкие в валенках шаги в коридоре, и сразу насторожились все трое (как оказалось, Лева тоже прислушивался и догадывался о происходящем), «Пришли», – мелькнуло в сознании. Мы слышали, как без стука вошли в комнату Сермукса, как сказали «торопитесь!», как Сермукс ответил: «Можно надеть хоть валенки?» Он был в комнатных туфлях. Опять едва слышные мягкие шаги, и нарушенная тишина восстановилась. Потом портье запер на ключ комнату, из которой увели Сермукса. Больше мы его не видели.

…Мы составили кооперацию из троих. На сына легла, главным образом, работа по налаживанию наших отношений с внешним миром. Он управлял нашей перепиской. ЛД называл его то министром иностранных дел, то министром почт и телеграфа. Корреспонденция у нас скоро приняла огромные размеры, и главной тяжестью лежала на Леве. Он нес и охрану. Он же подбирал нужные ЛД материалы для его работ: рылся в книжных залежах библиотеки, добывал старые газеты, делал выписки. Он вел все переговоры с местным начальством, занимался организацией охоты, присматривал за охотничьей собакой и за оружием…

По книге «Л.Д. Троцкий. Архив в 9 томах». Т. 2 «Телеграммы, 1928 г.» (редактор-составитель Ю.Г. Фельштинский)

В этом томе, наряду с массой разного рода корреспонденций, помещено много телеграмм от родных, друзей и соратников. Время – январь – май 1928 года. Все спрашивают о здоровье ссыльных, друзья и соратники поздравляют с Днем Красной армии и с 1 мая. Сережа и Аня сообщают о высылке вещей и лекарств. Сережа спрашивает, какие русские журналы выписать. Лева телеграфирует Ане: «Мечтаю о встрече» и просит выслать хинин. Аня телеграфирует, что забронировала место в поезде и для няни (видимо, хотела взять с собой сына – двухлетнего Леву-Люлика, но после получения отпуска без сохранения содержания приехала одна). В телеграмме от 20 марта (в тот же день, когда Нина написала последнее письмо отцу) Зина сообщает ЛД адрес Мана Невельсона [74] , сосланного мужа Нины.

Сообщение Ани о выезде Сергея 27 апреля к родителям. Сообщение Ани о ее незаконном увольнении с работы: отпуск сорван. С 12 мая восстановлена, отпуск с 25 мая на полтора месяца без сохранения содержания. 21 мая – несколько телеграмм, в которых говорится о безнадежном состоянии Нины.

По книге Л. Троцкого «Письма из ссылки», 1928

Документы взяты Ю. Фельштинским из архива Троцкого, хранящегося в библиотеке Гарвардского университета. Это даже не письма, а какие-то трактаты о русской революции, где чаще всего встречается слово «термидор».

Это рассуждения о грядущих революциях в Китае и в Индии, а также полемика с различными товарищами. Из интернетовского варианта этой книги я попыталась выбрать редкие сведения о его (и моих) близких.

В Алма-Ате перебои с хлебом и мукой, нет лекарств от свирепствующей там малярии, которой заболела Наталья, а потом и сам ЛД. Везде и всюду очереди. На лето они переехали в горы, где климат лучше, чем в городе. ЛД с Натальей и Левой, а потом и с приехавшим на летние каникулы Сергеем ездят на рыбалку и охоту, ночуют в казахских юртах и привозят оттуда вшей, но рыбалка и охота обычно удачные: поймали 7 пудов рыбы, подстрелили 14 уток. Как я поняла, охота и рыбная ловля – не только развлечение и спорт, но и необходимый приварок к их скудному рациону.

«…Мы ждали Сережу из Москвы в начале апреля, он задержался из-за экзаменов и выехал только 28 апреля, но сегодня, 8 мая, его еще нет. Лева выехал его разыскивать. Сергей оставил собаку [Алу] в Москве на квартире невестки [жены брата Ани], которая пишет отчаянные письма, не зная, что делать с собакой…»

«…Младший сын живет здесь около месяца, сегодня ждем также и невестку, которая собирается провести здесь свой отпуск. Из Москвы очень тяжелые вести о здоровье дочери [Нины]. Скоротечная чахотка, помочь невозможно, у нее двое малюток» [75] .

«Из больницы дочь написала мне 20 марта письмо о том, что она хочет «ликвидировать» свою болезнь, чтобы вернуться к работе. Температура у нее была 38˚. Если бы я получил это письмо своевременно, я бы телеграфировал ей и друзьям, чтобы она не покидала больницы… но ее письмо получил только 3 июня [76] , оно было в пути 73 дня» [77] .

«Старшая дочь Зина, ей 27 лет, тоже «температурит» вот уже 2–3 года, я очень хочу заполучить ее сюда, но сейчас она ухаживает за сестрой. Обе дочери, конечно, исключены из партии и сняты с работы, хотя старшая заведовала раньше в Крыму

партшколой. Младший сын живет с нами свыше месяца, невестка (жена старшего сына) прибыла из Москвы свыше недели тому назад, так что семья наша очень возросла».

Все это в письме ЛД, датированном 2 июня 1928 года

Поскольку Сережа приехал на летние каникулы, а Аня в отпуск, можно предположить, что 9 июня (день смерти Нины) они были еще в Алма-Ате.

После июня я не нашла больше в письмах ЛД никаких сведений о родных. Мелькнуло, правда, сообщение, что новая охотничья собака по кличке Форд своенравна, и ЛД с грустью поминает Алу, которая осталась в Москве, как я понимаю, оттого, что собиралась ощениться.

Из книги Л.Д. Троцкого «Моя жизнь»

[1928]

9 июня умерла в Москве дочь моя и горячая единомышленница Нина. Ей было 26 лет. Муж ее был арестован незадолго до моей высылки. Она продолжала оппозиционную работу, пока не слегла. У нее открылась скоротечная чахотка и унесла ее в несколько недель. Письмо ее ко мне из больницы шло 73 дня и пришло уже после ее смерти [78] .

Из книги Н. Седовой и В. Сержа «Жизнь и смерть Льва Троцкого»

Нина, младшая дочь ЛД от первой жены, умерла от туберкулеза в Москве [79] . Она написала нам, что ее состояние стало критическим, но ОГПУ хранило ее письмо 75 дней, чтобы дать время молодой 26-ти летней женщине умереть до того, как ее отец мог просить разрешение увидеть ее в последний раз. Нина оставила двоих детей. Ее муж, Ман Невельсон, был в ссылке или тюрьме, где показал необычайную смелость: его бесстрашное открытое письмо Сталину передавалось из рук в руки… Никто ничего не слышал после этого о нем.

Раковский прислал мне 16 июня телеграмму: «Вчера получил твое письмо о тяжелой болезни Нины. Телеграфировал Александре Георгиевне (жена Раковского) в Москву. Сегодня из газет узнал, что Нина окончила свой короткий жизненный и революционный путь. Целиком с тобой, дорогой друг, очень тяжело, что непреодолимое расстояние разделяет нас. Обнимаю много раз и крепко. Христиан».

Через две недели прибыло письмо Раковского: «Дорогой друг, мне страшно больно за Ниночку, за тебя, за всех вас. Ты давно несешь тяжелый крест революционера-марксиста, но теперь впервые испытываешь беспредельное горе отца. От всей души с тобой, скорблю, что так далеко от тебя…

Тебе, наверно, рассказывал Сережа, каким абсурдным мерам подвергнуты были твои друзья после того, как так нелепо поступили с тобой в Москве. Я явился на квартиру полчаса спустя после твоего отъезда. В гостиной группа товарищей, больше женщин, среди них Муралов [80] . «Кто здесь гражданин Раковский?» – услышал я голос.

«Это я, что вам угодно?» – «Следуйте за мной!» Меня отводят через коридор в маленькую комнату. Перед дверью комнаты мне было велено поднять «руки вверх». После ощупывания моих карманов меня арестовали. Освободили в пять часов. Муралова, которого подвергли той же процедуре после меня, задержали до поздней ночи…»

Я писал Раковскому 14 июля:

«…Мы ждали сюда в течение июля приезда Зинушки (старшей дочери). Но, увы, от этого пришлось отказаться. Гетье потребовал категорически, чтобы она немедленно поместилась в санаторий для туберкулезных. Процесс у нее уже давно, а уход за Нинушкой в течение тех трех месяцев, когда Нинушка была врачами

приговорена к смерти, сильно надломил ее здоровье…»

Из письма Л.Д. в ЦК ВКП(б) и Президиум исполкома коминтерна (опубликовано в книге «Моя жизнь»)

«Два ближайших сотрудника моих со времени гражданской войны, тт. Сермукс и Познанский, решившиеся добровольно сопровождать меня в место ссылки, были немедленно по приезде арестованы, заточены с уголовными в подвал, затем высланы в отдаленные углы севера. От безнадежно заболевшей дочери, которую вы исключили из партии и удалили с работы, письмо ко мне шло из московской больницы 73 дня, так что ответ мой уже не застал ее в живых [81] . Письмо о тяжком заболевании второй дочери, также исключенной вами из партии и удаленной с работы, было месяц тому назад доставлено мне из Москвы на 43-й день. Телеграфные запросы о здоровье чаще всего не доходят по назначению. В таком же и еще худшем положении находятся тысячи безукоризненных большевиков-ленинцев, заслуги которых перед Октябрьской революцией и международным пролетариатом неизменно превосходят заслуги тех, которые их заточили или сослали».

[1929]

Московский посланец ГПУ Волынский оставался все время в Алма-Ата, ожидая инструкций. 20 января он явился ко мне в сопровождении многочисленных вооруженных агентов ГПУ, занявших входы и выходы, и предъявил мне нижеследующую выписку из протокола ГПУ от 18 января 1929 г. «Слушали: Дело гражданина Троцкого, Льва Давидовича, по ст. 58/10 Уголовного Кодекса по обвинению в контрреволюционной деятельности, выразившейся в организации нелегальной антисоветской партии, деятельность которой за последнее время направлена к провоцированию антисоветских выступлений и к подготовке вооруженной борьбы против советской власти. Постановили: Гражданина Троцкого, Льва Давыдовича, – выслать из пределов СССР».

Когда от меня потребовали позже расписки в ознакомлении с этим постановлением, я написал: «Преступное по существу и беззаконное по форме постановление ГПУ мне объявлено 20 января 1929 г. *Троцкий*». <…>

22-го на рассвете мы уселись с женой, сыном и конвоем в автобус, который по гладко укатанной снежной дороге довез нас до горного перевала Курдай. На перевале были снежные заносы,

сильно мело. Могучий трактор, который должен был пробуксировать нас через Курдай, сам увяз по горло в сугробах вместе с семью автомобилями, которые тащил. Во время заносов на перевале замерзло семь человек и немалое число лошадей. Пришлось перегружаться в дровни. Свыше семи часов понадобилось, чтоб оставить позади около 30 километров. Вдоль занесенного снегом пути разбросано много саней с поднятыми вверх оглоблями, много груза для строящейся туркестаносибирской дороги, много баков с керосином, занесенных снегом. Люди и лошади укрылись от метелей в ближайших киргизских зимовках. За перевалом – снова автомобиль, а в Пишпеке – вагон железной дороги. Идущие навстречу московские газеты свидетельствуют о подготовке общественного мнения к высылке руководителей оппозиции за границу. В районе Актюбинска нас встречает сообщение по прямому проводу, что местом высылки назначен Константинополь. Я требую свидания с двумя московскими членами семьи, вторым сыном и невесткой. Их доставляют на станцию Ряжск, где они подпадают под общий режим с нами. Новый представитель ГПУ Буланов убеждает меня в преимуществах Константинополя. Я категорически от них отказываюсь. Переговоры Буланова по прямому проводу с Москвой. Там предвидели все, кроме препятствий, возникших из моего отказа ехать добровольно за границу. Сбитый с направления, поезд наш вяло передвигается по пути, затем останавливается на глухой ветке подле мертвого полустанка и замирает там меж двух полос мелколесья. Так проходит день за днем. Число консервных жестянок вокруг поезда растет…

Паровоз с вагоном ежедневно уходит на крупную станцию за обедом и газетами. В вагоне у нас грипп. Мы перечитываем Анатоля Франса и курс русской истории Ключевского. Я впервые знакомлюсь с Истрати [82] . Мороз достигает 38° по Реомюру, наш паровоз прогуливается по рельсам, чтоб не застыть… Так проходит 12 дней и 12 ночей.

8 февраля Буланов заявляет: несмотря на все настояние со стороны Москвы, немецкое правительство категорически отказалось допустить вас в Германию; мне дан окончательный приказ доставить вас в Константинополь. «Но я добровольно не поеду и заявлю об этом на турецкой границе». – «Это не изменит дела, вы все равно будете доставлены в Турцию». – «Значит, у вас сделка с турецкой полицией о принудительном вселении меня в Турцию?» Уклончивый жест: мы только исполнители.

После 12 суток стоянки вагон приходит в движение. Наш маленький поезд возрастает, так как возрастает конвой. Из вагона

мы не имеем возможности выходить во все время пути, начиная с Пишпека. Едем теперь на всех парах на юг. Останавливаемся только на мелких станциях, чтоб набрать воды и топлива. Эти крайние меры предосторожности вызваны памятью о московской демонстрации по поводу моей высылки в январе 1928 г. Газеты в пути приносят нам отголоски новой большой кампании против «троцкистов».

…Для отправки из Одессы назначен пароход «Калинин». Но он замерз во льдах. Все усилия ледоколов оказались тщетны. Москва стояла у телеграфного провода и торопила. Срочно развели пары на пароходе «Ильич». В Одессу наш поезд прибыл 10-го ночью. Я глядел через окно на знакомые места: в этом городе я провел семь лет своей ученической жизни. Наш вагон подали к самому пароходу. Стоял лютый мороз. Несмотря на глубокую ночь, пристань была оцеплена агентами и войсками ГПУ. Здесь предстояло проститься с младшим сыном и невесткой, разделявшими наше заточение в течение двух последних недель.

Из книги Н. Седова и В. Сержа «Жизнь и смерть Льва Троцкого»

Сергей и Аня решили остаться. Они любили Россию и особенно Москву. Сергей к тому же хотел завершить учебу в технологическом вузе. Мы не могли настаивать, чтобы они уехали с нами.

Мы глядели в окно вагона на предназначенный для нас пароход и вспоминали другой пароход, который тоже отвозил нас не по назначению. Это было в марте 1917 г., под Галифаксом, когда британские военные моряки на глазах многочисленных пассажиров снесли меня на руках с норвежского парохода «Христианиафиорд». Мы находились тогда в том же семейном составе, только все были моложе на 12 лет. «Ильич» без груза и без пассажиров отчалил около часа ночи.

Из книги Д. А. Волкогонова «Троцкий. Политический портрет». Кн. 1

10 февраля Троцкого доставили в Одессу. Здесь состоялось прощание с младшим сыном и невесткой. Навсегда. Больше они никогда не увидят друг друга.

…Ящики с бумагами Троцкого на пароход загружены, чемоданы в каюту занесены, все документы выправлены. За окном вагона – мрак зимней одесской ночи. Поверх заношенного свитера Троцкий надел старенькое пальто, взял в руки баул с наиболее ценными вещами, еще раз обнял Сергея и невестку и пошел впереди Натальи Ивановны и Льва к выходу. Сквозь темень необычно морозной ночи виднелись редкие огни Одессы, с которой у него так много было связано. Держа за руку жену, Троцкий поднялся на борт судна, успев прочесть на борту в свете тусклого фонаря его название: «Ильич». Усмехнувшись, изгнанник мог подумать: тот, кто спит вечным сном в Мавзолее на Красной площади, не мог и предположить, что система, которую они так страстно и яростно создавали, не останавливаясь ни перед чем, уже через десятилетие начнет пожирать своих вождей.

Оглянувшись, Троцкий увидел лишь плотно оцепленный военными причал. Сергея и его жены [83] уже не было – их сразу же удалили.

Из книги Б. Рунина «Мое окружение» [84]

Поздняя осень в начале тридцатых годов. Мне едва исполнилось двадцать лет. Я работаю техником в крупнейшей проектной организации той поры. Вместе с моим начальником и наставником во многих чисто человеческих делах архитектором З. (через десять лет он бесславно погибнет в ополчении) мы вдвоем отправляемся в длительную командировку в Кузбасс, точнее, в город Сталинск, где только что пустили один из гигантов первой пятилетки – металлургический комбинат. Нам предстоит выбрать площадку для еще одного крупного завода в том же регионе.

З. – прославленный специалист в своей области. Он недавно вернулся из Детройта, где провел почти год, перенимая американский опыт промышленного строительства. Я польщен тем, что из нашей бригады опытных проектировщиков он в качестве спутника выбрал меня, в сущности еще молокососа и неуча. И вообще я преисполнен уважения к самому себе, ибо отныне причастен к делу большой государственной важности. Возложенная на меня ответственная миссия вселяет в мою душу подлинный энтузиазм. Я горжусь тем, что живу в эпоху величайших преобразований, в которых будет доля и моего участия.

Мы едем четверо суток в купе первой категории международного вагона. Я читаю Андре Жида, размышляю, строю планы на будущее, радуюсь предстоящему знакомству с Сибирью. В стране начинается новая жизнь…

Через месяц я возвращаюсь в Москву, потрясенный величием Сибири и совершенно раздавленный открывшейся мне там социальной реальностью. И я по сей день благодарен судьбе за то, что она предъявила мне тогда истинный лик эпохи – без всяких словесных прикрас и политических прельщений. На одном мимолетном примере я убедился, что во имя великой цели мы прибегаем к чудовищным средствам, что мы строим светлое будущее на крови, на страданиях, на истреблении людей… Словом, мне было тогда вещее предупреждение…

В тот памятный день мы с самого утра мотались на тарантасе вдоль реки Томь, оценивая на глаз открывающийся ландшафт с точки зрения его промышленной пригодности, и заехали в какие-то малообжитые места. Там нас и застала неожиданно налетевшая пурга, которая мгновенно скрыла из глаз все

возможные ориентиры, так что мы сразу сбились с дороги и стали плутать вслепую. Между тем уже смеркалось, а когда пурга так же внезапно прекратилась и нам открылось морозное звездное небо, выяснилось, что кругом нет никаких признаков жилья. Ни огонька. По счастью, свободно пущенная лошадка наша вскоре сама обнаружила какую-то проселочную дорогу, которая в конце концов привела нас к большому бревенчатому сооружению. За ним виднелось еще несколько строений, а дальше угадывались отблески множества огней, будто где-то там, в низине, почему-то остановилось факельное шествие.

При входе в дом нам преградил путь часовой с винтовкой. Вызванный им начальник при свете фонарика проверил наши документы и пусть не очень охотно, но все же пропустил нас внутрь, разрешив посидеть у печки и погреться, пока не взойдет луна.

Мы оказались в каком-то едва освещенном канцелярском помещении, совершенно безлюдном, если не считать человека в телогрейке, топившего печь. На наши вопросы – куда это нас занесло, что за контора тут находится, откуда там огни – он почему-то прямо не отвечал, предпочитая делать вид, будто налаживает ради нас еще одну керосиновую лампу. Только убедившись, что впустивший нас начальник скрылся где-то в глубине дома, истопник вдруг перестал мычать что-то нечленораздельное и не без упрека в голосе сказал:

– А вы что, правда не знаете, где находитесь?.. Выйдите покурить и постарайтесь податься чуток вправо. Сами все и поймете.

Заинтригованный его намеками, я минут через пятнадцать вышел на крыльцо, закурил сам и угостил папиросой вахтера, после чего стал прохаживаться перед домом туда-сюда, понемногу забирая направо.

Вскоре глаза мои привыкли к темноте, и я различил невдалеке высокую изгородь из густо натянутой между столбами колючей проволоки. Когда я приблизился к ней, мне открылась картина, которую я и сейчас, по прошествии почти шести десятков лет, словно продолжаю видеть воочию.

Там, за колючей проволокой, расстилалась огромная, уходящая куда-то далеко в темноту заснеженная котловина. На дне ее там и сям горели десятки, нет, пожалуй, сотни костров, и вокруг каждого из них копошились люди. Судя по силуэтам, там были и мужчины, и женщины, и дети. Некоторые, сидя на корточках, что-то варили на огне, некоторые бесцельно топтались туда-сюда, видимо стараясь согреться, некоторые лежали прямо на снегу. И то, что оттуда, из низины, совершенно не доносились

голоса, и то, что взошедшая только что луна постепенно высветила уходящую в далекую перспективу череду сторожевых вышек, и то, что эта чудовищная пантомима сопровождалась величавым покоем в природе и девственным запахом первого снега, – все это превращало происходящее у меня перед глазами в некое почти мистическое знамение. Я, со своей тогдашней юношеской готовностью к жизни, к добру, к свету, вдруг стал невольным соглядатаем державного, буднично творимого злодейства, еще какого-то неотлаженного, наспех импровизированного, но уже упрямо нацеленного в будущее.

И то, что я с тех пор неизменно ношу в себе это видение, ставшее для меня как бы символом режима, несомненно, помогло мне уберечься от многих коварных иллюзий, на каждом шагу подстерегавших моих современников и особенно коллег по литературе. Этот локальный, почти художественный образ насилия, творимого государством над своими подданными, помог мне впоследствии не вступить в партию даже на фронте. Он помог мне не участвовать во множестве верноподданнических акций, в минувшие годы почти обязательных для литератора.

Советская власть предстала тогда передо мной во всей своей эпической жестокости, и это зрелище стало для меня откровением на всю жизнь и на каждый день. Быть может, именно благодаря ему я в своих критических писаниях находил в себе силы не называть черное белым, не цитировать Сталина и его преемников и не пользоваться подлым словосочетанием «соцреализм», даже когда и то, и другое, и третье становилось непреложным условием прохождения моих писаний в печать…

Ошеломленный увиденным, я вернулся в дом к своему спутнику. Тот внимательно слушал человека в телогрейке, оказавшегося его земляком.

– Мы все тут курские, – рассказывал он. – Раскулачили нас, как только хлеб убрали. Но пока везли в эшелонах, пока со станции сюда гнали, зима и настала… Мне-то повезло, у меня среднее образование, вот в конторе к печке и к лампам керосиновым определили. А там, – показал он в сторону оврага, – народ мрет почем зря… Лагерь-то новый, построить еще ничего не успели…

Заночевать на лагерной вахте нам не разрешили. Вскоре мы опять погрузились в свой тарантас и, разузнав дорогу, двинулись в путь.

Не могу сказать, что до поездки в Кузбасс моя политическая сознательность покоилась на нуле.

Кое в чем я к тому времени уже разбирался благодаря дружбе с одним из своих старших сослуживцев. Это был художник нашей

архитектурной бригады по фамилии Глан-Глобус. Его судьба и некоторые размышления, которыми он делился со мной, заставили меня впервые усомниться в справедливости и гуманности нашего строя.

И все же если говорить о моем политическом прозрении, то должен заметить, что своим подлинным университетом «марксизма-ленинизма» я считаю свою поездку в Кузбасс. Народная беда впервые предстала тогда передо мной во всей своей наглядности. А потом пошло. Потом трагизм современной истории заглянул и в мой дом. Потом тридцать седьмой год взялся за мое политическое просвещение ударными темпами.

Когда я оказался в «писательской роте», мне сначала мнилось, что грозящая советскому государству реальная опасность поражения в войне сведет до минимума его репрессивные вожделения. Но уже в августе один из наших товарищей-литераторов был вызван из строя в особый отдел, и больше его никто никогда не видел. Нет, природа этой власти неизменна на всех этапах.

Часть вторая Лев Давидович Троцкий и его семья Турция, Европа, Советский Союз. 1929–1935 годы

Из статьи Я. Травинского «Письма Троцкого продолжают приходить»

Троцкий с начала марта 1929-го обосновался в Турции – в Принкипо, на Принцевых островах…Вождь левой оппозиции тщетно настаивал на любой другой стране, опасаясь, что Сталин вступил в сговор с турецким диктатором Кемалем и тот либо сгноит его в тюрьме, либо отдаст на расправу белым эмигрантам в Константинополе. Однако Кемаль оказался верным законам гостеприимства: Троцкий получил гарантии безопасности и смог поселиться на заброшенной вилле в Бийюк-Ада на Принцевых островах. Пытаясь получить визы в различные европейские страны… Троцкий лихорадочно занялся издательской деятельностью и сплочением сторонников. В числе первых к нему на остров приехала супружеская пара Молинье. Раймон [85] , преуспевающий предприниматель, человек с бешеной энергией и грандиозными планами, затем стал одним из лидеров французского троцкизма. Жанна Молинье, на чье имя Троцкий и Седов в первых письмах просят Куроедова [86] пересылать корреспонденцию в Принкипо, через два года ушла от мужа к Льву Седову и уехала с ним в Берлин. Троцкий был категорически против этого брака, не желая по личным причинам ссориться с Молинье.

…Весной 1931 года переписку берет в свои руки Троцкий: Седов с Жанной Молинье перебирается в Берлин. У Льва Давидовича много новостей – в основном печальных. На вилле случился пожар – предположительно поджог. Архив уцелел, но библиотека сгорела.

Из книги «Л.Д. Троцкий. Архив в 9 томах». Т. 6 «Из писем Л.Д. Троцкого Л.Л. Седову» (редактор-составитель Ю.Г. Фельштинский)

5-е мая 1931 г.

Милый мой!

Не писал тебе несколько дней, так как был целиком поглощен книгой. Подготовил еще три главы. Одну посылаю сегодня для перевода. Две другие – в течение ближайших дней. Для писания статей или циркулярных писем у меня сейчас времени нет и в ближайшие два-три месяца «не предвидится». <…>

…Вопрос совсем не сводится к тому, будет ли с нами сегодня Петр или Павел или его многоуважаемая венская племянница или тетка. Вопрос сводится к тому, чтобы систематически развивать и применять к событиям определенный капитал идей и на этом воспитывать настоящие революционные марксистские кадры. Для этого надо очиститься от случайных прохожих, которые примкнули к нам из любопытства или по ошибке. <…> Франкель, может быть, переведет это письмо на немецкий язык. Брошюру об Исп[ании] я не получал. […] Посмотрим.

Обнимаю тебя крепко. Будь здоров и бодр.

Л. Троцкий

9-е мая 1931 г.

Милый Лева,

Посылаю тебе окончание своего политического письма. Франкель и Шюрер перевели его на немецкий язык и пошлют тебе сегодня-завтра немецкий перевод. Похоже, может быть, придется напечатать это письмо в «Интернациональном бюллетене». Пока что его надо пустить по рукам. Следовало бы сделать и французский перевод. Но здесь это не осуществимо. Придется как-нибудь согласовать этот вопрос с Парижем. Эта задача уж ляжет на тебя.

…Ты пишешь, что «ничего не забываешь из поручений». Я в этом ни одной минуты не сомневался и не сомневаюсь. В поручениях противоречия, действительно, нередки, как и неясности. Объясняется это тем, что поручения даются нередко ощупью, причем в разные моменты работы и под влиянием разных потребностей и соображений. Но до сих пор мы тут не имеем ни малейшего повода к жалобам.

…Письмо твое № 17, посланное воздушной почтой и

помеченное 3–4 мая, получено было 6 мая вечером, следовательно, воздушная почта действует.

Крепко тебя обнимаю.

Л. Т[роцкий]

2 июня 1931 г.

Милый Лева!

…Не можете ли вы в Берлине найти испанца, чтобы от имени немецкого издания «Бюллетеня» вступить в переписку с испанскими товарищами, а главное, чтобы можно было в Берлине переводить рукописи и письма на испанский язык, так как переписка через Милля [87] совершенно не налаживается.

Нет ли в Берлине китайцев-коммунистов или сочувствующих среди студентов? Если иметь в перспективе перенесение «Бюллетеня», а может быть, и Секретариата, то надо выйти за «чисто немецкие» пределы и подготовить хотя бы маленькую интернациональную среду.

Крепко тебя обнимаю.

Л. Т[роцкий]

3-е июня 1931 г.

Милый Лева,

…Лучше всего было бы, конечно, если бы можно было найти в Берлине какого-либо китайского студента. Когда-то студент или студентка китайской национальности писал(а) мне из Берлина. Я давал тогда этот адрес Ландау [88] , но у него, кажется, ничего не вышло. М.И. [Певзнер] пошлет тебе этот адрес на всякий случай.

Обнимаю тебя и желаю бодрости. Лечишься ли? Ты об этом не пишешь. *Неужели запустил?* Это было бы ужасно…

Твой *Л. Т[роцкий]*

21 октября 1931 [г.]

Милый Лева,

Только что получилось от тебя письмо с карточкой Гитлера (ну и рожа! – абсолютно неприличная!).

Посланные тобою цитаты из «Правительственного вестника» поистине великолепны. Где ты их достал? Разумеется, мне это все пригодится как раз для тех глав, над которыми я сейчас работаю.

Ты жалуешься, что тебе не отвечено. М.И. [Певзнер] сообщит тебе, какие письма посланы тебе за последнее время…

…Все эти рассуждения, разумеется, не разрешают твоего личного финансового кризиса, который, правда, на фоне мирового финансового кризиса является ничтожной величиной, но тем не менее серьезно должен отравлять существование… Деньги могут быть здесь только к концу ноября. До этого времени затруднения, по-видимому, останутся.

Привет, *Л. Т[роцкий]*

2 июня 1931 г. т. Миллю

Дорогой товарищ!

[Письмо Л.Д. Троцкого М. Миллю]

…Вы находитесь сейчас в стадии абсолютного отрицания Раймона [Молинье]: отрицательные качества больше положительных. Что вы предлагаете вместо этого? Ничего. Вы просто даете выход вашим настроениям…Он наделал больших ошибок и способен наделать еще большие. Задача в том, чтобы дополнить его, а не в том, чтоб отвергнуть его. Пример, который вы сообщаете, в высшей степени характерен, но говорит против вас и за Раймона. Я сужу исключительно на основании ваших писем: никаких других сведений у меня нет. Вы пишете, что решено было выпустить «Веритэ» через две недели, а Раймон совершил «преступление», раздобыл денег, притом с личным самопожертвованием, и заставил выпустить номер через неделю. Я от всей души аплодирую Раймону и возмущаюсь вами, которые говорили: как-де можно в 24 часа пересмотреть решение, переделать все и пр. Раймон революционер, а те, которые критиковали его в данном вопросе – ленивые обыватели. Я сужу на основании вашего письма. Никаких других данных у меня нет, повторяю. Что Раймон совершает политические скачки, игнорируя организацию, это недопустимо. Но объяснением, если не оправданием, является то, что остальные ничего не делают, а «критикуют», «руководят» и указывают Раймону на его «недостатки»…

[Л.Д. Троцкий]

Из книги А. Глоцера «Троцкий. Воспоминания и критика»

22-летний американский коммунист Альберт Глоцер в октябре 1931 года прибыл на остров Принкипо в местечко Кадикой, в дом 22 на улице Чапа. Водитель такси сказал, что часто возит гостей по этому адресу. За время, что Альберт жил в этом двухэтажном, плохо охраняемом доме, у него были многочисленные обязанности. Он – секретарь и охранник Троцкого, сопровождал ЛД на рыбалку и даже был бебиситтером для пятилетнего Севы, говорившего только по-русски. Сева плакал в кровати, прежде чем заснуть [89] .

Мать Севы, Зина Волкова, только что была отправлена в Берлин для лечения «невроза». В главе «Кадикой, Турция, 1931» Альберт упоминает Зину:

Все в доме знали, что у Зины серьезные личные проблемы, усилившиеся в условиях ее жизни в изгнании с ЛД и Натальей. Она не ладила с отцом, потому что он не хотел поручить ей обязанности секретаря, как поручал до того сыну Леве. Она просто неспособна была к такой работе, но понять этого не могла и очень болезненно воспринимала отказ».

В том же году Альберт встретился в Берлине с Левой. Обсудив партийные дела, Альберт выразил желание навестить Зину в санатории, где она лечилась, на что Лева ответил отказом, предположив, что это может очень ее расстроить, так как состояние ее не улучшилось.

Из книги «Милая моя Ресничка» Письма С. Седова к родителям и брату [90]

22/II 31 г.

Дорогие мои!

Получил позавчера мамино письмо. Папиной открытки не получал, от Зины тоже пока получил только одну открытку. Леля [91] послала маме и Зине по письму. Надеюсь, что они благополучно дошли.

…Я сижу дома пятый день, простудился, и желудок что-то не в порядке. Первый день температура к вечеру поднялась до 39°. Сейчас температура нормальная, но самочувствие неважное.

Дня через два придется выйти на работу, к этому же времени, может быть, на несколько дней позже окончится моя служебная волокита, о чем я немедленно сообщу. Чем кончится – понятия не имею.

Пользуясь свободным временем, прочел книжку Лафарга [92] «Очерки по истории культуры». Это сборник его статей, некоторые из них очень любопытны.

Крепко вас всех целую. Леву поздравляю (верней, выражаю свое соболезнование) по поводу наступления его 25-ти летнего юбилея.

Привет от Лели.

Сергей

P.S. Посылаю вам мало-мальски сносный снимок Лели и меня и мои снимки, которые я привез из Ивано-Вознесенского турне. Шляпа не моя. Трубка тоже.

Сергей

30/III 31 г.

Дорогие мои!

Давно от вас нет никаких вестей, если не считать перепиской маминой открытки, полученной около недели тому назад.

Из открытки между прочим видно, что ты, мама, не получила Лелиных писем (она послала тебе одно письмо и одну или две открытки).

Леве послали несколько книг по его списку и на днях высылаем остальные, за исключением одной или двух, которые пока не удалось достать. Пускай он обязательно подтвердит получение.

Я сейчас опять нахожусь в водовороте лекций, упражнений

проектирования и проч. Устаю чрезвычайно и мечтаю о летних каникулах, но до них, увы, еще далеко – целых три месяца.

Особенно мне трудно этот семестр, т. к. я сейчас еще заведую кабинетом «теплотехники» (сие громкое название принадлежит комнатушке с площадью примерно 14 квадратных метров) и мне приходится помимо роли заведующего исполнять еще роль курьера и проч.

Оклад мне положили тоже смешной – 125 р. в месяц.

Кроме того, меня втянули еще в составление задачника по курсу двигателей внутреннего сгорания, так что из всего этого – in corpore получилась бессонница, правда, последние дни несколько утихшая.

Недавно Аня вместе с Люликом вернулись в Москву.

Письмо начал писать в выходной день, но не успел дописать, и вот прошло еще четыре дня, и, хотя оно лежит у меня на виду, никак не могу его закончить.

Поэтому отправляю в таком виде. Из новостей могу еще сообщить, что Леля сейчас временно без работы.

Крепко вас целую.

Сергей

17/IV31 г.

Дорогие мои!

Я был удивлен вашей телеграммой, т. к. посылал несколько писем. Сам я после зимнего письма от 13/II ничего не получал до самого последнего времени, только за последние дни получил две открытки от мамы, и Леля получила Зинину открытку.

У нас был здесь трагический инцидент с Люликом, который, слава Богу, окончился благополучно. Он вздумал кататься с лестницы на перилах и свалился, пролетев, кажется, целый этаж, хотя этого установить нельзя. Он был в шубе и теплой мягкой шапке, и это его, очевидно, спасло. Няня, которая искала его в это время на дворе, нашла его лежащим на лестнице в бессознательном состоянии. В таком положении он пробыл несколько часов. Вызвали карету скорой помощи, отвезли его в больницу, там ему впрыснули камфору и поставили диагноз – сотрясение мозга. Состояние у нас всех было кошмарное, т. к. в больницу никого не пустили, не разрешили даже отдельной сестры. В 12 ч. ночи привезли к нему профессора, его тоже не пустили, а когда привезли его в больницу, то прежде чем осматривать, нужно было заполнить анкету, состоящую из длинного ряда самых разнообразных вопросов.

На четвертый или на пятый день он вернулся домой. Сейчас он обещает снова покататься на перилах, как к тому только представится удобная минута. Случись эта история до отъезда

Зины, Аня безусловно отпустила бы его к вам. А это было бы очень хорошо. Потому что его теперь совсем забалуют. А жалко, он очень смышленый мальчишка.

Я, как вам уже писал, работаю на новом месте. Дело это – газогенераторы – очень интересное и имеет большие перспективы. Правда, приходится заниматься и дома, т. к. дело для меня новое.

Много времени отнимает дорога, час в один конец!

Леля недели через три уходит в отпуск. По всей вероятности, ей удастся устроиться в санатории или доме отдыха.

Шлю Зинуше извинения, что до сих пор не послал ей письма. Признаю всю низость этого поступка. Оправдание напишу в письме к ней, которое все-таки надеюсь написать.

Крепко всех вас целую. Привет от Лели.

P.S. Пришлите ваш новый адрес [93] , в маминой открытке его никак нельзя разобрать.

Сергей

2/V 31 г.

Милые мама и папа!

Дней десять тому назад я послал вам письмо, надеюсь, что вы его получили. Примерно столько же дней тому назад арестовали Захара [94] – Сашиного [95] папу. Я послал два дня назад письмо Зине, об аресте Захара я ей ничего не писал, т. к. она себя, кажется, плохо чувствует, и мне не хотелось ее волновать, т. к. боюсь, что она очень будет беспокоиться за Сашеньку. Если вы найдете нужным, вы ей, конечно, скажете. Теперь о Сашеньке: она приблизительно через неделю уедет в детскую колонию (очень как будто бы хорошую). В материальном отношении у ней все обстоит благополучно, мы с

Лелей приняли в этом посильное участие. Пробудет она в этой колонии до конца лета, так что до осени она будет находиться в хороших условиях. К этому времени вопрос с Захаром совершенно очевидно должен разрешиться, и тогда можно будет подумать о дальнейшей ее судьбе.

Все преступление Захара заключается в том, как будто бы, что он на каком-то собрании сказал, что МОСНХ паразитический орган, который является лишней тормозящей инстанцией между трестами и ВСНХ, а тут как раз происходила чистка аппарата на его службе. Комиссия по чистке, искавшая жертв, накинулась на него, и пошла писать губерния. Результаты налицо.

Несколько дней тому назад получил мамочкино письмо от 12 апреля. Ты спрашиваешь, получили ли мы посылку. Посылку мы получили, большое спасибо. Я, кажется, по крайней мере в двух письмах сообщал об этом и посылал нашу благодарность.

В прошлом письме я описывал вам инцидент, произошедший с Люликом, сейчас уже совершенно очевидно, что все кончилось абсолютно благополучно и без всяких последствий.

Работа моя все еще точно не установилась (не в смысле места службы, а в смысле работы на данной службе), так что трудно еще сказать, будет ли интересно или нет. Отдел, в котором я работаю, как я вам уже писал, занимается установкой газогенераторов на автомобили и трактора. Идея сама по себе очень интересная. Когда я больше войду в работу и получу более конкретные функции, то я напишу об этом подробнее. Пока крепко вас целую, привет от Лели.

Сергей

10/X 31 г.

Дорогие мои!

Я вам давно не писал, т. к. не было «соответствующего» настроения и я никак не мог засесть за письмо.

От вас я тоже не получал писем ровно два месяца. [Несколько строк нрзб.] Очень нас удивило [нрзб.] сообщение о Зине. Я совершенно не понимаю, что это значит такое. И потом, эта история с пневмотораксом – она могла кончиться очень плохо. Во всяком случае, теперь можно смело сказать – хорошо, что вы отправили ее в Берлин.

Мы получили от Зинуши из Берлина телеграмму, результат от пересланного ей письма Лели. Писем от нее мы не имеем очень давно.

Посылаю вам карточку Люлика, не слишком удачную, но и не очень плохую. В следующем письме пришлю еще две фотографии, на одной опять Люлик один, а на другой мы с ним вместе.

Отпуск мой кончается через неделю, но отдохнул я, конечно, плохо. Мамочкин план о приезде нашем с Лелей чрезвычайно заманчив, но надежды на его осуществление чрезвычайно невелики.

Что касается возвращения Зины в Москву, то теперь, когда Платон [96] совершенно изолирован, мне кажется, ей здесь пока что делать совершенно нечего. Служить она не может, комнату она фактически потеряла, верней, ей придется жить вместе с Марией Израилевной [97] , питание плохое, а положительных сторон я не вижу никаких. Мне кажется, что при нынешней ситуации с ее приездом спешить нечего.

Мамочка! Вечные твои беспокойства о моем здоровье чрезвычайно преувеличены. Я, в общем, совершенно здоров.

Леве я недели две тому назад послал письмо и недавно получил от него открытку. На днях послал ему карточки Люлика.

Крепко вас целую.

Сергей

Открытка [17/XI 31] [98]

Дорогие мои!

Ждем с Лелей сейчас машину, чтобы везти ее обратно в больницу, т. к. состояние ее не улучшается. Профессор, который выпустил ее из больницы, рассчитывал, что удастся обойтись без оперативного вмешательства (что опухоль у нее рассосется), но прошло уже три недели со дня ее возвращения из больницы, а улучшений никаких нет, так что, по всей вероятности, придется ее оперировать.

Леля шлет вам горячий привет. Крепко целую.

Сергей

6/1 32 г.

Дорогие мои!

Я очень давно, возмутительно давно вам не писал. Объясняется это болезнью Лели и моим соответственным настроением. Сейчас Леля совсем уже поправилась и даже утверждает, что чувствует себя лучше, чем перед болезнью. Хотя это, конечно, явное преувеличение. Но выглядит она действительно терпимо.

Т. к. жизнь наша не может протекать без неприятностей, то не успела еще вполне поправиться Леля, как меня выгнали со службы. У нас в НАТН (Науч[ный] авт[о]-тракт[орный] ин[стит]ут) было сокращение штатов, под которое, конечно, попал ваш покорный сын и слуга.

Это, конечно, неприятно, т. к. работа в научном институте пришлась мне по душе. Не помню, писал ли я вам, что с двумя сотрудниками отдела я пишу небольшую книгу о газогенераторах, на которую убиваю много времени. Пока я работал в НАТН – это имело смысл, т. к. повышало мою квалификацию (с финансовой стороны это совершенно невыгодно), сейчас же это будет бессмысленным занятием, т. к. мне придется работать в какой-нибудь другой области. И вообще весь год, проработанный мной в НАТИ, пропал почти даром. Попасть в какой-либо другой научный институт мне не удастся, т. к. я нахожусь сейчас в распоряжении ВАТО (Всесоюзное авто-тракт[орное] объединение), которое, кроме НАТИ, не имеет никаких научных институтов.

Когда поступлю на новую работу, то напишу вам.

Очень нас с Лелей взволновало мамино сообщение о здоровье Зины, сейчас, судя по последней открытке, Зинуше значительно лучше.

Что касается ее приезда в Москву, то я считаю, что этот вопрос надо тщательно продумать, прежде чем приводить в

исполнение.

Мне кажется, что в ближайшее время Зине в Москве делать совершенно нечего. Питание плохое, служить она не сможет, поехать к Платону – тоже нет. Потом вопрос квартирный, в Зининой комнате сейчас живет жена Захара Борисовича, которая из-за переезда туда лишилась своей комнаты. Удержать в Москве две комнаты невозможно. Кроме всего этого, если у ней здесь повторится какое-нибудь нервное заболевание, то ни о санатории, ни о особенно хорошей врачебной помощи не может быть и речи.

Я около месяца тому назад послал Леве несколько открыток Люлика и письмо. Открытки он получил, а письмо я недавно нашел у себя на столе в куче бумаг, я его забыл вложить в конверт.

Крепко вас целую.

Скоро будет три года как мы не видимся. Привет от Лели.

Сергей

11/IV 32 г.

Дорогие мама и папа!

Получил вчера мамино письмо от 29 марта, из которого заключил, что моих последних двух писем вы, очевидно, не получили.

Мамины письма, по-моему, до меня доходят почти все. Для лучшей ориентации в ходе нашей дальнейшей переписки я решил свои письма нумеровать, то же предлагаю делать маме, тогда по крайней [мере] будет ясно, кто что получил.

У меня сейчас чрезвычайно много работы, тружусь по 12–14 часов в сутки. 10 марта истек срок сдачи в печать нашей книги (по договору), а у нас и по сей день не написана еще целая глава.

Новая служба моя, хоть и не совсем подходит мне по специальности, все же интересна, и я постепенно начинаю втягиваться в работу. Публика довольно тихая, так что, даст Бог, и не выгонят.

Люлик с Аней находятся сейчас в доме отдыха. Дифтеритом он не болел, у него была ангина в острой форме, предположение врача о дифтерите было опровергнуто первым же анализом – через день. К моменту своего выздоровления Люлик заразил ангиной Аню, этим и объясняется их совместное пребывание в доме отдыха.

Посылки (две) мы получили, большое вам спасибо.

Как у меня только будет больше свободного времени, напишу обо всем подробней.

Пока крепко вас целую. Привет от Лели.

Сергей

16/VI 32 г.

Милые мама и папа!

Наконец-то я покончил со своей проклятой книгой и могу свободно вздохнуть. Очень давно я вам не писал, последнее время был чрезвычайно занят. Последние два месяца и сейчас у меня рабочий день начинается в 8 часов утра и заканчивается в 2 часа дня без перерыва. Вообще говоря, особенно летом, это довольно удобно. С другой стороны, ввиду того, что я с двух часов уже свободен, на меня свалилась почти вся работа по одной части нашей книги, которую (часть) мы должны были писать вдвоем. Редко приходилось ложиться раньше часу, т. е. редко приходилось спать больше шести часов. Таким образом, под конец я совсем выдохся.

Сейчас я сдал работу уже три дня тому назад, удалось отоспаться и немного отдохнуть. По инерции как-то хочется продолжать работать. Я так привык за последние два – два с половиной года по возвращении со службы садиться за работу, что мне даже как-то странно прийти домой и сесть «просто так» читать беллетристику.

Службой моей новой я доволен не слишком. Публика там приятная и условия довольно хорошие, но сама работа не очень мне по душе. Работать приходится в области так называемых стационарных двигателей (это не совсем так, ибо они проектируются для тепловозов), моя же специальность – так называемые легкие двигатели (автомобильные, авиационные и тракторные). Думаю, что через некоторое время, может быть, удастся перейти в Институт гражданской авиации. Профессор, у которого я делал свой дипломный проект, предложил мне свою протекцию, но этого, конечно, мало. Вообще у нас сейчас довольно трудно перейти с одной службы на другую. Поживем – увидим.

Мамино письмо № 1 я не получал, № 2 и открытку получил. Леля послала дней пять тому назад маме письмо. Она сейчас не работает, и возможно через несколько дней ей удастся уехать под Москву в дом отдыха. Мой отпуск начинается не то с 15-го июля, не то с первого августа. Как мне удастся его использовать, пока еще неизвестно. Отдохнуть мне не мешает, т. к. я три года подряд фактически работаю без всяких перерывов.

От Зинуши я получил две открытки, обе в игривом и бодром тоне. Сегодня или завтра напишу ей.

Недели две тому назад Леля отправила Леве порцию книг по электротехнике, не знаю, получил ли он их и пригодятся ли они ему, если они дошли.

Крепко вас целую, Леля шлет привет, соберусь с мыслями – напишу еще.

Сергей

P.S. Милая мамочка, я получил твою открытку относительно посылок. По-моему, вышло какое-то недоразумение, мы все получили, очень довольны, очень благодарны и просим не беспокоиться. По тону твоей открытки и по ее содержанию я никак не могу понять корней этого недоразумения, но, ей-Богу, не стоит ни огорчаться, ни беспокоиться. Крепко тебя целую.

Сергей

9/VIII 32 г.

Дорогие мои!

Пишу вам снова с берега Черного моря – из Алушты. Я восьмой день здесь, в доме отдыха. [Несколько строк нрзб.] Дом наш стоит в двух шагах от моря, так что даже не приходится утруждаться на ходьбу. Хотя я три года не купался, с 1929 г., но сейчас опять вошел во вкус и с молодыми татарчатами (их у меня тут двое приятелей) плаваем на такие дистанции, что, по слухам, с берега еле видно. Я ходил с экскурсией на одну из ближайших гор, прекрасный вид на море, [великолепный горизонт, [но не видно Константинополя.

Весьма сильное впечатление произвел на меня экскурсовод – юноша, [много знающий и не менее изобретательный].

Он начал рассказывать нам о горе, на которую мы поднялись. Легенда относится к истории древнего Рима и излагается им примерно таким образом: «Древние римляне вышли с рабочего уголка, взобрались на гору, спустились в пещеру, замуровали в нее вход, забрали свои вещи, затем вышли из дачи Голубева, сели на ялик и уехали».

[Несколько строк нрзб.]

По возвращении в Москву буду пытаться перейти в Научно-исследовательский институт Гражданского флота. Надеюсь, что это мне удастся.

Незадолго до моего отъезда было получено мамино письмо к Леле. И Леля отправила на него ответ.

Платон пропал с моего горизонта. Я ему отправил две телеграммы в Енисейск и ни на одну не получил ответа. От Зинуши получаю изредка открытки или письма.

Крепко вас целую.

Сергей

[Август 1932] [99]

Дорогой Лев!

Получил несколько дней тому назад твою открытку. Тебя интересует ряд вопросов:

1). Имеется ли твое удостоверение об окончании рабфака. Его нет. Справку об окончании получить можно, но без всякого

перечисления предметов, только: имярек окончил в таком-то году такой-то рабфак.

2). Ты интересуешься техническими книгами. К сожалению, с книгами дело обстоит довольно плохо, они из-за недостатка бумаги выходят малыми тиражами и их сейчас же расхватывают. Если ты напишешь, какие именно тебе книги нужны (не по авторам, конечно, а по темам – электрические станции, сильные токи и пр.), то я, может быть, смогу купить часть у перекупщиков, а остальное постепенно по мере [появления] на рынке. Сам [по себе] ассортимент технической литературы у нас довольно велик.

3). Вопрос о посылках. Ты пишешь, что посылал Ане деньги. Она говорит, что никаких денег не получала. Зина писала мне, что на мое имя посылала для ее девочки деньги. Я тоже ничего не получал.

Посылка, которую ты послал нам, пришла, но мне сообщили, что т. к. она послана фирмой (ты, очевидно, отправлял через фирму), а не частным лицом, то ее мне не выдадут, а отправят обратно.

Что касается дальнейшего, ты спрашиваешь, посылать ли посылки, то в случае, если это не несет никаких финансовых трудностей, посылать можно. Предпочтительно что-нибудь из вещей, носить мне абсолютно нечего, а купить очень трудно.

Если будешь посылать, то посылки небольшие, конечно, – пару рубашек или несколько пар чулок.

Твои толстые письма к Люлику доходят. Его я недавно видел, был у него на даче. Он немного подрос, рожица у него стала еще лукавей, потом, он загорел и сильно окреп.

Его недавно снимали, у Ани есть хорошие его фотографии, и она обещала послать тебе несколько штук. Мне самому трудно его снять, т. к. после переезда на новую квартиру [100] у меня не осталось никаких принадлежностей. Кроме того, я сейчас очень много работаю, днем на службе, а по вечерам сверхурочно работаю дома или часто остаюсь на работе до 10 ч. вечера.

Привет от Лели. Жму руку.

Сергей

8/X 32 г.

Милые мои!

Давно вам не писал, ждал все обещанного ответа на мое крымское письмо. 5-го октября письмо пришло (от 12-го сентября!), очень уж долго тянется перевозка письма из Турции в Россию.

Я после отпуска немного замотался, набрал работы для расплаты с отпускными и курортными долгами и сразу окунулся в житейские невзгоды.

Сейчас самые грозные часы расплаты остались уже позади, остались еще пустяки, так что можно приостановиться и перевести дух.

Отдохнул я в Алуште, в общем, хорошо, только маловато мне показалось.

Кормили довольно сносно, но самое главное, что почти целый месяц я абсолютно ничего не делал. За последние три года я так наработался, что с удовольствием продолжил бы такой паразитический образ жизни еще месяца на два.

Работаю на старой службе и начал сейчас готовиться к экзамену на аспиранта в университет на физико-математическое отделение – это последняя idee fixe вашего сына.

Объяснения этому намерению дать нетрудно. Первое – это то, что, занимаясь научной работой, я чувствую пробел в своих физико-математических познаниях; второе, и основное, заключается в том, что я человек по характеру своему целеустремленный и не могу существовать без какой-нибудь idee fixe, которую всяческими мерами стараюсь осуществить.

Когда я писал, что вторично шлю вам письмо из Крыма, то имел в виду 1924 г., когда, так же, как в 32 г., нас разделяло лишь море.

Леля поступила на службу на секретарскую работу, по коммерческим соображениям, т. к. это оплачивается выше, чем библиотекарский труд.

Служба ее, так же, как и моя, находится в Лефортове, т. е. около часу (немного больше) езды. Это обстоятельство, при перегрузке наших трамваев, ее сильно утомляет. Сама по себе работа не утомительна.

От Зины и от Левы писем не получаю вовсе, очевидно, они не пишут.

Крепко вас целую. Леля шлет привет.

Сергей

[Начало ноября 1932] [101]

Дорогой Лев!

Я уже давно получил твою открытку и до сих пор не отвечал на нее, т. к. надеялся достать нужную тебе книгу.

Ни Жуковского, ни векторального анализа я не нашел, старого нигде нет, а очередное издание только готовится к печати.

Я на днях вышлю тебе механику некого Розе и К.

Книгу эту очень хвалят, сам о ней сказать ничего не могу [потому что, во-первых, я ее не читал, а] во вторых – вообще слаб в этой области. В ней, кстати, страниц 100–150 посвящено векторальному анализу. Может быть, она тебя устроит.

Я начал преподавать термодинамику в Московском авиационном институте (последний получился из авиационного факультета МВТУ и Ломоносовского института). Пока приходится массу времени тратить на подготовку.

Сын твой растет и крепнет. Леля тебе кланяется, жму руку. Крепко целую Зинушу.

Сергей

P.S. Достал еще Кочина «Векторальные исчисления», 9-го высылаю.

Сергей

[Ноябрь 1932]

Милые мама и папа!

Получил вчера мамино письмо от 17 октября, в котором есть ряд справедливых ламентаций по поводу того, что я стал редко писать.

Как я вам писал, я имел намерение устроиться аспирантом при МГУ. Затея эта потерпела неудачу по двум причинам: первая – оказалось, что нельзя совмещать работу с аспирантурой, препятствие, в конце концов, преодолимое; вторая причина – та, что меня бы туда наверняка не приняли, т. к. там весьма свирепые анкеты и столь же строгий отбор.

Я сейчас уже около месяца преподаю термодинамику в Московском авиационном институте.

При этом я, конечно, продолжаю свою работу на службе. По постановлению ВСНХ все инженеры, занимающиеся преподавательской деятельностью, имеют право использовать для этих целей 12 часов в декаду из служебного времени.

Начал я совершенно экспромтом без всякой подготовки, поэтому приходится массу времени тратить перед каждым занятием на решение задач, подготавливание материала и проч. Так что сейчас все мое свободное время уходит на термодинамику. Сижу и корплю.

Люлику, как вам известно, исполнилось шесть лет. За то время, что я его не видел – он был на даче, – он сильно вырос и окреп.

В детский сад он пока не ходит.

Погода у нас стоит мерзкая – дожди, дня два подряд идет уже снег, который тут же тает и превращается в слякоть. Особенная грязь – провинциальная – стоит у нас на дворе. Уже начинаем немного мерзнуть, т. к. до сих пор не начинали топить. А вы жалуетесь на жару!

Крепко вас целую. Леля вам кланяется.

Ваш *Сергей*

6/1 33 г.

Дорогие мама и папа!

Давно не писал вам. Очень горячее было время, много работы на службе, и потом, к 1-му январю я закончил ведение занятий по термодинамике, так что конец месяца и последние несколько дней были особенно перегружены – зачеты! зачеты!

Сейчас, несмотря на то, что я уже полностью закончил курс, мне все же еще приходится много заниматься термодинамикой дома, т. к. параллельно с теми двумя группами, которые я вел до января в Московском] авиационном] ин[ститу]те, я веду еще группу в бывшем МВТУ, где объем предмета значительно шире.

Преподавательской своей деятельностью я, в общем, доволен, когда кончились занятия к 1-му январю в Московском] ав[иационном] ин[ститу]те, то было как-то даже жаль расставаться со студентами – за три месяца я уже их всех изучил и даже как-то привык к ним.

На 33 г. у меня очень неравномерное распределение занятий. Всего мне дали по Моск. ав. ин-ту около трехсот часов на год, из них на апрель и май падает, кажется, по 70 ч, а [на] январь-февраль ни одного часа. Что будет по МВТУ – еще неизвестно. Если там удастся нагрузить январь и февраль, то я думаю совсем бросить службу, т. к. мне нужно все-таки много заниматься, а сейчас я работаю в среднем не менее 12–14 часов в день, включая выходные дни. Последние дни даже начались бессонницы!

Ну вот, теперь вы имеете исчерпывающие сведения о моих делах.

Забыл я поздравить вас с новым годом, что и исполняю сейчас с некоторым запозданием.

Напишите, получено ли вами письмо к маме от Лели? Оно было послано недели три тому назад. Мы за последнее время кроме двух маминых открыток с парохода ничего от вас не имели (одну открытку, кстати сказать, даже при помощи лупы мы разобрали только процентов на 70).

Я думаю, что вам уже известно, что Аня уехала на три года в Воронеж, а Люлик пока остался со мной и с Лелей. Няня пока осталась старая, сейчас очень трудно найти подходящего человека, и потом, он так избалован, что далеко не каждый с ним согласиться работать.

Аня в Воронеже устроилась очень хорошо со службой, получает больше, чем получала в Москве, и больше, чем получаю я.

Первое время у ней были затруднения с комнатой, теперь, кажется, и с этим вопросом все улаживается.

Я не писал вам раньше, т. к. не видел к тому никакой надобности, что Аня вышла замуж. Я и сейчас пишу об этом

потому, что, с одной стороны, Аня совершенно не скрывала от меня этого, и с другой – при теперешней ситуации это известие, может быть, представит для вас некоторый интерес.

Я уже очень давно не имею совершенно никаких вестей от Зинушки, правда, я и сам ей давным-давно не писал.

Сейчас в связи с отъездом Ани у нас начнется (верней, уже началась) тяжба с домоуправлением относительно комнат. В общем, развлечений еще много на нашем жизненном пути.

С нетерпением жду от вас писем, крепко вас целую. Леля шлет свой горячий привет.

Ваш *Сергей*

Из книги Н. Седовой и В. Сержа «Жизнь и смерть Льва Троцкого»

3 января 1933 г. старшая дочь ЛД Зина Волкова, которой только что исполнилось 30 лет [102] , заперлась в своей берлинской комнате и открыла газовую конфорку. У нее был туберкулез. В крайней тревоге Зина наблюдала, как «коричневые рубашки» заполняли улицы. Она слышала об арестах в Москве, ничего не знала о судьбе мужа Платона Волкова, сидящего в заключении, она не смогла привыкнуть к одиночеству, и лишение ее советского гражданства оказалось последней соломинкой. В Москве осталась дочь Зины Саша, отец которой (Захар Моглин) к этому времени тоже был арестован.

«Последние новости», парижская русскоязычная газета, 12 января 1933 года

Покончила с собой дочь Троцкого

Причины: тяжелая болезнь и отказ в продлении визы.

Берлин, 11 января

Покончила с собой проживавшая в Берлине дочь Троцкого, Зинаида, по мужу Волкова. Она жила при отце в Турции, но затем получила, по болезни, разрешение на временное проживание в Германии. Срок визы недавно истек, и Волковой было предложено покинуть страну.

По словам той же газеты, в Берлине проживает сейчас сын Троцкого, студент политехникума.

Берлин, 11 января

Зинаида Волкова – дочь Троцкого от первой жены, революционной деятельницы А.Л. Вонской [103] , с которой бывший наркомвоен разошелся перед войной. Младшая дочь Троцкого, Нина, скончалась от туберкулеза.

Муж Зинаиды, Волков, сослан в Сибирь. Дочь Троцкого получила в 1930 году разрешение выехать к отцу в Турцию. В 1931 г. она приехала в Берлин лечиться.

Берлинский корреспондент «Пари Суар» посетил квартиру в Керльфорте, близ Берлина, где проживала дочь Троцкого.

1 января Волкова заявила квартирной хозяйке, что должна уехать, так как власти отказали ей в продлении визы.

Оставшись одна в квартире, дочь Троцкого заперлась в своей комнате и открыла газ. В комнате нашли записку следующего содержания: «Позаботьтесь о моем мальчике. Умираю из-за болезни и отчаяния».

Волкова была в России учительницей.

Сын Троцкого, Лев, сообщил корреспонденту, что и ему грозит высылка из Германии.

Из издания «Бюллетень оппозиции» № 64,1938 года Л. Троцкий. «Лев Седов: сын, друг, борец»

…Затем последовало самоубийство в Берлине Зины, старшей моей дочери, которую Сталин вероломно, из голой мстительности, оторвал от детей, от семьи, от среды. Лев оказался с трупом старшей сестры и ее шестилетним мальчиком на руках. Он решил попытаться вступить по телефону в связь с младшим братом, Сергеем, в Москве. Растерялось ли ГПУ перед фактом самоубийства Зины, или же надеялось подслушать какие-либо тайны, но телефонная связь была, вопреки ожиданиям, установлена, и Льву удалось живым голосом сообщить в Москву трагическую весть. Таков был последний разговор наших двух мальчиков, обреченных братьев, над еще неостывшим телом сестры. Кратки, скупы, целомудренны были сообщения Льва о пережитом к нам на Принкипо. Он слишком щадил нас. Но под каждой строкой чувствовалось невыносимое нравственное напряжение.

Из книги Д.А. Волкогонова «Троцкий. Политический портрет»

Зинаида, на руках у которой скончалась сестра, была надломлена трагической переменой в судьбе семьи: ссылка отца, арест мужа, Платона Волкова, смерть сестры, болезнь сынишки, беспросветная нужда и положение отверженной. К тому же у нее самой был туберкулез. Молодая женщина стала пытаться уехать с сыном к отцу в Турцию. После долгих мытарств и унижений ей удалось добиться разрешения на выезд, и в январе 1931 года она приехала с сыном к отцу на Принкипо. К этому времени у нее начали появляться признаки и психической неуравновешенности. Последние годы Зина, как и ее младшая сестра и мать, жили в условиях морального террора. К туберкулезу присоединились глубокая депрессия, истерические припадки. Зинаида тосковала о дочери, оставленной в Москве, ничего не знала о судьбе мужа. Ей казалось, что отец тяготится ее присутствием. Она прожила на острове с отцом десять месяцев, но глубокой родственной близости не появилось… Несмотря на все старания Троцкого, отчужденность в отношениях Натальи Ивановны и Зины не исчезла.

…Троцкий не испытывал глубоких отцовских чувств к своей старшей дочери, сильно страдал от этого, но ничего поделать не мог. Совместная жизнь становилась на Принкипо нестерпимой. Зинаида чувствовала, что она здесь – нелюбимая дочь, ревновала отца к мачехе, мучилась сама и накаляла обстановку в семье. Наконец отец отправил дочь в Берлин для лечения и последующего возвращения на родину. В Амстердамском архиве (где мне также довелось поработать, как и во всех других, где хранятся бумаги Троцкого) есть несколько писем, приоткрывающих причины трагедии Зины.

Вскоре после начала лечения дочери в Берлине Троцкий получил письмо от его знакомой – Александры Рамм, которая взяла на себя заботы о молодой женщине. В нем говорится, что «состояние Зины осложняется не только из-за болезни легких, а прежде всего душевного состояния… Заболевание произошло бесспорно в Константинополе. Она приехала туда полная самых больших ожиданий к своему знаменитому отцу и т. д., но скоро пережила большое разочарование. Вылилось это в форму: меня не любят. Кто виноват?.. Помимо того, она чувствует себя одинокой, она больна. Сестра умерла. Постоянная боязнь…»

…Сын [Лев] просит отца написать ей [Зине] дружеское

письмо, не обращая внимания на то, что она могла наговорить его матери в пылу нервного расстройства.

В других письмах (их около десятка) Лев пишет о глубокой депрессии сестры, об усилиях психиатра, об усугубляющемся душевном расстройстве молодой женщины. Ни в одном архиве я не обнаружил писем отца к своей старшей дочери. Возможно, будь они, судьба Зинаиды не завершилась бы трагедией. Черствость души по отношению к старшей дочери оказалась для нее губительной. Какие-то грани психологической несовместимости развели отца с дочерью, создали между ними труднопреодолимый невидимый ров. Но как бы то ни было, в этом душевном разладе отец должен был найти тропу, ведущую двух близких людей друг к другу. Может быть, революция сделала черствым сердце изгнанника? Или, рано оставив своих дочерей первой жене, Троцкий не мог разбудить в себе отцовских чувств к ним?..

Вскоре после приезда Зинаиды в Берлин последовал непоправимый удар: 20 февраля 1932 года правительство СССР, напомню, лишило советского гражданства не только Троцкого и его жену, но и всех его родственников, бывших в то время за границей…

…Зина стала рваться домой, где у нее осталась дочь Александра, где она надеялась на встречу со ссыльным мужем. И несмотря на то, что Троцкий смог организовать отправку к дочери ее сынишки – Севы (тоже лишенного советского гражданства!), о котором она сильно тосковала, ее душевная депрессия усилилась. Новый удар она не вынесла: по настоянию советского посольства Зину и прожившего с ней всего неделю сынишку немецкая полиция постановила выслать из Берлина. Куда? У потрясенной женщины теперь не было не только паспорта, но и денег… 5 января 1933 года, отведя сына к соседям, старшая дочь Троцкого открыла газовый кран… [104]

Через неделю Лев сообщил родителям подробности о случившемся: «Накануне утром Зина мне звонила по телефону: она хотела меня видеть, просила сейчас же приехать (с приездом Севушки некоторое отчуждение наше исчезло). В это утро я никак, никак не мог. Я очень просил ее приехать вечером, днем или на другое утро; очень настаивал, – она отвечала немного уклончиво, но обещала. Больше я ее не видел… Надо написать Платону (мужу Зины. – *Д. В.)* – он очень любил Зину. Если это выше папиных сил – я напишу, но дайте мне хоть совет…»

Далее сын писал, что «вся мировая печать уже сообщила о гибели и второй дочери Троцкого».

После смерти Зины Александра Львовна Соколовская

взвалила на свои плечи заботу о внуках. Ей было уже под шестьдесят, но она выглядела, как я уже сказал, глубокой старухой. Александра Львовна не могла забыть одно из последних писем, в котором Зинаида больно упрекала мать, что та не смогла сохранить семью и сделала всех несчастными. Подобные, полные глубокой боли, упреки от старшей дочери довелось выслушать и самому Троцкому…

Из книги «Милая моя Ресничка», письма Сергея Седова

9/1 33 г.

Дорогой Лев!

Я посылаю тебе телеграмму, которую ты, надеюсь, получил (с просьбой написать Александре Льв[овне] подготовительное письмо о ухудшении состояния] Зинуши). Очень возможно, что ты это проделал и без моей телеграммы.

О дальнейшем сообщи мне: будет ли папа писать ей о случившемся, или ты напишешь ей, может быть, вы сочтете целесообразным, чтобы я действовал через Ма-р[ию] Львовну] [105] (которая, к сожалению, сейчас больна), можно найти и какой-нибудь другой путь.

Просьба вообще, чтобы ты написал подробнейшее письмо мне, т. к. Александра Льв[овна] будет интересоваться, конечно, всеми подробностями (оставила ли Зина какое-нибудь письмо, когда ее видели последний раз и проч.), это нужно будет родным и нам, всем друзьям бедной Зинуши.

Крепко жму тебе руку.

Сергей

16/III 33 г.

Дорогие мои!

Давно я вам не писал, каюсь – нехорошо это с моей стороны. Леве послал несколько открыток и письмо. Было это уже давно, а ответа я все не имею.

Леля отправила маме около месяца тому назад письмо, очевидно, вами не полученное.

Сегодня получил, мамочка, твое письмо от 5-го марта, прочтя которое обнаружил, что ты послала мне еще письмо в феврале, которое, к сожалению, не дошло.

Я написал вам месяца два тому назад письмо, да так и не отправил.

Сейчас давно не пишу, т. к. и настроение у меня какое-то тяжелое, и я боялся впасть в минорный тон, и работаю я много, может быть, даже слишком много.

Бывают дни, что у меня десять часов занятий в один день, устают и горло и ноги. Помимо этого занимаюсь дома и хожу на службу.

Устал я. Но беспокоиться особенно нечего, через месяц, 15-го апреля, я заканчиваю занятия с некоторыми группами и тогда буду посвободней и смогу отдохнуть.

Несколько дней тому назад получил письмо от Платона – известие о Зинушиной смерти он получил.

Я уже писал Леве, но т. к. не знаю, получил ли он мое письмо, повторяю вам. Александра Льв[овна] сейчас без работы, и материальное положение у них там тяжелое (Мария Львовна болеет), так что если у вас есть возможность, то посылайте им деньги. У Сашеньки сейчас в материальном отношении тоже не очень благополучно, папа ее сейчас без работы (раньше в таких случаях я помогал им, а сейчас это стало сложней).

Буду в лучшем настроении – напишу более толковое письмо, сейчас я спешу.

Крепко вас целую.

Сережа

6/VI 33 г.

Дорогие мои!

Сегодня получил две мамины открытки от 22-го и 25-го мая, в ответ на мое последнее письмо. Значит, два моих больших письма, поскольку мне не изменяет память, последнее письмо было коротким, вами получены не были.

11-го июня я в последний раз еду на занятия. Начинаются каникулы. Я страшно рад, надоели мне и студенты, и мои занятия, и институт. Наконец-то можно будет немножко отдохнуть. У меня ведь бывали дни, когда я читал по 12 часов в день, без перерыва!

Я сейчас, правда, уже совершенно перестал работать дома, но меня почему-то особенно тяготят мои занятия.

Отпуск у меня, по всей вероятности, будет в июле. Боюсь, что поехать мне никуда не удастся. Есть у меня проект поездки на Алтай, туда уехал один мой приятель на четыре месяца, и я жду от него вестей, но думаю, что ничего из этого не выйдет. Что касается моей почки, то я не писал вам об этом, т. к. тревога, кажется, оказалась ложной.

Писем маминых, о которых она говорит в последних двух открытках и в двух открытках, полученных мной около месяца тому назад, – я не получал.

Погода у нас стоит невероятная. Беспрерывные дожди и холод, так бывает только поздней осенью.

Леля вам кланяется. Крепко вас целую. Привет Леве.

Сергей

P.S. Люлик пока еще сидит в Москве – да и погода не дачная.

[21/VI 33]

Дорогие мама и папа!

Около двух недель тому назад послал вам письмо, в ответ на мамины две открытки. Около недели тому назад получил мамино

письмо от 4 июня.

Недели через две у меня начинается отпуск, очень возможно, что я все же попытаюсь поехать на Алтай. Чем эта авантюра кончится, одному Богу известно.

С осени, возможно, брошу службу и буду только заниматься преподаванием.

Заведующий кафедрой предложил мне вести проектирование двигателей внутреннего сгорания. Честь, вообще говоря, большая, но мне необходимо для этого очень много заниматься дома. Кроме этого, с осени я начинаю преподавать курс специальной термодинамики, для которого мне тоже нужно много заниматься дома и, кроме того, нужно ходить слушать лекции. Все это трудно совместить со службой, так что с сентября я, очевидно, ее брошу.

В общем, зима будет тяжелая для меня во всех отношениях. Почка моя, если это только была почка, благополучно поправилась.

Люлик, как я вам уже писал, находится под Ленинградом на даче у своей тети. Сашенька тоже под Ленинградом у Александры Льв[овны].

От Левы не имею ни слова около пяти месяцев.

Очень это печально, что вы не можете больше помогать Александре Льв[овне], ей, бедной, очень тяжело, и я не смогу проявить в этом направлении должной инициативы.

Леля вам кланяется. Крепко целую.

Ваш *Сергей*

[3/XI 33]

Дорогие мои!

Вот уже около недели, как получил мамино письмо от 7-ого октября и никак не выберу времени, чтобы сесть за ответ. Очень много приходится работать, особенно последний месяц, т. к. Леля сейчас без работы.

На занятиях в Институте я чувствую себя примерно так же, как шахматист, играющий «a l'aveugle» [106] несколько партий в шахматы. У меня в один день бывают подряд занятия по четырем или трем различным предметам. Так что я должен держать в голове целый ассортимент самых разнообразных формул и выводов.

Два месяца все же прошло, а в январе будут двухнедельные каникулы, можно будет немного передохнуть. А там, после января, придется многое начинать сначала. Это, конечно, намного скучней, но зато значительно легче.

Я написал Ане письмо относительно Люлика (он живет здесь), но пока ответа еще не имею.

Ваше предложение очень заманчиво, но боюсь, что ничего из

этого не выйдет. А очень его жаль. Воспитание, которое дается ему «знаменитой» няней, оставляет желать очень многого.

Да и при Ане немногим лучше было.

Больше пока ни о чем не пишу, буду посвободней – напишу подробное письмо.

Леля шлет вам привет. Целую.

Сергей

P.S. Я начал безнадежно лысеть.

3/XI 33 г.

Из книги Л.Д. Троцкого «Дневники и письма» Страницы дневника. Записи 1933 года

Перед отъездом

Итак, на наших паспортах проставлены отчетливые и бесспорные французские визы. Через два дня мы покидаем Турцию. Когда мы с женой и сыном прибыли сюда – четыре с половиной года тому назад, – в Америке ярко горело солнце «просперити». Сейчас те времена кажутся доисторическими, почти сказочными.

Принкипо – остров покоя и забвения. Мировая жизнь доходит сюда с запозданием и в приглушенном виде. Но кризис нашел дорогу и сюда. Из года в год на лето из Стамбула приезжает меньше людей, а те, что приезжают, имеют все меньше денег. К чему обилие рыбы, когда на нее нет спроса?

На Принкипо хорошо работать с пером в руках, особенно осенью и зимою, когда остров совсем пустеет и в парке появляются вальдшнепы. Здесь нет не только театров, но и кинематографов. Езда на автомобилях запрещена. Много ли таких мест на свете? У нас в доме нет телефона. Ослиный крик успокоительно действует на нервы. Что Принкипо есть остров, этого нельзя забыть ни на минуту, ибо море под окном, и от моря нельзя скрыться ни в одной точке острова. В десяти метрах от каменного забора мы ловим рыбу, в пятидесяти метрах омаров. Целыми неделями море спокойно, как озеро.

Но мы тесно связаны с внешним миром, ибо получаем почту.

Это кульминационная точка дня. Почта приносит новые газеты, новые книги, письма друзей и письма врагов. В этой груде печатной и исписанной бумаги много неожиданного, особенно из Америки. Трудно поверить, что существует на свете столько людей, кровно заинтересованных в спасении моей души. Я получил за эти годы такое количество религиозной литературы, которого могло бы хватить для спасения не одного лица, а целой штрафной команды грешников. Все нужные места в благочестивых книгах предупредительно отчеркнуты на полях. Не меньшее количество людей заинтересовано, однако, в гибели моей души и выражает соответственные пожелания с похвальной откровенностью, хотя и без подписи. Графологи настаивают на присылке им рукописи для определения моего характера. Астрологи просят сообщить день и час рождения, чтоб составить

мне гороскоп. Собиратели автографов уговаривают присоединить мою подпись к подписям двух американских президентов, трех чемпионов бокса, Альберта Эйнштейна, полковника Линдберга и, конечно, Чарли Чаплина. Такие письма приходят почти исключительно из Америки. Постепенно я научился по конвертам отгадывать, просят ли у меня палки для домашнего музея, хотят ли меня завербовать в методистские проповедники или, наоборот, предрекают вечные муки на одной из вакантных адских жаровен. По мере обострения кризиса пропорция писем явно изменилась в пользу преисподней.

Почта приносит много неожиданного. Несколько дней тому назад она принесла французскую визу. Скептики – они имелись и в моем окружении – оказались посрамлены. Мы покидаем Принкипо. Уже дом наш почти пуст, внизу стоят деревянные ящики, молодые руки забивают гвозди. На нашей старой и запущенной вилле полы были этой весной окрашены такого таинственного состава краской, что столы, стулья и даже ноги слегка прилипают к полу и сейчас, четыре месяца спустя. Странное дело: мне кажется, будто мои ноги немножко приросли за эти годы к почве Принкипо.

С самим островом, который можно пешком обойти по периферии в течение двух часов, я имел, в сущности, мало связей. Зато тем больше – с омывающими его водами. За 53 месяца я близко сошелся с Мраморным морем при помощи незаменимого наставника. Это Хараламбос, молодой греческий рыбак, мир которого описан радиусом примерно в 4 километра вокруг Принкипо. Но зато Хараламбос знает свой мир. Безразличному глазу море кажется одинаковым на всем его протяжении. Между тем дно его заключает неизмеримое разнообразие физических структур, минерального состава, флоры и фауны. Хараламбос, увы, не знает грамоты, но прекрасную книгу Мраморного моря он читает артистически. Его отец, и дед, и прадед, и дед его прадеда были рыбаками. Отец рыбачит и сейчас. Специальностью старика являются омары. Летом он не ловит их сетями, как прочие рыбаки, как ловим их мы с его сыном, а охотится на них. Это самое увлекательное из зрелищ. Старик видит убежище омара сквозь воду, под камнем, на глубине пяти, восьми и более метров. Длиннейшим шестом с железным наконечником он опрокидывает камень, – и обнаруженный омар пускается в бегство. Старик командует гребцу и вторым шестом, на конце которого укреплен маленький сетчатый мешок на квадратной раме, нагоняет омара, накрывает его и поднимает наверх. Когда море подернуто рябью, старик бросает с пальцев масло на воду и глядит через жирные зеркальца. За хороший день он ловит 30, 40 и больше омаров. Но

все обеднели за эти годы, и спрос на омаров так же плох, как на автомобили Форда [107] .

…Мы объясняемся с Хараламбосом на новом языке, постепенно сложившемся из турецких, греческих, русских и французских слов, сильно измененных и редко употребляемых нами по прямому назначению. Фразы мы строим так, как двух– и трехлетние дети. Впрочем, наиболее частые операции я твердо называю по-турецки. Случайные свидетели заключили отсюда, что я свободно владею турецким языком, и газеты сообщили даже, что я перевожу американских писателей на турецкий язык. Явное преувеличение!

Бывает так, что едва успеем опустить сеть, как вдруг послышится за спиною всплеск и сопение. «Дельфин», – кричит Хараламбос в тревоге. Беда! Дельфин ждет, пока рыбаки нагонят камнями в сети рыбы, а затем вырывает их одну за другой вместе с большими кусками сети, которые служат ему в качестве приправы.

…Сегодня утром ловля была плоха: сезон кончился, рыба ушла на глубину. К концу августа она вернется. Но Хараламбос будет ее ловить уже без меня. Сейчас он внизу заколачивает ящики с книгами, в полезности которых он, видимо, не вполне убежден. Сквозь открытое окно виден небольшой пароход, везущий из Стамбула чиновников на дачу. В библиотечном помещении зияют пустые полки. Только в верхнем углу, над аркой окна, продолжается старая жизнь: ласточки слепили там гнездо и прямо над британскими «синими книгами» вывели птенцов, которым нет никакого дела до французской визы.

Так или иначе, под главой «Принкипо» подводится черта.

15 июля 1933 г.

Принкипо

Переезд во Францию

В феврале 1929 года мы прибыли с женой в Турцию. 17 июля 1933 г. мы выехали из Турции во Францию. Газеты писали, будто французская виза была выдана мне по ходатайству… советского правительства. Трудно придумать более фантастическую версию: инициатива дружественной интервенции принадлежала на самом деле не советской дипломатии, а французскому писателю Maurice Parijanine, переводчику моих книг на французский язык. При поддержке ряда писателей и левых политиков, в том числе депутата Guernot, вопрос о визе получил на этот раз благополучное разрешение. За четыре с половиной года моей третьей эмиграции не было недостатка в попытках и с моей стороны, и со стороны моих благожелателей открыть мне доступ в Западную Европу. Из отказов можно было бы составить

изрядный альбом. На его страницах значились бы подпись социал-демократа Германа Мюллера, рейхсканцлера Веймарской республики, британского премьера Макдональда, в то время еще социалиста, а не полу-консерватора, республиканских и социалистических вождей испанской революции и многих, многих других. В моих словах нет и тени упрека: это только фактическая справка.

Вопрос о Франции встал после последних выборов, давших победу картели радикалов и социалистов. Дело, однако, заранее осложнялось тем обстоятельством, что в 1916 г., во время войны, я был выслан из Франции министром внутренних дел Мальви за так называемую «пацифистскую» пропаганду, на самом деле по настоянию царского посла Извольского. Несмотря на то что сам Мальви был примерно через год после того выслан из Франции правительством Клемансо, опять-таки по обвинению в пацифистских происках, приказ о моей высылке продолжал сохранять свою силу. В 1922 г. Эдуард Эррио во время первой своей поездки в Советскую Россию, прощаясь после любезного посещения военного комиссариата, спрашивал меня, когда я думаю посетить Париж. Я напомнил ему шутя о моей высылке из Франции. «Кто же теперь об этом вспомнит!» – ответил со смехом Эррио. Но учреждения имеют более твердую память, чем люди. Сходя с итальянского парохода в Марсельском порту, я подписал доставленное мне инспектором Surete Generate извещение об отмене приказа 1916 года: должен сказать, что давно уже я с таким удовольствием не подписывал официальных бумаг.

Если основная линия жизни отклоняется от средней орбиты, то все соответствующие эпизоды, даже самые банальные, принимают таинственные очертания. В газетах было немало остроумных догадок о том, почему мы с женой совершили путешествие под «псевдонимом» Седовых. На самом деле это не псевдоним, а фамилия моей жены. По советским законам паспорт выписывается, по желанию, на фамилию любого из супругов. Наш советский паспорт был выписан в 1920 г. на фамилию жены, как дающую меньше поводов к «сенсации» <…>

* * *

До недавнего времени пожар считался в нашей семье далеким и чуждым явлением, как извержение вулкана, кораблекрушение или игра на бирже. Но после того, как в январе 1931 г. сгорела ночью занятая нами в Принкипо вилла, причем огонь уничтожил все без остатка книги, часы, платье, белье и

ботинки, идея пожара очень интимно вошла в нашу жизнь. Уже несколько месяцев спустя новая наша квартира сразу наполнилась в один злосчастный день удушливым дымом, и все метались по дому в поисках источника: открыли, наконец, – в подвальном этаже разгорелся костер. Инициатором предприятия оказался мой внук, 6 лет, который трудолюбиво собрал в кучу опилки, дрова, старую вату – и с успехом поджег этот хорошо воспламеняющийся материал. Не без труда и волнений удалось потушить пожар – к огорчению для его инициатора. Проезжая по Франции в автомобиле, мы наблюдали на расстоянии большой лесной пожар. <…> Не успели мы провести на новой квартире и нескольких часов, как июльский воздух, и без того горячий, сделался невыносимым. Большая пустошь, прилегающая к вилле, покрылась дымом и пламенем. Горела высохшая трава, горел кустарник, и гонимый настойчивым бризом огонь, полосой в сотню метров, двигался на нашу дачу, охватил деревянный частокол, обвитый колючей проволокою, проник во двор, горела трава, горели ярким пламенем кусты, вокруг дома огонь разделился по двум направлениям, бурно вспыхнула деревянная беседка, дом наполнился дымом, все метались, что-то выносили, пожарных вызвали из соседнего городка, пожарные медлили, мы покинули дачу, считая ее обреченной. Но произошло чудо: слегка изменилось направление ветра, огонь заколебался вдоль усыпанной гравием дорожки и стал отступать от дачи в сторону. К приезду пожарных огонь затих. Но и сейчас, когда пишутся эти строки, во дворе стоит запах гари…

Так или иначе, это – французская гарь. Турецкая глава жизни отошла в прошлое. Остров Принкипо превратился в воспоминания.

11 августа 1933 г.

Из книги Л.Д. Троцкого «Дневники и письма»

Показания Н.И. Седовой-Троцкой о прибытии во Францию

(для созданной на Западе комиссии по расследованию московских процессов)

17 июля 1933 г., вечером, мы выехали из Стамбула на пароходе «Болгария» в Марсель.

Из переписки с друзьями, в частности с Морисом Парижанином, инициатором всего дела о нашем переезде во Францию, мы знали, что виза, предоставленная нам французским правительством, принявшим во внимание нездоровье моего мужа, ограничивала, тем не менее, наши территориальные возможности. Министр внутренних дел Шотан писал депутату Henri Guernot 19 июня 1933 г., что Троцкому дано a pour la raison de sante l'autorisation de sejourner dans un departement du Midi, puis fixer sa residence en Corse [108] .

На основании таким образом обусловленного въезда во Францию, наш сын и друзья запрашивали нас, где бы мы предпочли поселиться: в горах или у моря, имея, однако, в виду «un departement du Midi». Я помню, что мы колебались между тем и другим и предоставили решение вопроса нашим друзьям на месте. Только в Марселе мы узнали, что для нас снята небольшая вилла под Ройаном в Saint Palais, на берегу Атлантического океана. С нами из Стамбула выехали французский гражданин Jean van Heijenoort, американская гражданка Сара Якобс (Вебер) и Макс Шахтман, а также немецкий эмигрант Отто Шюсслер.

Весь наш багаж, главным образом ящики с библиотекой, шел с нами до Марселя. Владельцем его был обозначен Шахтман. Его инициалы на ящиках сохранились по сей день. На пароходе муж мой чувствовал себя нехорошо. Было очень жарко. Были сквозняки. Общее его недомогание закончилось люмбаго [109] . Пригласили пароходного врача. Боли были мучительными. Больной не мог встать с постели. А пароход приближался к месту назначения. Нас пугала высадка, если к тому времени не наступит улучшение в состоянии его здоровья. 24 июля утром пароход остановился, не доходя до Марселя. К нему подошла моторная лодка с двумя пассажирами: нашим сыном, Л. Седовым, и Р. Молинье. Состояние мужа улучшилось, но уверенности в прочности его не было. С большой осторожностью мы спустились с парохода в лодку. Нам передали наш ручной багаж. Муж старался приспособиться к сидению в лодке так, чтоб не вызвать

боли. Был все время настороже. Спустя три четверти часа, может быть меньше, мы подъехали к берегу, где нас ждали два автомобиля. В одном из них вместе с Седовым, следившим за направлением по карте, и Молинье в качестве шофера – разместились мы с мужем. Другой следовал за нами с Леперинсом, в качестве шофера, и с двумя сопровождавшими: Ластераде и другим, фамилии которого я, к сожалению, не помню.

Ехали мы с большой осторожностью, т. к. толчки автомобиля больному причиняли страдания. По этой причине расчет Молинье приехать если не вечером, то ночью на место – не мог осуществиться. Необходимость провести ночь в отеле очень осложняла наше путешествие, но пришлось к этому прибегнуть, чтоб не утомлять очень больного. К сожалению, не помню ни названия отеля, ни места его нахождения. Утром 25 июля мы покинули отель и продолжали путь. Л. Т. чувствовал себя неустойчиво. Всех нас очень беспокоило его нездоровье. Хотелось как можно скорее приехать на место, чтоб дать ему возможность предаться полному отдыху. Прибыли мы с опозданием. Нас встречали Вера Ланис (жена Молинье) и Сегаль. Пообедав, мы расположились отдохнуть. Я устроила ЛД в наиболее удобной и наименее жаркой комнате и вышла сама в другую комнату – посмотреть пейзаж из окна. Меня поразили клубы дыма. Пожар? Горели сухая трава, изгородь, деревья (хвойные). Жара. Дом полон дыма. Мы, задыхаясь, вытаскивали раскрытые чемоданы. Сын, с трудом поднимая бидоны с бензином, стоящие у крыльца, нес их к берегу океана. Какие-то незнакомые люди вошли в дом, помогали выносить вещи из дому и из сада, где под ногами горела трава. Это были соседи, которые жили напротив нашей виллы. Какой-то господин из той же виллы напротив вошел в сад с предложением вывезти автомобиль, стоявший у дома, – на улицу. Мы с благодарностью приняли его предложение, избегая при посторонних говорить по-русски. Выдавали себя за американцев. Вера Ланис выдавала себя за нашу прислугу. Автомобиль выехал на дорогу. Мы с мужем устроились в нем, ожидая окончания происшествия. Горела беседка у самого дома, которую мы еще не успели заметить. Прибыла вызванная по телефону пожарная команда. Р. Молинье и все другие, кроме сына, были в Ройане. Возвращаясь оттуда, они нашли нас в автомобиле на дороге. В тот же день посетила дом племянница владельца его. На другой день в местной газете помещено было сообщение о происшедшем пожаре. Мы не были названы в газете. Неожиданное приключение не способствовало ни выздоровлению, ни отдыху. Муж чувствовал себя плохо. Как всегда за последний

период, всякое эпизодическое заболевание, вроде люмбаго и др., отражалось на его хронической болезни. На этот раз это сказалось в *очень острой форме* и затянулось до ноября месяца. Бессонница, головные боли, повышенная температура, потение и общая слабость, доходящая до физической прострации. Он не мог собраться с силами, чтоб осмотреть сад, подойти к берегу океана, и откладывал это «предприятие» со дня на день. Проводил дни в комнате на кушетке или в саду на шезлонге, принимая с трудом приезжавших друзей.

В начале сентября к нам приехал из-за границы наш друг – доктор Х., который устроился в Ройане и ежедневно посещал ЛД.

Тщательно наблюдая его болезнь, он делал впрыскивания, производил анализы крови и пр. К концу сентября наступило некоторое улучшение, и доктор посоветовал прекратить приемы, переменить обстановку, уехать в горы. Мы последовали его совету. В начале октября уехали в Пиренеи: в Баньер. Поправка больного шла сначала замедленным темпом, а потом все быстрее и быстрее. Спустя три недели он заявил, что чувствует себя хорошо и хочет вернуться к работе. Мы покинули 30-го Баньер, 1-го ноября утром приехали поездом в Орлеан, а оттуда на автомобиле в Барбизон. Только в середине декабря 1933 г., впервые по прибытии во Францию, моему мужу удалось побывать с друзьями в Париже, где он провел день. Это было большим событием в нашей затворнической жизни, радовавшим нас и в то же время вызывавшим опасения всякого рода. Я помню, как расспрашивала его о переменах, какие он нашел там с тех пор, как мы покинули Париж в 1916 году. Правда, муж был еще проездом в Париже, по дороге в Данию, в ноябре 1932 года. Но тогда мы только пересекли город с одного вокзала на другой…

Наталия Седова-Троцкая

Койоакан, Д.Ф., 1 марта 1937 г.

Из книги Л.Д. Троцкого «Дневники и письма»

Лев Седов. Переезд во Францию

24-го утром «Болгария» должна была прийти в Марсель.

По соглашению (и за специальную плату)* с пароходным обществом и властями друзьям Л.Д. разрешили до прихода парохода в порт снять Л.Д. и Н.И. с парохода на моторной лодке в открытом море. Капитан парохода был обществом предупрежден по радио. Местом высадки был выбран друзьями Л.Д. Касис в 15 (?) приблизительно километрах от Марселя. Моторную лодку друзья хотели снять еще дальше […]. Друзья совершили небольшую поездку по морю с тем, чтоб испробовать качество лодки, ознакомиться с местом, а лодку сняли с 6 часов утра следующего дня. Не только о цели путешествия, но и о направлении хозяину и матросу ничего не было сказано. Сняли лодку на полдня, дали аванс (от него хозяин настойчиво отказывался), предложили запастись резервом горючего. Друзья Л.Д. переночевали в другом месте и в половине шестого утра на двух автомобилях были уже в Касисе. Автомобили поставлены в укромное место вблизи места предполагаемой высадки. Хозяин пришел одновременно с нами; не было матроса, его побежали будить. Между тем мотор не хотел работать. Крутил ручку хозяин (без особых усилий); изо всех сил крутили друзья. Мотор не работал. Друзья начали волноваться. Один побежал искать другую лодку. Другой начал проверять с хозяином мотор. Объяснения хозяина были сбивчивые. Удалось обнаружить, что не действует зажигание. Поведение хозяина стало еще более подозрительным (он давал совсем другие объяснения). Видно было, что он не хочет ехать. По пристани взволнованно ходила его жена. Матрос также явно умышленно опаздывал. Что случилось? Вместе с двумя друзьями на лодке должен был ехать представитель сюртэ женераль [110] ; задачей его было визировать паспорта приехавших и сообщить Л.Д. отмену постановления о высылке (1916 года). Он заявил хозяину о своем служебном положении. Тогда – и то не сразу, хозяин еще повозился минут десять с мотором – он хватил себя кулаком по голове и крепко выругался: «Ах, я идиот, я… забыл дома угли от динамо-машины». Тут же все выяснилось. В эти дни в Тулоне шел нашумевший процесс убийц собственника моторной лодки, нанятой на прогулку. Он был убит, а лодка продана за границей. Понятно, под впечатлением этого процесса он не спал всю ночь и

решил не ехать. Странный характер клиентов: два молодых человека без дам, необыкновенный час поездки, расспросы о том, может ли лодка уйти далеко в море, ее ход и др. вопросы не «туристического» характера, все это еще более усилило подозрительность хозяина и матроса. Друзья были приняты за (возможных) убийц. В этом он открыто признался.

* Если я упоминаю об этом, то для того, чтобы показать, что дело было организовано не полицией. Всякий имеет право остановить пароход за определенную плату. [Примеч. Л. Седова.]

Из книги «Л.Д. Троцкий. Архив в 9 томах» Т. 7

Отрывки из писем Л.Д. к Н. Седовой [111]

3 сент[ября] 1933 [г.]

Милая, родная Наталочка, как мне мучительно хочется иметь твою старую карточку, нашу общую карточку, когда мы были молоды, но особенно твою… Милая, родная Наталочка, ты в Париже – Раймон [Молинье] привез мне письмо твое, я очень спешно прочитал его, так как Р[аймон] уезжает через полчаса к поезду, – я спешу написать тебе несколько строк… День твоего отъезда был неблагоприятный, нездоровилось, сильно потел… Заходил в твою комнату, искал тебя, трогал твои вещи… принял немного adalin'у на ночь, – второй день был тоже не очень хорош… Сегодня гораздо лучше…

…Жанна [112] и Вера [113] очень ухаживают за мной, чересчур, готовят изысканные обеды и пр[очее]. С Левой был пока мало.

Милая Наталочка, то, что у меня отмирает память на лица (и раньше слабая) очень остро иногда тревожит меня. Молодость давно отошла… но я неожиданно заметил, что и воспоминание о ней отошло: живое воспоминание о лицах… твой образ, Наталочка, молодой, мелькает и исчезает, я не могу его фиксировать, остановить… Очевидно, большое влияние на нервную систему и на память оказали все же годы травли… А в то же время умственно я не чувствую себя уставшим или ослабевшим. Очевидно, мозг стал скупым, экономным, – и вытесняет прошлое, чтобы справиться с новыми задачами. Я часто в постели, прежде чем уснуть… уже совсем засыпая… делаю усилие припомнить твое лицо на лестнице rue Lavando, 4 [114] – где я тебя первый раз увидел – первый раз, Наталочка – мелькнет чистое свежее нежное лицо с пушком, со внутренней духовной жизнью под кожей… страстное и целомудренное лицо – мелькнет, как радостное пятно, и исчезнет… Милая, милая моя.

Надо кончать… еще только 5 минут остается. Не беспокойся обо мне. Мне лучше. Надеюсь, скоро доктор придет. Погода стоит хорошая. Питаюсь хорошо, довольно много фруктов.

Обнимаю твою голову, целую твои ручки, лечи их, Наталочка, лечи хорошо, не спеши, милая, родная.

Твой *[Л.Д. Троцкий]* Посылаю не перечитывая

6 сент[ября] 1933 [г.]

Милая моя Наталочка, второго письма нет от тебя, я жду, что скажут доктора… Наш доктор приехал сюда вчера, – сегодня он

меня исследовал впервые, занялся всякими анализами и пр[очее]. Он очень, очень внимателен и, по-видимому, серьезный врач, знает свое дело, – а главное очень-очень хочет сделать все, что можно, крайне добросовестно организует дело всяких анализов, все мои рассказы (о болезнях) стенографирует для себя. Мне приятно, что свой человек, преданный, бескорыстный… Он поселился в пансионе возле нас и собирается оставаться столько времени, сколько понадобится для наблюдения. Уже в Париже, по дороге сюда, он подготовил себе лабораторию для исследований… Таким образом, Наталочка, с этой стороны ты совершенно не должна беспокоиться: лучших условий вообще не может быть – хороший и преданный врач, который занят только мною. Это значит, что ты должна теперь в своих планах руководствоваться исключительно соображениями о твоем собственном здоровье, отнюдь не спешить приехать сюда. Самое лучшее было бы, если бы ты из Парижа переехала прямо на новую квартиру [115] . Во всяком случае необходимо, чтоб ты оставила за собой последнее слово в отношении квартиры, то есть ты должна до подписания договора с хозяином одобрить выбор. Переедем мы прекрасно без тебя. Мне трудновато писать, так к[ак] у меня пальцы исколоты (для анализа крови)… (Сердце и легкие в хорошем состоянии!)

Я ограничиваюсь сегодня немногими строками. Поэтому все очень хорошо.

Жанна и Вера очень внимательны. У Левы все хорошо. Саре [116] лучше.

Твой *Л[ев]*. Очень крепко целую твои руки, пусть они поправляются и будь здорова, не спеши.

[Л.Д. Троцкий]

13 сентября] 1933 [г.]

Милая Наталочка, только что получил письмецо от Левы, – он пишет, что ты замечательно поправилась, «никакого сравнения» с тем, что было…

А.К. [Клячко] согласна оставаться с тобой дольше… *При этих условиях было бы прямо-таки преступлением для тебя возвращаться сюда.* Поскольку дело идет обо мне, о моем здоровье, – лучше ухаживать за мной невозможно (сегодня мне приготовили совсем «необыкновенный» обед, – я уж сердился, сердился…). Сегодня я целый день лежу, чувствую, что мне это полезно; полежу еще несколько дней (читаю). Не беспокойся обо мне нисколько, для моего душевного состояния неизмеримо лучше сознавать, что ты отдыхаешь и крепнешь. Мне было бы теперь неизмеримо тяжелее, если бы я видел тебя рядом, без сна, с больными руками. Оставайся, Наталочка, до новой квартиры,

отдохни, ты должна *упрочить* свою поправку.

Ни о чем другом сейчас писать не могу. Крепко-крепко обнимаю тебя.

Твой *[Л.Д. Троцкий]*

19 сентября] 1933 [г.]

Это письмо Лева забыл (я ему напоминал!) [117] .

19 сент[ября]. Милая моя Наталочка, сегодня у меня был трудный день, но хороший: острые и горячие споры с Р. М[олинье] в присутствии и при участии Левы, Бласко, Эрвина [118] , Лезуаля и всех наших, здешних. Я много говорил, моментами очень резко, но не обидно, а по-отечески, и это всеми чувствовалось. Настроение создалось слитности, внимания, – и я почувствовал себя… стариком-учителем. Позже Левусятка [119] пришел ко мне в спальню, сперва несколько незначительных фраз, потом я сказал что-то о себе, он припал головой к моему плечу, обнял: «Папочка, я крепко люблю тебя». Совсем маленький. Я крепко обнял его и прижался щекой к его голове. Он почувствовал, что я взволнован, и на цыпочках вышел из комнаты… Потом опять была внизу, в столовой, беседа, но уже совсем не политическая, наоборот, спокойная и «задушевная» по тону. Все глаза так хорошо смотрели на меня, и я опять почувствовал себя «старцем», – но без горечи, а с теплотою, слегка разве с грустью. Во время этой беседы я часто ловил на себе горящие глаза Левусятки. Выглядит он не очень хорошо: бледен, землистый цвет лица. Сейчас Лезуаль и Бласко уехали (поездом), Раймон, Лева [120] и Бауэр уезжают завтра утром в автомобиле. Мне жаль, что Лева уезжает: ко мне здесь очень хорошо относятся, но все-таки нет никого совсем ***своего.***

Устал все же от сегодняшнего дня и хочу лечь спать: сейчас половина десятого. Спокойной ночи, Наталочка моя, родненькая, хорошо ли спишь ты? С адалином или без? Будь здорова, будь спокойна.

Твой *Л.[Троцкий]*

20 [сентября 1933 г.]

Ночью просыпаясь, часто звал тебя вслух: Наталочка, где ты? Гете говорит, что старость не возвращает нас в детство, а застает еще настоящими детьми. После того, как я днем чувствовал себя вроде «мудрого старца», я ночью чувствовал себя покинутым мальчиком, который зовет свою маму.

Будьте здоровы, Наталочки милые [121] .

[Л.Д. Троцкий]

24 [сентября]

Снова пишу в кресле, в углу спальни, на колене… Новый наш охранитель, немецкий студент [122] , хорошо играет на рояле.

Это вносит в дом новую струю. Я сквозь пол слушал, хоть смутно, но приятно. В газетах («Возрождение» [123] из советской] печати) было вчера сообщение, что троцкисты «вместе с правыми и всякими мошенниками» овладели Свердловским советом; 24 человека исключено. Очень интересное сообщение; но что за ним скрывается в действительности?

Океан шумит за окном, дождь сегодня выпадал раза три в течение дня, осень… Как странно, что мы с тобой во Франции живем в разных концах. Вот чего мы с тобой не представляли, когда ехали сюда. Соскучился я по тебе, очень-очень соскучился, много «мечтаю» о тебе. Но теперь уж недолго. Пора мне ложиться, Наталочка, – пока засну, поговорю мысленно с тобой. Стар я становлюсь, Наталочка…

Надо отправить. Крепко-крепко обнимаю. Твой
[Л.Д. Троцкий]

25 сент[ября 1933 г.]

Где ты, Наташа? Опять горит лампа на ночном столике, вся комната во мраке, снизу звуки пианино, через окно шумит океан. Сегодня с утра дождь, потом яркое солнце, я гулял во дворе, лежал на скамье…

Третий день лечения против малярии, – *без хинина* : никакого шума в ушах, никаких вообще субъективных признаков того, что я «лечусь». Аппетит прекрасный. Через два дня это лечение кончается.

Где ты, Наталочка? Ужасно далеко. Мне кажется моментами, что я забыл твое лицо. Эта мысль вообще ужасно преследует меня за последние месяцы, со смерти З[ины]. Очень-очень хочу видеть тебя. Скоро, может быть, нам удастся поселиться вместе.

27-го получил от тебя письмо (вместе с письмом для Веры, хорошо, что ты ей написала). Вчера приехал неожиданно Анри [124] : условиться об отдыхе в благоприятном месте. Сегодня в 101/2 часа утра он уже уехал. Это прекрасный человек, умный и дельный. Я сейчас занят по уши: готовлю всякие проекты постановлений и решений, хочу непременно сегодня вечером все это отправить.

Напрасно ты, Наталочка, милая, беспокоишься: я ни разу не озяб. Полутеплое белье я нашел в шкафу; к тому же здесь вовсе не холодно, я сижу сейчас в парусиновой куртке при обоих настежь открытых окнах, и мне жарко.

И Лева, и Жанна, видимо, очень рассеянные люди. Леве необходимо все же хоть немного упорядочить свои приемы. У него нет даже записной книжки (к[о]-т[о]рая должна лежать всегда в одном и том же кармане), он записывает на клочках, сует в разные карманы, теряет, нервничает.

Письмо я дал ему из рук в руки и попросил: «не забудь, пожалуйста». Потом перед отъездом спросил: «Не забудешь передать письмо?» Он хлопнул себя рассеянно по карману: «Нет, нет, что ты…» Он, видимо, переоделся. Я не сержусь, Наталочка, но ему необходимо дисциплинировать себя… Не огорчайся…

Крепко, крепко обнимаю и целую тебя, моя родненькая.
Твой *[Л.Д. Троцкий]*

Из статьи В. Волкова «Женщина в русской революции»

Письма Натальи Седовой к Льву Троцкому

Оказавшись на короткое время в Париже во время лечебной поездки, она [Наталья] сожалеет о молодости, о времени, когда они вместе жили в этом городе, наслаждаясь свободой и обаянием этой тогдашней столицы мира (письмо от 3 сентября 1933 г.).

«Огромная разница в себе, – говорит она, – в том, что было и есть – молодость и старость. Печально и жутко немножко, и тихо-радостно, что оказались возможности все снова увидеть, но как все воспринимается иначе с болью невозможности прежних переживаний. Походим еще с тобой по Парижу… возможно ли это? Это все равно что перечитывать прошлые письма… Трудно ступать – перечитывать».

В другом письме (от 9 октября 1933 г.) она упоминает о том, что жизнь у них вышла трудной, многое переломалось, через многое пришлось пройти: «Вот такую жизнь прожили с тобой – такой переплет, что нет возможности вернуться через все пройденное к прежней простоте – «одной комнате».

В письме от 12 сентября 1933 года Наталья упрекает Троцкого в чрезмерной работе, которая ведет к переутомлению: «…и богатырского сложения человек не может выдержать такой работы, какую ты делаешь – без отдыха, без перерыва, это немыслимо. Милый мой, ты предъявляешь к себе сверхчеловеческие требования и считаешь старостью то, чему в действительности надо поражаться, что ты можешь *выносить* на своих плечах *столько!* Нельзя доводить до предела свои внутренние физические возможности, особенно делать это систематически».

…В письме от 29 сентября 1933 года она рассуждает о непростом характере Жанны Молинье, жены Льва Седова, и здесь же говорит о нем самом: «Лева, мне кажется, вообще говоря, не рассеян, ни в Москве, ни в Алма-Ате, ни в Константинополе. (Помнишь?) я этого не могла как будто отметить, наоборот, он был точен и не был забывчив. Сейчас он какой-то задерганный, нервный. Подъем в настроении быстро сменяется упадком. Сейчас у него большие надежды на ближайшие успехи оппозиции».

Из писем Б.И. Николаевского [125] к А.м. Бургиной [126] [февраль 1933 г.]

Между прочим, переговорите с И.Г. [Церетели] [127] , не захочет ли он поговорить с Реноделем [128] , может быть, последний согласится похлопотать о визе для сына Троцкого. Его действительно жалко. Ему лет 28–29, и он уже третий раз вынужден обрывать свое учение в высшем техническом училище. Конечно, он принадлежит к «папиной партии», но сам совсем желторотый юнец и неплохой парень. Его высылают. Он готов дать формально обязательство не вмешиваться в политическую жизнь, хотя, когда его узнаешь, такое обязательство будет вызывать смех…

Архив Гуверовского института Коллекция Николаевского, ящик 478, папка 9, открытка от 16 февраля 1933 года

…Небольшой он человек, и только из-за своего происхождения вынужден страдать…

3 окт[ября 1933 г.]

Письмо Л.Д. к Н. Седовой

[24 февраля 1933 г.]

Наталочка, я не писал тебе дня три, отчасти ожидая писем от тебя, отчасти ожидая тебя самое, отчасти из-за статьи, к[о]т[о]рую заканчивал. Не знаю, что скажет молодежь (они в большинстве своем слишком ***беглые*** читатели), а мне кажется, что статья удалась…

Сегодня после завтрака (час дня) получил от тебя сразу два письма, от 29 и 1 окт[ября] с приложением двух открыток. Спасибо, Наталочка! Чтобы не забыть: Отто привез из Чехосл[овакии] в Париж фотографические] карточки и медикамент для меня. Не растащили бы карточки и не потеряли бы медикамент (очень важный!!). Я еще, впрочем, Леве напишу.

В П[ачука] к врачу я нисколько не стремлюсь, совсем наоборот. Забота моя одна: ликвидировать как можно скорее [дела] здесь, чтобы освободить Ж[анну] и В[еру]!

Если Анри приедет раньше, тем лучше!

Погода здесь стоит великолепная: теплая (я в парусине при откр[ытых] окнах), тихая. Время от времени пробежит совсем летний дождь… Хочу еще здесь написать статью о романе Мальро (до отъезда).

Последние дни отвечал на письма, много написал, а все еще остается много писем неотвеченных. Корреспонденция пугает меня своими размерами. А ведь только начинается…

Я раньше просил Анри привезти сюда парикмахера, потом отменил это, сейчас колеблюсь. Во всяком случае, хорошо бы иметь краску для волос. Может быть, ты, Наталочка, что-нибудь присоветуешь на этот счет Леве или Анри?..

…Будь здорова, скоро-скоро увидимся.

Обнимаю.

Твой *Л.[Троцкий]*

Письмо Л.Л. Седова Л.Д. Троцкому

Из полученного мною письма: «Вчера я встретил знакомую, приехавшую недавно из М[оск]вы. Она мне очень интересно рассказывала, как она до поездки в СССР ничего о троц[кис]тах не знала, считала их ренегатами, контрреволюционерами и т. д. Только там она столкнулась с партийцами, которые ее в этом разубедили! Ей приходилось часто сталкиваться с людьми этого лагеря – у нее получилось впечатление, что их (тр[оцкист]ов) там должно быть очень много. Узнав, что она приехала из-за границы, многие спрашивали, что она знает о Л.Д. [Троцком], что он пишет, правда ли, что он хворает, и т. д. У нее было впечатление, что на нее смотрят с упреком, потому что она ничего рассказать не смогла. Хочу подчеркнуть, что эта знакомая ничего не знает о моих настроениях»… (Она возвращается и хочет связаться со мною.)

Л. [Седов]

[Не датировано] 1934

Из книги «Милая моя Ресничка». Письма Сергея Седова

29/II 34 г.

Дорогие мои!

Наступили зимние каникулы. С 23 числа я уже свободен, сессия кончилась, но 7 февраля, увы, танец начинается снова.

Отдохнуть мне все же, конечно, не удастся – у меня целая куча всяких дел. Пять месяцев я все откладывал на зимние каникулы и теперь штопаю все дырки.

За свободные пять дней я, правда, успел уже дописать две статьи, обе начал больше года тому назад. Сейчас я начал писать третью.

Книга наша, по поступившим дополнительным сведениям, должна выйти только во втором квартале, что при оптимистическом взгляде на вещи означает июль месяц.

По части отдыха теперь все мои упования направлены на летние каникулы. Там будет целых два месяца, и хотя поехать никуда, очевидно, не удастся, но отдохнуть, конечно, можно и в Москве.

Я постепенно начинаю привыкать к своей преподавательской деятельности и нахожу в ней свои прелести. Последнее полугодие сентябрь – январь мне было особенно тяжело, т. к. я вел два новых предмета и читал лекции перед аудиторией в сто пятьдесят человек. Это отнимало у меня массу времени на подготовку и потрепало мне нервы.

Сейчас, с 7-го февраля, в новом семестре, мне будет несколько легче, т. к. накопился некоторый опыт, кроме того, у меня несколько упала «нагрузка», что имеет и свои отрицательные стороны.

Люлик пока находится еще в Тифлисе, но, очевидно, через месяц или полтора вернется в Москву, тогда я снова напишу Ане относительно ваших планов.

Лева! – твое письмо я получил и очень благодарен. Что касается книг, о которых ты пишешь, то т. к. у меня сейчас есть время, я надеюсь, что смогу все достать и выслать.

Александра Львов [на] последнее время себя плохо чувствует, дети все здоровы [129] . Сашенька находится здесь, в Москве, она очень смышленая и славная девочка. Не помню, писал ли я вам, что она этой зимой жила у нас около недели и оставила о себе самые приятные воспоминания.

Мама! Ты пишешь, что уже несколько раз спрашивала

относительно вашей материальной помощи. Мне кажется наиболее целесообразным помогать больше Александре Львовне, а не мне, т. к. мое благосостояние, в общем, вполне удовлетворительно, тем более, что и ваше материальное положение, по моим представлениям, стоит на невысоком уровне.

Если вы все же захотите послать и это не идет никому в ущерб, то я, конечно, буду очень благодарен. Что касается форм – то, кажется, проще всего на Торгсин.

Крепко вас всех целую. Привет от Лели.

Сергей [130]

Письмо ЛД к Н. Седовой

[Апрель 1934 г.] [131]

Милая Наталочка, пишу страшно спешно. Раймон решил более не заезжать сюда, ехать прямо в Париж. В четверг, надеюсь, ты будешь уже здесь. Природа и климат очень хороши. Не знаю, как быть насчет моей одежды: парусина здесь не в ходу, буду выделяться, летнее пальто мое и шляпа тоже чрезмерно выделяются (у пальто подкладка сечется совсем), – пожалуй, нужно захватить и тяжелые ботинки для прогулок – или не стоит?

Ты сама решишь, да можно и позже, по почте, разрешить кое-какие из этих трудностей.

Обнимаю тебя крепко.

Привет и поцелуй Ж[анне] и Л[еве].

Твой *[Л.Д. Троцкий]*

Письма Сергея Седова

6/VI 34 г.

Дорогие мои!

Недели две тому назад послал вам письмо. Вскоре после этого получил письмо от мамы и совсем недавно от Левы с денежным переводом.

Судя по ситуации, вам предстоят большие расходы на путешествие, так что зря вы сейчас о нас беспокоитесь.

Неужели действительно придется ехать в Африку? [132]

Это будет похуже Алма-Аты. Надеюсь, что кончится чем-нибудь более благополучным – хотели же тогда из Италии выслать на о. Кубу.

У меня 17-го июня начинается сессия, и сейчас подготовительная горячка в самом разгаре. Каждый день я уезжаю из дому в 7 ч 30 м утра и возвращаюсь часто после 10 вечера.

Устаю очень и жду не дождусь каникул. Последняя комиссия, в которой я состою, будет 24 июня, еще 21 день, и можно будет отдохнуть. *Поехать мне никуда, очевидно, не придется, возможно, правда, что устроюсь в доме отдыха под Москвой [133]* .

Дорогой Лева! Прости, что не дослал остальных книг. Их нет сейчас в продаже, а разыскивать их по букинистам у меня сейчас совершенно времени нет.

Крепко вас всех обнимаю и целую.

Привет от Лели.

Ваш *Сергей*

5/VIII 34 г.

Дорогие мои!

Давно не писал вам, да и от вас почти два месяца нет вестей. *Я вернулся несколько дней тому назад из дома отдыха* . Время я там провел не слишком хорошо – по целому ряду причин: плохая погода, посредственная кормежка, несколько дней проболел ангиной – как раз в самые жаркие солнечные дни. Даже забавно, я зимой последние годы совсем не болею.

Несмотря на не совсем удачные условия, я все-таки отдохнул хорошо, т. к. физическое самочувствие у меня было хорошее и до отъезда, а мое переутомление от учебного года в доме отдыха быстро отлетело.

Двадцать пять суток ни о чем абсолютно не думать – это иногда бывает крайне полезно.

Сейчас я с нетерпением жду приезда товарища, мы собираемся с ним выпускать задачник по курсу двигателей

внутреннего сгорания.

Осенний семестр у меня опять (увы!) будет очень тяжелый: с одной стороны, большая нагрузка вообще – в среднем часов на семь в день; с другой – заведование кабинетом, и, наконец, подготовка к занятиям – у меня два новых предмета, к которым придется усиленно готовиться.

С нетерпением жду от вас вестей, давно ничего нет. Люлик сейчас на даче, поэтому о нем ничего не пишу.

Леля последнее время болеет, у ней сильные боли в области поясницы – невралгического характера. Она вам кланяется.

Крепко всех целую.

Сергей

[Октябрь 1934] [134]

Дорогие мои!

Наконец-то получил от вас письмо (мамино письмо от 9/IX).

У меня с 1 сентября начались занятия в институте. Взялся вести два новых предмета – теплопередачу и теорию авиационных двигателей. Приходится в связи с этим много заниматься – составлять задачи, готовиться.

Согласился я на это по двум соображениям: первое и основное заключается в том, что я делаюсь «халтурщиком» по тем дисциплинам, которые я вел до сих пор, т. к. изучил их в достаточной степени и мой рост остановился; вторая заключается в том, что с января месяца – со второго семестра число групп по моим основным предметам уменьшается, и, т[аким] о[бразом], я просто беспокоюсь о хлебе насущном (первая причина, как видите, высоко моральная, а вторая более низменная – утилитарная).

Работы, в общем, много.

С неделю тому назад держал в руках сигнальный номер нашей книги, внешность у нее довольно сносная, хотя и без переплета. Мы составили к ней «скорбный лист» – перечень опечаток, и я надеюсь, что недели через две смогу выслать вам один экземпляр.

Мама, ты пишешь относительно Люлика, о его поездке к вам. Ани сейчас нет, по ее возвращении я поговорю с ней по этому вопросу, но я совершенно уверен, что согласия она не даст.

Ты спрашиваешь, почему я так мало последнее время пишу о Леле. Дело в том, что мы с ней разошлись, хотя и продолжаем жить в одной комнате. При московском жилищном кризисе и это оказывается возможным. О причинах в письме сообщать очень трудно, тем более, что одной причины нет, а это является результатом целого комплекса различных явлений, которые трудно рассказать даже в беседе, в письме же все это описать

попросту невозможно.

Событие это насчитывает уже большую давность – почти полтора года. Мы настолько оторвались сейчас друг от друга и настолько не в курсе житейских событий, что я до сих пор не информировал вас об этом. Сообщить без комментарий, как я это делаю сейчас, мне казалось странным, изложить же все понятно и членораздельно – невозможным.

Крепко вас всех обнимаю и целую.

Сергей

Письмо проносил в кармане пять дней, никак не мог попасть на почту.

9/XII 34

Милая мамочка!

Очень давно получил твое письмо и до сих пор не удосужился ответить. Очень это, конечно, нехорошо. С одной стороны, много у меня сейчас работы (идет защита проектов, работаю над задачником и пр.); с другой стороны, как-то не было настроения, хотелось написать подробно и хорошо – но, очевидно, ничего из этого не выйдет.

Твои письма – Леле и мне – оба очень теплые, искренние и трогательные, пришли.

Но увы, не в упрек будь тебе сказано, они только несколько усложнили и так неотрадное положение.

Т. к. я не писал тебе о причинах, то ты решила, что произошли какие-то события, что я погорячился и что все это поправимо.

Если бы все это было так, то полуторагодичного срока хватило бы с большим избытком для охлаждения всякой горячности.

Все дело в том, как я уже писал, что никаких эксцессов не было. Просто как-то неожиданно обнаружилось, что наши интересы почти не имеют точек соприкосновения. В этом и состоит основная причина.

Описать это подробно и ясно очень трудно, я долгое время и сам не мог ясно осознать, в чем дело.

Во всяком случае, вопрос этот решен очень давно и решен окончательно. Ситуация, в общем, создалась очень нерадостная. Я не предполагал, что ты примешь так близко к сердцу произошедшие события. Тем более мне стыдно, что я ничего не писал раньше и что я так долго не отвечаю на твое письмо. Если в течение полутора лет я ни о чем не писал, то это отчасти объясняется тем, что внешне особых изменений не произошло и уклад моей жизни почти не изменился.

Сейчас, за последние несколько месяцев, в жизни моей

произошли большие изменения.

Я хочу жениться. Как это все сложно и трудно осуществить! Основное препятствие – это отсутствие комнаты. Трагикомическое, но почти непреодолимое препятствие.

Кто она? – вот вопрос, который сразу приходит тебе в голову.

Ответить, конечно, очень сложно – поэтому заполняю несерьезную анкету. Студентка текстильного ин[ституту]та, в мае 1935 г. получает звание инженера-технолога (так что я теперь спешно восполняю свое образование в области хлопкопрядения).

Возраст – 24 года (исполнилось 14-го августа 1934 г.). Вероисповедание – иудейское.

Особые приметы – в правом глазу одна седая ресница. Имя романтическое – Генриетта.

В общем и целом жизнь складывается очень невесело. Несмотря на то, что у меня сейчас очень большое счастье, *общая ситуация оказывается крайне тяжелой – значительно более тяжелой, чем можно себе представить*…

Я получил Левино письмо с просьбой выслать ему целый ряд книг. Сейчас у меня совершенно нет времени. Через месяц начнутся зимние каникулы, и тогда я постараюсь достать все, что возможно.

Деньги получил – большое спасибо. Крепко вас обнимаю и целую.

Сергей [135]

[Конец 1934 – до 19/II 1935] [136]

Милая мамочка!

Несколько дней тому назад получил твое письмо. Очень долго пришлось его ждать (не прими в качестве упрека!).

Послал недавно вам бандеролью книгу, одним из авторов которой я являюсь. Сообщите, получили ли вы ее?

Дела мои идут пока очень плохо. С обменом комнат по сей день еще ничего не вышло, хотя я и пытаюсь распродавать понемногу свое небогатое имущество для доплаты. *Если у вас есть возможность помочь немного в денежном отношении, то был бы очень благодарен.* Но только при условии, чтобы это не нанесло ущерба вам, т. к. я все равно как-нибудь перебьюсь.

Дома у меня обстановка такая, что и рука не поднимается ее описывать. Да и не стоит этого делать.

На службе у меня тоже начались какие-то неприятности, пока еще в виде слухов, чем кончится – не знаю.

Хотя тон моего письма и получается довольно мрачным, но настроение у меня не упаднические. Уповаю на будущее.

Генриетта, несмотря ни на что, вносит столько радости в мою жизнь, что я становлюсь оптимистом. (Прости за сладкую фразу.)

Сейчас все наши мысли устремлены к получению комнаты, а так, мы уверены, что все будет хорошо.

Моя научная деятельность последнее время пришла в упадок. Хотя я не так давно написал небольшую, но оригинальную работу (статью).

Начал с Генриеттой ходить на каток. Успехи блестящие. Вот, как будто, и все, что я могу написать.

На всякий случай прибавлю, что письма твои я даю прочитывать Леле, и потому просьба к тебе не писать ничего такого, что могло бы показаться ей обидным. Она и так находится в состоянии сильной нервной неуравновешенности.

Крепко всех обнимаю и целую.

Сергей [137]

Из книги Д. А. Волкогонова «Троцкий. Политический портрет». Кн. 1

…Мне довелось познакомиться с очень интересной женщиной, первой женой Сергея Львовича – Ольгой Эдуардовной Гребнер (вторично Сергей женился в ссылке [138] , от второго брака у него осталась дочь Юлия, проживающая сейчас в США). Гребнер – живая, интеллигентная старушка, прошедшая, естественно, сталинские лагеря и ссылки. О Сергее рассказывала увлеченно, но фрагментарно: был озорным парнем, увлекающимся, талантливым человеком. В семье Троцкого больше любили Льва, это было заметно. Поженились, когда ему было двадцать, а ей двадцать два года.

«Когда семью выселили из Кремля на улицу Грановского, – вспоминала Ольга Эдуардовна, – нам стало негде жить [139] . Ютились по углам. Лев Давидович был всегда приветлив. На меня производили особое впечатление его живые, умные, синие глаза. Наталья Ивановна была внешне неинтересной женщиной – маленькая, полная, невзрачная. Но было видно, как они дорожили друг другом. Сергей был, повторюсь, талантлив: за что бы он ни брался – все получалось. Когда высылали Троцкого, Наталья Ивановна подошла ко мне и сказала: «Береги Сережу…»

Арестовали Сергея 4 марта [140] 1935 года, – продолжала Ольга Эдуардовна. – Казалось, что это трагический спектакль. Пришли пятеро. Обыск длился несколько часов. Забрали книги Сергея, портрет отца. Увезли мужа на Лубянку. Был там два или три месяца. Статей ему насчитали… И шпионаж, и пособничество отцу, и вредительство… В общем, сослали в Сибирь… Он был обречен…» – подытожила невеселый рассказ Гребнер.

Анкета арестованного [141]

1. Фамилия: *Седов.*
2. Имя и отчество: *Сергей Львович.*
3. Дата рождения: *21 марта 1908 года.*
4. Место рождения: г. *Вена.*
5. Местожительство (адрес): *Б. Серпуховская, д. 46, кв. 155.*
6. Профессия и специальность: *научный работник.*
7. Место службы и должность или род занятий: *преподаватель. До 19 февраля работал в Московском авиационном ин-те и по совместительству. Дирижабельный учебный комбинат.*
8. Паспорт:

9. Социальное происхождение: *отец журналист-литератор?*

10. Социальное положение: *служащий*

а) до революции: *учащийся*

б) после революции: *учащийся и служащий.*

11. Образование (общее и специальное): *среднее и высшее (инженер-механик)*.

12. Партийность (в прошлом и настоящем): *беспартийный.*

13. Национальность и гражданство (подданство): *русско-еврейск.*

14. Категория воинского учета-запаса и где состоит на учете:

15. Служба в белых и др. к.-р. армиях, участие в бандах и восстаниях против Соввласти (когда и в качестве кого): *не служил.*

16. Каким репрессиям подвергался: при Соввласти: судимость, арест и др. (когда, каким органом и за что): *несколько обысков и вызывался на допрос в ОГПУ*.

17. Состав семьи: *Генриетта Михайловна Рубинштейн – ж[ена], студентка текстильного ин-та. Маросейка, 13 кв. 12, Троцкий Л.Д. – отец, живет во Франции, Троцкая] Н.И. – мать, [живет во Франции], Седов Л.Л., – брат, [живет во Франции], Гребнер О.Э. – бывшая жена, библиотекарь, Б. Серпуховская], д. 46, кв. 155.*

Подпись арестованного *[Сергей Седов]*

Подпись сотрудника, заполнившего анкету

3. III.1935 г.

Из книги Л.Д. Троцкого «Дневники и письма»

[12 февраля 1935]

…Энгельс, несомненно, одна из лучших, наиболее цельных и благородных по складу натур в галерее больших людей. Воссоздать его образ – благородная задача и в то же время исторический долг. На Принкипо я работал над книгой о Марксе – Энгельсе, – предварительные материалы сгорели. Вряд ли придется снова вернуться к этой теме. Хорошо бы закончить книгу о Ленине, чтоб перейти к более актуальной работе – о капитализме распада.

Христианство создало образ Христа, чтоб очеловечить неуловимого господа сил и приблизить его к смертным. Рядом с олимпийцем Марксом Энгельс «человечнее», ближе; как они дополняют друг друга; вернее: как сознательно Энгельс дополняет собою Маркса, расходует себя на дополнение Маркса, всю свою жизнь, видит в этом свое назначение, находит в этом удовлетворение, – без тени жертвы, всегда сам по себе, всегда жизнерадостный, всегда выше своей среды и эпохи, с необъятными умственными интересами, с подлинным огнем гениальности в неостывающем очаге мысли. В аспекте повседневности Энгельс чрезвычайно выигрывает рядом с Марксом (причем Маркс ничего не теряет). Помню, я, после чтения переписки М[аркса] – Э[нгельса] в своем военном поезде, высказал Ленину свое восхищение фигурой Энгельса, и именно в том смысле, что на фоне отношений с титаном Марксом верный Фред ничего не теряет, наоборот, выигрывает. Ленин с живостью, я бы сказал с наслаждением, присоединился к этой мысли: он горячо любил Энгельса именно за его органичность и всестороннюю человечность. Помню, мы не без волнения разглядывали вместе портрет юноши Энгельса, открывая в нем те черты, которые так развернулись в течение его дальнейшей жизни.

17 февраля [1935]

…Жизнь наша здесь очень немногим отличается от тюремного заключения: заперты в доме и во дворе и встречаем людей не чаще, чем на тюремных свиданиях. За последние месяцы завели, правда [радио]аппарат TSF, но это теперь имеется, кажись, и в некоторых тюрьмах, по крайней мере в Америке (во Франции, конечно, нет). Слушаем почти исключительно концерты, которые занимают ныне довольно

заметное место в нашем жизненном обиходе. Я слушаю музыку чаще всего поверхностно, за работой (иногда музыка помогает, иногда мешает писать – в общем, можно сказать, помогает набрасывать мысли, мешает их обрабатывать). Н[аталья] слушает, как всегда, углубленно и сосредоточенно. Сейчас слушает Римского-Корсакова.

TSF напоминает, как широка и разнообразна жизнь, и в то же время придает этому разнообразию крайне экономное и портативное выражение. Одним словом, аппарат, как нельзя лучше пригодный для тюрьмы.

Тюремная обстановка.

27 марта [1935]

…Сегодня гуляли – поднимались в гору… Н. устала и неожиданно села, побледневшая, на сухие листья (земля еще сыровата). Она прекрасно ходит и сейчас еще, – не уставая, и походка у нее совсем молодая, как и вся фигура. Но за последние месяцы сердце иногда дает себя знать, она слишком много работает, со страстью (как все, что она делает), и сегодня это сказалось при крутом подъеме в гору. Н. села сразу, видно, что дальше не могла, и улыбнулась виноватой улыбкой. Как мне стало жаль молодости, ее молодости… Из парижской оперы ночью мы бежали, держась за руки, к себе на rue Gassendi, 46, au pas gymnastique… это было в 1903 году… нам было вдвоем 46 лет, – Н. была, пожалуй, неутомимее. Однажды мы целой группой гуляли где-то на окраине Парижа, подошли к мосту. Крутой цементный бык спускался с большой высоты. Два небольших мальчика перелезли на быка через парапет моста и смотрели сверху на прохожих. Н. неожиданно подошла к ним по крутому и гладкому скату быка. Я обомлел. Мне казалось, что подняться невозможно. Но она шла на высоких каблуках своей гармоничной походкой, с улыбкой на лице, обращенном к мальчикам. Те с интересом ждали ее. Мы все остановились в волнении. Не глядя на нас, Н. поднялась вверх, поговорила с детьми и так же спустилась, не сделав, на вид, ни одного лишнего усилия и ни одного неверного движения… Была весна, и так же ярко светило солнце, как и сегодня, когда Н. неожиданно села в траву…

«Против этого нет сейчас никаких средств», – писал Энгельс о старости и смерти. По этой неумолимой дуге, меж рождением и могилой, располагаются все события и переживания жизни. Эта дуга и составляет жизнь. Без этой дуги не было бы не только старости, но и юности. Старость «нужна», потому что в ней опыт и мудрость. Молодость, в конце концов, потому так и прекрасна, что есть старость и смерть. Может быть, все эти мысли оттого, что TSF передает Götterdämmering [142] Вагнера.

2 апреля [1935]

У меня снова открылся вчера болезненный период. Слабость, легкое лихорад[очное] состояние, чрезвычайный шум в ушах. Прошлый раз во время подобного состояния H[enri] M[olinier] [143] был у местного префекта. Тот справился обо мне и, узнав, что я болен, воскликнул с неподдельной тревогой: «Это крайне неприятно, крайне неприятно… Если он умрет здесь, мы ведь не сможем хоронить его под вымышленным именем!» У каждого своя забота!

Только что получил письмо из Парижа. Ал. Львовна Соколовская, первая жена моя, жившая в Ленинграде со внуками, сослана в Сибирь. От нее уже получена открытка за границей из Тобольска, где она находилась на пути в более далекие части Сибири. От младшего сына, Сережи, профессора [144] в технологическом институте, прекратились письма. В последнем он писал, что *вокруг него сгущаются какие-то тревожные слухи [145]* . Очевидно, и его выслали из Москвы. – Не думаю, чтоб Ал. Льв[овна Соколовская] проявила за последние годы какую-либо политическую активность: и годы, и трое детей на руках [146] . В «Правде» несколько недель тому назад, в статье, посвященной борьбе с «остатками» и «подонками», упоминалось – в обычной хулиганской форме – и имя А.Л., но лишь попутно, причем ей вменялось в вину вредное воздействие – 1931 г.! – на группу студентов, кажется, Лесного института. Никаких более поздних преступлений «Правда» открыть не могла. Но одно уж упоминание имени означало безошибочно, что следует ждать удара и по этой линии.

Платона Волкова, мужа покойной Зинушки, арестовали снова в ссылке и отправили далее. Севушка (внук), сынок Платона и Зины, 8-ми лет, недавно только перебрался из Вены в Париж. Он находился при матери в Берлине в последний период ее жизни. Она покончила с собой, когда Сева находился в школе. Он поселился на короткое время у старшего сына и невестки. Но им пришлось спешно покидать Германию ввиду явного приближения фашистского режима. Севушку отвезли в Вену, чтоб не было лишней ломки в языке. Там его устроили в школу наши старые друзья. После нашего переезда во Францию и начала контрреволюционных потрясений в Австрии мы решили перевезти мальчика в Париж, к старшему сыну и невестке. Но семилетнему Севушке упорно не давали визы. Долгий ряд месяцев прошел в хлопотах. Только недавно удалось перевезти его. За время в Вене Сева забыл совершенно русский и французский язык. А как прекрасно он говорил по-русски, с московским напевом, когда пятилеткой впервые приехал к нам с

мамой на Принкипо! Там, в детском саду, он быстро усваивал французский и отчасти турецкий. В Берлине перешел на немецкий, в Вене стал совсем немцем, а теперь в парижской школе снова переходит на французский язык. О смерти матери он знает и время от времени справляется о «Платоше» (отце), который стал для него мифом.

Младший сын, Сережа, в противоположность старшему и отчасти из прямой оппозиции к нему, повернулся спиной к политике лет с 12-ти: занимался гимнастикой, увлекался цирком, хотел даже стать цирковым артистом, потом занялся техническими дисциплинами, много работал, стал профессором, выпустил недавно, совместно с другими инженерами, книгу о двигателях. Если его действительно выслали, то исключительно по мотивам личной мести: политических оснований не могло быть!

Для характеристики бытовых условий Москвы: Сережа рано женился, жили они с женой несколько лет в одной комнате, оставшейся им от последней нашей квартиры, после нашего выезда из Кремля [147] . Года полтора тому назад Сережа с женой разошелся; но за отсутствием свободной комнаты они продолжали жить вместе до последних дней. Вероятно, теперь ГПУ развело их в разные стороны… Может быть, и Лелю сослали? Это не исключено!

3 апреля [1935 г.]

Я явно недооценил непосредственный практический смысл заявления о «подонках троцкистов»; острие «акции» снова направлено на этот раз против лично близких мне людей. Когда я вчера вечером передал письмо от старшего сына из Парижа Н[аталье], она сказала: «Они его [Сергея] ни в каком случае не вышлют, они будут пытать его, чтоб добиться чего-нибудь, а затем уничтожат…»

…С какой непосредственностью и проникновенностью Н[аталья] представила Сережу в тюрьме: ему должно быть вдвойне тяжело, ибо его интересы совсем вне политики, и у него, поистине, в чужом пиру похмелье.

4 апреля [1935 г.]

Все текущие «мизерии» личной жизни отступили на второй план перед тревогой за Сережу, А.Л., детей. Вчера я сказал Н.: «Теперь наша жизнь до получения последнего письма от Левы кажется почти прекрасной и безмятежной…» Н. держится мужественно, ради меня, но переживает все это несравненно глубже меня…

…Его [Сталина] чувство мести в отношении меня совершенно не удовлетворено: есть, так сказать, физические удары, но морально

не достигнуто ничего: нет ни отказа от работы, ни «покаяния», ни изоляции; наоборот, взят новый исторический разбег, которого уже нельзя приостановить. Здесь источник чрезвычайных опасений для Сталина: этот дикарь боится идей, зная их взрывчатую силу и зная свою слабость перед ними. Он достаточно умен в то же время, чтобы понимать, что я и сегодня не поменялся бы с ним местами: отсюда эта психология ужаленного. Но если месть в более высокой плоскости не удалась и уже явно не удастся, то остается вознаградить себя полицейским ударом по близким мне людям. Разумеется, Сталин не остановился бы ни на минуту перед организацией покушения против меня, но он боится политических последствий: обвинение падет неизбежно на него. Удары по близким людям в России не могут дать ему необходимого «удовлетворения» и в то же время представляют серьезное политическое неудобство. Объявить, что Сережа работал «по указанию иностранных разведок»? Слишком нелепо, слишком непосредственно обнаруживается мотив личной мести, слишком сильна была бы личная компрометация Сталина.

5 апреля [1935 г.] …Почты мы здесь не получаем. Большая почта доставляется с оказией из Парижа (раза два в месяц), совершенно спешные письма идут через посредствующий адрес и приходят с некоторым опозданием. Сейчас мы ждем вестей о Сереже, – ждет особенно Н., ее внутренняя жизнь проходит в этом ожидании. Но получить достоверное известие не просто. Переписка с Сережей и в более благополучные времена была лотереей. Я не писал ему вовсе, чтоб не дать властям никакого повода придраться к нему. Только Н., и притом только о личных делах. Так же отвечал и Сережа. Были долгие периоды, когда письма переставали доходить вовсе. Затем внезапно прорывалась открытка, и переписка восстанавливалась на некоторое время. После последних событий (убийство Кирова и пр.) цензура иностранной] корреспонденции должна была стать еще свирепее. Если Сережа в тюрьме, то ему, конечно, не дадут писать за границу. Если он уже в ссылке, то положение несколько более благоприятно, однако все зависит от конкретных условий. За несколько последних месяцев ссылки Раковские были совершенно изолированы от внешнего мира: ни одного письма, даже от близких родных, не доходило. Об аресте Сережи мог бы написать кто-нибудь из близких. Но кто? Не осталось, видимо, никого… А если кто и остался из дружественно настроенных, то не знает адреса.

* * *

Дождь прекратился. Мы гуляли с Н. от 16–17 ч. Тихая и сравнительно мягкая погода, небо обложено, по горам завеса тумана, запах навозного удобрения в воздухе. «Март выглядел апрелем, а теперь апрель стал мартом», – это слова Н., я прохожу как-то мимо таких наблюдений, если Н. не повернет моего внимания. Ее голос ударил меня в сердце. У нее грудной голос, чуть сиплый. В страдании голос уходит еще глубже, как будто непосредственно говорит душа. Как я знаю этот голос нежности и страдания! Н. заговорила (после большого перерыва) снова о Сереже: «Чего они могут потребовать от него? Чтоб он покаялся? Но ему не в чем каяться. Чтоб он «отказался» от отца?.. В каком смысле? Но именно потому, что ему не в чем каяться, у него нет и перспективы. До каких пор его будут держать?»

Н. вспомнила, как после заседания Политбюро (это было в 1926 г.) у нас на квартире сидел кое-кто из тогдашних друзей в ожидании результата. Я вернулся с Пятаковым (как член ЦК Пятаков имел право присутствовать на заседаниях Политбюро). Пятаков, очень взволнованный, передавал ход «событий». Я сказал на заседании, что Сталин окончательно поставил свою кандидатуру на роль могильщика партии и революции. Сталин в виде протеста ушел с заседания. Мне, по предложению растерявшегося Рыкова и Рудзутака, было вынесено «порицание». Рассказывая об этом, Пятаков повернулся в мою сторону и сказал с силой: «Он вам этого никогда не забудет, ни вам, ни детям, ни внукам вашим». Тогда слова о детях и внуках – вспоминала Н. – казались далекими, скорее просто формой выражения; но вот дошло до детей и даже до внуков: они оторваны от А.Л., что станется с ними? А старшему, Левушке, уже 15 лет [148] …

Мы говорили о Сереже. На Принкипо обсуждался вопрос о его переезде за границу. Но куда и как? Лева связан с политикой кровью, и в этом оправдание его эмиграции. А Сережа связался с техникой, с институтом.

На Принкипо он томился бы. К тому же трудно было загадывать о будущем: когда наступит поворот? в какую сторону? А если со мной что приключится за границей?.. Было страшно отрывать Сережу от его «корней». Зинушку вызвали за границу для лечения, – и то трагически кончилось.

Н[аташу] томит мысль о том, как тяжело чувствует себя Сережа в тюрьме (если он в тюрьме), – не кажется ли ему, что мы как бы забыли его, предоставили собственной участи. Если он в концентрационном лагере, на что надеяться ему? Он не может вести себя лучше, чем вел себя в качестве молодого профессора в своем институте…

«Может быть, они просто забыли о нем за последние годы, а

теперь вдруг вспомнили, что у них есть такой клад, и решили соорудить на этом новое большое дело…» Это опять мысли Наташи. Она спросила меня, думаю ли я, что Сталин в курсе дела. Я ответил, что такие «дела» никогда не проходят мимо него, – в такого рода делах ведь, собственно, и состоит его специальность.

В последние два дня Н. больше думала об А.Л., чем

о Сереже: может быть, с Сережей, в конце концов, ничего и нет, а А.Л., в 60 лет, отправлена куда-то на дальний Север.

* * *

Человеческая натура, ее глубина, ее сила, определяются ее нравственными резервами. Люди раскрываются до конца, когда они выбиты из привычных условий жизни, ибо именно тогда приходится прибегать к резервам. Мы с Н. связаны уже 33 года (треть столетия!), и я всегда в трагические часы поражаюсь резервам ее натуры… Потому ли, что силы идут под уклон, или по иной причине, но мне очень хотелось бы хоть отчасти запечатлеть образ Н. на бумаге.

9 апреля [1935 г.] Лева переслал открытку Александры] Львовны уже с места ссылки. Тот же отчетливый, слегка детский почерк, и то же отсутствие жалоб…

* * *

О Сереже никаких вестей и, может быть, не скоро придут. Долгое ожидание притупило тревогу первых дней.

5 мая 1935 г.

Третий прочитанный роман – «Большой конвейер» Якова Ильина [149] . Это уже чистый образец того, что называется «пролетарской литературой», – и не худший образец. Автор дает «роман» тракторного завода – его постройки и пуска. Множество технических вопросов и деталей, еще больше дискуссий по поводу них. Написано сравнительно живо, хотя все же по-ученически. В этом «пролетарском» произведении пролетариат стоит где-то глубоко на втором плане, – первое место занимают организаторы, администраторы, техники, руководители и – ставки. Разрыв между верхним слоем и массой проходит через всю эпопею американского конвейера на Волге. Автор чрезвычайно благочестив в смысле генеральной линии, его отношение к вождям пропитано официальным преклонением.

Определить степень искренности этих чувств трудно, так как они имеют общеобязательный и принудительный характер, равно как и чувство вражды к оппозиции. В романе известное, хотя все же второстепенное, место занимают троцкисты, которым автор старательно приписывает взгляды, заимствованные из обличительных передовиц «Правды». И все же, несмотря на этот строго благонамеренный характер, роман звучит местами как сатира на сталинский режим. Грандиозный завод пущен незаконченным: станки есть, но рабочим негде жить, работа не организована, не хватает воды, всюду анархия. Необходимо приостановить завод и подготовиться. Приостановить завод? А что скажет Сталин?! Ведь обещали съезду и пр. Отвратительный византизм вместо деловых соображений. В результате – чудовищное расхищение человеческих сил и плохие тракторы. Автор передает речь Сталина на собрании хозяйственников: «Снизить темпы? Невозможно. А Запад?» (В апреле 1927 г. Сталин доказывал, что вопрос о темпах не имеет никакого отношения к вопросу о построении социализма в капиталистическом окружении: темп есть наше «внутреннее дело». Итак: снизить заказанные сверху темпы «нельзя». Но почему же дан коэффициент 25, а не 40 или 75? Заданный коэффициент все равно не достигается, а приближение к нему оплачивается низким качеством, износом рабочих жизней и оборудования. Все это видно у Ильина, несмотря на официальное благочестие автора…

Поражают некоторые детали. Орджоникидзе говорит (в романе) рабочему *ты,* а тот отвечает ему на *вы.* В таком духе ведется весь диалог, который самому автору кажется вполне в порядке вещей.

Но самая мрачная сторона в романе конвейера – это политическое бесправие, безличие рабочих, особенно пролетарской молодежи, которую учат только повиноваться. Молодому инженеру, который восстает против преувеличенных заданий, партийный комитет напоминает о его недавнем «троцкизме» и грозит исключением. Молодые партийцы спорят на тему: почему никто в молодом поколении не сделал ничего выдающегося ни в одной из областей? Собеседники утешают себя довольно сбивчивыми соображениями. Не потому ли, что мы придушены? – проскальзывает нота у одного из них. На него набрасываются: нам не надо свободы дискуссий, у нас есть руководство партией, «указания Сталина». Руководство партией – без дискуссий – это и есть «указания Сталина», которые, в свою очередь, лишь эмпирически подытоживают опыт бюрократии. Догмат бюрократической непогрешимости душит молодежь,

пропитывая ее нравы прислужничеством, византийщиной, фальшивой «мудростью».
Где-нибудь, притаившись, и работают, вероятно, большие люди. Но на тех, которые дают официальную окраску молодому поколению, неизгладимая печать недорослей.

8 мая 1935 г. Из Москвы через Париж сообщают: «Вам, уж, конечно, писали по поводу их маленькой неприятности». Речь идет явно о Сереже (и его подруге). Но нам ничего не писали, вернее, письмо погибло в пути, как большинство писем, даже совершенно невинных. Что значит «маленькая» неприятность? По какому масштабу «маленькая»?

От самого Сережи вестей нет.

* * *

Старость есть самая неожиданная из всех вещей, которые случаются с человеком.

* * *

Норвежское рабочее правительство как будто твердо обещало визу. Придется, видимо, ею воспользоваться. Дальнейшее пребывание во Франции будет связано со все большими трудностями, притом в обоих вариантах: в случае непрерывного продвижения реакции, как и в случае успешного развития революционного движения. Не имея возможности выслать меня в другую страну, пр[авительст]во, теоретически «выславшее» меня из Франции, не решается направить меня в одну из колоний, ибо это вызвало бы слишком большой шум и создало бы повод для постоянной агитации. Но с обострением внутренних отношений эти второстепенные соображения отойдут назад, и мы с Н. можем оказаться в одной из колоний. Конечно, не в сравнительно благоприятных условиях Сев[ерной] Африки, а где-нибудь очень далеко… Это означало бы политическую изоляцию, неизмеримо более полную, чем на Принкипо. В этих условиях разумнее покинуть Францию вовремя.

…Норвегия, конечно, не Франция: неизвестный язык, маленькая страна, в стороне от большой дороги, запоздание с почтой и пр. Но все же гораздо лучше, чем Мадагаскар. С языком можно будет скоро справиться настолько, чтоб понимать газеты. Опыт норвежской Рабочей] партии представляет большой интерес и сам по себе, и особенно накануне прихода к власти Labour Party

в Великобритании.

Конечно, в случае победы фашизма во Франции скандинавская «траншея» демократии продержится недолго. Но ведь при нынешнем положении дело вообще может идти только о «передышке»

* * *

…В последнем [150] письме, которое Н. от него получила, Сережа как бы вскользь писал: «Общая ситуация оказывается крайне тяжелой, значительно более тяжелой, чем можно себе представить…» Сперва могло казаться, что эти слова носят чисто личный характер. Но теперь совершенно ясно, что дело идет о политической ситуации, как она сложилась для Сережи после убийства

Кирова, и связанной с этим новой волне травли (письмо написано 9 декабря 1934 г.).

Нетрудно себе действительно представить, что приходится ему переживать – не только на собраниях и при чтении прессы, но и при личных встречах, беседах и (несомненно!) бесчисленных провокациях со стороны мелких карьеристов и прохвостов. Будь у Сережи активный политический интерес, дух фракции – все эти тяжелые переживания оправдывались бы. Но этой внутренней пружины у него нет совершенно. Тем тяжелее ему приходится…

По книге Н. Седовой и В. Сержа «Жизнь и смерть Льва Троцкого»

В мае 1935 г. мы узнали об аресте в Москве нашего младшего сына Сергея. Он исчез, когда ему было 27 лет. Вина его заключалась лишь в том, что он сын Троцкого… Я написала публичный протест, который не возымел никакого эффекта. Через несколько недель я послала международный чек на небольшую сумму на имя Лели, но чек вернулся с пометой «Адресат выбыл». Лелю тоже арестовали. Мы так никогда не узнали, что с ней случилось.

Письмо Н.И. Троцкой о сыне [151]

[1 июня 1935 года]

За последнее время в среде товарищей довольно широко распространились слухи о том, что Сталин, в качестве орудия мести, выбрал на этот раз нашего младшего сына Сергея. Друзья запрашивают нас: верно ли это? Да, это верно: Сережа арестован в самом начале этого года. Если в первое время можно было надеяться на то, что арест случаен и что сына сегодня-завтра освободят, то сейчас уже очевидно, что намерения арестовавших гораздо серьезнее. Так как многие из товарищей живо интересуются новым ударом, постигшим нашу семью, то будет может быть лучше, если я расскажу, как обстоит дело в письме, предназначенном для общего сведения.

Сережа родился в 1908 г. Он вступил в Октябрьскую революцию девятилетним мальчиком и рос в Кремле. В семьях, где старшие поглощены политикой, младшие члены нередко отталкиваются от политики. Так было и у нас. Сережа никогда не занимался политическими вопросами и не был даже членом Комсомола. В школьные годы он увлекался спортом, цирком и стал выдающимся гимнастом. В высшем учебном заведении он сосредоточился на математике и механике; в качестве инженера получил кафедру при высшем техническом училище; развивал там за последние годы широкую преподавательскую деятельность. Выпустил недавно, вместе с двумя коллегами, специальный труд: «Легкие газогенераторы автотракторного типа». Изданная Научным Авто-Трак-торным Институтом книга встретила сочувственный отзыв наиболее выдающихся специалистов.

Когда мы подверглись высылке за границу, Сережа был еще студентом. Власти разрешили членам нашей семьи сопровождать нас или оставаться в СССР. Сережа решил остаться в Москве, чтоб

не отрываться от той работы, которая отныне заполнила его существование. Материальные условия его жизни были очень тяжелы, но не отличались в этом отношении от условий жизни подавляющего большинства непривилегированной советской молодежи. Та недостойная клевета, какую советская печать непрерывно распространяла о Л.Д. Троцком и его единомышленниках не могла, конечно, не причинять нравственных страданий Сереже. Но об этом я могу только догадываться. Моя переписка с сыном ограничивалась исключительно «нейтральными», будничными вопросами, никогда не касаясь вопросов политики и особых условий существования нашей семьи (надо прибавить, что и эти письма доходили лишь в виде исключения). Л.Д. вовсе не переписывался за годы ссылки с сыном, чтоб не давать властям ни малейшего повода к преследованиям или простым придиркам. И, действительно, в течение шести лет нашей нынешней эмиграции Сережа продолжал свою напряженную научную и преподавательскую работу без каких-либо помех со стороны властей.

Положение изменилось после убийства Кирова и известного процесса против Зиновьева и Каменева. Переписка совершенно оборвалась; Сережу арестовали. Я ждала со дня на день, что переписка возобновится. Но вот уж истекает полгода, как Сережа сидит в тюрьме. Это и заставляет думать, что у арестовавших имеются какие-то особые намерения.

Можно ли предположить, что под влиянием событий сын оказался за последнее время вовлечен в оппозиционную деятельность? Я была бы счастлива за него, если б могла так думать, ибо при этом условии Сереже неизмеримо легче было бы переносить обрушившийся на него удар. Но такое предположение надо считать совершенно исключенным. Из разных источников мы достаточно хорошо знали, что Сережа стоял за последние годы от политики так же далеко, как и раньше. Но мне лично не нужно было бы и этих свидетельств, так как я слишком хорошо знаю его психологию и направление его умственных интересов. Да и власти, начиная со Сталина, очень хорошо осведомлены об этом: ведь Сережа, повторяю, вырос в Кремле, сын Сталина бывал частым гостем в комнате мальчиков; ГПУ и университетские власти с двойным вниманием следили за ним, сперва как за студентом, затем как за молодым профессором. Его арестовали не за какую-либо оппозиционную деятельность (которой не было, и по всем обстоятельствам, не могло быть), а исключительно, как сына Л.Д. в целях родовой мести. Таково единственно возможное об’яснение.

Все товарищи помнят попытку ГПУ впутать в дело об убийстве Кирова имя Л.Д.: латышский консул, который давал деньги на террористический акт, предложил в то же время террористам передать от них Троцкому письмо. Весь этот замысел оборвался, однако, на полуслове и лишь скомпрометировал организаторов процесса. Но как раз поэтому мы не раз говорили в семье после процесса: «они на этом не остановятся; они должны будут выдвинуть какое-нибудь новое дело, чтоб перекрыть провал амальгамы с консулом». Ту же мысль Л.Д. высказывал и в своих статьях в русском Бюллетене. Мы не знали только, какой способ выберет ГПУ на этот раз. Но сейчас не может быть уже и тени сомнения; арестовав совершенно непричастного к делу Сергея и держа его в течение ряда месяцев в тюрьме, Сталин явно и несомненно преследует цель создать новую «амальгаму». Для этого ему нужно вырвать у Сергея какое-либо показание, пригодное для этой цели, наконец, хотя бы «отречение» от отца. Я не буду говорить о тех способах, при помощи которых Сталин добивается нужного ему показания. Никаких сведений у меня на этот счет нет. Но все обстоятельства говорят сами за себя…

Проверить то, что сказано в этом письме, было бы очень просто: достаточно было бы, например, создать интернациональную комиссию из авторитетных и добросовестных людей, разумеется, заведомых друзей СССР. Такая комиссия должна была бы проверить все репрессии, связанные с убийством Кирова; попутно она внесла бы необходимый свет и в дело нашего сына Сергея. В таком предложении нет ничего исключительного или неприемлемого. Когда в 1922 г. происходил суд над эсерами, организаторами покушений на Ленина и Троцкого, Центральный Комитет, под руководством Ленина и Троцкого, предоставил право Вандервельде, Курту Розенфельду и другим противникам советского правительства участвовать в судебном процессе, в качестве защитников обвиняемых террористов. Неужели же Ромен Роллан, Андре Жид, Бернард Шоу и другие друзья Советского Союза не могли бы взять на себя инициативу создания такой комиссии по соглашению с советским правительством? Это был бы лучший способ проверить обвинения и широко распространенные в рабочих массах подозрения. Советская бюрократия не может стоять выше общественного мнения мирового рабочего класса. Что касается интересов рабочего государства, то они оказались бы только в выигрыше в результате серьезной проверки его действий. Такой авторитетной комиссии я, в частности, предоставила бы все необходимые сведения и документы, касающиеся моего сына.

Это мое письмо есть следовательно прямое обращение к

рабочим организациям и иностранным друзьям СССР; не к заинтересованным адвокатам советской бюрократии, конечно, а к честным и независимым друзьям Октябрьской революции…

Наталия Ивановна Троцкая [152]

1 июня 1935 г. Франция.

Из книги Л.Д. Троцкого «Дневники и письма»

16 [мая 1935 г.]

У нас невеселые дни. Н. нездорова – t. 38°, – видимо, простуда, но, может быть, с ней связана и малярия. Каждый раз, когда Н. нездорова, я по-новому чувствую, какое место она занимает в моей жизни. Она переносит всякие страдания, физические и нравственные, молча, тихо, про себя. Сейчас она томится больше моим нездоровьем, чем своим собственным. «Только бы ты поправился, – сказала она мне сегодня, лежа в постели, – больше мне ничего не надо». Она редко говорит такие слова. И она сказала их так просто, ровно, тихо и в то же время из такой глубины, что у меня вся душа перевернулась….

Мое состояние неутешительно. Приступы болезни становятся чаще, симптомы острее, сопротивляемость организма явно понижается. Конечно, кривая может еще дать временный изгиб вверх. Но в общем у меня такое чувство, что близится ликвидация.

Вот уж недели две, как я почти не пишу: трудно. Читаю газеты, французские] романы, книжку Wittels'a о Freud'e (плохая книжка завистливого ученика) и пр. Сегодня писал немного о взаимоотношении между физиологическим детерминизмом мозговых процессов и «автономностью» мысли, подчиняющейся законам логики. Мои философские интересы за последние годы возрастают, но, увы, познания слишком недостаточны и слишком мало остается времени для большой и серьезной работы…

Надо поить Н. чаем…

23 мая [1935 г.]

Вот уже много дней, как мы с Н. хворали. Затяжной грипп. Лежим то по очереди, то одновременно. Май холодный, неприветливый… Из Парижа пять дней т[ому] назад получили тяжелую весть: такси наскочило на авто, в котором находилась Жанна, и серьезно ранило ее, так что ее в беспамятстве перенесли в больницу: глубокая рана в голове, сломано ребро…

У Левы экзаменационная страда, а ему приходится готовить пищу для Севы. О Сереже по-прежнему никаких вестей.

25 мая [1935 г.] Сегодня пришло письмо от Левы. Написано оно, как всегда, условным языком. Это значит, что норвежское правительство дало визу и что нужно готовиться к отъезду. «Crux» это я. «Праздник вечного новоселья», как говорил старик-рабочий в Алма-Ате.

1 июня [1935 г.] Дни тянутся тягостной чередой. Три дня тому назад получили письмо от сына [153] : Сережа сидит в тюрьме, теперь это уже не догадка, почти достоверная, а прямое сообщение из Москвы… Он был арестован, очевидно, около того времени, когда прекратилась переписка, т. е. в конце декабря – начале января [154] . С этого времени прошло уже почти полгода… Бедный мальчик… И бедная, бедная моя Наташа…

Из письма Н. Седовой Саре Якобс-Вебер

4 июня 1935 г.

[…] О Сереже – Вы все знаете. Последнее письмо от него было получено от 12 декабря [1934 г.] В письме была одна фраза, которая обратила внимание особенно потому, что за все эти годы нашей разлуки он в первый раз так писал: «Мое общее положение очень тяжелое, тяжелее, чем можно было бы себе представить». Сказано в письме это было мимоходом. В письме для печати я не привела этих слов, чтоб не давать повода к новым осложнениям. Сережа никогда не писал ни о каких своих трудностях, а их было немало у него за это время. На этот раз он понял *всю серьезность* происходящего. Тем не менее письмо закончил оптимистически. В «этих делах» *(положение* его в Советской России) он, Сара, полагался на нас. Вы понимаете… Нашу жизнь нельзя назвать спокойной, но когда мы представляем себе ее до ареста Сережи, она нам кажется безмятежной.

Милая моя Сара, Вы спрашиваете, что Вы можете сделать? Не рискованно ли? Нам думается, что Вы могли бы использовать Ваши связи для выяснения положения Сережи. Нам известно только то, что было в письме, которое Вы читали. Он сидит в Москве (он так писал). *Но о самом его деле ничего не известно.* Не надо делать, конечно, попыток встреч с его близкими, спрашивать о нем, разыскивать их. *Ни в коем случае. Это только повредит Сереже.*

Надо идти другими путями, которые трудно отсюда указать. Зависит многое от лица, которое будет это делать, от его положения, от его связей, личной инициативы и пр. и пр. *Но помнить надо всегда, во всех случаях: ничего не спрашивать о родных и не разыскивать их.* Да все они, как и мы, ничего не знают.

Из книги Л.Д. Троцкого «Дневники и письма»

8 июня [1935 г.]

Заезжала к нам по пути из Лондона в Вену Л.С., урожденная Клячко, дочь старого русского эмигранта, умершего до войны [155] . Мать ее, старая наша приятельница, была недавно в Москве и, видимо, пыталась интересоваться судьбой Сережи, которого она знала в Вене маленьким мальчиком. В результате ей пришлось очень спешно покидать Москву. Подробностей еще не знает…

Получил от группы студентов Эдинбургского университета, представителей «всех оттенков политической мысли», предложение выставить свою кандидатуру в ректоры. Должность чисто «почетная», – ректор избирается каждые три года, публикует какой-то адрес и совершает еще какие-то символические действия. В числе прочих ректоров названы: Гладстон, Smuts, Нансен, Маркони…

Только в Англии, пожалуй, сейчас уже только в Шотландии, возможна такая экстравагантная идея, как выдвижение моей кандидатуры в качестве ректора университета. Я ответил, разумеется, дружественным отказом.

7 июня 1935 г.

Я вам очень признателен за ваше неожиданное и лестное для меня предложение: выставить мою кандидатуру в качестве ректора Эдинбургского университета. Сказавшаяся в этом предложении свобода от соображений национализма делает высокую честь духу эдинбургских студентов. Я тем выше ценю ваше доверие, что вас, по вашим собственным] словам, не останавливает отказ британского правительства в выдаче мне визы. И все же я не считаю себя вправе принять ваше предложение. Выборы ректора происходят, как пишете вы, на ***неполитической*** базе, и под вашим письмом подписались представители всех оттенков политической мысли. Но я лично занимаю слишком определенную политическую позицию: вся моя деятельность с юных лет посвящена революционному освобождению пролетариата от ига капитала. Никаких других заслуг у меня нет для занятия ответственного поста. Я считал бы, поэтому, вероломным по отношению к рабочему классу и нелояльным по отношению к вам выступить на какое бы то ни было публичное поприще не под большевистским знаменем. Я не сомневаюсь, что вы найдете кандидатуру, гораздо более

отвечающую традиции вашего университета.
От всей души желаю вам успеха в ваших работах и остаюсь благодарен.

* * *

Внешним образом у нас в доме все по-прежнему. Но на самом деле все изменилось. Я вспоминаю о Сереже каждый раз с острой болью. А Н. и не «вспоминает», она всегда носит глубокую скорбь в себе. «Он на нас надеялся… – говорила она мне на днях (голос ее и сейчас остается у меня в душе), – он думал, что раз мы его там оставили, значит, так нужно». А вышло, что принесли его в жертву. Именно так оно и есть…

Теперь еще присоединилось резкое ухудшение моего здоровья. Н. и это переживает очень тяжело. Одно с другим. В это же время ей приходится по дому очень много работать. Я изумляюсь каждый раз снова, откуда у ней столько сосредоточенной, страстной и в то же время сдерживаемой энергии?

…По поводу ударов, которые выпали на нашу долю, я как-то на днях напоминал Наташе жизнеописание протопопа Аввакума. Брели они вместе по Сибири, мятежный протопоп и его верная протопопица, увязали в снегу, падала бедная измаявшаяся женщина в сугробы. Аввакум рассказывает: «Я пришел, – на меня, бедная, пеняет, говоря: «Долго ли муки сия, протопоп, будет?» И я говорю: «Марковна, до самыя смерти».

Она же, вздохня, отвещала: «Добро, Петрович, еще побредем».

Одно могу сказать: никогда Наташа не «пеняла» на меня, никогда в самые трудные часы: не пеняет и теперь, в тягчайшие дни нашей жизни, когда все сговорилось против нас…

9 июня [1935 г.] Вчера приехал Ван [Jean van Heijenoort], привез весть о том, что норвежское раб[очее] пр[авительство] дало визу. Отъезд отсюда назначен на завтра, но я не думаю, что за два дня удастся получить транзитную визу через Бельгию: пароход отходит из Антверпена. В ожидании визы мы все же укладываемся. Спешка невероятная. Все сошлось одно к одному: крестьянская девушка, которая приходила к Н. ежедневно на три часа помогать по хозяйству, как на грех уехала на два дня в гости. Наташа готовит обед и укладывает вещи, помогает мне собирать книги и рукописи, ухаживает за мной. По крайней мере это отвлекает ее несколько от мыслей о Сереже и о будущем. Надо еще прибавить ко всему прочему, что мы остались без денег: я слишком много времени отдавал партийным делам, а последние

два месяца болел и вообще плохо работал. В Норвегию мы приедем совершенно без средств… Но это все же наименьшая из забот.

20 июня [1935 г.]

Виза еще не получена… но есть телеграмма из Осло о том, что правительственное решение уже состоялось и что виза будет беспрепятственно выдана после праздников. Н. сомневалась: не обнаружатся ли в последний момент новые затруднения и не придется ли нам из Парижа возвращаться вспять (власти разрешили нам остановиться на 24 часа в Париже). Запросили снова по телефону Париж. Лева ответил: виза получена, во вторник утром получим, выезжайте в понедельник. Укладка вещей шла лихорадочно, главная работа легла на Н. Ван помогал.

…В Париже мы увидели после трехлетней разлуки Севушку: он вырос, окреп и… совсем-совсем забыл русский. К рус[ской] книге о трех толстяках, которую он прекрасно, запоем читал на Принкипо, он прикасается теперь с неприязнью (книга у него сохранилась), как к чему-то чужому и тревожному. Он посещает французскую] школу, где мальчики называют его boche'ем [156] .

В среду, около 9.30 ч. вечера, [Walter] Held сообщил мне по телефону из Осло, что правительство решило, наконец, дать на 6 месяцев визу. «6 месяцев» – мера предосторожности, чтоб иметь не слишком связанные руки перед лицом политических противников. Угнетенное состояние сменилось у молодежи бурным подъемом…

На другое утро встретилось, однако, новое затруднение: норвежский консул заявил, что раз виза дается на определенный срок, то Тр[оцко]му нужна обратная французская виза: впрочем он, консул, справится по телефону в Осло. Получить обратную французскую визу представлялось почти безнадежным; во всяком случае это означало значительную проволочку. Новые хлопоты, телефонные разговоры, волнения и… расходы. К полудню норвежская виза была получена, транзитная бельгийская – перенесена на новый срок. Последние свидания и прощания. Новый полицейский, который провожает нас до Брюсселя.

…На маленьком норвежском пароходе (три ночи, два дня) никто не обращал на нас внимания. С этой стороны все путешествие – в отличие от предшествующих наших передвижений – прошло идеально. Ни полиция, ни журналисты, ни публика не интересовались нами. Мы с Н. ехали по эмигрантским паспортам, выданным турецким правительством; так как с нами были Ван и Френкель, то офицер, заведовавший билетами и паспортами, определял нашу группу так: «француз, чехословак и два турка». Только на пристани в Осло несколько

журналистов и фотографов рабочей, т. е. правительственной, печати раскрыли наше инкогнито. Но мы быстро уехали в автомобиле с Шефло, который ожидал нас на пристани.
Правительство выразило желание, чтобы мы поселились вне Осло, часах в двух пути, в деревне. Газеты без труда раскрыли наше убежище. Сенсация получилась, в общем, изрядная. Но все как будто обещает обойтись благополучно. Консерваторы, конечно, «возмущены», но возмущение свое выражают сравнительно сдержанно. Бульварная печать держит себя нейтрально. Крестьянская партия, от которой – в парламентской плоскости – зависит самое существование правительства, не нашла возражений против выдачи визы. Рабочая печать довольно твердо взяла если не меня, то право убежища под защиту. Консерваторы хотели внести в стортинг запрос, но, натолкнувшись на несочувствие других партий, воздержались. Только фашисты устроили митинг протеста под лозунгом: «Чего глава мировой революции хочет в Осло?» Одновременно сталинцы объявили меня в 1001-ый раз главой мировой контрреволюции.

26 июня [1935 г.]

Продолжаю хворать. Поразительна у меня разница между здоровьем и больным состоянием: два человека, даже во внешнем облике, притом иногда на протяжении 24 часов. Отсюда естественное предположение, что дело в нервах. Но врачи давно уже – в 1923 – установили инфекцию. Возможно, что «нервы» придают внешним выражениям болезни такой резкий размах.

Этой ночью, вернее уж утром, снился мне разговор с Лениным. Если судить по обстановке, – на пароходе, на палубе 3-го класса. Ленин лежал на нарах, я не то стоял, не то сидел возле него. Он озабоченно расспрашивал о болезни. «У вас, видимо, нервная усталость накопленная, надо отдохнуть…» Я ответил, что от усталости я всегда быстро поправлялся, благодаря свойственному мне Schwungkraft [157] , но что на этот раз дело идет о более глубоких процессах… «Тогда надо серьезно (он подчеркнул) посоветоваться с врачами (несколько фамилий)…» Я ответил, что уже много советовался, и начал рассказывать о поездке в Берлин, но, глядя на Ленина, вспомнил, что он уже умер, и тут же стал отгонять эту мысль, чтоб довести беседу до конца. Когда закончил рассказ о лечебной поездке в Берлин, в 1926 г., я хотел прибавить: это было уже после вашей смерти, но остановил себя и сказал: после вашего заболевания…

Н. устраивает наше жилье. В который раз! Шкафов здесь нет, многого не хватает. Она сама вбивает гвозди, натягивает веревочки, вешает, меняет, веревочки срываются, она вздыхает

про себя и начинает сначала… Две заботы руководят ею при этом: о чистоте и о приглядности. Помню, с каким сердечным участием, почти умилением, она рассказывала мне в 1905 г. об одной уголовной арестантке, которая «понимала» чистоту и помогала Н[аташ]е наводить чистоту в камере. Сколько «обстановок» мы переменили за 33 года совместной жизни: и женевская мансарда, и рабочие квартиры в Вене и Париже, и Кремль, и Архангельское, и крестьянская изба под Алма-[А]той, и вилла на Принкипо, и гораздо более скромные виллы во Франции… Н. никогда не была безразлична к обстановке, но всегда независима от нее. Я легко «опускаюсь» в трудных условиях, т. е. мирюсь с грязью и беспорядком вокруг, – Н. никогда. Она всякую обстановку поднимет на известный уровень чистоты и упорядоченности и не позволит ей с этого уровня спускаться. Но сколько это требует энергии, изобретательности, жизненных сил!..

…Прожили мы с Н. долгую и трудную жизнь, но она не утратила способности и сейчас поражать меня свежестью, цельностью и художественностью своей натуры.

Лежа на шезлонге, я вспоминал, как мы подвергались с Н. санитарному досмотру на пароходе по прибытию в Н[ью]-Йорк в январе 1917 г. Американские чиновники и врачи были очень бесцеремонны, особенно с пассажирами не 1-го класса (мы ехали во втором). На Наташе была вуаль. Врач, интересующийся трахомой, заподозрил неладное за вуалью, быстро приподнял ее и сделал движение пальцами, чтоб приподнять веки… Н. не протестовала, ничего не сказала, не отступила, она только удивилась, вопросительно взглянула на врача, лицо ее занялось легким румянцем. Но грубоватый янки сразу опустил руки и виновато сделал шаг назад, – такое неотвратимое достоинство женственности было в ее лице, в ее взгляде, во всей ее фигуре… Помню, какое у меня было чувство гордости за Наташу, когда мы с парохода переходили по сходням на пристань Нью-Йорка.

1 июля [1935 г.]

…Knudsen сообщил, что фашисты собирают в Drammen (60 километров отсюда) митинг протеста против моего пребывания в Норвегии. По словам К., они соберут, будто бы, не больше 100 человек.

Кто-то из советских чиновников снял дачу поблизости от лесной дачки нашего хозяина. Это волнует Н., – по-моему, совершенно без основания.

13 июля [1935 г.]

…За последние годы я приучился диктовать статьи по-французски и по-немецки, диктовать сотрудникам, которые способны тут же исправлять мои синтаксические ошибки (а они

не редки). Овладеть каким-либо иностранным языком полностью мне не дано.

В английском языке (который знаю совсем плохо) я продвигаюсь теперь вперед при помощи усиленного английского чтения. Иногда ловишь себя на мысли: не поздновато ли? стоит ли расходовать энергию не на познание, а на язык, оружие познания?

В Турции мы жили «явно» для всех, но под большой охраной (три товарища, два полицейских). Во Франции мы жили инкогнито, сперва под охраной товарищей (Barbizon), затем одни (Isere). Сейчас мы живем открыто и без охраны. Даже ворота двора днем и ночью раскрыты настежь. Вчера два пьяных норвежца приходили знакомиться. Побеседовали мы с ними честь честью и разошлись.

30 июля [1935 г.] …На днях во двор пробрался фашистский журналист (из еженедельника ABC), подкрался, прилипая к стене, и снял нас с Н. на шезлонгах. Когда Н. повернулась к нему, он бросился наутек. Хорошо, что в руках у него был только фотоаппарат. Ян нагнал его в деревне, откуда он заказывал автомобиль по телефону. Бедный фашист дрожал от страха, клялся, что не снимал и пр. Но фотография появилась в ABC с грозной статьей: наблюдает ли полиция за разрушительной деятельностью Тр[оцкого]? Снимок не оправдывал этого тона: мы мирно лежали на складных стульях…

8 сентября [1935 г.]

Давно ничего не записывал. Приезжал доктор из Р[ейченберга, Чехословакии], очень дружественный, «свой», – лечить. Заставил много гулять, чтоб проверить ход болезни. Положение сразу ухудшилось. Анализы, по обыкновению, ничего не дали. Так прошло две недели. После отъезда доктора я перешел на лежачий образ жизни и скоро поправился. Начал работать, все больше и больше. Нашли русскую машинистку, – это для меня спасенье, в буквальном смысле слова. Стал диктовать – очень много, легко, почти без утомления. В таком состоянии нахожусь и сейчас. Вот почему о дневнике и думать забыл.

Вспомнил о нем потому, что вчера получились от Левы копии писем Александры] Льв[овны Соколовской] и Платона! От Сережи и о Сереже нет ничего: весьма вероятно, что сидит в тюрьме…

Письма Александры Львовны и Платона говорят сами за себя.

14 августа 1935 г.

Дорогой Лева, меня уже сильно беспокоило отсутствие писем от Вас. Наконец-то пришла весточка о Севушке. Как хорошо, что

он уже с Вами, этот маленький мальчик. Отец его в Омске и запрашивает о сынишке. Писать ему пока «до востребования». Мне кажется, что Вы моего последнего письма не получили. Я Вам писала, что дети Нины живут с сестрой в Кирово (Украина). Сестра моя очень больной человек, и я не знаю, как ей удалось с детьми, без всякой помощи, перекочевать туда. Адрес ее: Кирово, Одесская область, ул. Карла Маркса, д. 4, кв. 13. Детишки все надеялись на скорое свидание с отцом (Ман), но придется им подождать еще два года. Я очень тронута, как всегда, Вашим внимательным отношением ко мне. Сюда посылать денег не имеет смысла – их здесь и реализовать негде. Все мои нужды удовлетворяются посредством посылок от сестры [158] . Здесь почти ничего нельзя достать, даже овощей.

Здоровье мое сносно, надеюсь еще повидать ребятишек, т. е. не умереть до этого. О самочувствии, конечно, говорить не приходится. Но я очень выносliва и надеюсь, что и теперь не изменю себе.

Платон очень просит фотографию Севушки. Я уже собиралась послать ему ее, хотя мне и очень жаль расстаться с ней. Теперь надеюсь, что Вы ему пошлете непосредственно. Не забыл ли Севушка русский язык? А нас помнит ли?

Крепко, крепко его целую. Где у Вас Сергей?

Обнимаю и целую.

Ваша *Алекс[андра]*

На полях письма, напротив указанного в Кирове адреса, Троцкий сделал приписку: «Новый адрес Саре [Якобс-Вебер] сообщен».

1 августа 1935 г.

Дорогие мои! Так я ничего и не получил от вас до сего времени, кроме единственной весточки с чеком мартовским на Торгсин. Но он еще так и гуляет, весьма вероятно, что в конце концов окажется просроченным, и я, вероятно, верну его вам. От сынишки я так письмеца и не получил. На ряд своих писем со старого места я имел извещения о доставке, не знаю, как будет здесь, быть может, все же я когда-либо дождусь от вас весточки о моем мальчонке. Такой большой чек вы мне зря послали, лучше бы его минимум рассрочить приемов на 10–15, с меня хватило бы и того, и лучше было бы. Здесь есть Торгсин. Если я все же после всяких странствий старый чек реализую, то поделюсь с бабушкой, которая сейчас, оказывается, не здесь, как я думал, а в районе Увате. Здоровье мое понемногу поправляется, а вообще-то я здесь – совершенно неожиданно – на 5 лет. Начинаю новую полосу после того, как был на путях стариков Лафаргов [159] и чуть не оказался вместе с нашей Зинушкой. Привет горячий от меня и

самые лучшие пожелания. Надеюсь, что Вы порадуете меня весточкой о Севике, его здоровье, учебе, шалостях. О фотографиях его так пока ничего и не знаю, очень тяжело. Обнимаю, целую мальчонку и всех вас.
Ваш *П[латон]*

Из книги Н. Иоффе «Время назад»

С Александрой Львовной Соколовской я была вместе на Колыме в 1936 году…Александра Львовна на память читала мне письмо, полученное ею от Льва Давыдовича после смерти Зины. Я запомнила первую фразу: «Дорогой друг, я не могу понять, почему судьба так ужасно наказывает нас».

«Дорогой друг» в этом случае не было формой обращения, она действительно была для него дорогим другом в течение всей его жизни.

Несмотря на всю ее простоту и человечность, Александра Львовна представляется мне фигурой из какой-то древнегреческой трагедии. Имея за плечами 40 лет партийного стажа, царскую тюрьму и царскую ссылку, оказаться в лагере с клеймом «враг народа»…

Когда я уезжала из Магадана на трассу, прощаясь, она говорила мне: «Если ты когда-нибудь прочтешь или услышишь, что я признала себя виноватой, – не верь этому».

Из книги Л.Д. Троцкого «Дневники и письма»

29 сентября [1935 г.]

Вот уже десять дней, как я в госпитале в Осло… Почти двадцать лет тому назад, улегшись на кровать в мадридской тюрьме, я спрашивал себя с изумлением: почему я оказался здесь? и неудержимо смеялся… пока не заснул. И сейчас я спрашиваю себя подчас с изумлением: каким образом я оказался в больнице в Осло? Так уж вышло…

Из письма Л.Л. Седова Н.И. Седовой

16. IV [19]36 [г.]

Милая мамочка!

Получил твое письмо от 12.IV. Ты уже несколько раз поднимала вопрос о том, что П[апа] был по существу прав (в том числе и в своем резком письме Д. [160] и пр.).

Я отмалчивался, хотя и хотелось тебе написать, что не хотел тебя, мамочка, огорчать. Но я, мамочка, с тобой, к сожалению, совсем, совсем не согласен. Наоборот, мне кажется, что все Папины недостатки с возрастом не смягчаются, а, видимо, в связи с изоляцией, болезнью, трудными условиями – трудными беспримерно – углубляются. Его нетерпимость, горячность, дергание, даже грубость и желание оскорбить, задеть, уничтожить – усиливаются. Причем это не только «личное», а прямо какой-то «метод», и вряд ли хороший метод в организационной работе. Что делать? Ничего, терпеть, если можно так сказать. Ибо основное не в этом, это пустяки по сравнению с основным, с тем, чем является Папа не только для меня, конечно…

…Т. е. то, что делал Папа (и делает слишком часто) и что, в частности, отражало его недопустимо резкое письмо ко мне [161] . Недопустимое в особенности потому, что письмо не равное равному, а написано, когда знаешь, что тебе так или даже 1/10 от «так» не ответят. И это все также связано с друг[им] недостатком, серьезным недостатком в политике. П[апа] никогда не признает свою неправоту, даже свое участие в общей неправоте. Поэтому он не терпит критики. Когда ему говорят или пишут то, с чем он не согласен, он это либо игнорирует, либо отвечает [162] резкостями. Все привыкли к тому, что Папе лучше не писать или не говорить о том, с чем он не согласен. Нет, мамочка, это не метод. (Я не говорю о том, когда Папа «ухаживает» за кем-нибудь, – это совсем другое дело.)

…Таких и подобных фактов больше чем много, и в каждом случае, к несчастью, Папа немедленно же ищет виновников – действительных или мнимых, ибо он об этом даже не задумывается, они ему нужны для собственной разрядки…

Людей же надо беречь. Скучно это, я знаю, но что делать.

Ругать их надо, и крепко, но не переходя известной черты, но и беречь – они ведь на каждом углу не стоят, их мало, они нужны.

Возьмем вопрос о Секретариате. Плох он, работает плохо и пр. И пр. Все это верно. Но разве это позиция? Если плохи люди, надо их заменить лучшими, если эти плохие все же лучше других еще более плохих или если друг[ие] обстоятельства мешают

заменить этих – нельзя их ругать и ругать, презрительно игнорировать или оскорблять или раздавать им пинки… Я писал Папе год тому назад, что этот С[екретариа]т к настоящей работе не способен, что надо искать другие выходы. Если этих выходов нет – надо терпеть, а не давать затрещины при всяком случае. Что это дает? Делу, работе, этим товарищам – ничего. Известное удовлетворение самому Папе? Нет, это неправильно.

Взять вопрос о Р. М[олинье]. Надо честно сказать, чтоП[апа] (и не он один) ошиблись, что поддержка систематическая Р. М[олинье] в прошлом была неправильна. Папа этого никогда не сделает, а будет искать очень остроумных и тонких доводов, чтобы доказать, что все было правильно.

…Не стоит больше писать. Организационные и личные отношения (последние в нашей среде являются лишь частью первых) не являются Папиной личной сильной стороной, и в этой области – и только в этой области – нет у него «правоты», хотя хотелось бы, чтобы и здесь он был прав – да нет этого. Лично я хотел бы как можно скорее развязаться с редактором [163] . Я несколько лет жизни потерял, зарывшись в бумаги, письма, переводы, пересылку. Мало чему научился, не было времени ни читать, ни «развиваться», а пользы для дела вышло ой как мало, пинков же много [164] .

Не огорчайся из-за этого письма, мамочка, я уже очень давно пришел к этим выводам, – но ведь не это основное, что делает Папу единственным, незаменимым – для нас сегодня, для многих и многих других позже.

Всегда твой ***[Л.Л. Седое]***

Часть третья Сергей Львович Седов Москва, Красноярск, Воркута, Красноярск 1935–1937 годы

Анатолий Азарх [165] . Письмо к Юлии Аксельрод в Нью-Йорк

Москва, 18 ноября 1980

Юля, привет! Не знаю, хватит ли у тебя терпения и времени разобраться во всех деталях этого романа в письмах, поэтому я изложу тебе то, что мне казалось интересным. Когда читаешь чужие любовные письма [166] , то это все равно, что подглядывать в замочную скважину, но для историка, каковым я являюсь, – это можно: для нас это документ, источник, позволяющий судить о времени и о людях. И источник этот интересный – человеческие характеры видны в нем объемно и ярко. Может, ты помнишь, в Москве в 60-х гг. появилась мода на «спектакли в письмах» – «Милый лжец» во МХАТе о Шоу и инсценированная переписка Чехова и Лики Мизиновой в Театре Моссовета и т. д. Если бы этот жанр развивался, то в данной эпистолярной коллекции он получил бы блестящее продолжение.

Нашему герою к тому времени было лет двадцать восемь – в одном месте он вспоминает о студенческой пирушке в связи с окончанием института, которая состоялась за пять лет до этого. Но он за пять лет успел стать доцентом и преподавал в вузе. Специальность прикладная – инженер, но круг интересов очень широк. По специальности собирает и просит собирать все, что выходит. Много писал и публиковался. Только перед поездкой сдал в редакцию и опубликовал 3–4 статьи. По нынешним временам это довольно много. В то же время просит книги по истории Земли, по происхождению жизни (биологии клетки) и т. д.

Начитан на редкость – цитирует по памяти Петрония (древнеримский автор), Гоголя, Маяковского, ссылается на древнегреческую и древнеримскую мифологию, на Достоевского, на Ю. Олешу, В. Гюго, Мопассана. <…>…выучил латынь и многое из римских текстов прочитал в подлиннике. Особенно ему понравилась легенда о том, что римляне для наказания неверных жен и их любовников использовали репу, которая вставлялась в соответствующие места их бренного тела. Эта тема его очень занимала и смешила, как он пишет, «корнеполцы» ему часто снились. Если учесть, сколь горячо он ждал приезда своей адресатки, – это вполне понятно.

Письма начинаются в августе, а заканчиваются в октябре одного года. Начал он их писать в поезде на следующий день после того, как выехал после одиночества. Причем сразу видно,

что, несмотря на пережитое, личность сохранилась и не сломалась. Самое очевидное подтверждение этого – ироничное отношение к себе и действительности. Вот как он вспоминает о своей прежней жизни: «Я недавно прикидывал, что я оставил за собой, не считая тебя, конечно: несколько галстуков, напуганных товарищей и знакомых, несколько сотен книг, полуботинки, два костюма, два скандала в честном еврейском семействе, отрепья наивности, каким-то чудом державшиеся до сих пор, пальто, долги, научную карьеру, бессонницу…» Причем стоит ему получить письмо с уведомлением о предстоящем приезде, а также приободриться в связи с возможным устройством на работу и получением комнаты, он (с удивлением, по-моему) пишет, что «иллюзии регенерируют, как оторванный хвост у ящерицы». Жизнерадостный был человек! О будущем своем он, как и многие другие, не догадывался.

Любил футбол, входил в команды и забивал голы. Футболисты многие относились к нему хорошо и помогали чем могли.

Но больше всего любил твою знакомую. Любил цепко и писал об этом хорошо – без слюней, но и без «опрощения». Он пишет в одном месте, что о чем бы ни говорилось в его письмах, все заканчивается одним – ожиданием ее приезда.

После долгих рассуждений на какие-то отвлеченные темы он заканчивает письмо следующей фразой: «приезжай, мы займемся проблемой бессмертия».

Результатом изучения этой проблемы явилось появление на свет знакомой тебе девочки.

В одном из писем вспоминает места, в которых у них были свидания, – список большой. Упоминаются там и Черемушки. <…> Леля во многом повторила его судьбу. О ней он трогательно заботился – старался помочь.

Интересно, как это все покажется тебе. На меня произвело сильное впечатление. Яркий человек…

Толя

Из книги «Милая моя Ресничка». Сергей Седов. Письма из ссылки

Письма С. Седова к Генриетте Рубинштейн

(печатаются со значительными сокращениями)

4/VIII 35

Милая Женюша!

Вчера в 10 часов вечера выехал из Москвы. В Красноярске буду 8-го августа.

Так много времени прошло, так много хочется сказать, а я не могу связать двух слов. По отдельности все кажется таким мелким и ничтожным.

Свидание прошло очень натянуто, тому было много причин. Но больше всего я волновался о том, выражаясь образно, – на каких ты придешь парусах, белых или черных. Прошло ведь так много времени, и может быть, думал я, твои передачи это только devoir d'honneur (долг чести). Не сердись, пожалуйста. Чего не придумаешь, сидя в одиночке.

Еду я в прекрасных условиях, настроение тоже прекрасное. Я напишу тебе еще с дороги, и когда разберусь и приведу в порядок весь хаос в моей голове, то напишу подробней и лучше. Крепко-крепко тебя целую, моя милая Ресничка! Я забыл на свидании ответить на привет твоей мамы и Андрея [167] .

Кланяйся им обоим и скажи, что я очень благодарен за внимание.

Передай О.Э.2, что я ее крепко целую и напишу ей на ближайших днях!

Пока все, для писем ситуация пока еще не совсем благоприятная. Еще раз целую.

Сергей

P.S.

Как твои взаимоотношения с О.Э.? Я боюсь вашей дружбы, во всем этом есть какая-то достоевщинка, и мне чего-то страшно. Может быть, это глупо, но я очень прошу тебя, будь осторожной.

Надеюсь, ты простишь меня за нелепое это письмо.

Я очень скучаю по тебе, мне так много хочется тебе рассказать.

Еще раз крепко-крепко тебя целую.

Сергей

7/VIII 35 г.

Милая Ресничка!

Утром проехали Омск. Сейчас 3 часа по московскому

времени. Т. к. мы движемся почти по параллели, то отличие Красноярского времени от Московского довольно значительно – около 4-х часов.

Поезд опаздывает на 5 часов, так что в Красноярск приедем завтра по местному времени часов в 11 вечера. Обстоятельство малоудобное.

Ландшафт сейчас унылый. Что касается самого Красноярска, то я уверен, что ты имеешь о нем больше сведений, чем я. По слухам, городишко очень опрятный, – но об этом напишу с места.

Дорогая Женюша! Пиши мне побольше, твои письма я буду ждать каждый день с нетерпением. Я уже сейчас ясно представляю себе, как надоем на почте. <…>

Перехожу к делам.

Мне нужно сюда переслать довольно много книг, я напишу об этом О.Э., она тебе укажет, какие. Посылать их можно бандеролью по 2–3 книги, т. к. сразу все мне не понадобятся.

Кроме того, мне необходимо покупать выходящие книги из области термодинамической, химич[еско]-термодинамической] и физической химии.

Лев Лазаревич и Бор[ис] Моисеевич [168] оба покупали книги, которые покупал и я. Если эти мужи не подходят под строки Арбитра Петрония: «Дружба хранит свое имя, покуда в нас видится польза…» [169] и т. д., – то, может быть, кто-нибудь из них покупал бы книги и для меня. Труда это не составит никакого, стоимость книг будет, конечно, оплачиваться. (Проехали разъезд Карапузово.)

Меня волнует термодинамика (нрзб.), один том вышел и куплен мной, я боюсь пропустить остальные. Нужно мне выписать некоторые журналы, но это я посмотрю на месте.

Пришли мне, пожалуйста, записную книжку (портативную), несколько карточек с твоей рожицей и журналы с моими статьями.

Если моя статья в «Технике воздушного флота» [170] не напечатана из-за авторской корректуры, то бери смело гранки и оригинал, если никто не поможет, правь сама, корректорские знаки тебе кто-нибудь покажет. В «Вестнике инженеров» [171] моя 3-я статья, из-за которой были смешные споры, возьми ее оттуда и пришли мне.

Пришли, пожалуйста, и мои две счетные линейки. Получила ли ты деньги за мои статьи в «Автотракторном деле» [172] или нужна доверенность, там должно быть около 100 р.

Если вышла статья в «Техн[ике] воздуш[ного] флота» (только вот я не совсем уверен, что журнал так называется), то там можно получить р[ублей] 250–300. Нужна ли доверенность?

Кроме того, я не получил денег в ДУКе [173] . Это очень далеко, если бы Л.Л. [174] согласился, я прислал бы доверенность на его имя – там тоже рублей сто или больше.

О финансовых делах пока не пишу, там будет видно. Как твои подруги?

Кланяйся им от меня.

Не было ли у тебя каких-нибудь неприятностей в связи с этим неудачным замужеством.

Хорошо бы у Мишеля (из Черкизова) достать наши карточки (может быть, ты напишешь ему открытку).

Меня беспокоит здоровье О.Э., она сильно похудела. Сейчас напишу ей письмо.

Напиши мне, пожалуйста, о ней.

За последние пять месяцев я пополнил свои знания по латыни. Например, я знаю, что тебя зовут – Argenteum Cilium.

Это звучит немного ботанически, но не бойся, я не собираюсь помещать тебя в гербарий.

Я знаю, кроме того, что quibuscumcue viis – значит любыми путями, что древние греки, накрыв свою жену с любовником, вставляли последнему (о боже!) в задний проход редьку (какое странное употребление корнеплодов!). Весь этот процесс по-гречески выражается одним словом, но я его забыл. О странной манере бритья у греческих женщин я Вас уже неоднократно оповещал.

Я надеюсь, что посторонний зритель в момент чтения тобой заключительной части письма с удивлением констатирует странное подергивание твоих ушей.

Крепко, крепко тебя целую, моя милая Ресничка.

Сергей

12/VIII 35 г.

Дорогая моя Женюша!

Я сейчас нахожусь в Красноярской пересыльной тюрьме. Дальнейшая моя судьба заключается в том, что я должен быть направлен на работу. Когда и куда – неизвестно. По всей вероятности, скоро.

В моем постановлении (особого совещания) сказано, что я ссылаюсь в город Красноярск, в отличие от многих, у которых Красноярский край.

Если я буду отправлен куда-нибудь вне Красноярска, то попробуй выяснить в Москве, входит ли в компетенцию местных органов НКВД распоряжаться мной по всему краю, если в постановлении особого совещания сказано город Красноярск.

Как только попаду на свободу, дам тебе телеграмму, надеюсь, что ты ее получишь раньше этого письма.

Настроение слегка хмурится, лирические ноты осыпаются – последнее это от контрастирующей обстановки – она изумительна – неповторима по своему колориту.

Но я не могу удержаться, чтобы не написать тебе, моя милая Ресничка, что я полон нежно-пламенной любви к тебе. Я впервые пишу это слово, мне как-то стыдно произносить его, очень оно, бедное, потрепанно.

У меня рука не поднимается писать о своих чувствах, и я боюсь, что мои письма кажутся тебе черствыми, а мне хочется сказать тебе так много – надавать тебе массу ласковых эпитетов, но на бумаге они выглядят как-то глупо.

Алкей в своем стихотворном послании к Сапфо писал «Мне хочется что-то сказать тебе, – но мне стыдно» (за точность не ручаюсь). Он боялся произнести слова любви, а я, когда пишу их, то стыдливо озираюсь. Если б ты слышала, в каких диалогах мне приходится участвовать во время писания этого письма!

Наглый параллелизм с Алкеем я пишу под шум спора о сапогах, шелест clopius vulgaris и собственный кашель (немного болит горло от махорочного дыма).

Если ты начала высылать книги, то остановись.

От тебя писем пока не имею, т. к. не попал на почту, но мне обещали письма доставить.

Не помню, писал ли я тебе, что мне еще давно приходило в голову, что твой брат острит: «наша сестра в «русские женщины» записалась».

Если меня отправят куда-нибудь в глушь, то тебе придется отречься от этой роли – это трудная роль. Не стоит. Я думаю, ты сама с этим легко согласишься.

Впрочем, не будем заглядывать вперед, мы еще спишемся. Во всяком случае, к мысли, что нас ждет неудачная ситуация, тебе следует приготовиться.

Для меня она будет несколько трудней, чем для тебя, но ладно, поговорим об этом всем после.

Крепко-крепко тебя целую, моя милая Ресничка.

Твой *Сергей*

P.S. 14/VIII. Милая моя Ресничка, до сих пор не удалось отправить письма. По дополнительным сведениям, ссыльных в Красноярске не оставляют. Мне сказали, что на мое имя писем на почте нет. Это меня беспокоит.

17/VIII 35 г.

Милая Ресничка!

Еще по дороге сюда, в Красноярск, я беспокоился о том, чтобы подарить тебе букет цветов 14-го [175] или 15-го (!) числа, и я с некоторой грустью думал, что мне в Москве некого

попросить об этом. Это было даже немного обидно – прожить в Москве целых семнадцать лет и, уехав, не оставить там никаких друзей. Отчасти это хорошо – некому радоваться по поводу моего отъезда.

Мне сказали, что на почте писем на мое имя нет, – это странно. Еще несколько дней, и я начну нервничать, ведь свидание наше было двадцать дней тому назад, и я надеялся, что ты вскоре же напишешь мне.

Я послал тебе четыре письма, три с дороги и одно отсюда, из красноярской пересыльной тюрьмы.

Мое положение пока без перемен – что будет дальше, неизвестно.

Почему от тебя нет писем!?

Ты не можешь себе представить, как было бы радостно для меня иметь твое письмо, сколько раз я бы перечитывал его! Это не упрек, я уверен, что ты писала мне, но я начинаю беспокоиться.

Фантазия работает пока еще бледно, но скоро мне ясней и ясней начнет представляться, что с тобой что-то случилось.

Прошел целый год… как много событий, как много перемен: *от Черного моря до Енисея [176]* . Это самый бурный, самый насыщенный год в моей жизни.

От радости видеть тебя до печали не видеть.

И ведь так еще недавно я мог позвонить тебе по телефону, встретиться с тобой.

Почему от тебя нет писем!?

Жаль, что нельзя в письме передать интонацию этой фразы. Я глупею вдали от тебя.

Я болен Генриэттотропизмом, и я могу увянуть.

Я болен Генриэттотропизмом, и я могу расцвести. Почему от тебя нет писем!?

Мне душно без них.

Я не упрекаю тебя. Я уверен, что ты писала мне. Я люблю тебя, и мне сейчас грустно.

Крепко тебя целую и беспокоюсь о тебе. Я люблю тебя, и мне хорошо.

До свидания, моя милая Ресничка!

Сергей

20/VIII 35 г.

Милая моя Женюша!

Послал тебе вчера телеграмму и сегодня вторую. Вчера получил твое письмо от 8/8 и сегодня от 12/VIII. Я только вчера был выпущен и поэтому раньше ничего поделать не мог. Посылал тебе телеграмму еще дней пять тому назад, но не знаю о ее судьбе

ничего…

Очень меня гнетет положение с О.Э., с нетерпением жду ответа на мою телеграмму. Ужасно все складывается, я удивляюсь причиной ее мытарств и ничем не могу помочь. Что делать, неужели я должен быть виной ее жизненных невзгод. Кажется, достаточно моральных страданий я ей принес. Теперь очень… Особенно тяжело чувствовать свое бессилие.

Я пишу из полумрака лесного ин[ститу]та. Новое, наполовину построенное здание, пыль, грязь, стук. Предлагают читать детали машин, я согласен даже на курс гидродинамики (шучу, конечно!). Одет в чужие ботинки и калоши, мокрые ноги в волдырях, беспросветный дождь на улице, ночь спал у местного алкоголика в передней (пришлось его предварительно напоить), но все это чупаха [так!], которая, максимум, вызывает у меня игривую улыбку.

Пользы за прошедшие полгода я получил много.

Неужели ты не получила моих писем? Одно письмо с дороги я отправил О.Э., о судьбе его не знаю ничего.

Как только устроюсь, телеграфирую, надеюсь, телеграмму ты получишь раньше письма.

Сейчас я жду заведующего учебной частью. Весь вопрос будет в комнате. Публики квалифицированной здесь нет, а я, право, неплохой работник. Если бы не мое curriculum vitae [177] , то здесь можно было очень сносно устроиться.

Посмотрим.

Города еще не знаю, трамвая нет, в общем, не лучше Ногинска.

Комнату в стиле Полины Константиновны] [178] мой алкоголик попытается мне найти.

За истекшие полгода вкус водки не изменился.

Не думай, что я пошел по этому пути на радостях свободы. Я за заботами почти не почувствовал ее, это был единственный способ, правда, рискованный, найти себе ночлег. Хотя погоду такую я очень люблю. Но ночевать на улице я предпочитаю в другое время.

Вообще я отвык от комфорта.

В параше розы не цветут – прошу простить за вульгарность афоризма.

Крепко тебя целую, очень беспокоюсь о Леле, что с ней? Как она? Я ей не пишу, т. к. не знаю когда [будет] она в Москве, то [клякса, нрзб.] целую. Дай ей прочесть мое письмо. Получила ли она письмо с дороги?

Сергей

21/VIII 35 г.

Милая Ресничка!

Получил твою телеграмму. Тяжело очень получилось с Лелей. Я не знаю, дошло ли до нее мое письмо. Я там писал о материальных делах. Не знаю, как обстоит дело и со всеми вещами – получены ли мои деньги из МАИ2 и сколько их. Во всяком случае, пусть она расходует, сколько ей нужно. Если кассу олицетворяешь ты, то переведи ей в Воронеж половину имеющихся денег. Я ей писал, чтобы она не стеснялась с деньгами, еще не зная о ее высылке. Ей нужно отдохнуть. Мне трудно отсюда ориентироваться в финансовой и материальной ситуации в Москве. Бесспорно одно, что нужно сделать все возможное для нее на этом поприще. Неужели она заняла позицию экономии денег для себя из тех соображений, что они «принадлежат» мне. Продана ли мебель? и проч. Очень трудно представить себе истинное положение вещей. Я ей напишу в Воронеж до востребования.

Это не вас, моя милая Генриэтта, постигла эта участь? Тогда я был бы очень доволен: во-первых, ты от меня не сбежишь, а во-вторых, ты будешь знать в следующий раз, что значит выходить замуж по любви, в-третьих…, в четвертых…

Пишу из Красноярского парка – хвалили мне его долго и упорно и, как это ни парадоксально, он действительно неплох. [Далее следует довольно длинное описание парка, могучих кедров и проч., которое мы здесь опускаем] [179] . Могучих кедров, впрочем, я не видел.

Мне кажется, что мои письма представляются тебе надуманными. Это неверно. Может быть, они нелепы, но то, что я пишу, получается совершенно спонтанно (самопроизвольно), и по кавардаку, который наполняет мои письма, ты можешь приблизительно судить о том беспорядке, который творится у меня в голове. Приблизительно – потому что в письмах я еще сильно сдерживаю себя.

Ношу с собой курс «Детали машин», но трудно изучать его в парке, думая о тебе, не зная «сопротивления материалов» и ожидая дождя и прописки в милиции.

…Кланяюсь твоей маме, к которой всегда испытывал чувство глубокой симпатии. Передай ей, что я прошу прощения за тот переполох, который внесен мной в ваш дом.

Прилагаю мое письмо к Леле (можешь его прочесть), посылаю тебе, т. к. не знаю адреса и у меня только один конверт.

Жду от тебя писем, строю всякие выкладки, когда они должны прийти, надеюсь, завтра что-нибудь будет.

Ведь твои письма – это моя единственная пища в Красноярске. Крепко тебя обнимаю и целую, моя милая Ресничка.

До скорого свидания.

[22/VIII 35 г.] [180]

Милая моя девочка!

Твое письмо вместе с огорчением по поводу событий с О.Э. принесло мне столько счастья, столько радости, что мне даже стыдно. Но я так люблю тебя, я так волновался, так тосковал по тебе, что ты не можешь себе представить всю мою радость, все мое счастье.

Я писал тебе с дороги о том, «как я жажду узнать, чем ты дышишь, что ты думаешь».

Милая моя Ресничка!

Будем исповедовать учение доктора Панглоса [181] .

Может быть, и правда – все к лучшему, может быть, наши невзгоды, преграды, стоящие на нашем пути, только дадут глубже почувствовать наше счастье.

Надо надеяться, что мы сумеем возвыситься над блестящим окончанием «Кандида».

Милая, дорогая Ресничка!

Я так тебя люблю, что мне хочется спеть тебе арию Мазепы.

Неужели мы скоро увидимся?! У меня хватило бы сил ползти до Москвы, чтобы увидеть тебя.

В письме, которое я не успел тебе отправить, оно в моих вещах, которые лежат в «Доме крестьянина», я писал тебе, что глупею вдали от тебя.

Поэтому не удивляйся моим письмам.

После двух часов перерыва продолжаю прозу.

Был [у] Заведующего учеб [ной] частью, взялся читать лекции по «деталям» и «узлам» в разных потоках, где с середины, где с конца. Ответ через три дня (по каким причинам – ты со свойственной тебе проницательностью догадываешься).

Обещают комнату.

На подготовку у меня будет семь дней (ну-ну!).

Чтобы преподавать детали, надо знать сопротивление материалов.

В общем, забавно.

Пишу уже с почты, надо спешить, алкоголик сидит без ботинок и ждет моего прихода.

Завтра обувная проблема будет улажена, описывать ее здесь очень длинно.

Крепко, крепко целую, моя милая Ресничка. Твой водочирикающий

Сергей

В городе нет конвертов, что задерживает отправку писем. Посылаю образец моих шахмат.

22/VIII 35 г.

Милый ты мой! Рожица ты моя!! Сколько радости!!!

И я, глупец, имел возможность в поезде перерыть весь чемодан и не догадался. Поистине я отупел.

Если б ты знала, какое счастье я нашел в одном из конвертов. Сегодня я заходил в тюрьму, где лежат почти все мои вещи, и выбирал самое необходимое (зашел же я за старыми ботинками – от новых у меня на ногах всякое безобразие), там я наткнулся на бумагу, а в ней конверты. И только сейчас, «дома», в одном конверте я нашел твою рожицу [182] .

Твоя надпись принесла бы мне тоже много-много радостных минут. Я уже с дороги писал тебе о своих волнениях и сомнениях.

Сейчас я прописан, так что имею пристанище на ближайшее время. Вечером на улице встретил директора, и он обещал дать мне завтра окончательный ответ.

Если будет комната, то я им пропишу «Детали машин». Пусть знают московского доцента. Аудитория будет содрогаться от восторга, а в день твоего приезда будут массовые истерики и несколько смертей в зале.

Я немножко почитываю «Сопротивление», а по деталям, как выяснилось, у меня есть даже напечатанное оригинальное исследование – «Вестник стандартизации», 1931 г., кажется, № 6 [183] . Если бы оказалось возможным достать этот номер, то было бы неплохо. Я имею нелепую привычку не сохранять свои работы, у меня был один номер этого журнала, и пришлось его отдать в комиссию для получения доцентуры.

…В день окончания мной института 31 окт[ября] 1930 г. я обратился к моим собутыльникам – еще не окончившим студентам и говорил им «помню в бытность мою еще студентом…» А теперь я буду писать тебе «Мы сибиряки…»

…Нужно написать письмо маме, а я никак не соберусь. Свинство!

Сегодня непременно напишу.

Если от тебя завтра не будет писем, то я лягу на пол на почте и буду горько плакать.

Я очень люблю тебя. Я уже выдумал целую теорию по этому поводу сегодня ночью на своем ложе в прихожей, но мне лень излагать ее.

Под конец письма я напишу тебе о том, что мне давно хочется сказать тебе. Мне хочется иметь ребенка, но есть так много всяких «но», одно из них то, что это связало бы тебя со мной, а это в моем положении не совсем честно. С другой стороны, через несколько лет может уже быть поздно. Конечно, сейчас рано говорить об этом, но я пишу для того, чтобы ты

подумала над этим.

Крепко тебя целую, моя любимая.

Твой ***Сергей***

23/VIII утро. Собираюсь на почту, перечитал письмо, оно какое-то нескладное, ну да бог с ним. Еще и еще крепко тебя целую. Ты мне снилась сегодня ночью. Милая моя (!!) Ресничка – скоро ли увидимся?

23/VIII 3 ч дня

Красноярск, почта.

Право приезжай, – а какая у нас грязь!

Сегодня, положим, солнце, и немного подсохло. А когда у нас сухо, – какая здесь пыль! Приезжай, пожалуйста! Ну пожалуйста.

Ведь мы с тобой полтора жида, неужели мы не устроимся. Сейчас вернулся из Красмашвагонстроя. Я им нужен, был очень любезно принят старым инженером – профессором, заведующим технической частью, когда я с соответствующим выражением лица (вроде того, которое бывает у людей, сообщающих доктору о своей венерической болезни) оповестил его о моем положении, то он ответил мне:

– Ваш покорный слуга в таком же положении.

В общем, послезавтра ответ. Здесь надежд как будто бы больше. Но подождем.

Теперь возвращаюсь к полутора жидам.

Тебе нужно зайти в Московские представительство Красмашстроя или дирекцию Главзолота и предложить свои услуги для работы в плановом секторе.

Ты объяснишь, что ты инженер-плановик текстильного Ин[ститу]та, но знакома с плановой работой вообще и согласна ехать в Красноярск на крайне миролюбивых условиях примерно 400 р. в месяц.

Здесь такой оклад получает, напр[имер], не окончивший студент III-го курса.

Мой алкоголик, человек крайне мало культурный, заведует плановым сектором в каком-то учреждении и жалуется на бездарность сотрудников.

Ты, конечно, очень быстренько освоишься с работой. Авантюризма в этом нет никакого.

Ты можешь согласиться на крайне скромные подъемные или даже отказаться от них – проезд тебе, конечно, должны оплатить.

Если я устроюсь на Красмашстрое, то ты все равно будешь работать там, даже если просто приедешь ко мне (в том же секторе), так что мое предложение совершенно реально. Может быть, ты на месте создашь другой вариант, познакомившись с нуждами Московского представительства.

Но я думаю, что задумываться не над чем, тем паче, что если я не сумею устроиться, то тебе здесь должны будут дать комнату.

На этом семитская часть письма оканчивается. Зима предстоит грозная.

Валенки (по-местному) катанки стоят здесь 120 р.

Я буду получать, если примут на работу, р. 500–600. Цены здесь мало отличаются от московских.

Как видишь, деловой тон первой половины письма не дает мне остановиться.

Крепко, крепко целую. Приезжай, право приезжай…

Крепко обнимаю любимую Ресничку.

Сергей

26/VIII 35 г. Красноярск

Милая моя Женюша!

Очень глупое послал тебе утром письмо, раскаиваюсь, что отправил его.

Сейчас вернулся «домой» после целого дня путешествий и сплошных неудач. В Лесотехническом ин-те мне отказали, хотя у них первого начало занятий, а лектора все нет и нет.

Был еще в трех учреждениях, в двух нужны только инженеры-строители, а в третьем не застал начальства.

Это последнее учреждение – Красмашстрой – большой завод, по ту сторону Енисея, – город с одной стороны, а завод и его жилые строения на другой. Проехали на катере по реке, она здесь не очень широка (две-три Москва-реки), но довольно живописна, как раз напротив города островок, на котором имеются кирпичные строения.

По слухам, на Красмашстрое работники нужны. И комнаты инженерам дают. Но принимая во внимание… не знаю, удастся ли там устроиться. Правда, я слышал, что там работают бывшие вредители, так что надежды есть.

Исколесил я сегодня по грязи верст десять. А какая здесь грязь!

Помнишь, может быть, «Пышку», так это паркет по сравнению с нашей Красноярской грязью.

Несмотря на полное фиаско, которое я потерпел сегодня по всем швам, у меня так легко на душе – я так рад твоим письмам, что никакие мозоли и никакая усталость не угнетают меня.

Ты не сердись на параллелизм письма и мозоли.

Маяковский недаром писал:

А может быть, у меня гвоздь в сапоге

Кошмарней, чем фантазия у Гете [184] .

Прости, что я задал тебе работу с «трудами», я в телеграмме написал так для краткости и имел в виду в основном книгу, а там

что попадется.

…Ты интересовалась, как я устроился. Вот, например, живописное пробуждение вчера утром.

Я слышу какой-то шум, открываю глаза и вижу над собой какую-то свиную харю. Это был герой местного двора, довольно уже крупный поросенок – «сына». Я выгнал его, но он несколько раз вламывался ко мне, открывая своим грязным пятачком дверь. Но вообще здесь совсем неплохо. Не хуже, чем у Полины Константиновны.

Что касается поручений, которые я давал, – то наплюй на них – пока мне ничего не нужно. Когда окончательно обоснуюсь, тогда и видно будет.

Ты помнишь, что ты писала о шерстке, так я отвечаю тебе тем же.

Милая моя Ресничка, как хочется скорей увидеться с тобой, какое это должно быть счастье. Неужели правда, что мы скоро увидимся? Если случится еще что-нибудь, то я боюсь, что приду в такое состояние, что сложу оружие.

Я уже почти умею готовить пельмени. Приезжай ко мне – я тебя угощу пельменями, право приезжай.

Как ты любишь упрашивать: ну пожалуйста, ну пожалуйста, ну приезжай, моя лучистая, я буду ждать тебя.

Уже темно, пишу и ничего не вижу. Крепко целую тебя, пиши мне, пожалуйста, чаще, ну пожалуйста.

Надеюсь скоро обнять тебя.

Твой *Сергей*

30/VIII 35 г. Красноярск, почта

От тебя опять 4-ро суток нет вестей (вчерашнее письмо не считаю, т. к. оно от 17/VIII).

Сегодня получил бандероль с книгой и журналом и письмо от Лели.

Письмо отправлено ею 22/VIII, а написано 20.

Письмо очень трогательное, хотя и не без уколов по твоему адресу. Последние, надо заметить, довольно метки. Она быстро схватилась за твою расчетливость – зная, что мне эта черта неприятна.

Впрочем, нельзя ее упрекнуть в желании сделать этим неприятность мне или тебе. Письмо очень искреннее и бесспорно свидетельствует о широкой душе его автора.

Я не буду перелагать его содержание, приедешь – прочтешь. У ней удивительно все-таки тяжело сложилась жизнь. Что она, бедная, будет делать одна в Воронеже?

Она написала одну фразу, которая особенно сильно дала почувствовать ее положение: «я буду одна и ко мне некому

приехать».

Я так ясно представил себе, что было бы, если б ты отказалась ко мне приехать, и я остался бы здесь, обреченный на одиночество. Это было бы кошмаром! А она, бедная, находится в таком положении, и помочь ей совершенно невозможно.

Я буду писать ей, но не знаю, сколько в этом толку. Крепко тебя целую.

Пиши!

Сергей

1/IX 35 г. Красноярск

Любимая моя Ресничка!

Как я и ожидал, вопрос о моем приеме на Красмашстрой затягивается до прибытия директора, т. е. еще на несколько дней.

Писем от тебя все нет – целых шесть дней! От скуки начал читать «Пламенные печи» – вопрос, которым придется заняться, если возьмут на работу.

Сейчас пойду на вокзал обедать и возьму там свое грязное белье (вещи мои в камере хранения).

Завтра и послезавтра делать мне совершенно нечего, т. к. жду директора.

Грязное белье отдам стирать начальнице поросенка – местной хозяйке.

Ответ с Красмашстроя жду не раньше 7-го или 8-го.

Забыл старую нумерацию писем и начал сначала, по-моему, я послал 10 писем.

Жизнь моя – сера и пресна. Все мысли устремлены к тебе.

То, что происходит кругом, воспринимается, как ненастоящее. Настоящее начнется только с твоего приезда.

Я уже 13 суток «гуляю» – и не чувствую никакой радости, только когда подумаю, что вот, может быть, скоро мы увидимся… а вопрос о твоем приезде все затягивается и затягивается.

Писем опять же ты не пишешь. Я тебе твержу давно, что глупею без них, а ты не веришь.

Смотри, пожалеешь потом!

Я сегодня уже гадал на картах – когда ты приедешь? Стараюсь поджечь спичкой летящую муху – ничего не выходит.

Я и газеты совсем разучился читать. После игры в футбол болят ноги.

Волнуют меня странные и неразрешимые вопросы:

Были ли у цербера блохи и если да, то какие? моноцефалы? дуацефалы? или полицефалы?

Возможно, что блохи были у немейского льва, шкуру которого носил Геракл. Что это были за блохи, если они прокусывали эту шкуру?!

А как ты думаешь, у богов были блохи? Я думаю, что были.

Приезжай! у меня есть блохи, правда обыкновенные (vulgaris), но все же блохи.

Они, конечно, не прокусят даже простого котельного железа, но твое ватное одеяло [по которому я так скучаю! (ты не находишь, что я злоупотребляю скобками и восклицательными знаками?)] [185] они превратят в решето.

«Надо «сынку» кормить!»

«Да он уже поел».

Этот диалог я слышу из соседней комнаты.

Целый ряд показателей! Бесспорные факты! Мнения старых специалистов! Все сходится на том, что из «сынки» выйдут прекрасные пельмени.

Это пустяки, думаю я. Дай Женюша приедет – вот выйдут пельмени.

Приезжай, моя девочка, – я из тебя пельмени сделаю!

Ты знаешь арабскую сказку о рыбаке, который поймал в сети кувшин за страшной печатью, когда он открыл его, там оказался джинн, который хотел убить рыбака. Он плавал в кувшине (вот это одиночка!) восемь веков. Тому, кто освободит его, он сулил всякие блага, все увеличивая и увеличивая их, а на восьмой век поклялся убить своего освободителя.

Так и я из своего «кувшина» давал всякие клятвы, и последняя такова:

Если ты прибудешь ко мне после 3-го октября – я сделаю из тебя пельмени.

Рыбак потом перехитрил джинна, но я знаю продолжение сказки, и здесь это не удастся!

Но возвратимся к блохам.

Признаться откровенно – я их придумал, нет у меня никаких блох. Если это огорчает тебя, то вопрос легко уладить. Скажу тебе по секрету, я совершенно случайно знаю здесь в Красноярске одно место, где их очень много, ты только напиши – я приготовлю.

Ты замечаешь, что я все время запугиваю тебя: то грязью (кстати, тебе нужно купить в Москве высокие резиновые боты – которые похожи на сапоги), то пылью, то еще чем-нибудь.

Это делается для того, чтобы ты была приятно поражена, когда приедешь.

В действительности здесь: парадиз, Эдем – Вертоград – Елисейские поля – ананасово-апельсиновый Клондайк – пельменно-кедровый кринолин.

Когда Гейне писал:

«На Аахенских улицах скучно и псам, И молят они со

смиреньем: Прохожий, о дай нам пинка! Может быть, он будет для нас развлечением!» [186] – то он (Гейне) имел, по всей вероятности, в виду какой-нибудь город. Какой, я, конечно, не знаю. Но могу твердо сказать, что не Красноярск.

Пообедал – 4 р. 10 к.

Деньги тают быстро – не примите за намек.

Обратился к тебе на «Вы» и вспомнил, что ты очень не любишь, когда переходят на «Вы» во время ссоры. А по ассоциации вспомнил, что ты не любишь, когда ходят в носках по камере, то бишь по комнате. Я хорошо помнил это и старался все время исполнять.

А как я мылся! Как я мылся!

Разоблачение О.Э. по этому вопросу с формальной стороны совершенно справедливо.

Денег у меня осталось 380 р., так что пока все благополучно. От писания этим проклятым карандашом болят пальцы, а то бы я еще страниц 10 исписал.

…Уже 9 часов вечера, по-московски – это пять часов. Что ты сейчас делаешь? Вернулась со службы? Ругаешься с братом, если он в Москве? Обедаешь? Может быть, думаешь обо мне?

Сейчас по радио передают доклад Шмидта – слушаю с интересом…

3/IX 35 г.

Вчера получил наконец твою телеграмму и тут же отправил ответ, а на местной почте получил бандероли с книгами.

Из твоей телеграммы совершенно не видно, когда, хотя бы ориентировочно, ты хочешь приехать, видно только, что проявляешь какую-то деятельность в этом направлении, но когда ты приедешь, неизвестно. Эта неопределенность очень гнетет меня. Идет ли речь о днях, неделях, месяцах – ничего неизвестно.

Может быть, ты и сама еще не знаешь, но тогда, очевидно, есть этому причины, может быть, задерживает паспортизация, которая еще точно неизвестно, когда именно начинается. Тогда надо было телеграфировать, что ты задерживаешься из-за этого.

Мне нужна какая-то почва, а то очень уж мучительно надеяться, что вдруг ты на днях можешь выехать, а может быть – это будет только через два месяца.

Ты, очевидно, не представляешь себе этого состояния. Может быть, ты еще сама не решилась, как поступить, так и об этом надо было сообщить, и то как-то легче.

Я не тороплю тебя, еще раз напоминаю об этом, я просто хочу быть в курсе вещей. Если ты ждешь паспортизации, то жди, конечно, это очень существенный вопрос, всесторонне существенный, но сообщи об этом мне, чтобы я знал, что мне

нужно ждать еще, предположим, три или два месяца.

Я упрекаю тебя в том, что ты держишь меня в полном неведении о своих планах, хотя я и в письмах и в телеграммах просил информировать меня.

На этом моя ламентация оканчивается.

N.B.

Среди моих бумаг была справка из МАИ, специально для ДУКа, о том, что я работаю доцентом, если она у тебя, то возьми ее с собой, когда поедешь туда, т. к. там могут заплатить по ассистентской. Дал я там, по-моему, 19 часов, что должно составить около 150 р., но точно не помню.

Я тебя очень люблю. Очень-очень.

«Целую».

Твой *Водочирикающий*

3/IX 35 г.

Теперь ты видишь, как вредно подолгу не писать мне. Во-первых, я забрасываю тебя длинными письмами, во-вторых, ты, наверное, ощущаешь капельку желчи в моем послании.

Сейчас пойду в город на почту. Как нелепо проходят сейчас дни.

Тебе обязательно надо прочесть Л. Андреева. Из драматических произведений «Дни нашей жизни», «Gaudeamus», «Екатерину Ивановну» и «Анфису» – эти вещи я недавно перечитывал – две последние очень сильны, но мне хочется, чтобы ты их прочла.

Остальное можно прочесть все, кроме «Сашки Жигулева». Читал я Дос Пасоса «Манхеттен» – понравилось, и «Три солдата» – значительно слабей.

Пиши письма заказные или авиапочтой. А то, может быть, они пропадают.

Писем нет! восемь суток!! Я страшно зол.

Красноярск, почта

Может быть, ты действительно жалеешь 20 к., и письма пропадают?

Я буду посылать тебе письма с оплаченным авиаответом?

Хорошо?

Не сердись на меня, у меня так гнусно на душе.

4/IX 35 г. Почта

Получил сейчас твое письмо, отправленное из Москвы 24. Устроил на почте скандал – спешное письмо получено на 11-е сутки.

Директора Красмашстроя еще нет.

Ох-ох-ох!

Письмо твое принесло мне много радости.

Настроение мое все же упадническое – хотя гораздо лучше вчерашнего.

Кланяйся твоей маме и Гале. Крепко целую.

Сергей

P.S. Письмо посылаю заказным – может быть, оно дойдет скорей, – сообщи.

Сергей задерживай своего приезда. У меня очень тяжелое моральное состояние последнее время.

Вторую ночь провожу в комнате, т. к. в прихожей стало очень холодно.

Обстановка здесь неважная. Мой алкоголик, как я уже писал тебе, [устраивает] сцены своей жене – это почти каждый вечер. Довольно противное занятие – быть свидетелем этой кутерьмы. Вмешиваться глупо.

Она значительно старше его, ей около сорока лет – ему тридцать пять. Она довольно милая простая женщина и держится за него – это, очевидно, ее последний роман. Он, конечно, развитей ее (хотя болван, по-моему, изрядный) и старается ее всячески третировать. Возможно, что я обострил их взаимоотношения, т. к. он как бы стыдится ее и может быть при мне особенно груб с ней. Скорей бы выбраться отсюда.

Он обращается ко мне, когда ему нужны подтверждения ее невежества. Он спрашивает меня – Правильную аналогику я делаю как эстетик? А она говорит – Ему в мозги психоз ударяет. Вот каковы здесь дела.

Ну, иду на почту, может быть, там есть новости, оттуда припишу.

Почта.

Получил сейчас письмо от 28-го. Заказного, отправленного накануне, еще нет. Письму твоему крайне рад. Игривость твоего пера в нескольких местах письма мне особенно дорога, а то твои письма уж слишком дышат обстоятельностью…

5/IX Красноярск

…Из вещей – которые мне дороги – могу только назвать синюю вазу для цветов, красный кувшинчик, статуэтку химеры с собора Notre Dame de Paris, кувшин-баккара и ковровую скатерть на стол.

Почти все вещи бьющиеся, так что в конце концов – чорт с ними! Все они из маминой комнаты, и мне было бы жалко совсем их потерять.

(Все встают и отдают дань его сыновьим чувствам.) Постарайся, если это возможно, их сохранить [187] .

У Б.М., как я уже говорил тебе на свидании, остался пакет с моими книгами, там, кажется, есть очень нужные. Если он будет

претендовать на имеющиеся у меня его книги, – надо ему вернуть согласно его указаний.

Если ты действительно составишь список моих книг (эту угрозу я прочел в одном из твоих писем), то пришли его мне.

Если же я даю тебе много поручений, то ты можешь с совершенно спокойной совестью не выполнять их. Теперь о чувствах.

Что касается утраченной наивности, то не ищи ее, выяснилось, что она у меня, как клешня у рака или хвост у ящерицы: оторвут – вырастает новая (регенерация).

J моем вдохновении беспокоиться тоже нечего – оно сейчас, судя по времени, сидит на службе и скоро придет ко мне.

Что касается моего терпения, то в Москве я его оставил много, но все в таких местах, где тебе не собрать его. У меня осталось очень мало – имей это в виду.

По случаю сейчас очень легко достать… впрочем, не надо. Радости, восторги, нежности – все это у меня есть в изобилии, но это упаковано и отпирается только серебряной ресничкой.

Обязательно, ради бога, не забудь привезти взаимность. Когда я был еще на свободе, то ее было много. Если она на исходе, то ее можно собрать: в Серебряном Бору, в Глуховке, за Сокольниками (только осторожней, там крапива), в Черемушках, и в самой Москве ее было немало – она страшно легко расцветала даже на камнях, даже морозной ночью на белом снегу.

Помнишь большую ледяную сосульку, которую кто-то стащил?

…Я задумался о прошлом – неужели еще такое счастье предстоит впереди?!

Я верил и верю в него. Это был и остался мой единственный стимул. Без него я могу спокойно сказать, глядя на свое будущее: Пьеса дрянь! – и опустить занавес.

6/IX 35 г.

Милая Ресничка!

У меня есть к тебе просьба, выполнение (мимо окон пронесли поросенка – он чем-то явно недоволен) которой меня волнует. Остальные просьбы, совершенно серьезно, меня крайне мало беспокоят.

Мне нужны книги по биологии, но не описательные – номенклатурные – «конструктивные», а книги, где освещаются законы развития организмов. Дарвина я достану и здесь, но он, конечно, очень устарел. Я уверен, что должны быть книжки, где все эти вопросы освещаются с той высоты, на которой находится естествознание сегодня. Только не популярщина!

Кроме того, современные книги о клетках.

Для этого, по-моему, можно зайти в МГУ к какому-нибудь профессору и с ним посоветоваться. Культурный и грамотный человек хочет заняться указанными вопросами, но не дилетантски. Я думаю, что любой профессор с удовольствием пойдет навстречу и укажет целый список книг.

Кроме того, меня интересует курс, только солидный, «Исторической геологии» (такая есть), боюсь, правда, что тебе это будет обременительно, принимая во внимание, что на службе у тебя сейчас много работы.

Всю ночь шел дождь и продолжается сейчас. Слякоть на улице изрядная.

Читал вчера «Зависть», воспринимаю иначе – замечательно, талантливо написано.

Сейчас пойду месить грязь в поисках за духовной пищей. Может быть, на почте есть твое заказное письмо от 27-го, а может быть, и еще от 29-го.

Ну пока, мой милый и любимый, крепко-крепко тебя целую.

Твой *Сергей*

Приписываю на ходу, на почте. Письмо заказное получил. Завтра напишу еще. Крепко целую. «Целую».

С.

7/IX 35 г. Утро

Ночью опять шел дождь, небо совершенно серое, мои надежды на хороший день рухнули.

Ты чувствуешь, как моя жизнь стандартизовалась? Ты уже знаешь, что я сейчас пойду на почту.

Сегодня я мало надеюсь что-либо получить от тебя. Пошел дождь, иду на почту.

Почта.

Как я и предвидел, писем нет (не пришли за утро). Звонил на Красмашстрой – директор еще не приехал. Тоскливо очень.

Милая моя Ресничка, крепко целую и все время думаю о тебе. Завтра напишу еще.

Твой *Водочирикающий.* Помнишь ли ты, как создалось это слово.

Целую. С.

8/IX

Всю ночь шел дождь – хозяйка утверждает, что сегодня особенно грязно. Здесь ботинки с калошами не выдерживают критики – нужны сапоги. Рыночная цена сапог здесь мало чем отличается от московской – рублей 200–250. Но все нужно дожидаться разрешения служебной проблемы.

Я, кажется, не писал тебе, как провожу вечера. Здесь одна лампочка на две комнаты, дверей нет, как у Полины

Константиновны, и лампочка висит как раз на месте дверей. Поэтому читать довольно темно – устают глаза. Я вообще стараюсь раньше ложиться, часов в 10 или 11.

Часто играем в карты – умственное развлечение – преферанс. Самое неприятное то, что я выигрываю (это не к добру!), иногда даже по 35 к. в вечер. Впрочем, мы не расплачиваемся.

Я стал суеверен. Задумываюсь над значением снов и прочей чепухой.

Причины я тебе уже изъяснял – полное одиночество на протяжении более полугода. И главное – я глупею вдали от тебя.

Я живу на этой «квартире» уже 20 суток! А предполагал переночевать 2–3 ночи, не больше.

Скоро ли я уеду отсюда? Скоро ли я увижу тебя?

Во мне иногда закипает какое-то особенное желание видеть тебя, особенно яркое чувство к тебе, но карандаш бессилен.

Я второй день мучаюсь – не могу вспомнить, как ты смеешься, – зрительно я ночью ясно восстановил твое лицо во время смеха, а как он звучит – не знаю.

Я как-то долго, несколько дней, мучился, не мог себе представить твоего лица. Твою маму, брата, Лику – всех представлял себе совершенно ясно, а ты как бы не в фокусе. Я мысленно наряжал тебя в разные платья, ставил тебя в группу людей и т. д. И наконец вспомнил твой профиль, когда ты в своем черном платье.

Милая ты моя, крепко и нежно тебя целую. Иду в город.

«Последние известия» Директора еще нет. Писем тоже.

Целую крепко-крепко.

Твой *Сергей*

Почта. 9/IX

Получил твое спешное письмо от 31-го. На Красмашстрой еще не дозвонился.

Не понимаю, почему у тебя еще нет на руках диплома, ведь ты на службе сейчас, согласно всех правил и законов? По-моему, его должны немедленно выдать.

Получил от Лели открытку, довольно мрачную, от 27-го августа.

Положение и настроение у ней тяжелое.

Письма ты посылаешь «спешные», а лучше «авиапочтой», цена одна, а результаты могут быть разные.

Крепко целую, здесь не в порядке телефон, крепко целую, побегу в справочное, крепко целую, и буду оттуда звонить.

Вечером «дома» был скандал.

Сегодня напишу еще. Целую. *Сер [гей]*

11/IX

Сегодня день не будет таким радостным. Не могу же я ежедневно получать по три письма. По всей вероятности, не будет ни одного.

Погода, к сожалению, серая и холодная. А то я совершил бы какую-нибудь прогулку километров на 20. И время прошло бы скорей, и спал бы крепко. Бессонницами я не страдаю, но сплю не очень хорошо, объясняется это крайне просто. Во-первых, у меня малоудобная постель, а во-вторых, я провожу в ней очень много времени. Ложусь я большей частью в начале одиннадцатого, а встаю в начале десятого. Нельзя же спать без перерыва такой колоссальный отрезок времени.

Письма твои, как видишь, доходят все. В твоих расчетах число их, как ты и предполагаешь, преувеличено на одно письмо…

11/IX

Красноярск

По радио передают Шуберта, и у меня растроганное, почти слезливое настроение. Хочется твоей утешающей ласки.

Хорошо, что перешли на Моцарта.

Прочел о том, что ОГИЗом выпущен альбом, очевидно, под заголовком «Западная живопись», в «Известиях» от 6-го сентября. Бор[ис] Ефимов пишет о нем.

А у меня уже смешная мысль, – ты должна смеяться. Мы разделим наши функции – я буду смеяться над запросами вольтажа, а ты над моими эстетическими запросами.

Дело в том, что меня серьезно волнует вопрос об украшении нашей несуществующей комнаты. Если альбом издан прилично, то его можно изрезать и картинки окантовать, а затем развесить. Над кроватью я повесил бы портрет [строка нрзб.].

Я подарил тебе «Уота Тайлера», у меня есть еще один экземпляр раскрашенный, если он жив, то он мне крайне понадобится для тех же целей [188] .

Между прочим о вольтаже, может быть, за рекой на Красмашстрое другой вольтаж.

Вечер сейчас солнечный – дождя не предвидится. Пойду на стадион, может быть, там время пройдет быстрей.

Вернулся. Сейчас 9 часов, у тебя пять (бежишь, наверное, со службы домой обедать). Писать очень темно, поэтому укрупнил размер букв.

Судя по тому, что хозяйка подсела к столу и стала разбирать карты, придется с ней сразиться в 66 (какая идиллия).

12/IX

Хозяйка вчера гадала мне. Оказалось, что какой-то трефовый король стоит у меня на пути, но я все-таки буду при своем интересе.

Так что можешь не беспокоиться – все к лучшему.

День сегодня очень хороший, так что после почты пойду на стадион поиграю в теннис.

Завтра должен приехать директор Красмашстроя, но я не верю этому, наверное, он приедет еще через несколько дней.

Получу ли от тебя сегодня письмо? Вот в чем вопрос!

В одном из последних писем ты интересуешься – целы ли мои вещи.

Должен покаяться, что я лишился подушки (прости, забыл ее здесь в одном месте) – остальное все в сохранности.

Здесь у меня подушка есть, и если понадобится – куплю другую. Это я сообщаю просто в качестве отчета.

Ну, мне не терпится – может быть, меня ждет письмо. Бегу!

Почта

Письмо есть!

Стоя в очереди, крайне вспотел.
Крепко-крепко целую милую Ресничку.

Завтра, может быть, тоже будут какие-нибудь новости. Настроение сейчас прекрасное. «Целую» и «целую»!! Твой С.

13-го сентября.

Почта, Красноярск.

Написал тебе вчера вечером письмо – в полутьме. Получилось так неразборчиво, что сейчас перепишу его здесь, на почте.
Сегодня от тебя писем нет. Директор еще не приехал.

13/IX 35 г.

…По выходе на свободу я переоделся, так как вид у меня был настолько неважный, что когда я попал в камеру политических пересыльных, то был принят за «шакала».

Почти все мои вещи остались в тюрьме, новыми полуботинками я натер волдыри на пятках, заменив их туфлями, я натер себе волдыри на пальцах, т. к. ходил почти на цыпочках.

Пойти и взять ботинки я не мог, т. к. пришлось бы забрать все вещи, а тащиться с ними на вокзал, что я сделал потом, было тяжело из-за грязи, довольно значительного расстояния и больных ног.

Вот и вся эпопея.

Мира, пишешь ты с завистью, приехала черная-черная. Я тоже завидую ей, очень завидую, она может каждый день видеть тебя. Передай ей мой привет.

Я вообще послал бы много приветов, у меня их большой запас, но боюсь. Вдруг мой привет совсем не понравится, покажется неуместным, даже бестактным. Я бы вот Лику поцеловал в носик, но т. к. она ночевала у тебя, и привета я от нее не получил, то боюсь, а вдруг на носике останется

несмываемое пятнышко.

А все-таки она очень славная, и я ей низко кланяюсь. Ты просишь «бытовизма».

Пожалуйста!

…Я бы мог описать тебе оригинальную конструкцию местной уборной, но это был бы грубый бытовизм – вульгарный. К тому же я уже касался однажды этого вопроса.

У местной козы родилась дочь. Я заочно был полон к ней нежными чувствами.

Как-то верст за сто от Алма-Аты я ловил рыбу и охотился на орлов – это было на берегу реки Или. Обстановка экзотическая и по части поразительно сочных пейзажей, и по части всяких скорпионов, каракуртов, змей и проч.

Там я видел маленького дикого козленка – он был ужасно грустный с изумительными глазами, тонкими и высокими ножками, на которых он поднимался, буквально как на шарнирах.

Воспоминания о нем сохранились у меня очень ярко еще потому, что жил он в одной большой корзине с двумя исполинскими мохнатыми бухарскими котами.

Он не прожил и двух дней.

Гибель его объяснили следующими причинами. Казахи применяют варварский метод охоты: увидев козу с козлятами, они верхами гонятся за ней, пока козлята не останавливаются в изнеможении.

Очевидно, молодой организм совершенно надрывается. Местный козленок тоже по каким-то недоступным моему понятию сельскохозяйственным мотивам отнят от матери. Но он страшно весел.

Если б ты видела, как забавно он становится на дыбы, как нелепо и смешно он припрыгивает, высоко закидывая зад. Ему всего четыре дня, но [нрзб.]

Недавно я обнаружил, что у «сынки» свинячьи глазки. Смотрю: маленькие, неприметные, немного наклонно расположенные, словом, такие, какие на человеческом лице принято называть – свинячьими.

Иными словами, совершенно серьезно, я пришел к выводу, что у свиней – свинячьи глазки.

Это не шутка.

Дело в том, что я, городской житель, много все же видел свиней на своем веку (никак человек не может обойтись без пошлого каламбура), но никогда я внимательно не рассматривал их. Термин же «свинячьи глазки» я привык воспринимать и употреблять. Но он никогда конкретно не ассоциировался у меня со свиньей.

Что-то «бытовизма» не получилось. Даже ничего похожего.

Постель моя устраивается следующим образом: к сундуку подставляются два стула, спинкой направлены врозь. Затем… виноват – между стульями и сундуком оставляется зазор, а вот затем на сундук и стулья одновременно кладется портрет жены алкоголика (лицом вниз). (Портрет рисован самим алкоголиком с фотографии). После этого кладется овчинная шуба и тулуп, все это покрывается тонким одеялом, потом уже ложусь я.

Корова здесь сама открывает калитку, подцепит одним рогом за ручку, поднимется и толкнет ее лбом. После чего войдя во двор, она мычит.

Вот какая у нас корова!

Когда у нее появилась потребность в теленке, то она открыла ворота и убежала на случной пункт, который находится очень далеко и где она была всего лишь один раз.

Вот какая у нас корова!!

Корову зовут – Мартой, а козочку – Галей. Меня же зовут Сережей…

14/IX

Иду на почту.

Что принесет мне сегодняшний день? Целую тебя крепко-крепко, моя родная. Почта.

Что-то сегодня опять нет вестей от тебя.

Уже начинаю волноваться. Это, наверное, все шутки почты. Мое положение пока без перемен.

Пойду посмотрю, нет ли от тебя телеграммы. Вдруг что-нибудь случилось.

Нежно целую тебя.

Твой *Сергей*

[15–16/IX] [189]

…Я удовлетворенно улыбнулся, читая ее.

Дейч много места уделяет знакомству Маркса с Гейне, но этой фразы я у него не встречал, а она очень показательна, т. к. написано спустя много лет после его смерти.

Слава богу, меня отвлекли от этой темы, а то я никак не знал, на чем кончить и к чему я вдруг взялся за нее. Отвлекли меня очень прозаически. Какой-то мужик прошел мимо меня, и я слышу, как он мочится в кустах, поднимая тучи мошек и беспокоя муравьев.

После такого вмешательства можно писать только о делах. Положение мое пока не изменилось.

Начальство, оказывается, еще не приехало – будет сегодня или завтра. Так что поеду на Красмаш только 17-го с утра и по всей вероятности ничего не добьюсь. Думаю, даже уверен на сей раз,

что на следующей шестидневке получу окончательный ответ.

16/IX 35 г.

Почта.

С грустью констатировал, что писем мне нет. Значит, ты не писала с 3-го по 7-ое, а еще пишешь в последнем (от 3-его) письме счет «15:? в мою пользу».

Директор, говорят, еще не приехал, но я подозреваю, что это «туфта» и он просто очень занят. Завтра с утра [нрзб.] поеду. Крепко тебя целую.

Иду на телеграф.

Твой *Сергей*

Открытка

17/IX [35]

Милая Женюша!

Заехал на почту прямо с Красмаша. Директора видел – он только сегодня приехал, и я прождал его в коридоре около пяти часов. Болят ноги. Ответ обещал дать

19-го.

Выяснилось, что я там очень нужный человек. Они, оказывается, занимаются переводом своих катеров с бензина на генераторный газ.

У директора на столе я увидел экземпляр книги, одним из авторов коей я являюсь [190] .

Тем не менее подождем. Теперь осталось пустяки – несколько дней.

Писем от тебя опять нет.

Очень-очень жаль.

Из вещей мне нужно будет купить дюжину воротничков (размер по рубашкам, кажется, № 39).

Кажется, открытки у меня сегодня не примут, т. к. прием спешной почты только до пяти.

Так что придется отправить завтра, и то простым. Оно пойдет дольше.

Целую крепко. С.

21 сентября был подписан приказ о приеме С.Л. Седова на работу. В числе сданных мною в Гарвардский университет материалов была телеграмма от Сергея: «Принят на работу». Но телеграммы, по неизвестным мне причинам, в книгу «Милая моя Ресничка » не вошли.

[23–24/IX] [191]

<…>…т. к. я ясно вижу, сколько препятствий стоит на этом пути. Пользы, конечно, тоже немало.

Во всяком случае работа для меня интересная, хотя и лишена всякого научного «шарма», который всегда придает мне

некоторый огонек.

Вот я пишу о служебных делах и прочем, вожу карандашом по бумаге, а сам думаю, понравится ли Женюше комната, точней номер, не мал ли он.

Комнаты здесь стандартные, размером с мою московскую, так что тесно не будет.

Мой номер стоит 3 р. [нрзб.] коп. в сутки, так что в случае чего можно пожить здесь и месяц, что даст возможность найти подходящее помещение на постоянное жительство. Размеры номера мало чем отличаются от нашей комнаты у Полины Константиновны (помнишь, как мы взбивали с тобой матрац и ты шутила, что я щекочу его).

Свет потух, но я стал хитрый, я не гашу керосиновой лампы, а только прикрываю ее.

Тебе не мешало бы (свет загорелся) набрать с собой книг по экономическим, верней, планово-экономическим дисциплинам – мы будем вместе учить их – выяснилось, что мне очень и очень непросто разобраться во всяких калькуляциях, конъюнктурах и прочем.

Времени свободного будет только очень мало. Я привык к своей институтской работе, а здесь завод отнимает каждый день по 10–11 часов, а когда работа начнет кипеть, пойдут испытания, то придется еще больше трудиться.

Но все это пустяки, скорей бы приехала Ресничка. Что-то она не едет?

А вдруг завтра будет телеграмма: «Выезжаю 26-го скорым целую женя».

Нет, чепуха – это невозможно и вообще ты не приедешь, что-нибудь да случится.

Уже 9 ч. 20 мин., надо ложиться спать – оркестра пока не слышно.

Спокойной ночи, моя девчурка!

Почта. 24/IX 35 г.

Писем от тебя нет. Последнее время я получаю не чаще, чем на третий день. Не знаю, то ли ты писать стала реже, то ли ты стала реже писать. Т. к. письма все, судя по нумерации, доходят.

Телеграммы тоже пока нет.

Иду сейчас за вещами. Крепко-крепко целую, жду с нетерпением твоего приезда.

Приезжай скорей, пожалуйста!

Твой *Сергей*

8/X 35 г.

Получил вчера твое письмо от 26-го, и на меня повеяло какой-то облегчающей теплотой. Последнее время я чувствовал

себя очень плохо, морально, конечно, временами мне казалось даже, что я болен.

Твои переживания очень близки мне, я почувствовал, что ты ощущаешь такую же тоску, как я.

Вчера послал тебе письмо с доверенностями на ДУК и лабораторию – согласно твоего телеграфного приказа. Вчера же получил деньги и перевел тебе 120 р. на дессу [192] (в частности купи себе теплые штанишки, а то здесь холодно).

Дни мои проходят очень просто.

Встаю около половины седьмого, в начале восьмого выхожу из дому и сажусь на поезд, который состоит из обыкновенных товарных платформ, он доставляет меня на завод. Здесь я тружусь до часу. От часу до двух у нас обед. Стоимость его примерно 2 р. 50 к. – обед вполне приличный, правда, на мой непривередливый вкус. С двух до пяти мы опять работаем. Рабочий день восемь часов. В пять я отправляюсь на местную почту, а иногда и на городскую – последнее, если очень не спешить, связано с риском ночевать на том берегу Енисея, т. к. катера здесь циркулируют очень своевольно, особенно к вечеру.

Вечерами я изредка спускаюсь в клуб ИТР – он находится под гостиницей, в которой я живу, дважды сражался там в шахматы, а большей частью я ложусь очень рано спать – около десяти. Перед сном немного читаю, сейчас – «Бесы» Достоевского.

Сплю много, чему очень рад. Только сны часто тяжелые, особенно после твоей, как ты выражаешься, «одиографии».

Вчера по случаю получки даже выпил бутылку пива, отвратительного на вкус. Позавчера, в выходной день, пил водку при довольно забавных условиях. Я возвращался из города, вдруг из катера, который должен бы везти меня на тот берег, меня окликнули, оказалось, моторист его – один из футболистов, он перевез меня бесплатно в машинном отделении через Енисей и угостил водкой. Возвращаясь от реки к дому, я разговаривал с тобой вслух посреди поля в темноте, но ты почему-то не отвечала мне (был я, кстати сказать, совершенно трезв).

Не забудь, пожалуйста, купить теплые штанишки. Помнишь ли ты сказки Киплинга, в частности о ките – почему у него такое узкое горло.

Так вот, не забудь про штанишки.

…Примерно каждые полчаса я достаю из кармана конверт, в котором лежат все твои фотографии, и просматриваю их. Больше всего мне нравится карточка, которая пришла с моим бумажником, второй экземпляр той, которую ты мне когда-то подарила с надписью «Сереже – Львовичу от Женьки Серебряной Ресницы».

Ты мне нравишься там до одурения, и вообще ты мне нравишься. Очень нравишься.

Кстати о бумажнике: у меня была маленькая счетная линейка – жива ли она?

Кстати о деловых вопросах. Если есть в продаже, купи, пожалуйста, книгу Тимирязева «Кинетическая теория газов», она мне очень нужна.

Мне очень хочется видеть тебя. Очень-очень. Когда мы только увидимся, я зацелую тебя.

С одной стороны – это кажется таким простым и доступным: купишь билет, сядешь на поезд и приедешь, а с другой это кажется чем-то невероятным, невыполнимым. Я буду до последней минуты трепетать и не верить, буду бояться всяких случайностей вплоть до крушения поезда.

Милая моя любимая Ресничка, как я мечтаю о тебе, моя хорошая славная девочка. Целую тебя много-много раз. Твой (в полном смысле этого слова)

Сергей

P. S. Сегодня вечером, по слухам, предстоит сражение в преферанс.

[15/X 35 г.] [193] Красноярск

Милая моя Ресничка!

Вчера получил телеграмму, где ты сообщаешь, что волнуешься, и что мое молчание задерживает твой отъезд. Тут же послал тебе ответ. На всякий случай повторяю (может быть, ты не получила моего письма): паспорт необходим тебе в том случае, если при твоем возвращении в Москву, сепаратном (хотя бы по случаю моей смерти), тебе грозит отказ в прописке.

Если в Москве имеются яркие лампочки на вольтаж 220, то очень желательно их купить несколько штук.

Если ты паче чаяния все же поедешь из Москвы на протяжении ближайших 20-ти дней, то возможно, что по случаю шуги поезд остановится перед Красноярском на нашем берегу, тогда я буду встречать тебя там, я этот вопрос выясню здесь на вокзале, а ты дай спешную телеграмму с дороги, чтобы я знал, что письмо это получено и что тебе известно об этом, а то может получиться недоразумение.

…Еще крепко тебя обнимаю и целую.

Твой *« мальченка »*

[После 21/X] [194]

Вчера письма не отправил. Был в городе на старой квартире, надеялся получить хотя бы рублей 20–30 из долга, о коем тебя информировал. Надеждам моим вообще, видно, не дано сбываться.

Здесь пока тоже еще не платят. А у меня 50 р. долгу, так что обещанную «субсидию» придется, видно, снизить до 100 р., которые на этих днях вышлю. Попробую, как только вернется начальство, мой начальник – заведующий эксплуатационным отделом – в командировке, попросить денег на твой переезд. Может быть, дорогу оплатит. Бери место в мягком скором – стоит это, кажется, 230 р. Т. к. ты приедешь, увы, еще не так скоро, то я смогу тебе перевести следующую получку 150 р., а может быть, будет и еще раз. («Эх, раз, еще раз, еще много-много раз».)

…Крепко тебя целую, пиши мне.

У меня идиотское настроение, на глаза все время навертываются слезы. Письмо, кажется, должно произвести на тебя неприятное впечатление. Если это так, то, пожалуйста, не сердись на меня. Я на днях постараюсь написать тебе более подъемное письмо.

Я люблю тебя, моя Ресничка. Жду вестей.

Твой *Сергей*

Из книги «Милая моя Ресничка» (по: ЦА ФСБ РФ. Д.Р-33640. Л. 80–82)

Из протокола допроса Г.М. Рубинштейн, 1956 г.

Вопрос: Расскажите о вашем знакомстве и совместной жизни с Седовым С.Л.

Ответ: С Седовым Сергеем Львовичем я познакомилась на курорте летом 1934 года. Тогда, при знакомстве, и долгое время после этого не знала, что он является сыном Троцкого. Наши отношения с ним стали близкими, и после возвращения с курорта в Москву мы с ним решили вступить в брак. Должна сказать, что и я и он до этого состояли в браке. Я с мужем (первого моего мужа фамилия была Болтянский) развелась, а Седов со своей женой (первой) не был зарегистрирован, но жил с ней в одной комнате. Получилось так, что мы с ним зарегистрировались, но фактически жили в разных квартирах, каждый в своей. Зарегистрировались мы с ним в марте 1935 года. Перед регистрацией мне Седов сказал, что он является сыном Троцкого. На мой вопрос, был ли он связан с политической деятельностью Троцкого, Седов ответил, что он с политической деятельностью Троцкого никогда связан не был и когда Троцкого с семьей (жена и старший сын уехали с ним) выслали из СССР, то Седов Сергей не захотел с ними выехать, остался в Советском Союзе, окончил институт и к моменту моего с ним знакомства работал доцентом Московского авиационного института. Должна также сказать, что мои родители были категорически против моего брака с Седовым. Но несмотря на все возражения родителей, я втайне от них вышла за Седова замуж. Как я уже сказала, в марте 1935 года мы с Седовым расписались в ЗАГСе, а примерно через месяц он был арестован и сослан в ссылку в г. Красноярск. 10 мая 1935 г. я закончила Московский текстильный институт, поступила на работу в «Хлопко-проект», а в октябре 1935 года с работы рассчиталась и уехала в г. Красноярск к Седову. В Красноярске мы с Седовым прожили до июня 1936 года. Его в июне 1936 г. арестовали и отправили в Воркуту. Сразу же после ареста Седова (дней через 10, не более) я возвратилась в Москву, к своим родителям.

Вопрос: С кем вы выехали из Красноярска в Москву после ареста Седова?

Ответ: Из Красноярска в Москву я выехала одна.

Вопрос: Вы просили кого-нибудь сопровождать вас до Москвы?

Ответ: Провожать меня в Москву я никого не просила. Я помню, что просила проводить меня не до Москвы, а до вокзала Рагимовых (мужа и жену), и то они не пришли меня провожать.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА Там же

1938 г. июля мес. 22 дня.

Я, оперуполн. 4 отдела 1 Упр. Лейтенант Госбезопасности допросил в качестве обвиняемой

1. Фамилия: *Рубинштейн*

2. Имя и отчество: *Генриетта Михайловна*

3. Дата рождения: *1911*

4. Место рождения: г. *Винев [195] Тульской обл.*

5. Местожительство (адрес): г. *Москва, Маросейка ул., д. 13, кв. 12.*

6. Профессия и специальность: *научный работник*

7. Национальность и гражданство (подданство): *еврейка, гр-ка СССР*

8. Паспорт: *выдан Красноярск, район, отдел, милиции [196]*

9. Социальное происхождение: *служащая*

10. Социальное положение

а) до революции

б) после революции: *училась и служила*

11. Состав семьи: *б. муж Седов Сергей Львович инженер по проектированию двигателей на твердом топливе в г. Красноярске – арестован 17/VI-36 г.*

Дочь Рубинштейн Юлия 1 г. 11 мес.

Мать Рубинштейн Розалия Ильинична, 53 г., домохозяйка.

Отец Рубинштейн Михаил Яковлевич, 60 лет, трест Спецстрой, завед. ТИБ, живет в Москве. Брат Рубинштейн Борис Михайлович

[нрзб.]

12. Образование (общее и специальное): *высшее*

13. Партийность (в прошлом и в настоящем): *беспартийная*

14. Каким репрессиям подвергался при Соввласти: судимость, арест и др.

а) до революции: *нет*

б) после революции: *нет*

15. Какие имеет награды (ордена, грамоты, оружие и др.) при Соввласти: *нет*

16. Категория воинского учета/запаса и где состоит на учете

17. Служба в Красной армии (красн. гвардии, в партизан. отрядах), когда и в качестве кого: *нет*

18. Служба в белых и др. к.-р. армиях (когда, в качестве кого): *нет*

19. Участие в бандах, к.-р. организациях и восстаниях

20. Сведения об общественно-политической деятельности

Показания обвиняемого (свидетеля) Рубинштейн Генриетты Михайловны 22 июля 1938 г.

Вопрос: Вы арестованы как участница троцкистской террористической организации, возглавлявшейся Седовым С.Л. Предлагаем вам дать показания о своей нелегальной деятельности.

Ответ: Никакого участия в контрреволюционной троцкистской организации я не принимала.

Вопрос: Напрасно вы отрицаете свое участие и деятельность в нелегальной организации троцкистов. Следствие располагает достаточными материалами, которыми вы все равно будете уличены. Говорите лучше правду.

Ответ: Утверждаю, что никакого отношения к нелегальной троцкистской организации не имела.

Вопрос: Вы знаете Рагимова Рашида?

Ответ: Да, знаю. С Рагимовым я познакомилась в

1935 г. в г. Красноярске, с которым часто встречались.

Вопрос: Арестованный Рагимов Рашид показал на следствии, что вы являлись участницей контрреволюционной троцкистской организации.

Ответ: Еще раз заявляю, никогда участницей троцкистской организации не была.

Вопрос: С какого времени вы знаете Седова Сергея Львовича – сына врага народа Троцкого?

Ответ: С Седовым Сергеем Львовичем я познакомилась в июле 1934 г. Его женой стала 13 [нрзб.] [197] 1935 и прожила с ним по 17/VI 1936 г. Сошлись с ним в ноябре 1934 г.

Вопрос: Что вам известно о контрреволюционной троцкистской деятельности вашего мужа Седова Сергея Львовича?

0 т в е т: О контрреволюционной троцкистской деятельности мужа Седова С.Л. я ничего не знаю.

Больше показать ничего не могу, записано с моих слов верно и мною прочитано.

Рубинштейн

Допросил Оперуполн. 4 отдела 1 Упр. Мл лейтенант Гос. Без.

Из книги Л.Д. Троцкого «Дневники и письма»

7 января 1937 г.

Что бы ни говорили святоши чистого идеализма, мораль есть функция социальных интересов, следовательно, функция политики. Большевизм мог быть жесток и свиреп по отношению к врагам, но он всегда называл вещи своими именами. Все знали, чего большевики хотят. Нам нечего было утаивать от масс. Именно в этом центральном пункте мораль правящей ныне в СССР касты радикально отличается от морали большевизма. Сталин и его сотрудники не только не смеют говорить вслух, что думают; они не смеют даже додумывать до конца, что делают. Свою власть и свое благополучие бюрократия вынуждена выдавать за власть и благополучие народа. Все мышление правящей касты насквозь проникнуто лицемерием. Чтоб залепить открывающиеся на каждом шагу противоречия между словом и делом, между программой и действительностью, между настоящим и прошлым, бюрократия создала гигантскую фабрику фальсификаций. Чувствуя шаткость своих моральных позиций, питая острый страх перед массами, она со звериной ненавистью относится ко всякому, кто пытается прожектор критики направить на устои ее привилегий. Травлю и клевету против инакомыслящих сталинская олигархия сделала важнейшим орудием самосохранения. При помощи систематической клеветы, охватывающей все: политические идеи, служебные обязанности, семейные отношения и личные связи, люди доводятся до самоубийства, до безумия, до прострации, до предательства. В области клеветы и травли аппараты ВКП, ГПУ и Коминтерна работают рука об руку. Центром этой системы является рабочий кабинет Сталина. Отсюда методически подготовлялся московский процесс.

…На Западе не имеют и приблизительного представления о том количестве литературы, которое издано в СССР за последние 13 лет против левой оппозиции вообще, автора этих строк в частности и в особенности. Десятки тысяч газетных статей в десятках миллионов экземпляров, стенографические отчеты бесчисленных обвинительных речей, популярные брошюры в миллионных тиражах, толстые книги разносили и разносят изо дня в день самую отвратительную ложь, какую способны изготовить тысячи наемных литераторов, без совести, без идей и без воображения. Во время нашего интернирования мы

наталкивались несколько раз у радиоприемника на речи из Москвы (после некоторых колебаний и проволочек социалистическое правительство великодушно разрешило нам иметь радиоприемник в нашей тюремной квартире) на тему о том, что Троцкий хочет опрокинуть правительство народного фронта Испании и Франции и истребить советских вождей, чтоб таким образом обеспечить победу Гитлера в будущей войне против СССР и его союзников. Монотонный, безразличный и вместе [с тем] наглый голос «оратора» отравлял в течение нескольких минут атмосферу нашей комнаты. Я взглянул на жену: на лице ее было непреодолимое отвращение; не «ненависть», нет, а именно отвращение. Я повернул штифт и закрыл оратору глотку.

…Грязный поток лжи извергался свыше 12 лет, прежде чем принял форму московского судебного процесса, самого вероломного, самого подлого из всех процессов, какие бесчестили нашу планету.

Из статьи А. Ильина, канд. ист. наук, «Загадки ссыльного Седова» (прислана автору-составителю по Интернету)

…Двигатели собирали и обкатывали в ремонтно-механическом цехе. Однажды *в ночь с 31 марта на 1 апреля 1936 года [198]* дежурный по станции мастер Рогозов ушел домой, забыв перекрыть кран газификатора. Пустой цех медленно наполнился газом.

Спустя две недели начальник пожарной охраны Алексей Тимофеев рассказал следователям, что часов в 10–11 вечера его команду вызвали в ремонтно-механический цех. Там он застал кучку рабочих из ночной смены подле раскрытых ворот цеха, через которые валил дым. Рабочие подсказали ему, что дым идет из испытательной станции газогенераторов.

Отчаянный пожарный ползком обследовал темное помещение и обнаружил, что дым валил из горячего бункера газогенератора, доверху загруженного березовыми чурками. По его приказу пожарные надели противогазы и попытались руками выгрузить горящие дрова из бункера агрегата, но были вынуждены отступить из-за жары.

Тогда командир дружины узнал у рабочих, кто занимается газовой станцией, и послал за Седовым пожарную машину. Сергей немедленно приехал, надел противогаз и включил вентилятор. Дым быстро рассосался, но у пожарных потом болели головы от угара [199] .

Тогда на происшествие не обратили внимания. Газ был достаточно безопасен для жизни и лишь вызывал головную боль. К задымленности помещений все давно привыкли, поскольку цеха строили аврально и до вентиляции руки не доходили.

По свидетельству заведующего мастерскими автопарка, зимой 1936/37 года, когда ворота не открывали из-за холодов, рабочие в гараже угорали ежедневно. Отравившихся рабочих без сознания выносили на снег, чтобы привести их в чувство [200] . Другой свидетель подтвердил, что и в чугунолитейном цехе массовые отравления рабочих газом случались всякий раз, когда начиналась плавка [201] .

Геройский поступок инженера Седова и пожарных, предотвративших более серьезную техническую аварию, ни на кого тогда не произвел впечатления. Более того, Седову даже

пришлось объясниться в месткоме за то, что ночная смена 3 часа простояла без работы [202] .

«Правда», 26 января 1937 г. К. Пухов. Сын Троцкого Сергей Седов пытался отравить рабочих

Красноярск, 26 января. (Корр. «Правды»)

В кузнечном цехе крупнейшего в Красноярском крае машиностроительного завода им. Серебровского сегодня состоялся многолюдный общезаводской митинг, продолжавшийся несколько часов. На трибуну поднимались литейщики, столяры, кузнецы, монтажники, руководители цехов. Дрожа от негодования, они бросали слова, полные жгучего презрения изменникам родины.

Презренный агент международного фашизма Троцкий запустил свои гнусные щупальца и на наш завод, – заявил мастер кузнечного цеха Лебедев. – Почти до последнего времени здесь в качестве инженера подвизался сын Троцкого – Сергей Седов. Этот достойный отпрыск продавшегося фашизму своего отца пытался отравить генераторным газом большую группу рабочих завода.

В жилищно-плановом отделе завода долго обретался племянник Зиновьева – некий Закс. Этот, теперь разоблаченный, враг попал сюда почти одновременно с Сергеем Седовым. Им обоим покровительствовал главный директор завода Субботин, – сообщил экспедитор чугунолитейного цеха Борисенко.

Формовщик завода Фоменко, мастер Плотников, столяр Поляков, стахановка Дмитриева и ряд других, выступавших на митинге, привели много фактов вредительства троцкистских выродков, окопавшихся на производстве. В цехах завода заведомо неправильно монтировалось оборудование, омертвлялись капиталовложения, выводились из строя сложнейшие агрегаты, уничтожалась вентиляция.

В единодушно принятой резолюции участники митинга постановили «просить органы НКВД очистить завод от последышей троцкистской агентуры и выявить прямых пособников этой фашистской сволочи».

«Мы не позволим, – говорится в резолюции, – чтобы заклятые враги советской земли и дальше посягали на нашу родину, на вождей партии и правительства, на трудящихся социалистической страны. В ответ на омерзительную деятельность озверелых фашистских псов еще выше поднимем революционную бдительность и теснее сплотимся вокруг коммунистической партии и любимого отца народов СССР товарища Сталина.

Настойчиво требуем от Верховного Суда уничтожить троцкистских гадов из антисоветского троцкистского центра – всех до единого».

Из статьи П. Ричардс [203] «Встреча с сыном Троцкого»

Февраль 1937 года, Москва, Лубянская тюрьма. Сразу же после того, как я был помещен в камеру, дверь вновь открылась, чтобы впустить коренастого, белокурого, голубоглазого заключенного в фланелевой куртке и в брюках (это было обыкновенное одеяние лагерных заключенных). Дверь снова закрыли, и мы остались наедине.

Разговор начался с обычных тюремных вопросов: откуда, почему, как. Оказалось, что тот, кто пришел в камеру, был привезен из исправительно-трудового лагеря, который находился в Воркуте, за полярным кругом. Заключенный представился Сергеем Львовичем Седовым, приговоренным в 1936 году к 5 годам трудовых исправительных работ, а сейчас он был привезен из лагеря в центр для пересмотра его дела. Несколько часов мы оставались вместе, и все это время Седов рассказывал мне разные эпизоды своей жизни.

В Воркуте он жил в тяжелых условиях, заболел, и в конце концов, когда началось сосредоточение троцкистов во второй половине 1936 года, он был схвачен вместе с ними. Сергей Львович никогда прежде, как он сказал, не имел с троцкистами никаких связей.

Вскоре Сергей неожиданно для себя обнаружил, что оказался в центре этой группы, и как раз в тот момент, когда у них был острый конфликт с лагерными авторитетами.

Он описывал разные моменты голодовки, которая длилась от недели к неделе больше 3 месяцев. Забастовщики были изолированы и через какое-то время насильно накормлены, но, несмотря на это, как говорил Сергей, были случаи смерти, особенно среди женщин.

Седов продержался до конца, и, по его собственным словам, сам был на волоске от смерти. Главные требования забастовщиков были удовлетворены специальной комиссией, присланной из центра, и в конце голодовки весь режим стал терпимее.

Через некоторое время после этих событий администрация лагеря, где был заключен Сергей Львович, получила приказ срочно отправить его в центр для продолжения расследования. Так как реки уже частично вскрылись, Сергей Львович со своей охраной путешествовал неделями от деревни к деревне среди ледяного мусора. Сергей Львович со смехом рассказывал, что

после событий последнего времени это была для него не иначе как приятная поездка, настоящее облегчение. Он отдохнул от лагерного режима и был отлично накормлен. Он говорил, что во время этой поездки он не только вернул все, утраченное во время голодовки, но и потолстел и чувствовал себя так же хорошо, как в лучшие годы своей молодости.

Разговор пришел к вопросу о том, что Сергей Львович думал о возобновлении расследования его дела, а также его перемещении на Лубянку. Он не питал иллюзий о возможности пересмотра его дела или даже об утверждении старого наказания. Он подробно рассказал о методах, которые использовались при расследованиях, и высказал мнение, что человек должен иметь представление обо всем, что делается с заключенными на допросах.

Сергей Львович смотрел в будущее абсолютно спокойно и ни при каких обстоятельствах не был готов, даже чуть-чуть, обвинить себя или других.

Во время этого разговора Сергея Львовича вызвали из камеры, мы коротко попрощались. Больше я никогда его не видел…

Из книги Иосифа Бергера [204] «Крушение поколения. Воспоминания»

…Были и такие, однако, которые не капитулировали до конца. Сына Троцкого Сергея я встретил в 1937 году. Оба мы ожидали допроса в одной из камер предварительного заключения на Лубянке. Камера эта – маленькая клетушка, которую заключенные называли «конурой». Обычно в такую «конуру» помещали только одного заключенного, но, поскольку Лубянка была переполнена, то нас поместили вдвоем. Так что нам пришлось провести вместе несколько часов однажды ночью в феврале 1937 года.

Это была памятная для меня встреча. Сергея только что привезли в Москву из лагеря в Воркуте. Дело его было назначено на переследствие, и он весьма мрачно смотрел на свое будущее. Мои перспективы были не многим лучше. И действительно, вскоре после этого я был приговорен к смерти. Но Сергей почему-то был убежден, что мне удастся выжить. И он просил меня передать несколько слов его родителям, если мне приведется с ними встретиться.

Ему было тогда около двадцать восемь лет. Небольшого роста, худощавый, круглолицый, с усами. В отличие от своего брата, Сергей никогда не проявлял ни малейшего интереса к политике и отказался даже вступить в комсомол. Он был страстным книгочеем, а его другим пристрастием был цирк. Ребенком он даже однажды убежал из дому и пристал к бродячему цирку.

Родители, конечно, не одобряли его поведения и объясняли ему, что оно может повредить отцу. Однако он оставался неисправимым. Когда его отец оказался в оппозиции, Сергей усмотрел в этом подтверждение своим аполитичным взглядам. Учился он хорошо, но долго не мог решить, какую выбрать специальность. <…>

Когда Троцкий в 1929 году был выслан за границу, Сталин в одну из своих редких минут великодушия разрешил Троцкому взять с собой семью и свои архивы. Сергей узнал об этом в провинциальном городе, где он тогда работал. Родители настойчиво уговаривали его уехать с ними. Троцкий отчетливо предвидел судьбу связанных с ним людей, оставшихся в СССР.

Представьте себе самое ужасное и помножьте его на десять, –

сказал он друзьям, провожавшим его в Одесском порту.

Сергей же в это время был влюблен и не захотел оставить свою подругу. Он отказался уехать. Некоторое время все шло как будто благополучно, и страхи отца казались преувеличенными. Ему не только удалось избежать репрессий начала 30-х годов, но друзья сумели даже устроить его на работу. И лишь в 1935 году, после убийства Кирова, его вызвали и потребовали публичного отречения от отца. Ему внушали, что от него требуют только правды: т. е. чтобы он сказал, что никогда не разделял взглядов отца и не пожелал с ним уехать за границу. К этому следовало лишь добавить, что он считает своих родителей «врагами народа». Сергей отказался подписать это на том основании, что не имеет никакого отношения к политике, и заявил, что хотя его аполитичность была причиной расхождений с отцом, он ни в коем случае не хочет принимать участия в публичной травле отца. Его уволили с работы, а еще через несколько месяцев арестовали [205] .

Немедленно по прибытии в Москву осенью 1936 года он объявил в тюрьме голодовку. Следствие по его делу было закончено в течение десяти дней. Его приговорили к пяти годам лагерей. В декабре того же года он прибыл в Воркуту и там впервые столкнулся лицом к лицу с убежденными последователями его отца. Он проникся глубоким уважением к этим людям.

Хотя огромное большинство троцкистов к этому времени капитулировало, все еще оставалось, главным образом, конечно, в тюрьмах и лагерях, ядро убежденных и бескомпромиссных. Арестованные троцкисты и их семьи были собраны большей частью в трех крупных лагерных системах: на Колыме, в Воркуте и в районе Норильска. О троцкистах Воркуты я впервые узнал от самого Сергея.

Меня не удивило, что бывшие участники оппозиции произвели на него такое сильное впечатление. Я сам столкнулся в заключении с некоторыми из них. В основном это были интеллигенты, которым взгляды Троцкого, менее ограниченные и сухие, чем ленинские, импонировали с самого начала. Большинство из них были в прошлом профессиональными революционерами, участниками Гражданской войны, примкнувшими в начале

20-х годов к оппозиции. Среди троцкистов представители национальных меньшинств занимали больший удельный вес, чем в других оппозиционных группах. Все они были убежденными интернационалистами, и идея местного советского национализма была им глубоко чуждой. Если бы в то время существовал термин

«безродные космополиты», то его определенно применили бы к троцкистам.

Когда я говорил этим людям, что как политики они сами «исключают себя из истории», они отвечали, что то же самое слышат от всех «оппортунистов».

Сергею условия в лагере показались ужасающими. Но в честь отца ему был оказан такой теплый прием, что он приободрился. С другой стороны, и его присутствие придало новые силы заключенным оппозиционерам. Сергея по-прежнему мало интересовали их политические и экономические взгляды, но огромное впечатление на него произвели их духовная независимость, преданность и верность взглядам отца. Сергей с полным правом сказал потом, что недели, проведенные им в Воркуте среди последователей и идейных друзей отца, были самыми счастливыми в его жизни. Сергею очень хотелось сообщить родителям об их друзьях, а также и о своих изменившихся взглядах. А особенно ему хотелось попросить прощения у матери за то беспокойство и горе, которые он ей причинил. Еще Сергей просил передать, что он с достоинством встретит смерть. Через несколько недель Сергея расстреляли.

Когда меня освободили, мать Сергея была еще жива. Я написал ей письмо. К сожалению, встретиться нам не удалось, я приехал в Париж в 1962 году, но она уже умерла.

Еще я слышал о Сергее от одного из его друзей (их дела вел тот же следователь). Когда этот друг спросил у следователя о Сергее, тот ответил: «Если отец пришлет за него вагон золота, мы, может быть, его отпустим». Но это была просто жестокая шутка. Никаких подобных предложений Троцкому никто никогда не делал. А судьба Сергея все равно была предрешена.

Наталья Троцкая получила письмо о своем сыне от русского невозвращенца в Западной Европе (Имя и адрес редакторам известны)

…Во время массовой ликвидации так называемых троцкистов ваш сын был арестован. В сентябре 1936 года я уже встречался с ним в концентрационном лагере в Воркуте (в то время еще известного как Воркутпечлаг), расположенном на Дальнем севере, в Арктике, на берегах Баренцева моря.

Он произвел на меня впечатление вежливого, культурного молодого человека, но совсем отстраненного от активной политики. Состояние его здоровья было довольно слабым, его освободили от работы на руднике и послали мыть бараки заключенных. Во время массовой голодовки-забастовки (примерно 700 заключенных), беспрецедентной в истории политических заключений и ссылок, которая продолжалась 104

дня, ваш сын принял в ней участие из солидарности.

Во время судебного процесса над Бухариным, Рыковым, Радеком и другими (в начале 1937) вашего сына, вместе с несколькими видными лидерами троцкистской оппозиции, было приказано немедленно доставить в Москву.

Специальная полиция НКВД пыталась схватить их, но им это не удалось. Только с помощью лагерных бандитов и убийц, которым Третье отделение [206] дало оружие и пообещало особые привилегии, разыскиваемые люди, среди них ваш сын, были насильственно и жестоко схвачены. Они были уведены конвоем, состоявшим из тех же вооруженных убийц, конечно, под надзором человека из Третьего отделения.

0 его последующей судьбе я ничего не слышал.

Из книги «Милая моя Ресничка»

Анкета арестованного

1. Фамилия: *Седов*

2. Имя и отчество: *Сергей Львович*

3. Дата рождения: *21 марта, год 1908*

1 Автор имеет в виду НКВД. Третье отделение Императорской канцелярии – так называлось ведомство, занимавшееся политическим сыском в царской России.

4. Место рождения: г. *Вена*

5. Местожительство (адрес): г. *Красноярск, а последнее время находился в к/лагерях (Воркута)*

6. Профессия и специальность: *инженер, доцент*

7. Место службы и должность или род занятий: *инженер-консультант по газогенераторному строению Красмашвагонстроя*

8. Паспорт: *не имеет*

9. Социальное происхождение: *сын Троцкого – врага народа*

10. Социальное положение: *служащий*

а) до революции: *на иждивении родителей*

б) после революции: *учащийся*

11. Образование (общее и специальное): *высшее техническое*

12. Партийность (в прошлом и в настоящем): *беспартийный*

13. Национальность и гражданство (подданство): *русский, под. СССР*

14. Категория воинского учета/запаса и где состоит на учете: *не состоит*

15. Служба в белых и др. к.-р. армиях против Соввласти (когда и в качестве кого): *не служил* , участие в бандах и восстаниях

16. Каким репрессиям подвергался при Сов-власти: судимость, арест и др. (когда, каким органом и за что): *в 1935 году за участие в к.-р. группировке к 5 годам высылки и в 1936 году к 5 годам концлагерей.*

17. Состав семьи: *жена Рубинштейн Генриетта Михайловна, 26-ти лет, проживает в Москве и дочь 1 года с ней же.*

Подпись арестованного: *[Сергей Седов]*

3. Где содержится под стражей: *в Красноярской тюрьме*

4. Особые замечания

Подпись сотрудника, заполнившего анкету

22 IV 1937 г.

Из статьи С. Ларькова, Е. Русаковой, И. Флиге «Сергей Седов «сын врага народа Троцкого»

О работе Седова в Красноярске мы знаем из публикации К.Ф. Попова, помещенной на сайте Красноярского общества «Мемориал», следующее.

Седов был принят на Красноярский машиностроительный завод приказом от 21 сентября 1935: «Для руководства работами по газогенераторным установкам назначить в эксплуатационный отдел инженера Седова Сергея Львовича».

За несколько дней до этого в Москве директор Крас-маша Александр Петрович Субботин получил от А.П. Серебровского, заместителя Орджоникидзе и начальника Главзолота, задание государственной важности – впервые в стране освоить производство газогенераторных двигателей. Для этого замнаркома вручил Субботину книгу «Легкие газогенераторы автотракторного типа». По возвращении в Красноярск Субботин обнаружил одного из ее авторов – С.Л. Седова – в своей приемной ожидающим решения о приеме на работу.

Серебровский, приехавший в Красноярск, выбор директора завода поддержал… <…> Седова решили использовать, но не в штате, а по договору. Во исполнение этого решения «гражданин Седов С.Л. принимает на себя обязательство провести на заводе работу по переводу выпускаемых теплоходов на газогенераторный газ. <…> Работа <…> рассчитана на 12 месяцев, и за ее выполнение Красмаш выплачивает Седову С.Л. десять тысяч рублей». Кроме того, Седову была выдана прозодежда, обеспечены больничные и отпускные.

Первые два газогенератора, изготовленные под руководством Седова, были установлены на речные суда, и их испытания дали хорошие результаты, а для нужд золотодобывающих предприятий было заказано семь газогенераторов.

Дальнейшую работу над газогенераторными двигателями прервал арест Седова.

Субботин пытался через Серебровского освободить необходимого заводу специалиста, но Серебровский отказал в помощи: «Если взяли – хорошо сделали» (а через год «возьмут» и Серебровского). Надо отдать должное смелости и порядочности Субботина: он приказал выплатить жене Седова заработанные ее мужем деньги. Резолюция Субботина в бухгалтерию на

стандартном заявлении Генриетты Михайловны Рубинштейн была вызывающе смелой по содержанию: «Прошу вас произвести расчет с тов. Седовым и деньги не задерживать». Генриетта Михайловна получила 993 рубля (в доносе на Субботина было сказано: «когда на заводе хронически задерживалась зарплата рабочим») [207] .

…12 августа [1937 г.] Седову предъявлен протокол об окончании следствия.

Справка по делу С.Л. Седова включается в «список» Красноярского УНКВД, направленный в Москву, в Наркомат внутренних дел, где Седова, в свою очередь, включают в очередной «Список лиц, подлежащих суду Военной Коллегии Верховного Суда Союза СССР» (Красноярский край).

В этом документе значится 68 человек. 61 из них отнесен НКВД к «1-й категории» – расстрелу; в их числе Сергей Седов…

3 октября 1937 Красноярский список был завизирован Сталиным, Молотовым и Кагановичем.

28 октября в Красноярске выездная сессия Военной Коллегии Верховного Суда провела «подготовительное заседание» по всем делам, в том числе и по делу Седова. При этом из обвинений был исключен пункт «вредительство».

Днем 29 октября 1937 на заседание выездной сессии ВК ВС доставили Сергея Львовича Седова. Дело слушалось в закрытом судебном заседании, без участия обвинения и защиты и без вызова свидетелей.

Судебное заседание заняло 15 минут: было зачитано обвинительное заключение, получен твердый ответ Седова: «Виновным себя ни в чем не признаю».

Зачитан приговор к высшей мере наказания. В полночь приговор был приведен в исполнение.

…По данным Красноярского «Мемориала», единственное известное место захоронения расстрелянных в 1937—

1938 годах – деревня Коркино в окрестностях Красноярска. В начале 1960-х точное место было утрачено.

ПРИГОВОР

Именем Союза Советских Социалистических Республик

Военная Коллегия Верховного Суда СССР

в составе:

Председательствующего диввоенюриста Никитченко

Членов: диввоенюриста Горячева и бригвоенюриста Китина

При секретаре военном юристе 3 ранга Шапошникове

В закрытом судебном заседании, в городе Красноярске 29 октября 1937 года, рассмотрели дело по обвинению СЕДОВА Сергея Львовича, 1908 г. рождения, б. инженера Красмаша, гр-на

СССР, в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 58—1а, 58—8, 58—9 и 58–11 УК РСФСР.

Предварительным и судебным следствием установлено, что Седов, являясь с 1928 года активным участником троцкистского подполья, в 1935 году совместно с агентом германской разведки Шаубом создал на Красноярском машино-вагоностроительном заводе шпионско-диверсионную и террористическую организацию, участники которой под руководством Седова занимались диверсионно-вредительской работой, направленной на срыв и дезорганизацию производства, а также подготовляли поджог цеха металлических конструкций.

Кроме того, Седов осуществлял непосредственное руководство террористической деятельностью организации, создав специальную группу для совершения террористических актов против руководителей ВКП(б) и Советской власти.

Таким образом, установлена виновность Седова в совершении им преступлений, предусмотренных ст. 58-1а, 58-8, 58-9 и 58–11 УК РСФСР.

На основании изложенного и руководствуясь ст. ст. 319 и 320 УПК РСФСР, Выездная Сессия Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР

ПРИГОВОРИЛА:

Седова Сергея Львовича к высшей мере уголовного наказания – расстрелу, с конфискацией всего лично ему принадлежащего имущества.

Приговор окончательный, обжалованию не подлежит и на основании постановления ЦИК СССР от 1-го декабря 1934 года подлежит немедленному исполнению.

Председательствующий: диввоенюрист Никитченко

Члены диввоенюрист Горячев

бригвоенюрист Китин

ВЫПИСКА ИЗ АКТА

Приговор Выездной Сессии Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР от 29 октября 1937 года о расстреле Седова Сергея Львовича приведен в исполнение

29 октября 1937 года в 24 часа.

Нач. 8 отдела УГБ старший лейтенант госбезопасности

(подпись)

СПРАВКА (там же)

Рубинштейн Генриетта Михайловна, 1911 г. р. [208] , уроженка Воронежской области [209] , беспартийная, бывш. инженер Авиагидростроя в г. Красноярске, в настоящее время работает счетчиком Нефтепроекта.

Проживает в г. Москве, ул. Маросейка, д. 13, кв. 12.

Рубинштейн Генриетта Михайловна является женой активного участника троцкистской террористической организации Седова Сергея Львовича, арестованного 4-м отделом ГУГБ.

Показаниями обвиняемых Рагимова, Дорохова и Буяновского Рубинштейн Генриетта Михайловна изобличается как активный участник троцкистской террористической организации, ликвидированной в г. Красноярске.

«Мне известны следующие члены контрреволюционной троцкистской организации: Седов Сергей – сын Троцкого, работавший консультантом по газогенераторам, Закс Рафаил Самуилович – племянник Зиновьева, работал на Красмаше, Рубинштейн Генриетта – жена Седова Сергея, в данное время находится в Москве, Дорохов Евгений Иванович, работал в последнее время на Бумстрое, Буяновский Павел Яковлевич – плановик Судостроя» (Показания Рагимова от 01.04.1937).

В состав контрреволюционной троцкистской организации в 1935 году входили: Седов, Рагимов, Рубинштейн Генриетта Михайловна – инженер Авиагидростроя…»

«Мой отъезд в Москву Седов обусловил необходимостью террористического акта над руководством ВКП(б), в тот момент именно тем, что ряд активных троцкистов находится под арестом или в ссылке. Седов сказал: «Твоим выстрелом мы внесем смятение в ряды ВКП(б), нам надо показать, что стреляют и не троцкисты». Седов заявил, что даст мне письмо к одному «большому человеку» в Москве, к которому я буду направлен и он должен устроить все. Причем предупредил, что квартира и стол мне будет обеспечен Генриеттой Рубинштейн (женой Седова), ее родители должны были меня принять и устроить».

«Жена Седова Генриетта Рубинштейн знала, что я намечен Седовым для исполнения диверсионного и террористического актов» (Показания Дорохова от 28.11 и 15.12.1936).

«Установку на террор я получил от Седова в декабре месяце 1935 года при встрече с Седовым в столовой ИТР, в присутствии его жены Рубинштейн Генриетты Михайловны» (Показания Буяновского от 11.01.1937).

Пом. Начальника 4 отдела ГУГБ капитан госуд. безопасности Доценко
12.12.1937

Письмо Б.И. Николаевского к Н.И. Седовой [210]

23 декабря 1950

Многоуважаемая Наталия Ивановна,

При сем копия сообщения о вдове С.Л., которое я только что получил от быв [шей] колымчанки. Последняя просит меня пока ее имени никому не называть. Это – дочь видного польского большевика, друга Ленина, имя кот[орого] часто фигурирует в воспоминаниях Крупской. Родители ее, по-видимому, погибли, а она сама, после почти 12 лет скитаний, выбралась в западную] зону Германии. Если Вы поставите вопросы, я ей перешлю, – хотя она и уверена, что больше ничего не знает.

Женя Рубинштейн, молодая московская студентка химии, познакомилась с Сергеем Львовичем на курорте, то ли в Крыму, то ли на Кавказе. Купаясь и загорая вместе на пляже, молодые люди не сразу сказали друг другу свои фамилии, и таким образом случилось, что Женя полюбила Сергея раньше, чем узнала, кто он такой и как опасна ее любовь. Но так как она не интересовалась особенно политикой и даже не была в комсомоле, она, узнав его происхождение, не перестала его любить, а наоборот, даже после возвращения в Москву продолжала знакомство.

К ужасу своих родителей и всех знакомых, Женя, когда спустя некоторое время Сергей был сослан в Красноярский край, поехала туда к нему и стала там с ним вместе жить.

Счастье, однако, длилось недолго. Каких-нибудь десять месяцев спустя Сергея арестовали в ссылке, и Женя, одна и беременная, вернулась к родителям в Москву. В конце 1936 г. примерно родилась ее и Сергея девочка. Ей было пару месяцев, когда Женю в Москве тоже арестовали. К тому времени, между прочим, кроме отца и матери никто уже с ней не разговаривал.

Особое Совещание приговорило ее к 8 годам дальних лагерей за «Контрреволюционную Троцкистскую деятельность» (КРТД). Она прибыла в ноябре 1938 г. на Колыму и отбывала там срок в Магадане, Эльгене, на побережье, на 72-м км. и 23-м км. (инвалидный городок) и опять в Магадане. Жила сравнительно сносно. Связь с домом, родителями и дочкой, которую они растят, имела все время. В 1946 году Женя, хотя срок ее уже кончился, была еще в лагере.

О Сергее она не знала ничего, предполагала, однако, что его, как всех троцкистов, расстреляли в 1937—38 годах. Говорила о

нем все же с большой любовью и уважением.

(Упоминать Женю и ее фамилию в каких-либо ваших материалах считаю вредным для нее. Поэтому прошу Вас пока этого не делать).

Из книги Бориса Рунина «Мое окружение»

Если не ошибаюсь, Сергей появился у нас на Маросейке в 1934 году. Мы жили тогда в огромной коммунальной квартире в большущей комнате, которая в прежние времена, очевидно, служила кому-то гостиной, а ныне, разделенная фанерными перегородками на три отсека, стала обиталищем нашей семьи – моих родителей, сестры с мужем и моим.

В то лето сестра и ее муж – Андрей Б. – уехали отдыхать в Хосту, где и познакомились с Сергеем. Он стал у нас бывать. Раз или два приходил с женой Лелей, а потом только один. И по мере того как Сергей становился у нас все более привычным посетителем, живший и раньше на два дома Андрей все чаще оставался ночевать у своих родителей, обитавших где-то в другом районе. В конце концов он и вовсе перестал появляться на Маросейке.

…Сергей Седов был всего на четыре года старше меня, но его скромность, его сдержанная, близкая к застенчивости манера поведения, его молчаливая внимательность к людям – все это казалось мне тогда верхом солидности. И хотя его присутствие у нас на Маросейке, как я уже сказал, вскоре стало привычным, мне о нем самом мало что было известно. Я знал, что он окончил Ломоносовский институт – был тогда такой втуз в Благовещенском переулке на улице Горького, знал, что он специалист по двигателям внутреннего сгорания, знал, что работает в Научном автотракторном институте, находившемся где-то на окраине, в Лихоборах. Вот, собственно, и все, что я о нем знал.

…О Сергее Седове можно было бы сказать, если по-современному, – технарь, но с гуманитарными склонностями. Его стойкий читательский интерес, преимущественно к западной литературе, был мне близок, что дополнялось некоторой общностью наших эстетических вкусов вообще.

И все-таки я знал о нем очень мало. Достаточно сказать, что, пока Сергея не арестовали в тридцать пятом году, я мог только строить догадки относительно его происхождения. От прямых разговоров на эту тему он всегда уходил. А когда я однажды спросил у него напрямик, как его отчество, он, несколько замявшись, сказал, что его зовут Сергей Львович, однако тут же заговорил о чем-то, не имеющем никакого касательства к нему. А я без всякой задней мысли тогда же заметил: «Как интересно –

полное совпадение…»

Да, о том, что Сергей – сын Троцкого, как-то вовсе не думалось. Весь его облик был настолько далек от всяких ассоциаций с неистовым организатором Красной Армии, каковым я привык считать Троцкого с детства, и тем более со злейшим врагом советского народа, каковым его считали вокруг, что в такое почему-то не хотелось верить. Но это было так…

Когда Сергея, после нескольких месяцев содержания на Лубянке, выслали в Красноярск на поселение, сестра через какое-то время поехала за ним…Сергею после Лубянки, если не ошибаюсь, предоставили несколько дней на сборы, и уезжал он не этапом, то есть не в «Столыпине», как это стало практиковаться потом, а в обычном пассажирском вагоне. Насколько я помню, его прежняя жена Леля тоже вынуждена была тогда уехать куда-то в Сибирь.

Вспоминая сейчас те времена, я с удивлением констатирую, что арест Сергея, а тем более его высылку я уже тогда воспринимал лишь как прелюдию к куда более суровым испытаниям, на какие были обречены отныне члены нашей семьи. Значит, я уже тогда ничуть не заблуждался относительно жестокости Сталина и отчетливо понимал, что рано или поздно, но с его стороны обязательно последуют в наш адрес тяжкие кары на основе самого дикарского принципа сведения счетов. Принципа родовой мести. Говорю об этом не для того, чтобы похвастать своей прозорливостью, а для того, чтобы подчеркнуть, сколь быстро после убийства Кирова злодейская сущность «отца народов» стала в определенных кругах советского общества непреложной очевидностью. Оказывается, уже в те годы, задолго до разоблачений XX съезда, злобная мстительность виделась неотъемлемым слагаемым сталинского имиджа.

Следует отметить также, что стараниями мощного пропагандистского аппарата имя Троцкого уже приобрело к тому времени сатанинское звучание, и всякая причастность к этому имени не только вызывала у советских обывателей священный испуг, но и побуждала их – у страха глаза велики – мигом сигнализировать, куда надо, не скупясь на возможные измышления. Вот почему в создавшейся ситуации я боялся не столько даже органов, которым и без того все было известно о наших обстоятельствах, сколько возбужденной людской молвы, могущей навредить нам самым неожиданным образом.

Однако избежать толков почти не представлялось возможным. У меня, да и у сестры был достаточно широкий круг знакомых, так или иначе посвященных в ее новое замужество и ее добровольный отъезд. Сенсационность подобного факта делала

самых замкнутых людей у меня за спиной необычайно словоохотливыми, а при встрече со мной – необычайно любопытными. Все они жаждали узнать как можно больше подробностей такого интересного, почти беллетристического сюжета.

В Красноярске Сергею дали прожить всего лишь год или чуть больше [211] . Внезапно его снова схватили, и после недолгого содержания в местной пересыльной тюрьме он был увезен в неизвестном направлении. К тому времени сестра уже была на сносях, и ей ничего другого не оставалось, как вернуться в Москву, на Маросейку, где она вскоре родила девочку, нареченную Юлией.

Создавшаяся ситуация толкнула меня на решительный шаг. Раньше я никак не мог отважиться на подобную перемену, хотя она назрела давно. Но осенью тридцать шестого года я наконец твердо решил поступить в Литературный институт, с тем, чтобы в ближайшем будущем покончить с архитектурным поприщем, а тем самым не только сменить профессию, но и кардинально изменить свое окружение. Начать новую жизнь во всех отношениях. Разумеется, заполняя анкету при поступлении в институт, я не был излишне многословен.

Знакомые и даже друзья посещали теперь наш дом все реже и реже. А потом и вовсе стали обходить его стороной, словно он был зачумленным. Что ж, у них для этого были все основания. Никогда не забуду то январское утро тридцать седьмого года, когда, идя на работу, я купил в киоске на углу Кузнецкого и Рождественки «Правду» и мне сразу бросился в глаза крупный заголовок на ее полосе: «Сын Троцкого Сергей Седов пытался отравить рабочих». Там же, у киоска, я мигом пробежал глазами всю эту, повергшую меня в ужас корреспонденцию из Красноярска, полную чудовищных измышлений, тем более страшных, что в них совершенно невозможно было поверить.

«Правда» сообщала, будто на крупнейшем в Красноярском крае машиностроительном заводе инженер Сергей Седов, которому якобы покровительствовал главный директор, «пытался отравить генераторным газом большую группу рабочих». На страницах центрального органа правящей партии Сергей именовался как «достойный отпрыск продавшегося фашизму своего отца».

«Судя по этой корреспонденции, мстительные вожделения Сталина по отношению к Троцкому только разгораются», – лихорадочно соображал я, остолбенело застыв на углу с газетой в руках и больше всего опасаясь, что кто-нибудь в Литинституте пронюхает, что эта корреспонденция каким-то боком касается и

меня.

О том, что уделом Сергея в самое ближайшее время станет (если уже не стал) расстрел, а уделом сестры, в лучшем случае, – лагерь, гадать не приходилось. Теперь вопрос стоял иначе, пощадит ли Сталин малолетнюю Юльку, а с нею моих стариков, или их песенка тоже спета? Как бы там ни было, ничего хорошего нашу семью не ждет. Раньше или позже это случится. Достаточно вспомнить, сколько Сталин уже покарал, и не только своих врагов, но и их родственников, друзей, приближенных. Ведь в наших условиях даже простое знакомство с врагами народа – криминал, а тут, подумать только, в двух шагах от здания ЦК растет внучка Троцкого!..

…За сестрой пришли вскоре. Это был «классический» арест – ночью, с дворником, с понятыми, с перепуганными соседями в коридоре. Сестру увели сразу, но обыск у нас продолжался до утра. Забрали все документы, все фотографии, привезенные сестрой, даже те немногие книги, которые достались Сергею от отца и почему-то уцелели после двух обысков – в Москве и в Красноярске.

На этот раз не взяли только, видимо, просто по нерадивости, книгу «Освобожденный Дон Кихот» с дарственной надписью автора на титульном листе: «Дорогой Лев Давыдович! Очень прошу об отзыве, хотя бы по телефону. *А. Луначарский»* и с треугольным штампом на обороте: «Личная библиотека Председателя Реввоенсовета». (Двенадцать лет спустя я выдрал и уничтожил этот титульный лист, каждую ночь ожидая ареста как «безродный космополит».)

Сестре вскоре дали восемь лет лагеря, но провела она там, на Колыме, все двадцать.

После ареста сестры я счел нужным самому, пока не поздно, уволиться с работы и перейти на литературную поденщину, то есть на эпизодические заработки по заданию различных редакций, не вступая ни в какие отношения с отделами кадров. Думаю, что это было правильное решение, тем более что переход с архитектурного на литературное поприще предстоял мне так или иначе: необходимость определиться в выборе профессии стала неотложной.

В те дни я по молодости лет не столько даже опасался ареста, сколько неминуемого исключения из обожаемого мною Литературного института, если там узнают про мои дела. Ведь стоит заместителю ректора по административно-хозяйственной части Андрееву прослышать что-то, как он немедленно начнет копать. В ту пору на общеинститутском собрании Андреев с трибуны похвалялся, будто в этом году разоблачил четырнадцать

врагов народа и что все они по его сигналам уже арестованы. Представляю, как взыграет в нем ретивое, если ему представится возможность заявить: «Я сигнализирую о том, что, пользуясь нашей политической беспечностью, в наши ряды пробрался родственник Троцкого…»

И хотя в действительности Троцкий даже не подозревал о моем существовании, но формальное основание для такой демагогии брак моей сестры с Сергеем, конечно, давал. А сокрытие этого факта, тем более факта их ареста, было в то время неоспоримо тяжким преступлением в глазах любого советского человека. Самое звучание этой фамилии – Троцкий! – вселяло мистический ужас в сердца современников великой чистки. И то, что моя сестра имела какое-то отношение к этой фамилии, автоматически превращало не только ее самое, но и всю нашу семью в государственных преступников, в «соучастников», в «лазутчиков», в «пособников», словом, в «агентуру величайшего злодея современности, злейшего противника советской власти».

…Сейчас уже не верится, что тогда рядом с махровой подлостью каким-то странным образом уживались и юношеская беспечность, и политическая наивность. Достаточно сказать, что, несмотря на все ужасы тридцать седьмого, да и смежных годов, студенческая душа не хотела мириться с ограничениями и запретами. Молодости вообще не свойственно осторожничать и опасаться своего ближнего. А тут преобладала молодежь одаренная, яркая, любящая острое словцо, нетривиальную шутку, игру ума, то есть менее всего ориентированная на «позорное благоразумие». Несмотря на очевидную опасность сборищ, часто устраивались вечеринки, с энтузиазмом разыгрывались капустники, когда были деньги, охотно пили вино, ночью ходили большими компаниями по бульварам. Бурно крутили романы – легко знакомились, легко расставались. Институтские стены дрожали от безрассудного флирта, от любовной лирики, от бесконечного выяснения отношений. Кого-то арестовали… Кого-то разлюбили… Кто-то вдруг исчез… Кто-то вдруг прославился… Костя Симонов [212] женился на первом курсе, развелся на третьем, снова женился на четвертом… В тридцать восьмом женился и я – нашел время!..

Жизнь брала свое и шла единым потоком, вмещая в себя и трагедию эпохи, и счастье молодости. Творческое честолюбие тесно соседствовало с политической неискушенностью, идейный догматизм – с нежным простодушием, речи вождя – с заветами Пушкина. И все же времена были настолько подлые, что мрак неуклонно отвоевывал у светлой стороны бытия позицию за позицией. Доносительство становилось повседневной практикой,

завистники и карьеристы, не слишком противясь, шли в стукачи и начальники, графоманы энергично осваивали жанр анонимного уведомления. И мне оставалось только загонять свои роковые обстоятельства в самые глубины обыденности.

Я не только ушел с работы, но и умышленно оборвал многие прежние знакомства, сузив круг общения до минимума… Именно тогда я понял, что в условиях государственной монополии на информацию даже хорошие, честные люди становятся падкими на молву, на политические сплетни, на пикантные россказни с громкими именами. А я менее всего был заинтересован в том, чтобы рядом с моей шепотом произносилась фамилия сакраментальная, ставшая от частых проклятий в печати символом мирового зла. Я не только боялся навредить, не желая того, хорошим людям, но и не хотел, чтобы хорошие люди по простоте душевной навредили мне. А кроме того, дома росла маленькая Юлька, которая неизбежно порождала у каждого посетителя нашего дома законное любопытство – чья это девочка, да кто ее родители, да где они сейчас и т. д. Разумеется, я и тогда не заблуждался относительно интереса органов к моей персоне. Мне было ясно, что, как бы я ни таился, там, на Лубянке, меня держат в поле зрения.

…Потому-то я так опасался тогда людской молвы. Потому-то я и сделал основой своего жизненного поведения пресловутую «трамвайную заповедь». Не возбуждай вокруг себя никаких толков. Не напоминай о себе. НЕ ВЫСОВЫВАЙСЯ!

Это была единственная, доступная мне тогда мера предосторожности. Впрочем, нет, была еще одна, в результате, кажется, даже себя оправдавшая. Понимая, что дальнейшие репрессивные акции против нашей семьи неизбежны, я убедил родителей в необходимости нам разъехаться. Авось тогда возьмут не всех сразу. На протяжении двух лет со времени моей женитьбы мы старались разменять нашу большущую комнату на две в разных местах. Наконец в сороковом году это удалось. Мои старики с маленькой Юлькой переехали на Петровские линии, а мы с женой оказались в переулке на Сретенке. Может быть, именно поэтому, когда в 1951 году моих стариков и Юльку сослали по этапу в Сибирь, меня не тронули.

Сейчас, вспоминая все это, я, честно говоря, удивляюсь своей тогдашней рассудительности и трезвости. Ведь и мне самому, да и окружающим меня людям, причем далеко не глупым, наряду с таким отчетливым пониманием имманентной логики советского режима были свойственны совершенно детские представления о правовых нормах нашей власти.

…Если я и позволял себе в те годы с кем-то поделиться

впечатлениями относительно происходящего в стране, то это был, пожалуй, только Боря Ямпольский [213] , которому можно было довериться и который уже тогда все понимал.

Но даже ему я, конечно, ничего не говорил о моих делах – ни о Сергее, ни о сестре. Это была моя «жгучая тайна». Тайна замедленного действия. И с этой, постоянно чреватой разоблачением тайной, казалось, уже намертво пришитой к моей биографии, я прожил не год и не два, а почти пятьдесят лет. В окружении…

…Чаще всего мы руководствовались в своем поведении даже не столько естественной борьбой интересов, сколько подсознательно действующим страхом. В конечном счете страх таился за всеми нашими поступками. И конечно, он был постоянным психологическим фоном нашего нравственного и интеллектуального бытия.

…Мы жили извращенной духовной жизнью…Нас день за днем порабощали дикие измышления и ложные идеалы Великого Учения… нас медленно, но верно отравляли веления изуверских заповедей. И все же многие из нас – чисто интуитивно – оберегали себя, как могли, от чудовищной большевистской порчи, навалившейся на человеческую этику, выработанную всей историей мировой культуры. Вам кажется, что нашего пассивного сопротивления этой порче было недостаточно? Да, наверно, вы правы. Но если все мы оттого были грешниками, то далеко не все – подлецами.

…Были на поверхности нашей духовной жизни и просто порядочные, точнее сказать, по-советски порядочные люди, вечно барахтающиеся между отвлеченными, но светлыми идеалами и порожденной этими идеалами каждодневной мрачной практикой…Далеко не каждый даже просвещенный рассудок находил в себе духовные и нравственные ресурсы, чтобы противостоять соблазнам и предрассудкам времени. И вот это обстоятельство предстоит усвоить будущим историкам. Одно дело зафиксировать дикие обряды и абсурдные обычаи ушедшей эпохи, а другое – понять, как складывались ее призрачные нравы. Да, им предстоит понять наши противоестественные социальные рефлексы, нашу постыдную идеологическую покорность. И во многих случаях – понять, чтобы простить.

Из книги Александра Яковлева «Омут памяти»

Война с детьми

Нет большей подлости, [чем] когда власть воюет с детишками. Большевики создали особую систему «опального детства». Она включала указания Политбюро ЦК, законодательные акты, циркуляры и приказы НКВД. Эта система имела в своем распоряжении мобильные приемно-распределительные пункты, специальные детские дома и ясли, детские концлагеря и колонии. Дети должны были забыть, кто они, откуда родом, кто и где их родители. Это был особый детский ГУЛАГ.

Не может быть прощения тому, что написано в оперативном приказе Ежова № 00486 от 15 августа 1937 года. Вот краткое изложение этого чудовищного документа (с соблюдением его стилистики):

Подготовка операции

Она начинается с тщательной проверки каждой семьи, намеченной к репрессированию. Собираются дополнительные компрометирующие материалы. Затем на их основании составляются а) общая справка на семью… б) отдельная краткая справка на социально опасных и способных к антисоветским действиям детей старше 15-летнего возраста; в) именные списки детей до 15 лет отдельно дошкольного и школьного возраста.

Справки рассматриваются наркомами внутренних дел республик и начальниками управлений НКВД краев и областей. Последние: а) дают санкции на арест и обыск жен изменников Родины; б) определяют мероприятия в отношении детей арестованной.

Производство арестов и обысков Аресту подлежат жены, состоящие в юридическом или фактическом браке с осужденным в момент его ареста. Аресту подлежат также и жены, хотя и состоявшие с осужденным к моменту его ареста в разводе, но причастные к контрреволюционной деятельности осужденного, укрывавшие его, знавшие о контрреволюционной деятельности, но не сообщившие об этом органам власти. После производства ареста и обыска арестованные жены осужденных конвоируются в тюрьму. Одновременно порядком, указанным ниже, вывозятся дети.

Порядок оформления дел На каждую арестованную и на каждого социально опасного ребенка старше 15-летнего возраста заводится следственное дело. Они направляются на рассмотрение

Особого совещания НКВД СССР.

Рассмотрение дел и меры наказания Особое совещание рассматривает дела на жен изменников Родины и тех их детей, старше 15-летнего возраста, которые являются социально опасными и способными к совершению антисоветских действий. Социально опасные дети осужденных, в зависимости от их возраста, степени опасности и возможности исправления, подлежат заключению в лагеря или исправительно-трудовые колонии НКВД, или выдворению в детские дома особого режима Наркомпросов республик.

Порядок приведения приговоров в исполнение Осужденные социально опасные дети направляются в лагеря, исправительно-трудовые колонии НКВД или в дома особого режима Наркомпросов республик по персональным нарядам ГУЛАГа НКВД для первой и второй групп и АХУ НКВД СССР – для третьей группы.

Размещение детей осужденных

Всех оставшихся после осуждения детей-сирот размещать: а) детей в возрасте от 1–1,5 лет до 3-х полных лет в детских домах и яслях Наркомздравов республик в пунктах жительства осужденных; б) детей в возрасте от 3-х полных лет и до 15 лет – в детских домах Наркомпросов других республик, краев и областей (согласно установленной дислокации) и вне Москвы, Ленинграда, Киева, Тбилиси, Минска, приморских и пограничных городов. В отношении детей старше 15 лет вопрос решать индивидуально.

Грудные дети направляются вместе с их осужденными матерями в лагеря, откуда по достижению возраста 1–1,5 лет передаются в детские дома и ясли Наркомздравов республик. В том случае, если сирот пожелают взять родственники (не репрессируемые) на свое полное иждивение, – этому не препятствовать.

Подготовка к приему и распределению детей

В каждом городе, в котором производится операция, специально оборудуются приемно-распределительные пункты, в которые будут доставляться дети тотчас же после ареста их матерей и откуда дети будут направляться затем по детским домам.

Начальники органов НКВД пунктов, где расположены детские дома Наркомпросов, совместно с заведывающими или представителями ОБЛОНО производят проверку персонала домов и лиц политически неустойчивых, антисоветски настроенных и разложившихся – увольняют. Взамен уволенных персонал домов доукомплектовывается проверенным, политически надежным составом, могущим вести учебно-воспитательную работу с прибывающими к ним детьми.

Порядок отправки детей в детские дома Детей на приемно-распределительном пункте принимает заведующий или начальник детского приемника и специально выделенный спецработник (работница) УГБ. Каждый принятый ребенок записывается в специальную книгу, а документы его запечатываются в отдельный конверт. Затем дети группируются по местам назначения и в сопровождении специально подобранных работников отправляются группами по детским домам Наркомпросов, где и сдаются вместе с их документами заведующему под личную расписку. Дети до трех лет сдаются лично заведывающим детскими домами или яслями Наркомздравов под их личную расписку. Вместе с ребенком сдается и его свидетельство о рождении.

Наблюдение за детьми осужденных

Наблюдение за политическими настроениями детей осужденных, за их учебой и воспитательной жизнью возлагается на наркомов внутренних дел республик, начальников управлений НКВД краев и областей.

В который раз я перечитываю этот приказ и каждый раз впадаю в смятение: уж не подделка ли все это? Не могут же эти строки сочинять правители государства, у которых тоже были дети. Увы, все это было, и не так уж давно.

Не приведи Господь пережить нашим внукам и правнукам то, что пережили дети, за которыми режим закрепил ярлыки: «дети врагов народа», «социально опасные дети». Машина репрессий вырвала из светлого мира семьи миллионы детских душ, лишила их отчего дома, отняла будущее. В официальных документах для них существовала специальная аббревиатура – ЧСИР, что означало «член семьи изменника Родины». Это был изнуряющий крест, который детям предстояло нести через всю свою жизнь.

Понятно, что большевистские «тройки», «особые совещания» формально судили родителей, а не детей. Родителей приговаривали к расстрелам, отправляли в лагеря, в ссылки, на спецпоселения. Но трагедию родителей и детей не разделить. На всех вокзалах и полустанках жизни, на всем пути страданий, унижений и оскорблений им, детям, приходилось хуже всего.

Сегодня многие из лагерных детей уже в преклонном возрасте. Их родители не дожили до перемен, которыми живет Россия. И недалеко то время, когда обездоленные Сталиным сироты останутся единственными живыми свидетелями преступлений режима. А потом и они уйдут. В архиве Комиссии по реабилитации немало писем от бывших маленьких узников. Они пишут, что и по сей день им снятся по ночам кошмары ГУЛАГа, что и по сей день они мечтают о детстве и продолжают

искать своих родителей.

Если обратиться к самым первым именам и фамилиям в детском расстрельном реестре, то начинать надо с расстрела в ночь с 16 на 17 июля 1918 года детей царя Николая II и его семьи в Ипатьевском доме в Екатеринбурге. Расстрел царя и его детей одобрило правительство Ленина. Потом оно одобрит еще миллионы убийств.

В 1919 году в Петрограде расстреляли родственников офицеров 86-го пехотного полка, перешедшего к белым, в том числе и детей. В мае 1920 года газеты сообщили о расстреле в Елисаветграде четырех девочек 3–7 лет и старухи матери одного из офицеров. «Городом мертвых» называли в 1920 году Архангельск, где чекисты расстреливали детей 12–16 лет.

Активно использовалась большевиками практика детского заложничества в борьбе против крестьян, пытавшихся оказать сопротивление аграрно-крестьянской политике режима в 1918–1922 годах. С осени 1918 года началось создание концентрационных лагерей, большинство узников которых составляли члены семей «бунтовщиков», взятых в качестве заложников, включая женщин с грудными детьми.

«Мы содрогаемся, – пишет патриарх Тихон, – что возможны такие явления, когда при военных действиях один лагерь защищает свои ряды заложниками из жен и детей противного лагеря. Мы содрогаемся варварству нашего времени…»

За детьми Николая II последовали в разные годы и дети убийц.

Часть четвертая Лев Троцкий и Лев Седов Норвегия, Франция, Мексика 1937–1940 годы

Из книги Л.Д. Троцкого «Дневники и письма» Показания об отбытии из Норвегии

Мы с женой выехали из Норвегии, после 4-месячного интернирования, на танкере «Руфь». Организация поездки принадлежала норвежским властям. Подготовка была произведена в совершенной тайне. Норвежское правительство, насколько я понимаю, опасалось, как бы танкер не стал жертвой моих политических противников. Путешествие продолжалось почти 20 дней. Танкер шел без всякого груза, если не считать 2000 тонн морской воды. Погода нам чрезвычайно благоприятствовала. Со стороны капитана танкера и всего вообще экипажа мы не встречали ничего, кроме внимания и доброжелательности. Им всем моя жена и я выражаем здесь искреннюю благодарность. Во время пути я получил от американских агентств и газет радиограммы с просьбой ответить на ряд вопросов. Я не мог, к сожалению, выполнить этой просьбы, так как норвежское правительство, считая себя призванным охранять Соединенные Штаты и другие страны от моих идей, отказало мне в праве пользоваться радио танкера. Я не мог даже снестись с американскими друзьями по чисто практическим вопросам самой поездки. Для контроля нас сопровождал старший полицейский офицер. Из Норвегии мы увезли чувства искренней симпатии и уважения к норвежскому народу.

…Готовность мексиканского правительства предоставить нам право убежища мы встретили с тем большей благодарностью, что беспримерный образ действий норвежского правительства чрезвычайно затруднял получение визы в какой-либо другой стране. Мексиканское правительство может не сомневаться, что я ни в чем решительно не нарушу тех условий, которые мне поставлены и которые вполне совпадают с моими собственными намерениями: полное и абсолютное невмешательство в мексиканскую политику и столь же полное воздержание от каких бы то ни было актов, способных нарушить дружественные отношения Мексики с другими странами. Что касается моей литературной деятельности в мировой печати, всегда за моей подписью и ответственностью, то она нигде до сих пор не вызывала каких бы то ни было легальных преследований. Не будет вызывать, надеюсь, и впредь.

…Что касается моих дальнейших планов, то пока я могу

сказать о них немногое. Я хочу ближе познакомиться с Мексикой, вообще с Латинской Америкой, так как в этой области мои познания особенно недостаточны. Я намерен возобновить свои занятия испанским языком, прерванные свыше 20 лет тому назад. Из литературных задач на первом месте стоит окончание биографии Ленина: болезнь, затем интернирование прервали эту работу на полтора года. В нынешнем году я надеюсь закончить ее.

Я покинул Европу, раздираемую ужасающими противоречиями и потрясаемую предчувствием новой войны. Этой всеобщей тревожностью объясняется возникновение бесчисленных панических и ложных слухов, распространяющихся по разным поводам, в том числе и по поводу меня. Мои враги искусно пользуются против меня этой атмосферой общей тревоги. Они продолжат, несомненно, свои усилия и в Новом Свете. На этот счет я не делаю себе никаких иллюзий. Моей защитой остается моя постоянная готовность представить общественному мнению открытый отчет о моих взглядах, планах и действиях. Я твердо надеюсь на беспристрастие и объективность лучшей части печати Нового Света.

2 января 1937 г. Сегодня четвертый день пути. Греет южное солнце. Моряки переоделись в белое. Мы по-прежнему отдыхаем от политических новостей. Еще 23 декабря, на 4-й день пути, пароходная радиостанция приняла для меня телеграмму из Лондона от американского агентства с просьбой об интервью. Сопровождающий нас полицейский офицер, передавая телеграмму, выразил сожаление по поводу того, что полученная им в Осло инструкция лишает меня возможности пользоваться пароходным радио для ответа. Я не смогу снестись с друзьями в Мексике даже по чисто практическим вопросам, связанным с условиями путешествия. Норвежская социалистическая власть хочет сохранить все свои прерогативы до самых берегов Мексики. Примем к сведению и перейдем к порядку дня.

5 января [1937 г.] Тем временем мы продвигаемся вперед. Температура воды 22°, в воздухе на солнце – 30°. Показались дельфины, акулы и как будто небольшой кит (разногласия среди моряков). Сегодня с утра проходили мимо берегов Флориды. Наша «Руфь» обогнала американское судно такого же примерно сложения. Капитан был доволен, и мы вместе с ним. Голые по пояс матросы висят на реях, придавая им белоснежный вид. Палубы, мачты окрашены заново. Приближаясь к Новому Свету, «Руфь» наводит свой туалет…

7 января [1937 г.] Остается два-три дня пути. Не знаю, скоро ли удастся в Мексике создать условия спокойной работы, как здесь на пароходе. Между тем, остается еще много

недосказанного… Температура воды 22 °С. При открытых двери и иллюминаторе в каюте ночью было душно. Сегодня появились, наконец, летающие рыбы. Вследствие постоянного изменения времени офицеры пропускают нередко норвежские эмиссии [214] , так что новостей нет…

8 января [1937 г.]

Из-за нездоровья пришлось прервать работу. Едем на Tampico. Положение с высадкой остается неопределенным. Об ответе норвежского консула нам ничего не говорят. В то же время танкер со вчерашнего вечера убавил ход, чтоб прибыть в Тампико не сегодня вечером, а завтра утром. Путь займет, следовательно, почти 21 сутки.

При замедленном ходе танкер дрожит, точно от сдерживаемого нетерпения. Писать трудно. Закончить работу придется уже на суше.

Только что приходил полицейский офицер. Правительство из Осло сообщает ему на основании американских газет, что из Соединенных Штатов прибывает в Мексику «один из друзей Троцкого, Новак, для принятия мер личной безопасности». От консула в Тампико получено пока лишь предложение прибыть не вечером, а утром. Полицейский выражает надежду, что все будет all right… Воспользовавшись замедленным ходом судна, моряки спустили в воду большой крюк с мясной наживой для акулы.

[Через две недели, по прибытии в Мексику:]

Арест Сергея Седова, моего младшего сына Вчера, 26 января, я ответил на вопросы одного из агентств:

Наш младший сын, Сергей Седов, бывший преподаватель Технологического института, ученый, который никогда не был связан с политикой, был арестован ГПУ в 1934 г. [215] только потому, что он мой сын, и мы находимся в полной неизвестности о его участи.

Сегодня, 27 января, мы узнаем из телеграмм, что мой сын снова арестован за покушение на отравление рабочих газом. Я не завидую человеку, который способен вообразить подобное преступление…

Ему теперь двадцать восемь лет. На столе матери лежит всегда его книга, посвященная двигателям. У нас произошло то, что часто бывает в политических семьях: старший сын шел с отцом, а младший, из оппозиции к старшему, отошел от политики. В отроческие годы он был выдающимся спортсменом, затем стал математиком и инженером, преподавателем Технологического института. Арест Сергея есть ответ на мои политические разоблачения. Это личная месть вполне в духе Сталина.

Югославский революционер Цилига, которому после пяти лет заключения в тюрьмах Сталина удалось, как иностранцу, вырваться на волю, рассказывает, как еще в 1930 г. (за 4 года до убийства Кирова) ГПУ хотело заставить моряка взять на себя вину в подготовке покушения на Сталина. Каждый день его подвергали нравственным пыткам. Когда моряк стал сходить с ума, его оставили в покое.

Что они сделают с Сергеем? Его будут подвергать нравственной пытке с целью исторгнуть признание в чудовищном и немыслимом преступлении. Такое признание им нужно против меня. Они могут довести Сергея до безумия. Они могут расстрелять его. Сталин уже убил косвенно двух моих дочерей. Он подвергает страшной травле моего старшего сына и моих зятьев. Он может убить младшего сына, как он убьет еще десятки, сотни людей, только чтобы набросить тень на меня и помешать мне говорить правду о преступлениях, которые душат ныне СССР.

Л. Троцкий

Койоакан, Д.Ф., 27 января 1937 г.

Из книги Д. А. Волкогонова «Троцкий. Политический портрет»

Когда Троцкий прибыл в Мексику, кроме лиц, направленных президентом, и сторонников лидера IV Интернационала, его встречала невысокая, хрупкая, красивая женщина – Фрида Кало [216] . Актриса и художница, она была другом и секретарем Диего Риверы. Живя в Синем доме художника, Троцкий часто встречался не только с хозяином, но и с Фридой. Неожиданно у пятидесятисемилетнего Троцкого возникло сильное влечение к этой умной и обаятельной женщине. Это было необычно, потому что Троцкий по своей натуре был пуританином и придерживался строгих взглядов на семейные отношения. Он искренне любил Наталью Ивановну, но здесь чуть не потерял голову. Троцкий, будучи воспитанным человеком, вдруг стал публично проявлять повышенные знаки внимания к Фриде, восхищаться ее умом и талантами. В июле 1937 года Троцкий, по предложению Диего, выехал на три недели (один) в поместье Гомеса Ландеро, где отдыхал, ездил верхом, занимался рыбалкой и немного писал. Через несколько дней к Троцкому приехала на один день Фрида. Никто не знает характера и глубины отношений этих двух людей: немолодого, изломанного жизнью революционера и двадцативосьмилетней красавицы. Троцкий увлекся, о чем свидетельствуют его несколько записок, адресованных Фриде Кало. Недавно их обнаружил мексиканский журналист Ксавьер Гусман Урбиола в бумагах покойной подруги Фриды – Терезы Проенцо [217] .

Содержание записок говорит о глубоком смятении и увлечении Троцким неожиданно встретившейся на его тернистом пути женщиной. Об их отношениях становится известно Наталье Ивановне и Диего. Последовали трудные объяснения. У Троцкого хватило рассудка не доводить до разрыва с женой. Отряхнув с себя магические чары мексиканки, Троцкий все откровенно поведал Наталье Ивановне.

Из писем Л.Д. Троцкого Н.И. Седовой [218]

8/VII [1937 г.]

Милая моя, пишу на другой день утром по приезде. Спал с перерывами, но не плохо, без всяких снотворных. Сейчас большая слабость, но слабость отдыха, ничего тревожного. Надеюсь, что все будет хорошо. Поправляйся, успокойся, спи хорошо, лечи глаза, думай обо мне без тревоги. Крепко обнимаю. Твой. Крепко твой.

P.S. Фрида прислала через Сиксто [219] целую аптечку. Поблагодари ее при случае.

[Л.Д. Троцкий]

10 июля [1937 г.]

Наталочка, милая, где ты? Надеюсь, у тебя все хорошо. Пишу тебе пятое или шестое письмецо, – пишу без всякого напряжения: гуляю очень мало (слабость и дождь); поэтому тянет немножко к перу. Надеюсь сегодня иметь от тебя весть. Хотел бы знать хоть немножко, как ты живешь, хорошо ли спишь, много ли выходишь? Некоторое *рассеяние* для тебя, мне кажется, сейчас необходимая форма отдыха. Вчера утро было без дождя, сегодня дождь с утра. Кожаная покрышка годится только на соломенную шляпу соответственного размера. Но это сейчас не важно: о рыбной ловле нет и речи, как и об охоте (да и не тянет). Нервы все же отдыхают, а это главное. Долго ли выдержу здесь, видно будет.

И Сиксто и Казас [220] очень-очень стараются. Готовит (неплохо) та полная женщина, которую мы с тобой видели здесь. Обнимаю крепко.

Твой *Л.[Д.Троцкий]*

11/VII [1937 г.]

Наталочка, сегодня какой-то перелом произошел. Утром, вытираясь спиртом, я засмеялся – и удивился: чему? Предшествующие дни смеха не было совсем, только приглушенная грусть. На утренней прогулке ноги не подкашивались: значит, окреп. Погода с утра стояла прекрасная. На прогулке встретил меня Gomez, племянник Landero [221] , привез удочку. Я половил немножко (поймал 2 штуки). Вернулся домой около 12 (первый раз!) и сел писать тебе. Вдруг гости: Фрида в сопровождении Марина [222] и того же Gomez[a], Фрида сказала, что ты «не могла» приехать. В первую минуту мне очень жалко стало, а потом понял, что ты права. Восемь-девять часов езды (во время которой ты чувствовала бы, что *стесняешь*

спутников), пять часов пребывания здесь, на людях, ничего не оставили бы, кроме чувства усталости и неудовлетворенности…

Нет, мы увидимся иначе…

Гости (все три) обедали со мной, причем много пили и оживленно разговаривали по-испански (я участвовал, когда мог). После обеда Гомес повел нас всех показывать бывшие мины и главную усадьбу (парадные покои, цветники – роскошь), по дороге смотрели базальтовое ущелье… Никаких достойных внимания разговоров не было, кроме сообщения о тебе. После наспех выпитого кофе Фрида с Мариным уехали, чтобы доехать засветло (дорога плоха). Сейчас, после их отъезда, я засел за это письмо, при стеариновых свечах (в комнате темно, небо снова обложено). Визит (обед, поездка, осмотры, разговоры) утомил меня немножко, но, надеюсь, не нарушит начавшегося перелома к лучшему. Фрида мне «хорошо» говорила о тебе – о концерте, о синема [223] – может быть, слишком «оптимистически», чтобы успокоить меня, но все же мне показалось, что и у тебя маленький поворот к лучшему. Или это неверно? От тебя пока не было ни одной весточки, но это меня не пугает, мы так условились (береги глаза!). Как твое обоняние? Фрида сказала, что ты получила от меня 2 письмеца (из пяти) – хорошо и то. Надеюсь, и остальные дойдут. Дождь снова льет, как из ведра. Завтра утром отмечу, как спал, не выбил ли меня сегодняшний «необычный» день из колеи (надеюсь, что нет!).

Письмо имеет, как видишь, чисто описательный характер. Но мне кажется, оно *исчерпывает* все, что тебя может интересовать. В общем, от посещения осталось такое впечатление: напрасно меня потревожили.

12-го, 7 ч[асов] утра (утро прекрасное), спал неплохо, не хуже, чем в предшествующую ночь. Прежней слабости и тяжести в теле не ощущаю. Очевидно, поворот (я все время опасался, что слабость сменится повышенной температурой). Ближайшие дни определят положение окончательно. Обнимаю тебя крепко, милая моя.

Твой *Л.[Д.Троцкий]*

Жаль, что нет щеточки для ногтей (при рыбной ловле набивается грязь).

[12 июля 1937 г.]

Отправляю письмо во вторник утром (13-го?). Прекрасный день

Я спокоен. Приеду на день в четверг или пятницу. Читай письмо спокойно, жизнь моя, как я сейчас спокоен…

19/VII 1937 [г.] (утро)

Наталочка, много раз звал тебя вслух вечером и ночью.

Принял два раза epivan – для верности, так как лег около 10, а встать должен был в 6, из-за рыбной ловли. Встал вовремя, ловля была очень удачная, поймал несколько средней величины и две огромных форели, причем одна великолепно защищалась, два раза прыгала чуть не на метр над водою. Во время ловли думал о тебе.

Записал свои мысли в дневник [224] (писал уже два раза, вчера и сегодня).

Удочку исправили плохо, а для новой купили плохую нитку: пришлось из двух делать одну (попробуем поправить дело в Пачуке). Я вспомнил, что вчера даже не поблагодарил Ф[риду] за «намерение» проводить меня и вообще держал себя невнимательно. Написал сегодня ей и Д[иего] несколько приветливых слов.

На окнах моих надувается твой бывший сарафан, как твое знамя на новой территории. Милая!..

Я с удовольствием думаю о том, как будем с тобой здесь гулять и ловить рыбу. Может быть, поедем верхом кататься. Но тебе нужно иметь для этого брюки? Или нет?

Хочу сегодня начать заниматься. Физически чувствую себя несравненно лучше, чем в первый приезд. Лампа хороша: вчера вечером я писал при ее свете дневник. Сейчас мне надо еще умыться и натереться. Наталочка, поправляйся и приезжай сюда. Но приезжай не раньше, как сделаешь все необходимое по линии медицины: зуб, очки, обоняние. Боюсь, что *здешние холодные ночи и утра опасны для тебя* , пока не исчез окончательно грипп и не вернулось обоняние. Не делай ни одного опрометчивого шага! Лучше потерпеть, чем вызвать рецидив.

Носи *очки непрерывно,* думай, что это есть перстень, надетый мною на твой палец, не разлучайся с ними.

Надо умываться, но никак не могу оторваться от бумаги.

Будь здорова, моя милая, будь здорова.

Твой *Лев [Троцкий]*

19/VII 1937 [г.], 13 часов

Сейчас буду обедать. После того, как отправил тебе письмо, мылся. Около 101/2 приступил к чтению старых газет (для статьи), читал, сидя в chaise longue под деревьями, до настоящей минуты. Солнце я переношу хорошо, но для глаз утомительно. Нужны, очевидно, темные очки. Но как их купить без меня? Почти немыслимо.

В воскресенье Ландеро хотели пригласить меня на завтрак, но я спасся, приехав сюда поздно. Возможно, что такое приглашение последует в следующее воскресенье. Имей это в виду, если приедешь сюда до воскресенья: платье и пр[очее]. Мне

придется, видимо, ехать, как есть: к столь знаменитому бандиту они отнесутся снисходительно, но жена бандита – как-никак дама, одним словом, леди, в задрипанном виде ей не полагается ездить к лордам. Прошу сурьезно учесть! Сейчас буду есть собственноручно пойманную рыбу, потом залягу отдыхать часика на два, затем совершу прогулку.

Физическое самочувствие хорошее. Моральное – вполне удовлетворительное, как видите из юнкерского (58-летний юнкер!) тона этого письма.

…Обнимаю крепко, прижимая все тело твое к себе [225] .
Твой *ГЦД.Троцкий]*

19 июля 1937 [г.]

19/VII, 8 ч. вечера. Ездил в Huesca (кажется, так), за три километра сдавать «юнкерское» письмо (получила ли?), вернулся, ходил по открытому коридору, думал о тебе, конечно, – легко поужинал и пишу при свете лампы. Тянет к письму и к дневнику, особенно вечером, а с другой стороны, боюсь разогреть себя писанием: это не даст уснуть.

Я оборвал только что письмо, чтобы записать несколько строк в дневнике. Я пишу его только для тебя и для себя. Мы вместе сможем уничтожить его. Я вспомнил вот что. В Главконцескоме [226] работала Вишняк, беспартийная. Муж ее был официальный большевик. Вишняк к нему относилась, видимо, критически, к официальному курсу – с ненавистью, ко мне лично – с симпатией. Раза два-три она сообщала мне секреты из официальной кухни, которые узнавала через мужа (секреты второстепенные, ибо и муж ее был на второстепенных ролях). Под влиянием того, что ты говорила, мне вспоминается, что – после того, как я уже покинул [Глав]концеском – она меня письменно, на французском языке, без подписи предупредила о том, что ходят «слухи», будто меня собираются прикончить, или: «лучше всего было бы его нечаянно прикончить». Эти слухи связывались с выстрелом милиционера по моему автомобилю 7 ноября 1927 г. (помнишь?). Я слышал об этом из других источников. Мне приходит в голову: не это ли письмо мне передал Сермукс? Вишняк хорошо знала его по Главконцескому. Об условиях передачи письма и его уничтожении *ничего не помню.* Но весьма вероятно, что я немедленно уничтожил его, чтобы не подвести Вишняк и не испугать тебя… Весьма возможно, что письмо кончалось словами: «прошу немедленно уничтожить», или что-нибудь в этом роде. История эта, как видишь, не дает мне покою…

Боюсь, слишком много пишу тебе – работа для твоих глаз. На том остановлюсь, почитаю «Temps», хотя писать при этом свете легче, чем читать.

20 июля. Встал в 7 часов. Писал дневник (свыше 7 стр[аниц]) – только для тебя. После завтрака поеду верхом. Сейчас буду читать «Temps».

12.30 минут. Испытание я выдержал выше всяких ожиданий: проехал десять километров верхом – рысью, галопом, карьером – наравне с тремя заправскими кавалеристами (Казас и Сиксто служили в кавалерии). Чувствовал себя очень уверенно. Какая прекрасная панорама! Пишу после отдыха в 10 минут. Встряска для организма первоклассная……Однако, после сегодняшнего опыта я совершенно отказываюсь от мысли увидеть тебя верхом: лошади горячие, слишком опасно…

Только что получил письмо и посылку. Очки для чтения у меня есть, это запасные. Письмо твое, вернее, два письма, от 13-го и 18-го и 19-го, только что прочитал с волнением и нежностью, с любовью, с тревогой, но и с надеждой. Наталочка. Сомнение с меня перешло на тебя. Нельзя сомневаться! Мы не смеем сомневаться.

Ты поправишься. Ты окрепнешь. Ты помолодеешь. «Все люди ужасно одиноки по существу», – пишешь ты. Эта фраза резанула меня по сердцу. Она и есть источник мучительства. Хочется вырваться из одиночества, слиться с тобой до конца, растворить всю тебя в себе, вместе с самыми затаенными твоими мыслями и чувствами. Это невозможно… я знаю, знаю, Наталочка, – но мы все же приближаемся к этому моментами через большие страдания.

Поблагодари за меня Рут [227] и передай всем привет. Завтра (среда) утром еду в Пачука говорить с тобой по телефону. Там отправлю это письмо. Напишу, вероятно, еще в течение дня.

Самочувствие днем хорошее. Ночью менее удовлетворительное. Но все же я окреп. Сегодняшняя верховая езда показала это.

Много читаю (газеты), готовлюсь к статье.

…Ты пишешь: в старости внешний вид зависит от настроения. У тебя это было и в молодости. На другой день после первой нашей ночи ты была очень печальна и выглядела старше себя на 10 лет. В счастливые часы ты походила на мальчика-фавна [228] . Эту способность изменяться ты сохранила на всю жизнь. Ты поправишься, Наталочка, не теряй бодрости.

Сейчас около 4-х.

Я пообедал и отдохнул. Собирается дождь, и я пишу в крытой галерее. Верховая езда отразилась только в седалищных мышцах: чуть-чуть ноют. Но какой это здоровый спорт! Я опасался влияния на кишечник, – ни малейшего!

Перечитал вторично твое письмо. «Все люди ужасно одиноки

по существу», – пишешь ты, Наталочка. Бедная, моя старая подруга. Милая моя, возлюбленная.

Но ведь не только же одиночество у тебя было и есть, не только одиночество, ведь мы живем еще друг для друга. Поправляйся! Наталочка!

Не знаю, как быть при отъезде. Хозяйке надо бы какой-нибудь подарочек.

Пожалуй, и управляющему другого имения (он лошадей посылает). Может быть, что придумаешь, а также привезешь или пришлешь 2–3 фотографии? Надо работать. Крепко обнимаю, целую глаза, целую руки, целую ноги.

Твой старый *[Л.Д. Троцкий]*

Все тревожные мысли и чувства записываю в дневник – для тебя. Так лучше, чем тревожить тебя в письмах. В дневнике я излагаю спокойнее, и ты можешь спокойнее прочесть. То, что записываю в дневнике, нимало не омрачает напряжения моей нежности к тебе. Еще хотел сказать (это не упрек, ничуть, ни капли), что мой «рецидив» (как ты пишешь) вызван до известной степени твоим рецидивом. Ты как бы продолжаешь (даже написать трудно!) соперничать, соревновать… С кем? Она для меня – никто [229] . Ты для меня – все. Не надо, Ната, не надо, не надо, умоляю тебя. Если у тебя что-либо неблагополучно, я из Пачуки выеду прямо в Койоакан. Но надеюсь, у тебя все благополучно (относительно, конечно). Я сидел вчера на солнце, сегодня ехал верхом под солнцем, – температура у меня вполне нормальная, скорее пониженная. Нет, физически я окреп, и морально крепну. Скажу, что в дневнике я отошел от того эпизода, который занимал нас все последнее время. Я и в этом уже вижу большой прогресс.

НА-ТА! НА-ТА! Поправляйся, НА-ТА-ЛОЧ-КА!

Твой старый *пес*

21, среда, утро, 9 1/2, на почте в Пачука. По дороге говорил с тобой по телефону. Прости и спасибо. Мне кажется, что я успокоился. Могу, во всяком случае, ждать свидания. Оставайся в Пачука не менее недели. Если я приеду 27 к вечеру, будет достаточно. Ты можешь приехать 28, 29 или 30.

Я могу навестить тебя в Куернавана. Не спеши. Поправляйся. Это самое главное. *Я несомненно окреп.* Нужно, чтобы и ты поправилась. Тогда все изживем, переживем – Ната, Ната, поправляйся.

Привет и горячую благодарность Рите [230] . Она милая. Хорошо, что она с тобой.

Твой *[Л.Д. Троцкий]*

Отрывки из писем Л.Л. Седова Л.Д. Троцкому

Париж, 6 августа [19] 37 г.

Дорогой папа, получил твое письмо от 15 июля, которое очень долго было в пути.

Сегодня я, наконец, выезжаю из Парижа. Чтобы не откладывать поездки, я напишу показание о Копенгагене [231] на новом «месте». Это задержит его на несколько дней – не больше. Архивы мои запакованы, увезены и пр. – поэтому я ограничусь точным перечислением доказательств и свидетелей, без цитат.

…Я переписывался с Платоном [Волковым], с А.Л. Соколовской.

…Важно: Пришли, пожалуйста, несколько твоих последних, удачных снимков. Они нужны для издателей. Это срочно.

Посылаю также увеличенный снимок, сделанный в Берлине Пфем[фертом], открытки, посланной мною в СССР. Это пока все.

Во время моего отсутствия меня будет заменять Тьен [232] , находящийся со мной в самой тесной связи, так что адрес действителен и поручения могут быть выполнены, как если бы я был в Париже. Тьен заслуживает абсолютного доверия во всех отношениях, вместе с Паульсеном [233] они с исключительной преданностью все свои силы и время дают работе. Если бы не двое этих товарищей (Паульсен наш главный администратор по всей работе и по «Бюллетеню», в частности), с работой было бы очень плохо.

Впрочем, сообщение это имеет достаточно платонический характер: ко времени получения от тебя ответа, я, вероятно, уже буду обратно в Париже.

[Л.Л. Седов]

Париж, 17 сентября 1937 г.

Дорогой друг,

Вчера утром я вернулся на свое постоянное местожительство (с некоторым запозданием, ибо простудился)…

…В качестве первых информаций прилагаю коммюнике для прессы по-французски, написанное [Виктором] Сержем и ни [к] черту не годное… (Серж безнадежный литератор).

Заметки по-русски составлены Эт[ьеном]. Русский язык не его родной…

…На твои письма отвечу со следующим пароходом, и вообще напишу о разных вопросах. Письма и статьи получены. «Бюллетень» выходит на днях. У нас здесь довольно сложный

переплет и очень трудные условия для работы. В связи со взрывами идет травля иностранцев, обыски и пр., пока мы не перестроились, негде приткнуться, ряд наших материалов конфискован…
[Л.Л. Седов]

По книге Н. Седовой и В. Сержа «Жизнь и смерть Льва Троцкого»

[После 29 октября 1937 г.]

Краткое газетное коммюнике сообщало о казни 83 троцкистов на Дальнем Востоке. Наш 28-летний сын Сергей… также был казнен. Московская газета называла его имя, его обвиняли в отравлении газом рабочих. Мы взглянули друг на друга, оглушенные этой вестью. Слова не имели смысла…

Его последнее письмо от 12 декабря 1934 года лежит возле меня на столе. В нем есть слова: «Общая ситуация оказывается крайне тяжелой, значительно более тяжелой, чем можно себе представить».

ЛД был сломлен. «Возможно, моя смерть могла бы спасти Сергея», – сказал он. В этот момент я тоже жалела, что живу.

Из писем Л.Д. Троцкого Н.И. Седовой [234]

[12 февраля 1938 г.]

Милая Ната, все благополучно, последнюю ночь (первую здесь) спал хорошо. Хозяева очень милы. Но задерживаться здесь очень все же не придется. Нужно думать «о будущем».

Хорошо бы мне сюда: 1) пальто (если привезли),

2) мое cachenez [235] , 3) мой пояс (опять болит поясница).

Очень спешу: хозяин ждет. Обнимаю.

Твой *[Л.Д. Троцкий]*

[13 февраля 1938 г.]

Милая Ната, здесь все хорошо. И хозяин, и хозяйка очень милы и заботливы. С этой стороны живу я не хуже, чем дома. Работаю с увлечением и успешно: немного напоминает времена тюремной одиночки, где тоже временами хорошо работалось.

Ты забыла уложить мою бритву, так что я не мог до сих пор побриться. Ну, да это ничего, отдых для кожи. Хозяин обещал дать свой прибор (ножички я получил, как и все остальное). Не знаю, что означает баночка с каким-то косметиком?..

До сих пор ни разу не гулял: нужно пальто, так как довольно холодновато. Об этом я уж писал. Новоприехавшие [236] производят неплохое впечатление, особенно он, хотя он и не член организации]. Он, видимо, приехал, чтобы «убедиться».

Надо, чтобы Джо немедленно дал ему мою статью о Кронштадте [237] и прислал мне его отзыв (если возможно, критику, вопросы и пр[очее]).

Самое лучшее, если бы они могли поселиться у нас. У них денег месяца на два, они хотели бы остаться месяца на три. Если бы они поселились у нас, у них хватило бы месяцев на 4–5. Вопрос об охране был бы разрешен, к тому же две машины – огромные преимущества, особенно в связи со вторым домом. Разумеется, надо проверить их (его) настроение, – он немножко похож на «аристократа». Если с этой стороны препятствий нет, то надо решать поскорее.

Здесь, я думаю, я мог бы еще остаться дня два, maximum, три. Все-таки хозяйке хлопот со мной много. Как-нибудь ты дай понять, насколько я доволен и благодарен.

А что предполагается дальше? По-моему, короткая поездка в Т. [238] , дня на два-три, а там уже решать, в зависимости от обстоятельств: возвращаться или ехать дальше. Письмо от Левы ты, конечно, читала: гораздо бодрее, чем прошлое. В-ра [239] ,

видимо, никак нельзя принимать. Как бы он не устроил какой-нибудь гадости Леве: напиши ему об этом немедленно.

Как с зубным врачом? Меня что-то ломит сегодня вечером. Надеюсь, пройдет. Будь здорова. Обнимаю крепко.
Твой *[Л.Д. Троцкий]*

15/11 1938 [г.]

Милая Ната, сегодня мне доставили пальто, письмо и пр[очее].

У пальто рукава слегка коротковаты, но можно удлинить. Я принял бриллиантин за целебную мазь и намазал себе… нос. Как будто помогло, хотя щипало изрядно.

До сих пор не выходил еще из комнаты, но умудрился немножко простудиться (писал возле окна). Сплю хорошо (со снотворным), но просыпаюсь в 7 ч., что в сущности нормально. Работаю хорошо, рукопись выросла втрое, выйдет изрядная брошюра [240] . План поездки меня пугает: будет дорого стоить. Ам[ерикан]цы не знают ни стран, ни отелей. Значит, нужно еще кого-нибудь взять (Kas[as]?!].

…Надо отдавать письмо. Будь здорова. Обнимаю крепко.
Твой *[Л.Д. Троцкий]*

[16 февраля 1938 г.]

Милая Ната, отвечаю тебе и Вану, чтобы не писать отдельно по-французски. Я представляю себе чрезвычайную трудность путешествия с двумя американцами] и К[азасом]! – рестораны, отели, – никто ничего не знает, расходы огромные, во всем неопределенность; кроме того, изменение внешности, следовательно, последний ресурс становится известен К[азасу]. Вызывается ли все это необходимостью? По-моему, еще нет. Можно поехать на 3–4 дня в Т[акско]. Если за это время не будет разрешена проблема с квартирантом, я смогу провести еще две-три ночи у Г[идальго] (или у Кр. [241] одну, одну-две у Г[идальго], чтоб не слишком отягощать их). Сегодня 16. Можно бы выехать в Т[акско] 18-го, оставаться там до 21 или 22-го, затем вернуться либо прямо на Av. Londres [242] , либо сюда, с тем чтобы домой поехать 24—25-го.

…Но я до сих пор не вижу, свободно ли Т[акско]? Туда можно бы поехать с двумя американцами], Джо и Каз[асом], пустив слух, что мы поехали в Мичуакан [243] .

Ехать ли тебе в Т[акско]? Есть доводы за и против. Решай сама.

Покупать мне ничего не надо.

Спешу кончать, чтоб передать Г[идальго]. Будь здорова. Крепко обнимаю.
Твой *[Л.Д. Троцкий]*

По книге Н. Седовой и В. Сержа «Жизнь и смерть Льва Троцкого»

Некий журналист позвонил Диего Ривере и сообщил о смерти Льва Седова. Диего побежал в дом Антонио Гидальго, где находился в это время ЛД, и без всякой подготовки сказал: «Лев Седов умер». – «Что, что ты сказал?» Диего повторил. «Убирайся отсюда!» – закричал ЛД на Диего. ЛД хотел побыть один, обдумать происшедшее. Наталья говорит:

«Я была в Койоакане, приводила в порядок фотографии наших детей. Раздался дверной звонок. Я удивилась, увидев ЛД, и пошла ему навстречу. ЛД вошел, он был более сутул, чем всегда. Лицо его было землистого цвета, выглядел он стариком. «Что случилось? Ты заболел?» – Он ответил низким голосом: «Лева заболел, наш маленький Лева». Я все время боялась за ЛД. Мысль о том, что что-то может произойти с Левой, никогда мне не приходила в голову.

Лев Седов умер в Париже 16 февраля 1937 года… Лев Седов умер в возрасте 29 лет» [244] .

Из книги Д. А. Волкогонова «Троцкий. Политический портрет»

Старший сын Троцкого был любимцем семьи. Лев рано вступил в партию, боготворил отца, был фанатичным поклонником и последователем его идей. С середины 20-х годов, когда Троцкий оказался в оппозиции режиму, Лев забросил учебу в Московском высшем техническом училище и стал, по существу, ближайшим помощником отца. Он не колеблясь поехал с ним в ссылку (хотя формально не высылался), отправился с родителями и в Турцию, добровольно депортируясь в знак солидарности с отцом. Но старший сын был не только помощником и исполнителем воли отца. У него было гибкое, сильное политическое мышление, отличное перо. Л. Седову принадлежит ряд блестяще написанных брошюр и статей. Его небольшая «Красная книга о московском процессе» привлекает внимание своей основательностью, аргументацией, остротой выводов.

Еще когда Троцкий находился на Принкипо, Лев много ездил по европейским столицам, выполняя его поручения. И уже тогда Седов рассказывал отцу, что несколько раз замечал, как за ним следят. Он понял, что его взяли на «прицел» агенты Ягоды…

…В результате колебаний и изменений политической ситуации в Европе пришлось пять раз менять место издания «Бюллетеня». С июля 1929 года по март 1931-го журнал выходил в Париже. Затем Седов перебрался в

29 лет». Да нет, ему было 32 (1906–1938)! Что случилось? Перепутала Леву с Сережей (1908–1937)? Возможно. Но опять же, где был Виктор Серж? В письме Сержу от 15 апреля 1938 г. Троцкий благодарит его за теплую статью и письмо о смерти Льва Седова – значит, Серж знал, когда умер Лев. Правда, Виктор Серж умер в 1947 г., до выхода французского издания книги, а Наталья – в 1962-м, до выхода английского издания. О переводчике «Жизни и смерти Льва Троцкого» на английский, Арнольде Померанце, аннотация сообщает, что он исследователь, особо интересующийся историей революции… (*Примеч. авт.)*

Берлин: там оказались более выгодные финансовые условия и вдобавок к этому – в немецкой столице издавались многие книги Троцкого и имелись кое-какие связи с Советским Союзом. Но в начале 1933 года, когда в Германии к власти пришел Гитлер, Седову пришлось срочно вернуться в Париж. В марте того же года там вышел очередной номер журнала. Но опасность со стороны агентов сталинской разведки заметно возросла, и «Бюллетень»

выходил в Париже только до февраля 1934 года. Потом в течение года Седов жил и издавал журнал в Цюрихе, но в апреле 1935 года вновь возвратился в Париж.

…Троцкий был безжалостен к себе и сыну: он давал ему столько поручений, сколько был в состоянии выполнить лишь большой секретариат. Сам он работал также до изнеможения…

…Главным издателем журнала был, по существу, Лев Седов. Поначалу очень активно ему помогал близкий сторонник Троцкого во Франции, Раймон Молинье, особенно в том, что касалось финансовых и технических вопросов. Предприниматель средней руки, Молинье имел довольно большие связи в деловом мире, что в первое время способствовало решению многих житейских и материальных проблем, которых у Льва Давидовича всегда возникало немало…

…Между Раймоном и сыном Троцкого Львом возникла острая и пикантная коллизия. Жена Раймона Молинье, Жанна, ушла от мужа к Седову. Разразился скандал, который вывел Молинье из числа близких друзей Троцкого. Но новый сердечный союз не принес счастья Седову. Из Москвы он продолжал получать письма от жены, которая осталась там с маленькой дочерью [245] и была в отчаянии. Жанна же оказалась довольно эгоцентричной особой, что усугубляло психологическое напряжение Льва.

Единственной отдушиной оставалась работа по исполнению указаний отца. Наиболее трудным из них было: найти канал, возможность отправлять несколько десятков экземпляров «Бюллетеня» в СССР.

…В это время Л. Седов жил очень трудно и в материальном отношении. У отца практически не было возможности помогать, он и сам никак не мог выбраться из долгов, жил на аванс под ненаписанные книги, а «Бюллетень оппозиции», который выпускал Лев, по-прежнему выходил мизерным тиражом и совсем не приносил дохода. С женой Жанной у Льва отношения складывались сложно: каждый день приносил лишь новые заботы. Троцкистские организации больше враждовали между собой, чем сотрудничали. Лев, выполняя многочисленные поручения отца, испытывал какой-то внутренний надлом, особенно после письма Троцкого из Койоакана, датированного 18 ноября 1937 года. Троцкий не советовал уезжать из Парижа: «затормозится дело».

…Последний «европейский» номер вышел в середине 1939 года. Правда, готовил его уже не сын Троцкого. Лев умер 16 февраля 1938 года при очень загадочных обстоятельствах, оставляющих, однако, мало сомнений в том, что это дело рук агентуры Ежова.

…8 февраля 1938 года у Седова начался сильный приступ

аппендицита. Пока Этьен (Зборовский) звонил по частным клиникам, Лев написал последнее письмо, которое просил вскрыть лишь «в крайнем случае». Уже после обеда больному сделали операцию в клинике русских эмигрантов. Все прошло благополучно, дело быстро шло на поправку. Седов уже ходил и готовился выписаться из клиники. Однако через четыре дня у него вдруг наступило резкое ухудшение. Появились признаки отравления. После страшной агонии, когда врачи были уже бессильны, старший сын Троцкого – последний из четырех его детей – скончался. Ему было только 32 года…

Письмо М. Зборовского и Л. Эстрин Л.Д. Троцкому

Париж, 17 февраля 1938 г.

Дорогой Лев Давыдович,

Очень тяжело Вам писать сегодня, Вы можете себе представить наше состояние и все то, что мы пережили за последние дни. Мы – ближайшие друзья Левы (Этьен и Леля) – находились все время в клинике. Вы, вероятно, знаете краткие подробности по телеграмме [246] , и поэтому мы хотим Вам обо всем написать. Подробное экспозе2 врача, постоянно пользовавшего Леву, при сем прилагается. Врач этот – невестка Лели [Эстрин], опытный специалист по внутренним болезням (немецкой школы). Как Вы понимаете, самым серьезным вопросом был вопрос о его безопасности в клинике. Поместить его в официальный французский госпиталь было невозможно, так как он должен был бы там предъявить свои бумаги, и инкогнито его было бы моментально раскрыто. Пришлось остановиться на частной клинике. Перевозить пришлось очень срочно, так как требовалась немедленная операция. Врач Левы, отдавая себе отчет в сложности положения его, после долгих розысков вместе с Жанной выбрал клинику Мирабо, куда Лева был немедленно перевезен и помещен под именем Мартен. В тот же вечер операция была произведена одним из лучших парижских хирургов – доктором Таль-геймером, сотрудником проф. Госсе. Кроме того, при операции присутствовали: ассистент-хирург доктор Симков, французский врач русского происхождения (только ему одному было сообщено врачом Левы имя пациента. Сделано это было потому, что он пользуется абсолютным доверием и что он должен был все организовать в клинике), постоянный врач Левы и директор клиники, дававший наркоз. Операция прошла хорошо, у него даже не было рвоты после наркоза. Первые четыре дня прошли нормально, его навещали ежедневно три врача, Жанна бывала ежедневно и Леля была три раза. Он был немного слаб, но настолько рассчитывал на свои силы, что условился в воскресенье с Лелей, что она с Этьеном придет в понедельник, после обеда, чтобы обсудить все срочные дела. Как вы увидите из приложенного экспозе, положение резко изменилось к худшему в ночь с воскресенья на понедельник. Несмотря на ряд принятых экстренных мер (переливание крови, вторая операция и т. д.), спасти его не удалось, и он скончался в среду, 16 февраля в 10.56 утра. Во вторник и в среду в качестве

обсерватора [247] со стороны организации при совещаниях врачей присутствовал и доктор Розенталь…

Когда Лева заболел, Жанна потребовала, чтобы никому из товарищей не было известно о болезни Левы, опасаясь, что могут узнать его местонахождение. Несмотря на это, Этьен конфиденциально поставил в известность Кларта [248] , как члена С. И. [249] (9.2 – т. е. в день первой операции). Когда положение ухудшилось, мы во вторник официально поставили в известность обо всем Кларта и просили его предупредить ответственных товарищей. Во вторник же вечером Жанна вызвала Р. М[олинье], который оставался в клинике и взял Ж[анну] под свою опеку. В среду в клинике появились, с одной стороны, Анри [Молинье] и Брош, а с другой, Жерар (который был и накануне), Кларт, Боатель [250] , Про (Б. из Гренобля]) [251] , Маргарита Росмер. Так как уже во вторник появились некоторые сомнения относительно правильности хода болезни [252] (Жанна допускала возможность отравления, несмотря на категорические уверения всех врачей, в том числе и старика Розенталя, что это совершенно исключено), и для подтверждения правильности диагноза все сошлись на том, что должно быть сделано вскрытие. Анри М[олинье] предложил, чтобы мы занялись организацией вскрытия, похорон и т. д., а они займутся Жанной. Эта часть была поручена Кларту и Жерару. Жанна вместе с обоими М[олинье] ушла и через некоторое время вернулась обратно. Анри М[олинье] сообщил, что у Жанны имеется последняя воля Левы. Собравшимся ответственным товарищам из ПОИ [253] (мы оба также присутствовали) Р. М[олинье] предъявил последнюю волю Левы, датированную 9-м февраля, в день операции, написанную им собственноручно, но чрезвычайно неровным почерком. На основании этой последней воли все вещи, принадлежащие Леве, включая и документы, являются собственностью Жанны. Наши товарищи были потрясены этим завещанием, да и мы были очень удивлены, так как у нас неоднократно были разговоры с Левой на эту тему. Дело в том, что Лева нам заявил полгода тому назад, что он составил завещание, в котором указано, что собственником всех его архивов являетесь Вы. Передавая архивы в руки Жанны, находящейся всецело под влиянием группы Мол[инье], он лишил организацию всякого контроля над судьбой этих документов. Надо заметить, что Анри М[олинье] сразу же сказал, что все будет отправлено Вам, но мы лично, зная М[олинье], не можем иметь полной уверенности в этом. Во всяком случае доступ к тем бумагам, которые находятся в ведении Жанны, для нас закрыт.

Мы, как ближайшие сотрудники Левы, можем дать Вам

полный отчет о документах, оставшихся после Левы.

1. Главный архив Левы, состоявший из оригинальных документов, связанных с Вашей и его деятельностью (весь старый архив) находится в надежном месте, переданный теперь в ведение Жанны (на основании последней воли).

2. Весь материал, связанный с процессами – документы, газетные вырезки, переписка со всеми комитетами по делам процессов; все издательские дела; частная переписка Левы (также вся переписка его с Н.И.[Седовой]); адреса, некоторые особо секр[етные] вещи; копия переписки Вашей с Владимиром] Иль[ичем]; комплекты «Правды», начиная с 1933 г.; манускрипты «Преданной революции» и «Преступлений Сталина» и разных статей Ваших – находятся сейчас также в ведении Жанны.

3. Архив, опись которого при сем прилагаем, является текущей перепиской за последние два года, находится в надежном месте в нашем ведении (Жанне о существовании этого архива неизвестно). 4. Ваша переписка с Р. М[олинье], Франком и др., а также папки со старыми издательскими делами, предназначенные Левой для пересылки Вам, также находятся в нашем ведении (Ж[анне] неизвестны). 5. Вся администрация «Бюллетеня» (переписка, картотека, адреса и т. д.) в нашем ведении (Ж[анне] неизвестна).

…Лева очень беспокоился по поводу того, что у Вас произошла досадная ошибка в статье о Енукидзе [254] . Он был снят с поста секретаря ЦИКа и исключен из партии не в 1936 г., а в 1935 г., так что никакого отношения к вопросу о помиловании Зиновьева – Каменева не мог иметь.

Нам удалось сегодня достать очень интересные сведения – не предназначенные для печати, – которые мы посылаем Вам при сем.

Хотите ли Вы получать вырезки из «Последних новостей», в которых приводятся часто интересные выдержки из разных советских журналов («Партийное] строительство» [255] и др.), которые за границей получить очень трудно.

…Вчера вечером власти в отсутствие Ж[анны] забрали десять пакетов – очевидно, все самое существенное с квартиры.

[М. Зборовский, Л. Эстрин]

По поводу смерти Льва Седова

Рана еще слишком свежа, и мне трудно еще говорить, как о мертвом, о Льве Седове, который был мне не только сыном, но и лучшим другом. Но есть один вопрос, на который я обязан *откликнуться* немедленно: это вопрос о причинах его смерти. Должен сказать с самого начала, что в моем распоряжении нет никаких прямых данных, которые позволяли бы утверждать, что смерть Л. Седова есть дело рук ГПУ. В телеграммах, полученных моей женой и мною из Парижа от друзей, нет ничего больше того, что заключается в сообщениях телеграфных агентств. Но я хочу дать некоторые косвенные сведения, которые могут, однако, иметь серьезное значение для судебного следствия в Париже.

1) Неверно, будто сын страдал хронической болезнью кишечника. Сообщение об этой болезни явилось для матери и для меня полной неожиданностью.

2) Неверно, будто он тяжело болел в течение нескольких последних недель. В моих руках – последнее полученное мною от него письмо, от 4 февраля. В письме, очень оптимистическом по тону, ни слова не говорится о болезни. Из письма видно, наоборот, что Л. Седов развивал в те дни очень большую активность, особенно в связи с предстоящим процессом убийц Рейсса [256] в Швейцарии, и собирался продолжать ее.

3) Смерть Л. Седова последовала, видимо, в ночь с

15 на 16. Между письмом и смертью протекло, таким образом, всего 11 дней. Другими словами, заболевание имело полностью характер *внезапности.*

4) Нет, разумеется, основания сомневаться в беспристрастности судебно-медицинской экспертизы, каковы бы ни были ее заключения. Не будучи специалистом, я позволю себе, однако, указать на одно важное обстоятельство: если допустить отравление, то нужно помнить, что дело идет не об обыкновенных отравителях. В распоряжении ГПУ имеются столь исключительные научные и технические средства, что задача судебно-медицинской экспертизы может оказаться более чем трудной.

5) Каким образом ГПУ могло найти доступ к сыну? И здесь я могу ответить только гипотетически. За последний период было несколько случаев разрыва агентов ГПУ с Москвой. Все порывавшие, естественно, искали связи с сыном, и он – с тем мужеством, которое отличало его во всех его действиях, – всегда шел таким свиданиям навстречу. Не было ли, в связи с этими разрывами, какой-либо западни? Я могу только выдвинуть это

предположение. Проверить его должны другие.

6) Французская коммунистическая печать уделяла Льву Седову много внимания, разумеется, враждебного. Однако о смерти его ни одна из коммунистических газет не поместила ни строки (см. телеграммы из Парижа). Совершенно так же было и после убийства Игнатия Рейсса в Лозанне. Такого рода «осторожность» становится особенно многозначительной, если принять во внимание, что в острых для Москвы вопросах французская печать Коминтерна получает непосредственные инструкции от ГПУ через старого агента ГПУ Жака Дюкло и других.

Я ничего не утверждаю. Я только сообщаю факты и ставлю вопросы.

Л. Троцкий

18 февраля, час пополудни, 1938 г. Койоакан

Из «Бюллетеня оппозиции» № 64 «Лев Седов: сын, друг, борец» (1938)

Сейчас, когда я пишу эти строки, рядом с матерью Льва Седова, из разных стран приходят телеграммы с выражением сочувствия. И каждая из этих телеграмм порождает один и тот же невыносимый вопрос: «значит все наши друзья, и во Франции, и в Голландии, и в Англии, и в Соединенных Штатах, и в Канаде, и в Южной Африке, и здесь, в Мексике, считают уже окончательно установленным, что Седова больше нет?». Каждая телеграмма – новое доказательство его смерти. Между тем мы еще не можем этому верить. И не только потому, что он наш сын, верный, преданный, любящий. Но прежде всего потому, что он, как никто другой на свете, вошел в нашу жизнь, сросся со всеми ее корнями, как единомышленник, как сотрудник, как страж, как советник, как друг.

…Последние телеграммы агентств сообщили, что Лев Седов жил в Париже в «самых скромных условиях», – гораздо более скромно, прибавим, чем квалифицированный рабочий. Но и в Москве, в те годы, когда его отец и мать занимали высокие посты, он жил не лучше, чем в последнее время в Париже, а хуже. Было ли это правилом среди бюрократической молодежи? Нет, это и тогда уже было исключением. В этом мальчике, потом подростке и юноше, рано пробудилось чувство долга и подвига.

В 1923 году Лев сразу и с головой окунулся в работу оппозиции. Было бы совсем неправильно видеть в этом одно лишь влияние родителей. Ведь в свое голодное, холодное и грязное общежитие он ушел из хорошей кремлевской квартиры, хотя и без сопротивления с нашей стороны, но против нашей воли.

..Лев отличался выдающимися математическими способностями. Он неутомимо помогал многочисленным пролетарским студентам, не прошедшим средней школы. И в эту работу он вкладывал весь свой пыл: понукал, тянул вперед, бранил ленивых, – свое молодое учительство он ощущал как службу своему классу. Его собственные занятия в Высшем Техническом Училище шли очень успешно. Но они отнимали у него лишь часть рабочего дня. Большая половина времени, сил и души отдавались делу революции.

Зимою 1927 года, когда начался полицейский разгром оппозиции, Льву истекал двадцать второй год. У него был уже ребенок, и он с гордостью приносил нам его показывать в Кремль. Ни минуту не колеблясь, однако, Лев решил оторваться от своей

молодой семьи и школы, чтобы разделить нашу участь в Центральной Азии. Он действовал не только, как сын, но прежде всего, как единомышленник: надо было во что бы то ни стало обеспечить нашу связь с Москвой. Его работа в Алма-Ата, в течение года, была поистине беспримерной. Мы называли его министром иностранных дел, министром полиции, министром почт и телеграфа.

За апрель-октябрь получено было около 1000 политических писем и документов и около 700 телеграмм; отправлено было нами за то же время около 550 телеграмм и не менее 800 политических писем, в том числе ряд крупных работ, как «Критика программы Коминтерна» и пр. Без сына я не выполнил бы и половины этой работы.

Столь тесное сотрудничество не означало, однако, что между нами не возникали прения, а иногда и острые столкновения. Отношения мои с Львом, ни теперь, ни позже, в эмиграции, – нужно сказать это прямо, – далеко не отличались ровным и безмятежным характером. Я не только противопоставлял его категорическим суждениям, нередко малопочтительным в отношении кое-каких «стариков» из оппозиции, столь же категорические поправки и оговорки, но и проявлял по отношению к нему свойственные мне в практических вопросах педантизм и требовательность…

Так мы прожили, в 4000 километров от Москвы, в 250 километрах от железной дороги, трудный и незабвенный год, который весь остался в памяти под знаком Льва, вернее Левика или Левусятки, как мы его называли. В январе 1929 года Политбюро постановило выслать меня «из пределов СССР», – как оказалось, в Турцию.

Членам семьи предоставлено было право сопровождать меня. Опять без колебаний Лев решил ехать с нами в изгнание, оторвавшись навсегда от жены и мальчика, которых очень любил…

В Москве Льву оставалось года полтора до завершения инженерного образования. Мы настаивали с матерью на том, чтоб он вернулся заграницей к покинутой науке. На Принкипо успела сформироваться тем временем, в тесном сотрудничестве с сыном, группа новых молодых сотрудников, из разных стран. Лев согласился на отъезд лишь под давлением того довода, что в Германии он сможет оказывать неоценимые услуги международной левой оппозиции. Возобновив в Берлине свои научные занятия (начинать приходилось сначала), Лев одновременно с головой вошел в революционную работу.

…Но в центре его внимания продолжали стоять русские дела.

Уже на Принкипо он стал фактическим издателем русского «Бюллетеня Оппозиции», с самого его возникновения (середина 1929 года), и окончательно сосредоточил эту работу в своих руках с момента своего переезда в Берлин (начало 1931 года), куда вслед за ним переведен был из Парижа и «Бюллетень». Последнее полученное нами письмо Льва, написанное 4 февраля 1938 года, за 12 дней до смерти, начинается словами: «Посылаю вам оттиски «Бюллетеня», ибо следующий пароход не скоро идет, «Бюллетень» же готов будет лишь завтра утром». Выход каждого номера был маленьким событием в его жизни, – маленьким событием, которое стоило больших усилий…

В списках ГПУ он значился под кличкой «сынок». Как сообщал покойный Райсс, на Лубянке не раз говорили: «ловко работает сынок; старику было бы нелегко без него». Это было истинной правдой. Нелегко было бы без него. Тяжело будет без него! Именно поэтому агенты ГПУ, проникавшие также и в организации оппозиции, окружали Льва густой сетью наблюдения, интриг, подвохов. В московских процессах имя его неизменно фигурировало рядом с моим. Москва искала случая покончить с ним во что бы то ни стало!

После прихода Гитлера к власти «Бюллетень Оппозиции» был немедленно запрещен. Лев провел в Германии еще ряд недель, ведя нелегальную работу и укрываясь от Гестапо по чужим квартирам. Мы с матерью забили тревогу, настаивая на немедленном выезде его из Германии. Весной 1933 года Лев решился, наконец, покинуть страну, которую успел узнать и полюбить, и переселиться в Париж, куда, вслед за ним, последовал и «Бюллетень». Здесь Лев снова возобновил занятия: пришлось сдавать экзамен за французскую среднюю школу, затем в третий раз начинать с первого курса, в Сорбонне, по физико-математическому факультету. Жил он в Париже в трудных условиях, в нужде, университетской наукой занимался урывками, но благодаря выдающимся способностям довел все же занятия до конца, т. е. до диплома.

Главные его силы в Париже еще в большей мере, чем в Берлине, посвящены были революции и литературному сотрудничеству со мной…

Лев писал так же, как делал все остальное, т. е. добросовестно: изучал, обдумывал, проверял. Тщеславие писательства было ему чуждо. Агитаторская декламация его не прельщала. В то же время каждая написанная им строка согрета живым огоньком, источником которого являлся его неподдельный революционный темперамент.

События личной и семейной жизни, в неразрывной связи с

большими политическими событиями нашей эпохи, сформировали этот темперамент и закалили его. В 1905 году мать сидела в петербургской тюрьме в ожидании ребенка. Либеральное дуновение дало ей свободу осенью. Мальчик родился в феврале следующего года…

…Его ближайшие друзья писали нам три месяца тому назад, что он подвергается в Париже слишком непосредственной опасности, и настаивали на его переезде в Мексику. Лев отвечал: опасность несомненна, но Париж сейчас слишком важный боевой пост, и покидать его было бы преступлением. Оставалось только склониться перед этим доводом…

16-го февраля вечерние мексиканские газеты напечатали краткую телеграмму о смерти Льва Седова, в результате хирургической операции. Занятый спешной работой, я не видел этих газет. Диего Ривера самостоятельно проверил сообщение по радио и пришел ко мне со страшной вестью. Через час я сообщил Наталье о смерти сына, – в том же самом месяце, феврале, в котором 32 года тому назад Наталья сообщила мне в тюрьму о его рождении. Так закончился для нас день 16-го февраля, самый черный день в нашей личной жизни.

…Первое и естественное предположение: его отравили. Найти доступ к Льву, к его одежде, к его пище, для агентов Сталина не представляло большого труда. Способна ли судебная экспертиза, даже свободная от «дипломатических» соображений, прийти на этот счет к окончательному выводу? В связи с военной химией искусство отравления достигло ныне исключительного развития. Тайны этого искусства недоступны, правда, простым смертным. Но отравителям ГПУ доступно все. Вполне возможно допустить такой яд, который не поддается установлению после смерти даже при самом тщательном анализе. А где гарантии тщательности?

Прежде чем убить, они сделали все для того, чтоб оклеветать и очернить нашего сына в глазах современников и потомства. Каин Джугашвили и его помощники пытались изобразить Льва агентом фашизма, тайным сторонником капиталистической реставрации в СССР, организатором железнодорожных крушений и убийства рабочих. Тщетны усилия негодяев! Тонны термидорианской грязи отскакивают от этого молодого образа, не оставляя на нем пятна.

Лев был насквозь чистым, честным, прозрачным человеческим существом. Он мог на любом рабочем собрании рассказать свою жизнь, – увы, недолгую – день за днем, как я ее вкратце рассказываю здесь. Ему нечего было стыдиться или скрывать. Нравственное благородство составляло основную ткань

его характера. Он непоколебимо служил делу угнетенных, потому что оставался верен самому себе. Из рук природы и истории он вышел человеком героического склада. Великие и грозные события, которые надвигаются на нас, будут нуждаться в таких людях. Если б Лев дожил до этих событий, он показал бы в них свою подлинную меру. Но он не дожил. Нет больше нашего Льва, мальчика, сына, героического борца!

Вместе с матерью его, которая была для него самым близким существом в мире, мы переживаем эти страшные часы, вспоминаем его образ, черту за чертой, не верим, что его больше нет, и плачем, потому что не верить нельзя. Как освоиться нам с той мыслью, что не существует более на земном шаре этой теплой человеческой точки, которая была связана с нами такими нерасторжимыми нитями общих воспоминаний, взаимного понимания, и нежной привязанности? Никто не знал и не знает нас так, как он знал, с нашими сильными и с нашими слабыми сторонами. Он был частью, молодой частью нас обоих. По сотням поводов наши мысли и чувства тянулись ежедневно к нему в Париж. Вместе с нашим мальчиком умерло все, что еще оставалось молодого в нас самих.

Прощай, Лев! Прощай, милый и несравненный друг! Мы не думали с матерью, не ждали, что судьба возложит на нас еще и эту страшную работу: писать твой некролог. Мы жили в твердой уверенности, что еще долго после нас ты будешь продолжателем нашего общего дела. Но мы не сумели охранить тебя. Прощай, Лев! Мы завещаем твою безупречную память молодому поколению рабочих всего мира. Ты будешь жить по праву в сердцах всех тех, кто работает, страдает и борется за более светлый мир. Революционная молодежь всех стран! Прими от нас образ нашего Льва, усынови его, он заслуживает того, – и пусть отныне он незримо участвует в твоих боях, если судьба отказала ему в счастье участвовать в твоей последней победе.

Л. Троцкий

20 февраля 1938 г. Койоакан

Письмо М. Зборовскому и Л. Эстрин

23 февр[аля] 1938 [г.]

Дорогие друзья!

Вы были (и остаетесь) друзьями Левика, следовательно, вы и наши друзья.

Совсем недавно вы выражали в письмах тревогу за его безопасность. Но никто тогда не думал, что удар придет с той стороны, с какой он пришел…

Последнее письмо от него было от 4 февр[аля]. Мы все еще ждем от него дальнейших писем. Последний № «Бюллетеня» кажется нам тоже письмом от него. Далекая звезда, когда потухнет, еще долго продолжает посылать свой свет… Но возможно, что больше писем не будет. Он должен был ждать нового парохода, но мог заболеть (и, вероятно, заболел) раньше. Мы все еще не знаем, когда он заболел и сколько времени болел, мы ничего не знаем, кроме того, что было в газетах. Мы ждем от вас подробного рассказа о всем, что произошло. Всякая деталь представит для нас большую ценность. Напишите, что можете…

…Надеемся, что посылаемая краткая биография его выйдет также по-немецки, по-французски и на других языках. Наш общий долг – увековечить образ Седова в памяти молодого поколения рабочих. Мы очень-очень надеемся на полное ваше содействие, дорогие друзья, и крепко обнимаем вас.

Ваши *Наталия, Л. Троцкий*

Письмо М. Зборовскому и Л. Эстрин

16 марта 1938 г.

Дорогие друзья,

Отвечаю на ваш № 21 от 4 марта. Во-первых, на полученные от вас письма Наталья Ивановна еще не способна ответить: она слишком подавлена и слаба. Она очень вам благодарна за все сообщения и подробности и напишет как только оправится.

Статью о Л. Седове вы, конечно, получили. Она предназначена была для «Бюллетеня» и для французского издания. Мы надеемся, что французский перевод будет очень тщательно и хорошо отредактирован с литературной стороны. Надо, чтобы книжка хоть до некоторой степени была достойна лица, которому она посвящена. Мы надеемся, что вы примете все необходимые меры.

…Я бы очень хотел иметь сведения о финансовых источниках «Бюллетеня». В этом отношении нужно соблюдать величайшую осторожность, чтоб не стать жертвой провокации со стороны ГПУ.

[Л.Д. Троцкий]

Письмо В. Сержу

15 апреля 1938 г.

Дорогой Виктор Львович!

Мы с Н.И. [Седовой] с благодарностью получили в свое время ваше письмо, посвященное смерти сына, и с благодарностью читали вашу теплую статью о нем…

Искренний привет от Н.И. [Седовой].

Крепко жму вашу руку и желаю всего лучшего.

Ваш *Л.Д. [Троцкий]*

Письмо С. Вебер Л. Эстрин [257]

25 июня 1938 г.

Дорогая Леля!

Если вы меня потихоньку и ругаете за долгое молчание, то вполне правы. Не знаю, почему мне так трудно писать. До отъезда сюда (а отъезд произошел как-то скоропостижно) была занята хлопотами по дому, разными поручениями ЛД [Троцкого] и т. п. А по приезде сюда все со дня на день откладывала письмо вам, и так проходили недели… Приехала я сюда с намерением пробыть не более шести месяцев. Что будет по истечении этого периода, не знаю.

Мексиканский климат на мне совсем не отразился. А живем мы здесь, в этом тихом синем доме за высокими каменными стенами, как в крепости или… в монастыре. Живем почти в полной изоляции от окружающего населения, без какого бы то ни было контакта с местной жизнью. День заполнен работой, а по вечерам, особенно теперь, в эту несносную полосу дождей, тоскливо по более активной жизни, да и, по правде сказать, по мужу. Даже и работа не помогает…

Что сказать вам о Наталье Ивановне [Седовой] и Л.Д. [Троцком]? Продолжают (вот уж который год?) жить в изгнании, оторванные от активной жизни. Каждый день приносит новые известия об убитых, затравленных, замученных в советской (?) России. Для нас это в большинстве случаев только имена, для них это живые люди, друзья, соратники. О Сереже почти не упоминают. Что с ним? Живет ли еще, или замучен где-нибудь в сталинских подвалах? А трагический конец Левы? Разве это можно забыть? Правда, жизнь идет вперед… Л.Д. [Троцкий] весь отдался работе (работает с раннего утра до поздней ночи), каждая минута его времени, его мышления отданы ей; он, видимо, сознательно горе свое запрятал куда-то в тайники души своей. Но я нашла его таким замкнутым, молчаливым… Редки прежние шутки, нет смеха, нет улыбки. Наталии Ивановне не дано творческое дарование, не дана также эта сверхчеловеческая способность с утра до позднего вечера отдаваться умственной работе. Ей труднее. Она больше сама с собой. Да еще все время мучает мысль, как погиб Лева. Не верится, что все это как-то совершилось «естественно». Да и страшно тяжело за Жанну.

Вы знаете, Леля, еще в бытность мою в Нью-Йорке меня так неприятно поразило, так больно резануло заявление Жерара в прессе, что, мол, нет подозрений в связи со смертью Левы. Даже если бы мы были в этом стопроцентно уверены, то зачем было

давать такое заявление прессе, а потом все же решаться на вскрытие? А потом эта совершенно невозможная заметка в «Ля Лютт» [258] насчет побоища с членами фракции Молинье. Зачем притянули имя Жанны, зачем назвали ее «Молинье»? Зачем это все, кому это нужно? Зачем сейчас еще травить эту несчастную, убитую горем женщину гнусными инсинуациями? Я видела, когда этот номер газеты прибыл сюда, как Наталия Ивановна втихомолку плакала, стараясь подавить рыдания…

Что теперь? Ведется ли еще какое-нибудь расследование?

[С. Вебер]

Из книги Вадима Роговина «Была ли альтернатива?»

Учредительный конгресс IV Интернационала

Провокаторские действия Зборовского наложили отпечаток на работу Учредительного конгресса IV Интернационала, который был призван положить начало систематической и координированной деятельности этой международной организации.

Незадолго перед конгрессом погибли активные деятели троцкистского движения: Лев Седов, Рудольф Клемент и Ирвин Вольф. Вместе с Клементом, непосредственно отвечавшим за организацию конгресса, исчезли и подготовленные к конгрессу документы о деятельности троцкистов в различных странах. Опасаясь новых ударов со стороны НКВД, конгресс провел всего одно пленарное заседание, продолжавшееся целый день без перерыва, и отказался допустить на это заседание нескольких членов французской Социалистической рабоче-крестьянской партии и ПОУМа [259] , выразивших желание присутствовать на конгрессе в качестве наблюдателей.

Однако все конспиративные усилия организаторов конгресса оказались тщетными благодаря провокаторской деятельности Зборовского, который участвовал во всех приготовлениях к конгрессу, встречал делегатов и доставлял их к дому близкого друга Троцкого, французского социалиста А. Росмера, где происходил конгресс. Донесения Зборовского помогли агентам НКВД осуществлять свою подрывную работу во время работы конгресса. Так, один из делегатов оставил в вокзальной камере хранения чемодан с секретными документами, о чем знал только Зборовский. Когда хозяин чемодана вернулся за ним, то обнаружил, что ячейка камеры хранения вскрыта и все документы исчезли [260] .

На Учредительном конгрессе, состоявшемся 3 сентября 1938 года, присутствовал 21 делегат из 11 стран. Председательствовал на конгрессе американец Макс Шахтман. Участники конгресса направили письмо Троцкому, в котором говорилось: «Конгресс IV Интернационала шлет Вам горячий привет. Варварские репрессии, направленные против нашего движения в целом, и в особенности против Вас, не позволили Вам быть среди нас и внести в наше обсуждение свой вклад создателя Красной Армии, организатора Октябрьского восстания и непосредственного преемника Ленина» [261] .

Против провозглашения IV Интернационала выступили только два польских делегата, зачитавшие заявление, подготовленное И. Дойчером [262] . Аргументацию, изложенную в этом заявлении, Дойчер повторил и в своей книге о Троцком, где утверждал, что для создания IV Интернационала нужно было ждать подъема рабочего движения, и расценивал его провозглашение в 1938 году как «пустой жест и глупость» [263] .

Ораторы, выступавшие за провозглашение IV Интернационала, мотивировали необходимость этого состоянием политической изоляции, в котором оказались троцкисты. Шахтман констатировал, что, начиная с 1936 года, все центристские партии «порвали с нами». Другой делегат, Бойтель, отмечал, что ныне уже стало невозможно работать внутри социал-демократических партий [264] .

19 голосами против двух конгресс провозгласил создание IV Интернационала и принял другие резолюции, основная часть которых была написана Троцким. Троцкий был избран почетным председателем и членом Исполкома IV Интернационала.

Перед выборами Исполкома Зборовский, представлявший в единственном числе «русскую секцию», выступил с протестом против того, что этой секции не было предоставлено место в списке кандидатов. В результате демарша Зборовского конгресс постановил: поскольку Троцкий не может непосредственно участвовать в работе Исполкома, место от «русской секции» предоставляется в нем Зборовскому [265] .

Из примечаний Ю.Г. Фельштинского к интернет-изданию «Л.Д. Троцкий. Архив в 9 томах»

Кража части архивов Троцкого из парижского отделения Института социальной истории, куда Троцкий передал документы на хранение, была произведена НКВД 7 ноября 1936 г. Информация о нахождении архива, судя по всему, была передана советским агентам Зборовским, другом Льва Седова, работавшим, как оказалось, на ГПУ– НКВД.

«Слышали о провокации «Этьена», секретаря покойного Седова? – спрашивал Николаевский Суварина. – Это он, вместе с Седовым, привез тогда так называемый «Архив Троцкого» в институт на рю Мишлэ, и сам же сообщил по начальству для кражи. Теперь признал, хотя утверждает, что к похищению прямого отношения не имел. Рассказал, что были разочарованы: оказались одни газеты со всех концов мира (троцкистских групп). Конечно, теперь заново надо думать и о смерти Седова» [266] . Подпавший тогда же под подозрение Зборовский в разговоре с Лелей Эстриной и Д.Ю. Далиным «не отрицал, что он дал сведения об архиве», писал об этом С. Эстрин Б. Сапиру [267] .

…Троцкий, по словам Сары Якобс-Вебер, секретарши Троцкого, был убежден в том, что именно Зборовский «все подстроил» – выбрав эту больницу и, видно, его [Л. Седова] через врача отравил». (Письмо С.Э. Эстрина Б.М. Сапиру, 9 сентября 1975 г.)

Письмо министру юстиции Франции

7 февраля 1939 г.

Милостивый государь г. министр!

Если я позволю себе утруждать Ваше внимание по личному делу, то не потому, конечно, что оно имеет исключительное значение для меня – этого было бы совершенно недостаточно, – а потому, что оно входит в область Вашего ведения. Дело идет о моем тринадцатилетнем внуке Всеволоде Волкове, который проживает в настоящее время в Париже и которого я хочу перевезти к себе в Мексику, где в настоящее время проживаю сам. История этого ребенка в кратких словах такова: в 1931 г. он прибыл из Москвы со своей матерью, моей родной дочерью Зинаидой, по мужу Волковой, которая, с разрешения советского правительства проделывала за границей курс лечения от туберкулеза. Именно в этот период советские власти лишили меня, а заодно и мою дочь, прав советского гражданства. Паспорт был у дочери отнят, когда она явилась в советское консульство в Берлине. Оторванная от остальных членов семьи, Зинаида Волкова кончила самоубийством такого-то числа [268] . Всеволод оставался в семье моего сына Льва Седова, который проживал в то время в Берлине вместе со своей подругой, французской гражданкой Жанной Молинье. После прихода Гитлера к власти сын оказался вынужденным переселиться в Париж вместе с Жанной Молинье и с мальчиком. Как Вы, может быть, осведомлены, г. министр, сын мой умер

16 февраля 1938 г. при обстоятельствах, которые продолжают оставаться для меня загадочными. С того времени мальчик оставался в руках госпожи Жанны Молинье.

Юридическое положение Всеволода Волкова таково:

Мать его, как уже сказано, умерла. Отец его, проживавший в СССР, уже около пяти лет как исчез бесследно. Так как он участвовал в свое время активно в оппозиции, то не может быть ни малейших сомнений, что он погиб во время одной из «чисток». Советские власти считают, несомненно, Всеволода Волкова лишенным прав гражданства. Ждать каких бы то ни было справок или документов с их стороны было бы совершенно иллюзорно.

Единственным кровным родственником Всеволода, моего законного внука, остаюсь я, нижеподписавшийся. Если факт этот нелегко при нынешних условиях доказать официальными документами, то его можно без труда установить (если вообще необходима проверка) десятками свидетельских показаний со стороны французских граждан, прекрасно осведомленных о моем

семейном положении. В приложении к этому письму я даю перечень известного числа таких граждан.

Никаких других кровных или сводных родственников во Франции или в какой-либо другой стране мира у Всеволода Волкова нет. Г-жа Жанна Молинье не находится с ним в родстве, ни в свойстве. Я предлагал Жанне Молинье, на руках которой находится сейчас Всеволод, прибыть с ним в Мексику. По причинам личного характера она от этого отказалась [269] . Так как я сам не имею возможности прибыть во Францию, то я вынужден организовать переселение моего внука через посредство третьих лиц. Представителем моих интересов в этом вопросе является метр Жерар Розенталь.

Очень простое и совершенно бесспорное в своей фактической основе дело может, однако, ввиду указанного выше переплета обстоятельств, представиться в высшей степени сложным юридически, так как у Всеволода Волкова нет никаких бумаг, которые доказывали бы все изложенные выше факты. При чисто бюрократическом подходе дело такого рода может затянуться на неопределенно долгий срок. Ваше авторитетное вмешательство, г. министр, способно разрубить запутанный узел в 24 часа.

Именно это и заставляет меня утруждать Ваше внимание. Прошу Вас, г. министр, принять уверения в моих искренних чувствах.

Завещание

Высокое (и все повышающееся) давление крови обманывает окружающих насчет моего действительного состояния. Я активен и работоспособен, но развязка, видимо, близка. Эти строки будут опубликованы после моей смерти.

Мне незачем здесь еще раз опровергать глупую и подлую клевету Сталина и его агентуры: на моей революционной чести нет ни одного пятна. Ни прямо, ни косвенно я никогда не входил ни в какие закулисные соглашения или хотя бы переговоры с врагами рабочего класса. Тысячи противников Сталина погибли жертвами подобных же ложных обвинений. Новые революционные поколения восстановят их политическую честь и воздадут палачам Кремля по заслугам.

Я горячо благодарю друзей, которые оставались верны мне в самые трудные часы моей жизни. Я не называю никого в отдельности, потому что не могу называть всех.

Я считаю себя, однако, вправе сделать исключение для своей подруги, Натальи Ивановны Седовой. Рядом со счастьем быть борцом за дело социализма судьба дала мне счастье быть ее мужем. В течение почти сорока лет нашей совместной жизни она оставалась неистощимым источником любви, великодушия и нежности. Она прошла через большие страдания, особенно в последний период нашей жизни. Но я нахожу утешение в том, что она знала также и дни счастья.

Сорок три года своей сознательной жизни я оставался революционером, из них сорок два я боролся под знаменем марксизма.

Если б мне пришлось начать сначала, я постарался бы, разумеется, избежать тех или других ошибок, но общее направление моей жизни осталось бы неизменным. Я умру пролетарским революционером, марксистом, диалектическим материалистом и, следовательно, непримиримым атеистом. Моя вера в коммунистическое будущее человечества сейчас не менее горяча, но более крепка, чем в дни моей юности.

Наташа подошла сейчас со двора к окну и раскрыла его шире, чтоб воздух свободнее проходил в мою комнату. Я вижу ярко зеленую полосу травы под стеной, чистое голубое небо над стеной и солнечный свет везде. Жизнь прекрасна. Пусть грядущие поколения очистят ее от зла, гнета, насилия и наслаждаются ею вполне.

27 февраля 1940 г. Койоакан.

Л. Троцкий

Все имущество, какое останется после моей смерти, все мои литературные права (доходы от моих книг, статей и пр.) должны поступить в распоряжение моей жены Натальи Ивановны Седовой.

27 февр. 1940 г.

Л. Троцкий

В случае смерти нас обоих… [270]

3 марта 1940 г.

Характер моей болезни (высокое и повышающееся давление крови) таков, что – насколько я понимаю – конец должен наступить сразу, вернее всего – опять-таки по моей личной гипотезе – путем кровоизлияния в мозг. Это самый лучший конец, какого я могу желать. Возможно, однако, что я ошибаюсь (читать на эту тему специальные книги у меня нет желания, а врачи, естественно, не скажут правды). Если склероз примет затяжной характер и мне будет грозить длительная инвалидность (сейчас, наоборот, благодаря высокому давлению крови я чувствую скорее прилив духовных сил, но долго это не продлится), – то я сохраняю за собою право самому определить срок своей смерти. «Самоубийство» (если здесь это выражение уместно) не будет ни в коем случае выражением отчаяния или безнадежности. Мы не раз говорили с Наташей, что может наступить такое физическое состояние, когда лучше самому сократить свою жизнь, вернее свое слишком медленное умирание…

Каковы бы, однако, ни были обстоятельства моей смерти, я умру с непоколебимой верой в коммунистическое будущее. Эта вера в человека и его будущее дает мне сейчас такую силу сопротивления, какого не может дать никакая религия.

Л. Тр.

Из писем Н.И. Седовой-Троцкой Саре Якобс-Вебер

14 апр. 1940 г.

Милая Сарочка!

Спасибо Вам за память, за Ваши слова сочувствия… Два года без него; нет, нет его в жизни… Бедный мой мальчик. Жизнь идет, идет со всеми ее малыми и великими событиями, а его нет, он вне всего. Сара… нестерпимо – мучительно сознавать это… Нет, где он? Как он? *Два года уже* , Сара, два года, как от него *ничего* нет. Хочется спросить у друзей в Париже, как он? Больной мой? Что с ним? Хочется, чтобы написали о нем, рассказали…

Над днях вечером в темной комнате при свете фонаря во дворе я смотрела его фотографии – он смеется… «Как ты можешь, как ты можешь смеяться? Ты не знаешь, что случилось, не знаешь, не знаешь»… О…

Мы были с ЛД как-то у садовника, венгра, не первый раз, но я впервые увидела его сына, 19–20 лет, – он мне напомнил Левика, своей молодостью, своей «сыновностью», да, *сыновностью. Я* услышала «мамочка», его интонацию, у меня закружилась голова, я присела на скамейку… Нет у нас сына. Как это случилось, как случилось?

Мы, Сара, окружены молодыми товарищами, они с нами в работе, они с нами на прогулке, вот греются на солнце, вот спорят… Ведь он тоже мог бы жить… Где, где он? <…>

Л.Д. Троцкий. Письмо советским рабочим

Вас обманывают! Письмо в СССР [271]

Привет рабочим, колхозникам, красноармейцам и краснофлотцам СССР из далекой Мексики, куда я попал после того, как сталинская клика выслала меня в Турцию, а буржуазия гнала меня затем из страны в страну!

Дорогие товарищи! Лживая сталинская печать давно и злостно обманывает вас насчет всех вопросов, в том числе и насчет меня и моих политических единомышленников. У вас нет рабочей печати. У вас есть печать бюрократии, которая систематически лжет вам, чтобы удерживать вас в темноте и обеспечивать господство привилегированной паразитической касты.

Всякого, кто поднимает голос против ненавистной бюрократии, называют «троцкистом», агентом иностранного государства, шпионом, вчера – шпионом Германии, сегодня – шпионом Англии и Франции и подвергают расстрелу. Десятки тысяч революционных борцов погибли от маузеров ГПУ в СССР, как и в других странах мира, особенно в Испании. Всех их изображали агентами фашизма. Не верьте подлой клевете! Их преступление состояло в том, что они защищали рабочих и крестьян от насилий и грабежа бюрократии. Сталин истребил всю старую гвардию большевизма, всех сотрудников и помощников Ленина, всех борцов Октябрьской революции, всех героев гражданской войны. В историю он войдет навсегда под презренным именем Каина!

Октябрьская революция была совершена в интересах трудящихся, а не новых паразитов. Но вследствие запоздалости мировой революции, усталости и, в значительной мере, отсталости русских рабочих, особенно же крестьян, над советской республикой поднялась новая антинародная, насильническая и паразитическая каста, вождем которой является Сталин. Бывшая большевистская партия стала аппаратом этой касты. Та мировая организация, которая была некогда Коммунистическим Интернационалом, сегодня является послушным орудием в руках московской олигархии. Рабочие и крестьянские Советы давно погибли. Их заменили развращенные комиссары, секретари и чекисты.

Но от Октябрьской революции еще сохранились, к счастью, национализованная промышленность и коллективизированное

сельское хозяйство. На этом фундаменте рабочие советы могли бы строить новое более счастливое общество. Этого фундамента мировой буржуазии сдавать мы не должны ни в каком случае. Революционеры обязаны защищать зубами и когтями всякую позицию рабочего класса, идет ли дело о демократических правах, о заработной плате или о таком гигантском завоевании всего человечества, как национализация средств производства и плановое хозяйство. Кто не умеет защищать старые завоевания, тот не способен бороться за новые. От империалистического врага мы будем охранять СССР всеми силами. Однако завоевания Октябрьской революции только в том случае будут служить народу, если народ сумеет расправиться со сталинской бюрократией, как он расправился в свое время с царской бюрократией и с буржуазией.

Если б советское хозяйство велось в интересах народа; если б бюрократия не расхищала и не губила зря большую часть дохода страны; если б она не попирала жизненные интересы населения, СССР был бы великим магнитом для трудящихся всего мира, и неприкосновенность СССР была бы обеспечена. Но бесчестный насильнический режим Сталина лишил СССР притягательной силы. Во время войны с Финляндией не только финские крестьяне, но и рабочие оказались в большинстве на стороне своей буржуазии. Не мудрено: они знают о неслыханных насилиях сталинской бюрократии над рабочими в соседнем Ленинграде и во всем СССР. Так сталинская бюрократия, кровожадная и беспощадная внутри страны и трусливая перед империалистическими врагами, стала главным источником опасностей для СССР.

Старая большевистская партия и Третий Интернационал разложились и сгнили. Честные передовые революционеры организовали за границей Четвертый Интернационал, который уже имеет свои секции в большинстве стран мира. Я являюсь членом этого нового Интернационала. Участвуя в этой работе, я остаюсь под тем же знаменем, под каким стоял вместе с вами или вашими отцами и старшими братьями в 1917 г. и в годы гражданской войны; под тем же знаменем, под которым мы вместе с Лениным строили советское государство и Красную армию.

Цель Четвертого Интернационала – распространить Октябрьскую революцию на весь мир и в то же время возродить СССР, очистив его от паразитической бюрократии. Достигнуть этого можно только путем восстания рабочих, крестьян, красноармейцев, краснофлотцев против новой касты угнетателей и паразитов. Для подготовки такого восстания нужна новая

партия, смелая и честная революционная организация передовых рабочих. Четвертый Интернационал ставит себе задачей создать такую партию в СССР.

Передовые рабочие, становитесь первыми под знамя Маркса и Ленина, которое стало отныне знаменем Четвертого Интернационала. Учитесь создавать в сталинском подполье тесно спаянные и надежные революционные кружки. Устанавливайте связи между этими кружками. Учитесь через верных и надежных людей, в частности, через моряков, устанавливать связи с вашими революционными единомышленниками в буржуазных странах. Это трудно, но это возможно.

Нынешняя война будет все больше расширяться, все больше нагромождать развалин, все больше порождать горя, отчаяния, протеста и приведет весь мир к новым революционным взрывам. Мировая революция снова пробудит мужество и твердость рабочих масс СССР и подкопает бюрократические твердыни сталинской касты. К этому моменту надо готовиться путем упорной, систематической революционной работы. Дело идет о судьбе страны, о будущности народа, наших детей и внуков.

Долой Каина Сталина и его камарилью! Долой хищную бюрократию!

Да здравствует СССР, крепость трудящихся!

Да здравствует мировая социалистическая революция! С братским приветом,

Л. Троцкий

Предупреждение. Печать Сталина заявит, конечно, что это письмо переправлено в СССР «агентами империализма». Знайте заранее, что и это ложь. Письмо это будут доставлять в СССР надежные революционеры, готовые рисковать собою за дело социализма. Переписывайте это письмо и распространяйте его как можно шире.

[25 апреля 1940 г.]

Л. Т.

Из интервью Всеволода-Эстебана Волкова Наталье Козловой, Ольге Петраковой, «Российская газета», 2 июня 2006 г. специально для «РГ», Мехико

Последний из рода Троцкого

…Я вспоминаю первое покушение на дедушку банды Сикейроса [272] . Тогда они из пулемета стреляли в спальню. Она [Наталья] тогда фактически спасла его – столкнула с кровати на пол, вытолкала именно в тот угол, куда не доставали пули, и прикрыла его собой.

РГ: Детали того первого нападения остались в памяти?

Волков: Это было в четыре часа утра. Я спал в соседней комнате, слышал и видел, как они стреляли. У меня с тех пор на пальце ноги осталась небольшая царапина. Одна пуля прошла, задев край моей ступни. В то утро я проснулся, услышав шум. Быстро выскочил из своей комнаты, выбежал из дома и вбежал в помещение, где была охрана. Спустя небольшое время я услышал в доме голос моего дедушки. В тот момент он мне показался нисколько не испуганным, а даже радостным, будто ничего не случилось. Он был рад, что остался жив. После этого было небольшое собрание, на котором присутствовали все члены семьи, охранники и секретарь. Мы долго обсуждали то, что произошло, и то, как это могло случиться при наличии охраны.

В тот момент всем было очень грустно оттого, что нападавшие похитили одного человека из охраны. Это был Шел Нохард.

Теперь, после того, как открыли все архивы, доказано, что он был шпионом и работал на врагов Троцкого.

В то время все присутствующие были уверены, что в охране только преданные люди. Никто не мог допустить мысли, что Сталин на таком большом расстоянии может угрожать жизни Троцкого. Также невероятно и то, что Рамон Меркадер проник в наш круг.

РГ: После первого покушения группы Сикейроса, которое было в ночь на 24 мая 1940 года, Леон Троцкий принял ли какие-либо меры для усиления охраны?

Волков: Он сам ничего не предпринял, но его американские друзья организовали сбор денег, на которые укрепили забор и

наняли еще охранников. Но сам Леон Троцкий считал, что все эти меры ненужные и несерьезные. Он был уверен, что, если спланируют еще одно покушение, оно будет организовано иначе. Да и манера его осуществления будет другой.

РГ: Что вы знаете о том втором покушении, которое было уже 20 августа 1940 года? Что за человек был Рамон Меркадер?

Волков: Тот, который убил его?

РГ: Да.

Волков: Этот человек был фанатиком сталинизма, участником гражданской войны в Испании. Он был агрессивным испанцем.

РГ: Как Меркадер появился в доме? Как был представлен Троцкому?

Волков: Рамон Меркадер был очень близок и предан своей матери. Фактически она им управляла. Его мать Карин Меркадер имела тесную связь с одним из агентов НКВД полковником Этингоном. Они сумели внушить ему ненависть к троцкизму. Рамон Меркадер завел флирт с молодой девушкой, секретарем Троцкого. Он постепенно завоевал доверие всего дома. И стал человеком нашего круга. Он никогда не проявлял интереса к тому, чтобы иметь прямые отношения с Троцким. Однажды он попросил, чтобы Троцкий посмотрел политическую статью, которую он написал. И конечно, Троцкий, ничего не подозревая, согласился и попал в засаду. Ну, а остальное вы знаете.

РГ: Как вы пережили смерть дедушки?

Волков: Прошло много лет. Я сам уже прожил жизнь. Дедушка был мне и дедом, и отцом. Я очень переживал тогда. Самое интересное, что мне тогда долго снились сны, что он не умер, а просто прячется в подвале того дома, где мы жили. Сейчас, спустя много времени, я смотрю на ту борьбу, которую вел Леон Троцкий с бюрократией сталинизма, и понимаю, что ему было не суждено умереть от старости у себя в постели. И так получилось, что он умер фактически в окопах, борясь за свои идеи.

После Сталина, я хочу сказать, что и все другие советские бюрократические системы, даже Горбачев, тоже очень плохо смотрели на Троцкого как на политического лидера.

РГ: Как перенесла смерть Троцкого его супруга Наталия Седова?

Волков: Для нее все это было очень тяжело [273] . Прошло много-много лет, прежде чем мы смогли увидеть улыбку на ее лице. Я помню, как она ходила по дому совершенно отрешенная от всего, покачиваясь из стороны в сторону. Ее взгляд говорил о том, что она находится не в этом мире. То, что моя семья жила в этом доме, немного скрашивало ее горе.

РГ: Сколько лет семья жила после убийства Троцкого в этом

доме?

Волков: Тридцать лет. Здесь я женился, у меня родились дети и выросли.

Из примечаний Ю.Г. Фельштинского к интернет-изданию «Л.Д. Троцкий. Архив в 9 томах»

Рамон Меркадер (1914–1978) – испанский коммунист, член террористической группы, организованной советскими спецслужбами для убийства Троцкого. Группой руководили его мать Каридад Меркадер и агент ОГПУ Наум Эйтингон. Убийце удалось втереться в доверие к Троцкому и 19 августа 1940 г. нанести ему смертельный удар ледорубом (Троцкий умер 20 августа). Меркадер 20 лет отсидел в мексиканской тюрьме, так и не выдав тех, кто организовал убийство. За свой «подвиг» он был удостоен звания Героя Советского Союза. После освобождения жил в Чехословакии, с 1964 г. в СССР. Работал в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС под именем Р.И. Лопеса. В середине 70-х годов по приглашению Ф. Кастро уехал на Кубу. Похоронен в Москве.

Из писем Н.И. Седовой-Троцкой Саре Якобс-Вебер

3—4 июня 1941 г.

<…> Мне было что-то вроде 18 лет. <…> Это было ранней весной. Как это было давно, Сара. Тогда все чувствовалось иначе. Сколько бедствий с тех пор. <…> Но было и счастье – его никто не смог отнять у нас, никто и ничто… Оно было.

4 июня

А сегодня я все рассказываю Левику, рассказываю, как все прошло. Он ничего не знает… Сара, Сара, невыносимо мучительно продолжать все без них. Пустая комната. Я сегодня с трудом вошла туда, чтобы открыть окно… Все кажется, что я найду его за письменным столом, как прежде…

Нет, нет, этого никогда не будет, никогда, никогда.
Как все черно-черно…

Из книги Б. Рунина «Мое окружение»

Мы уходили на войну душной ночью начала июля сорок первого года в составе одного из полков Краснопресненской дивизии народного ополчения города Москвы. Уходили – в прямом значении этого слова: в пешем строю, по Волоколамскому шоссе, на запад.

Каждый раз, вспоминая ту ночь, я думаю о том, что за всю историю войн ни в одной армии мира, наверно, не отмечено другого такого случая, чтобы целое подразделение состояло из профессиональных литераторов. Нас было примерно девяносто человек – прозаиков, поэтов, драматургов, критиков, вступивших в ополчение через оборонную комиссию Союза писателей. В одном строю шагали и уже маститые, такие, как Юрий Либединский, Степан Злобин, Бела Иллеш, Рувим Фраерман, Павел Бляхин, и мало еще кому известные в ту пору писатели, как Александр Бек или Эммануил Казакевич.

Я упоминаю только тех, кому суждено было дожить до Победы и кого лишь потом, после войны, не пощадило неумолимое время. А скольких мы недосчитались уже очень скоро – в октябре того же сорок первого года после разгрома под Ельней и окружения…

И хотя после ельнинско-вяземского окружения судьба бросала меня на самые разные участки фронта – и под Ленинград, и в Карелию, и в Заполярье, и в Корею, – первые дни войны остались для меня самыми памятными. Никогда раньше не бывало у меня так много верных друзей, и никогда потом не доводилось мне испытывать горечь стольких одновременных утрат… Все они умерли не в своей постели, а были убиты. Их могилы в большинстве своем неизвестны… Их имена высечены на мраморе в вестибюле Центрального Дома литераторов в Москве строго по алфавиту, независимо от их литературной или воинской славы.

Из письма Н.И. Седовой-Троцкой Саре Якобс-Вебер

25 сентября 1941 г.

<…> О ЛД <…> Да, он позволял себе стоны наедине с собой и пугался, Сарочка, когда вдруг обнаруживал, что я могла их слышать. Я знала причины их и ни о чем не спрашивала, чтобы не углублять его страдания – потерю Левика, мука за невинного Сережу… <…> Лев Давидович в последнее время не исключал возможность, что он жив… Или он высказывал эти предположения для моего утешения, чтобы дать мне за что держаться, если с ним самим что-нибудь произойдет… Этот разговор произошел у нас после 24-го мая 1940 г., знаете, Сара, ЛД даже сказал мне один раз со сдержанным волнением и как будто ища примирения для себя и для меня с тем, что должно было случиться, по его глубокому убеждению: «Моя смерть может облегчить положение Сережи…» – «Нет… нет… нет…» Я с горячей тоской не приняла этого. Вспоминаются мелкие подробности, которые говорят, что в тот период времени ЛД находился в сознании неизбежности нового удара, несмотря на вполне бодрое состояние и на напряженную работу. Он мне как-то сказал: «Тебе, Наташа, надо переменить твой обычный выходной костюм… столько было фотографий… Ты выходишь одна… Надо изменить это…» Когда я ему показала образцы материи на костюм, он остановился на наиболее темном (серые тона), как и я, но как будто на этот раз не потому, что это ему больше нравилось, обычно он предпочитал более светлые, а по каким-то другим соображениям, даже как-то насторожился, будто боялся, что я угадаю его мысли: облегчить мне задачу в будущем… Подбор этот произошел на этот раз печально. <…>

Знаете, я не могу, когда говорят об убийстве, о смерти его. <…> Говорят же просто, повседневно… Как в последние минуты его жизни, Сара, я ждала, что он выпрямится и распорядится собой сам. Другие, чужие, распоряжались им – нестерпимо, мучительно. Когда его снова опустили на постель и все было кончено, я стала на колени и приложилась лицом к ступням его ног. Ах… Ах… Сара, как, как они посмели поднять на него руки… Я знаю, знаю все. Но его нет. Как это странно… Смерть, убийство, это как будто к нему не относится. Но его нет. Во сне, один раз, произошло то, чего я ждала у его постели… Он из своей комнаты вышел, прошел через спальню, вошел в мою комнату, подошел ко мне и спокойно сказал: «Все кончено», т. е. то, что произошло 20

августа. Он снова во всей своей силе и жизненности. <…>

Из книги Надежды Улановской, Майи Улановской «История одной семьи» [1953]

Н. Улановская Из раздела «Рассказ матери»

Прибыла к нам пожилая повторница, еврейка, кажется, ее звали Матильда. Ее положили к Этель Борисовне в стационар, я приходила туда и познакомилась с ней. Однажды напоролась на скандал. Пришел большой этап, и в стационар попала отвратительная баба, барахло с большими претензиями, бывшая дворянка. И потребовала, чтобы Матильда (оставлю за ней это имя), которая была моложе ее, уступила ей свое место на нижних нарах. Этель Борисовна сказала: «Я здесь решаю, кто тяжелее болен. Я ее наверх не подниму – ей нельзя, а вам – можно». – «Ну, конечно, евреи всегда друг для друга стараются!» Кое-кто из больных тоже высказался против евреев. Матильда испугалась, что у Этель Борисовны будут из-за нее неприятности, разволновалась и настояла на том, чтобы ее сейчас же выписали из стационара. Я поговорила с той бабой, сказала, что антисемитизм нынче в моде, наш опер будет ею доволен. И ушла к себе в барак. Вскоре приходит Матильда. О ее деле я ничего не знала. Обычно было известно, кто за что сидит. Кто вдавался в подробности, а кто нет. Матильда вовсе о себе не рассказывала, а прямо спросить: «За что сидите?» – было неловко. И вдруг она говорит: «Надежда Марковна, вы меня поразили. Чувствуется, что вы их не боитесь. А я всю жизнь боюсь. Наверное потому, что у меня очень страшное дело. Никому я об этом не рассказываю, но вам доверю. Я – племянница Троцкого». Мы шли по зоне, она сказала это, оглядевшись по сторонам. И мне самой стало страшновато. Она продолжает: «С девятнадцати лет живу с этим клеймом. Сижу в третий раз. На последнем следствии меня обвиняли и в том, что я рассказываю об этом, и в том, что скрываю».

В мордовских лагерях сидели еще две родственницы Троцкого. И на Колыме, ты говоришь, была его племянница. Сидела вся его родня: и братья, и племянники, и мужья племянниц, и жёны племянников. С Троцким они невесть когда и встречались. Единственная родственница, с которой он действительно поддерживал отношения до революции и после, – это поэтесса Вера Инбер [274] . И она единственная не пострадала. Матильда ужасалась: «Какой же ценой она купила

свободу?!» Мы ходили с ней до самого отбоя. Она говорила: «Я выросла среди людей, которые всего боятся. И все, кто с нами общался, тоже боялись. Вы первый человек, в котором я не чувствую страха. Может быть, так и следует жить?» А я уже пришла к выводу, что в жизни нет ничего страшнее страха. И действительно не боялась.

Три дня Матильда встречала меня в обеденный перерыв возле столовой и приходила ко мне в барак по вечерам. А на четвертый день умерла. Я вернулась с работы, умылась, иду в столовую. У входа – толпа. Подхожу и вижу: она лежит мертвая. Этель Борисовна говорила, что Матильда смертельно больна. Уход из стационара, возможно, ускорил ее конец. Я пошла в стационар, где лежала эта стерва, которая ее выжила, и сказала ей пару теплых слов: «Радуйтесь, еще одну еврейку удалось угробить». Она обиделась: «Разве я виновата? Я – что? Я – ничего».

Мы похоронили Матильду на кладбище возле зоны. Нашу бригаду, предназначенную для таких незапланированных работ, послали рыть могилу. На вахте труп, как положено, проткнули штыком. Мы копали яму, и она наполнялась водой. Гроб опустили прямо в воду, и он поднялся вверх. К ноге привязали бирку. Нам разрешили ее одеть. Когда-то она жила за границей, и среди ее вещей мы обнаружили плед и нарядное платье. Кто-то из бригады пожалел было вещи, но все-таки мы завернули ее в этот замечательный плед.

Из книги Б. Рунина «Мое окружение»

Осенью пятьдесят третьего года мы с женой впервые поехали в Коктебель. После смерти Сталина да еще недавнего ареста Берии жизнь уже не казалась такой безнадежно мрачной. Разумеется, для исторического оптимизма данных было еще очень мало. За редким исключением, прежние начальники сверху донизу продолжали сидеть в своих креслах и не собирались их кому-либо уступать. В области идеологии и культуры явственных послаблений не наблюдалось, прежние лозунги и постановления сохраняли свою директивную обязательность.

Но все же кое-какие новые тенденции уже носились в воздухе, и нам, литераторам, это стало ясно даже не столько в связи с отменой «дела врачей», сколько в связи со снятием Симонова с поста главного редактора «Литературной газеты». То есть того органа, где сразу после смерти Сталина была опубликована памятная передовая, написанная на основе выступления Симонова на писательском траурном митинге.

Я был на этом митинге, состоявшемся в помещении нынешнего Театра киноактера (нового здания ЦДЛ тогда еще не было даже в проекте). Некоторые мои друзья считают тот митинг последним писательским сборищем, проникнутым откровенно фашистским духом, насыщенным фашистской фразеологией, отвечавшим всем процедурным условностям, присущим фашистской иерархической структуре. Наверно, они правы, хотя четыре года спустя я снова сидел в том же зале, в той же атмосфере ненависти к интеллигенции – на собрании, выбросившем Пастернака из писательского Союза.

И все же исключение Пастернака из Союза советских писателей, пожалуй, следует рассматривать как одно из мерзких проявлений хрущевского, а не сталинского стиля руководства. Даже в то время оно воспринималось уже не столько как злодейство, сколько как дремучее невежество. Это был защитный рефлекс дикаря, столкнувшегося с рафинированной заоблачной культурой. Сталин мог загубить – и загубил – тысячи талантов, но никому из них он не отказал при этом в праве на цеховую принадлежность. Он более или менее представлял себе, с кем и с чем имеет дело. Он, конечно, ненавидел, но по-своему чтил даже Мандельштама. И исключил его, как и многих других писателей, не из Союза, но из жизни. Сталин считался с мировым общественным мнением и потому уничтожал художников, делая вид, что карает их не за образы, не за искусство, а якобы за шпионаж и диверсии, как Пильняка. Или убивал их втихаря, как

Бабеля. Наконец – из-за угла и без объяснений. Как Михоэлса.

Хрущев, а потом и Брежнев этого по темноте своей не понимали. Переняв у Сталина его подозрительность к интеллигенции и враждебность к «неправильному» искусству, они в отличие от вождя народов считали возможным наказывать художников административно именно за их творения…

Из статьи Наталии Верхолаз

Внучка Троцкого [275]

Я увидела ее впервые в 1950 году. В передней молодежного общежития неподвижно сидела прелестная девушка. По ее бледному лицу медленно катились слезы. Она их не вытирала. Я невольно попыталась ее успокоить, увести в свою комнату, но она сказала, что должна ждать здесь, за ней придут, что она сюда, в Балхаш, сослана и что ее зовут Саша Моглина.

Вскоре ее увели и поселили в соседнем бараке. По-видимому, эта комнатка была раньше кладовкой. В этом узком пенальчике помещались лишь две койки и между ними тумбочка. На соседней койке спала другая ссыльная со своим сыном лет семи-восьми.

Очень я обрадовалась, когда Саша пришла к нам работать в конструкторское бюро главного механика завода проката цветных металлов. Где и что она окончила, я не знаю, кажется, в Москве, но она была инженером-механиком. И более добросовестного работника я не встречала. Ни в работе, ни в быту, когда каждый склонен немного пожалеть себя – кто по лени, кто по болезни, – она не давала себе спуску даже в мелочах. Теперь я думаю, что это было из протеста против безудержной, грязной клеветы на людей, которых она знала как людей чести и верности высоким идеалам.

Хотя нет, не только из протеста. Чувствовалось, что она просто любит свою работу. Я почувствовала родственную душу, и мы довольно скоро сблизились.

Однажды, когда мы возвращались из кино (фильм был о войне, совершенно потрясающий), она задумчиво сказала, что она лично ни в чем не виновата, а в тюрьме она была и теперь сослана из-за бабушки – крупной участницы революции 17-го года. Но если так нужно было для народа и для победы, то она, Саша, со своей судьбой согласна.

Полвека прошло, а я помню, как она это сказала. Немногие способны на такую самоотверженность.

О тюрьме Саша сказала, что самое страшное там – это безграничная власть и торжество безнаказанности подонков и своя совершенная беспомощность.

А теперь она добивается, чтобы место ссылки ее матери заменили на Балхаш. (Позже выяснилось, что это не родная мать, а вторая жена ее отца.)

Позже вообще много чего выяснилось.

В Балхаше в то время было много политических ссыльных

после тюрем и лагерей. Среди интеллигенции они преобладали. Там, например, была отличная труппа городского театра, в которой также преобладали ссыльные……Зал на премьерах был заполнен по абонементам

уже давно знакомыми соседями. И каким праздником были эти премьеры!

Особенно на фоне той жизни.

Особенно для ссыльных. Общая беда их объединила, и они были очень близки между собой. Был среди них один близкий мне человек – Иосиф Гдальевич Симхович. Вот он мне и рассказал, что Сашу и ее мачеху репрессировали не из-за бабушки, а из-за дедушки. И дедушка этот был – Лев Троцкий. Что родная Сашина мать, дочь Троцкого от первого брака, сгинула через некоторое время после высылки Троцкого за границу. Отец Саши долго не обзаводился семьей, а затем женился на Марии Израилевне, фамилии не помню. Через какое-то время арестовали отца Саши. Мария Израилевна непрерывно обращалась к разным влиятельным людям, пытаясь его спасти. Насколько это было тогда рискованно, понятно лишь современникам.

Неизвестно, что повлияло, но его выпустили. А через какое-то время его снова арестовали, и он исчез навсегда [276] . Осталась маленькая Саша на руках у Марии Израилевны вплоть до их ареста, заключения в Бутырку, а потом их сослали в разные места. Вот Саша и добивалась разрешения им объединиться.

И добилась.

Марию Израилевну привезли в Балхаш, и первые дни спали они с Сашей на одной койке. А мне как молодому специалисту дали огромную комнату в молодежном общежитии. Естественно, я пригласила их к себе жить.

И прожили мы вместе около года, пока им не дали отдельную комнату в том же так называемом Молодежном городке.

Это был пригород Балхаша, состоявший из одноэтажных дощатых бараков, построенных наспех унылыми рядами, когда во время войны наш завод был эвакуирован из Кольчугино. Однажды поразил меня (уже здесь, в Израиле) макет концлагеря (кажется, Бухенвальда). Он был точь-в-точь такой же застройки.

А сам город Балхаш был построен в казахстанской Голодной степи у соленого озера Балхаш на тупиковой ветке железной дороги. Может быть, это обстоятельство и стало одной из причин ссылки туда «врагов народа».

Я-то ехала туда по назначению после окончания института и была полна мечтой и радостной верой, что по моим проектам будут строиться прекрасные, очень удобные, очень нужные здания

на радость людям. И близость осуществления этой мечты просто пьянила. Оставалось меньше двух дней пути!

Но в последние два дня до Балхаша все труднее верилось, что в такой пустыне это возможно. Я ехала в последнем вагоне длинного состава, там из заднего окна был круговой обзор. До самого горизонта видны были только две нитки убегающих вдаль рельсов по голой, плоской лысине Голодной степи. Ни деревца, ни даже травы, ни поселения, ни хотя бы разнообразного рельефа – только ветер гонит сухие клубки перекати-поля. А каково было видеть это тем, кого везли туда поневоле!

Так случилось, что мне довелось близко узнать людей, прошедших сталинские тюрьмы, лагеря и ссылку. Многие были людьми с погасшим взглядом. А у Саши был взгляд всегда живой, какой-то вопрошающий.

Однажды она сказала: «Я не жалею, что была в тюрьме. Я там узнала настоящую цену человека. Там проявляется настоящая суть. Бывает, человек в обычной жизни выглядит очень достойно – а в тюрьме превращается в мокрую тряпку. А человек незаметный, серый в тюрьме вдруг проявляется самым высоким и достойным образом».

Оказалось, что даже не сама тюрьма, а только угроза тюрьмы проявляет суть человека, как лакмусовая бумажка.

Вот парень, с которым Саша дружила еще в студенчестве (насколько мне известно, только на уровне походов на каток, в консерваторию или в театр). Он безбоязненно добивался свидания с ней в Бутырской тюрьме, не боялся переписываться и, наконец, приехал к ней в Балхаш. Что-то там у них не сладилось, они не поженились, но такое поведение в то время требовало большого мужества.

Еще большим мужеством была вся жизнь Марии Израилевны.

Пока мы жили вместе, я поневоле стала свидетелем их отношения друг к другу. Хотя Саша рассказала, что в детстве, пока был жив отец, она встретила в штыки его женитьбу. Всей своей жизнью Мария Израилевна сумела завоевать ее сердце. Даже у родных матерей с дочерьми такой бережной нежности и предупредительности я не встречала. И неугасающую радость, что им удалось, наконец, соединиться.

В конце 1952 года окончился мой «срок» работы по назначению, и я уехала из Балхаша.

После моего отъезда Саша вышла замуж также за ссыльного. Приняла ли она его фамилию, я не знаю. Через некоторое время переписка заглохла, и я о ней ничего не знала много лет.

В 1989 году я случайно услышала, что в кинотеатре нашего города идет киноочерк «Внуки Троцкого» и там показывают его

внучку, Сашу Моглину. Всколыхнулись воспоминания юности, мне страшно захотелось ее увидеть. Но киноочерк уже был снят с экрана. Долго рассказывать эту почти детективную историю о том, как я искала его следы. В конце концов я нашла его кассету в бюро проката на Арбате в Москве.

Из нее я узнала, что Троцкому при высылке разрешили взять только одного внука. И он взял Севу, сводного брата Саши. Этот Сева после гибели Троцкого где-то жил в разных странах. По непроверенным данным, он и теперь живет в Мексике, но когда он узнал, что Саша смертельно больна, он приехал в Москву попрощаться с ней.

Я смотрела на экран, захлебываясь слезами. В этой совершенно седой, обрюзгшей, растрепанной старухе в постели невозможно было узнать прелестную девушку, которую я помнила. Но там же была показана ее фотография в молодости. Это была она! Она… Внучка Троцкого.

До тех пор я втайне относилась к рассказу Иосифа Гдальевича с сомнением. Тут оно исчезло.

И появилось горькое сожаление, что я не сумела тогда понять, какую горькую жизнь она прожила до того и какую, вероятней всего, ей предстоит прожить после того, и как я могла допустить, что потеряла ее из виду. Может, я и смогла бы еще как-нибудь ей пригодиться…

Поняла только у этого экрана. Тогда были на волнах перестройки популярны эти документальные киноочерки, снятые журналистами «Огонька», пока во главе его был Коротич.

Оператор снимал, как Сева идет от главпочтамта на улице Кирова и как подходит к ее дому, и ясно видна была у подъезда табличка – «Кирова, 32». Я поехала туда, но ни в этом огромном доме, ни в ЖЭКе никто ничего сказать о ней не мог.

Мне удалось все же отыскать журналиста, снимавшего очерк. Он сказал, что найти Сашу я и не могла, так как у нее другая фамилия. Он ее назвал и назвал номер квартиры. Я вскочила: «Я сейчас же еду туда!» Он сказал: «Вы опоздали. Месяц тому назад Саша скончалась».

Из интервью Всеволода-Эстебана Волкова Наталье Козловой, Ольге Петраковой

Последний из рода Троцкого

Всеволоду Волкову, единственному внуку и последнему из оставшихся в живых близких родственников Троцкого – восемьдесят лет. У его русского имени есть аналог – Эстебан. Так его все и зовут. У Эстебана голубые глаза, он порывист и эмоционален. Быстрый ум, нервная речь. В нем присутствует все та же демоническая харизма, которая была характерна для его деда.

В Мехико, в районе Кайоакан на Венской улице стоит дом-усадьба Льва Троцкого. В свое время его подарил русскому революционеру президент Мексики, теперь это музей. Называется он Casa Leon Trozkiy («Дом Леона Троцкого») и открыт все дни, включая выходные. Поток посетителей не иссякает. В основном это мексиканцы и американцы. Русские здесь бывают не часто.

Российская газета: Как сложилась ваша жизнь?

Эстебан Волков: Я женился на испанке. У нас четверо детей. Все девочки. Последние две – близнецы [277] .

РГ: Знают ли они русский язык?

Волков: Нет. Они ни слова не говорят по-русски.

РГ: Вы помните первую жену Троцкого – свою родную бабушку Соколовскую?

Волков: Почти ничего о ней не помню. Знаю только, что она осталась в России и пострадала от сталинского террора.

РГ: А свою мать Зинаиду Волкову помните?

Волков: Да, маму я помню хорошо. Мы жили вместе в Берлине и переписывались с дедушкой. Это было до того, как она покончила жизнь самоубийством.

РГ: Поддерживала ли она взаимоотношения с отцом Львом Троцким?

Волков: Одно время они переписывались. Они ведь были очень дружны, но тогда он еще жил в России. Потом все отношения были прекращены. Письма перестали приходить. Теперь я понимаю, что это было из-за режима там, в России.

РГ: Вы знаете причину душевного кризиса вашей матери?

Волков: Она последнее время жила в Берлине. Была не совсем здорова. А тут ее еще лишили русского гражданства. На этой почве она очень нервничала. Это было время, когда в Германии

Гитлер пришел к власти, мама очень переживала. Она просто заболела из-за этого. Все это привело к тому, что мама покончила жизнь самоубийством. Я узнал о ее смерти только через год. Я ведь жил не с ней.

РГ: Ей тяжело достался разрыв с Россией?

Волков: Да. Она очень переживала, что не сможет больше увидеться со своим мужем и никогда уже не увидит свою дочь.

РГ: Как вы оказались в семье деда Леона Троцкого и его второй жены – Натальи Седовой?

Волков: Помню, что мы изгнанниками жили в Турции и моя вторая бабушка, как я ее называл, Наталья Ивановна Седова учила меня читать и писать. В детстве я хорошо знал русский язык. Позже мой дедушка говорил, что я музыкально тяну русские слова, как это типично делают москвичи.

РГ: Как дедушка вас воспитывал, что рассказывал о России?

Волков: В детали он не вдавался. Но я понимал, что в те времена он вел серьезную войну против сталинского режима. Подробности не помню. Помню, что он мне показывал книги, там были фотографии и рисунки России.

РГ: Помните ли вы Наталью Ивановну Седову? Какие взаимоотношения были у нее с Троцким?

Волков: Она была маленького роста. Очень хорошо воспитана и женственна, очень красива. Как я теперь понимаю, она была происхождением из очень хорошей семьи. Еще помню сильный и властный характер. Она была хорошо образованна. Мой дедушка всегда считался с ее советами. Но они часто спорили. У них были постоянные дискуссии. При всем при этом это была очень дружная пара.

РГ: Какой распорядок дня был в доме, когда здесь жил Леон Троцкий?

Волков: Здесь постоянно находилась группа американских единомышленников (социал-демократов), которые охраняли Троцкого. Они это делали бесплатно. Утром, очень рано, мы завтракали. У нас был большой стол. Вся семья садилась вокруг этого стола.

Первое, чем занимался Троцкий после завтрака, выходил во двор и кормил кроликов и кур. У нас были и те и другие.

Затем он приходил к себе в свой кабинет и там работал все утро. Потом наступало время обеда. Обед у нас был не очень насыщенный. После обеда он немного отдыхал, спал. И потом еще работал в своем кабинете. Это было до вечера, до ужина. Вечером начинались дискуссии и беседы на политические темы.

РГ: Вы жили закрыто?

Волков: Дом Троцкого никогда не был закрытым. К нам часто

приходили журналисты, интеллектуальные люди того времени, даже люди из других стран приезжали.

Иногда, когда наступали выходные, мы выезжали из Мехико просто на природу, на пикник. Мы использовали это время для того, чтобы собирать разные виды диковинных растений, в том числе кактусы. Конечно, после первого покушения мы стали все реже и реже выезжать на природу. Ждали нового покушения. Сталин тогда плел много интриг.

К сожалению, многие представляют борьбу Троцкого против Сталина как борьбу за власть. На самом деле это было не так. Самое главное для Троцкого было то, чтобы идеи революции были живы и не искажались. В свое время у Троцкого была под руководством целая армия и, если бы он имел целью власть в стране, думаю, захватил бы ее.

РГ: Какое отношение Троцкий имеет к тем репрессиям, которые потом были в России? Он их предполагал в своей теории, программировал?

Волков: Для него это был процесс контрреволюции.

Из газеты «Секрет» (Тель-Авив), 19.03.06

Последний Бронштейн России

…Валерий Бронштейн, внучатый племянник Троцкого, его единственный на сегодняшний день родственник по мужской линии.

…Номер газеты со сталинским панегириком в адрес Троцкого невозможно было получить ни в одной библиотеке. Чрезмерно любопытные быстро оказывались на Соловках или Колыме…

…Валерий Борисович показывает мне саморучно вычерченное генеалогическое древо когда-то весьма многочисленного рода Бронштейнов и дает пояснения:

«После высылки в 1929 году Троцкого за границу все его родственники, как взрослые, так и дети, подверглись жесточайшим репрессиям – расстреляны, погибли в тюрьмах, лагерях, ссылках. Места их захоронений неизвестны. Даже могила моего прадеда, отца Троцкого, Давида Леонтьевича, умершего в 1922 году от тифа и похороненного на Новодевичьем кладбище, была потом уничтожена, стерта с лица земли».

Между тем самого Валерия Борисовича судьба хранила. Когда в 1937 году родителей взяли (отца расстреляли, а мать отправили в спецлагерь для жен врагов народа), его, чтобы запутать НКВД, усыновила родная бабушка – самым официальным образом. Ему тогда немыслимо повезло. Ведь еще одно страшное и несмываемое клеймо значилось в его короткой биографии и имело документальное подтверждение: при регистрации его рождения в 1924 году свидетельскую подпись в загсе оставил друг семьи Михаил Тухачевский – будущий знаменитый маршал. И не менее знаменитый враг народа…

Везение продлилось аж до 1948 года. В ночь на 1 июля за ним наконец пришли…

«Следователь требовал признаться, что я сын своего отца, врага народа, и внук Троцкого, главного врага великого Сталина, – рассказывает Валерий Борисович Бронштейн. – От первого родства я никогда не отказывался и в тюрьме его сразу же подтвердил, а во второе утверждение вносил поправку – не внук, а внучатый племянник. «А не все ли равно?» – наивно удивлялся следователь. И в протокол записал, что я внук…»

Даже фронтовые заслуги «внуку» не помогли. Военную службу он начал в 1942 году, восемнадцатилетним, в составе Отдельного автотранспортного батальона резерва Верховного

главнокомандования. За баранку, как в песне поется, держался крепко. Участвовал в битве на Курской дуге. В 1945-м штурмовал Берлин. На рейхстаге, честно признается, не расписывался – во-первых, места не хватило, а во-вторых, фамилия уж больно сомнительная…

На Лубянке ему долго подбирали подходящую статью. Остановились на ст. 7—35 УК РСФСР. Предназначалась она «для изоляции рецидивистов с целью предотвращения очередного преступления». Так что мотал свой срок «внук» Троцкого по уголовке. Может, потому и жив остался? Много лет спустя он вытребовал у Верховного суда Российской Федерации такую справку: «Бронштейн Валерий Борисович осужден постановлением Особого Совещания при Министерстве Государственной безопасности СССР от 7 августа 1948 года по политическим мотивам… Реабилитирован 28 сентября 1955 года».

«…Я видел фашистский концлагерь Майданек, так вот он просто пионерский лагерь по сравнению с ванинской пересылкой, где человеческая жизнь ничего не стоила, а пайка хлеба отнималась сразу после ее получения».

На Колыму, в пересыльный магаданский лагерь, везучий «троцкист» добрался живым, лишь два зуба потерял: цинга.

…Вскоре он стал начальником крупной геофизической партии, куда входили пять отрядов. Поселок Усть-Нера, куда его перевели, соседствовал с Оймяконом – абсолютным полюсом холода. Это были гиблые места с очень дурной славой – золотые прииски и вольфрамовые рудники с адскими условиями труда, откуда «возврата уж нету»…

…Бронштейн стал авторитетным специалистом, имел изобретения, опубликовал научные работы. В 1959 году он вернулся в Москву. С молодой женой Тамарой и маленькой дочкой Еленой.

В столице реабилитированный «внук» Троцкого получил комнату в коммунальной квартире на Ленинском проспекте [278] . И с работой все наладилось…

…«Известному кладоискателю» Бронштейну поручили секретное правительственное задание – поиск Янтарной комнаты, которую отступающие фашисты спрятали предположительно где-то в Кенигсберге (Калининграде). В одном из подземных хранилищ были обнаружены громадные стальные сейфы. К сожалению, сейфы оказались забиты старыми депозитами Дрезденского банка…

Из книги Льва Либова «Сталин, Троцкий и я»

…С Левой Невельсоном… я познакомился в читальном зале библиотеки Саратовского государственного университета имени Чернышевского. Однажды со мною рядом сел парень моего роста, но с более плотной фигурой, с голубыми глазами, с большим лбом и орлиным носом…Вскоре и в общежитие возвращались вместе и, хотя были, по-моему, в разных группах, встречались довольно часто. Нас сближали бедность, одинаково благоговейное отношение к читальному залу, лекции, семинарские занятия, вызывавшие интерес и споры. О себе он говорил мало.

…О судьбе Льва Невельсона на сегодняшний день знают Федеральная служба безопасности Российской Федерации и я. Вот что узнал я из письма заместителя начальника отдела УФСБ РФ по Саратовской области А.М. Казимирова – ему я, пользуясь случаем, выражаю глубокую благодарность за внимание к моей просьбе сообщить, что можно, о Льве Невельсоне…

«На ваше обращение, поступившее из ИЦ ГУВД Саратовской области, сообщаем, что по имеющимся в Управлении ФСБ России по Саратовской области материалам архивного уголовного дела в отношении группы студентов исторического факультета Саратовского госуниверситета, репрессированных в 1941 году, проходят: Невельсон Лев Манович, 1921 г. рождения (3 декабря), уроженец г. Ленинграда, еврей, гражданин СССР, из служащих, беспартийный, со средним образованием, был арестован 3 июня 1940 года.

До ареста проживал в г. Саратове по ул. Вольская, д. 18, кв. 8, являлся студентом 2 курса исторического факультета СГУ.

На допросе 4 июня 1940 года он показал, что отец был женат на дочери Троцкого – Бронштейн. Седов – сын Троцкого – являлся сводным братом моей матери,

Бронштейн Нины Львовны. Седов моложе матери и рожден второй женой Троцкого.

12 февраля 1941 года осужден выездной сессией Военного Трибунала ПриВО к ВМН по обвинению в создании и руководстве контрреволюционной троцкистской группой, проведении активной контрреволюционной агитации, направленной против политики партии и Советского правительства, изготовлении и распространении листовок контрреволюционного содержания, направленных к прямому террору против руководителей партии и

свержению существующего строя (ст. ст. 17—8, 58–11 УК РСФСР). Приговор приведен в исполнение 22 апреля 1941 года в г. Саратове, где одним из мест захоронения жертв политических репрессий является Воскресенское кладбище.

14 мая 1992 года на основании Закона РСФСР от 18 октября 1991 года «О реабилитации жертв политических репрессий» Невельсон Л.М. реабилитирован прокуратурой Саратовской области».

Из писем Н.И. Седовой-Троцкой Саре Якобс-Вебер

31 июля 1951 г. Получили переданное мне Борисом Николаевским письмо одной Ди-Пи с запиской, которая меня очень обеспокоила. Она пишет мне об Ане ([первой] жене Левика, оставшейся в Москве с сыном). Жутко мне было от сознания, что мы жили в полном неведении об ее судьбе. Через несколько дней, успокоившись, я вернулась к письму, чтобы прочесть его более внимательно и открыла в нем с полной очевидностью неправду. Во всяком случае, в той его части, где оно излагает, точнее, «сочиняет» первый арест Ани непосредственно после нашей высылки. Ей, очевидно, было неизвестно, что мы переписывались с Аней, главным образом, Левик, переписка их оборвалась по личным причинам. Но Аня с сыном и Сережей жили вместе, и мы были осведомлены о положении Ани через Сережу, с которым переписывались до его ареста в конце 1935 г.

Нам было также известно, что она вышла замуж, но не в ссылке, как Н.Р. (Ди-Пи) пишет, а в Москве. Она (Н.р.) также пишет, что познакомилась «с Анечкой и «Седовыми» в Алма-Ате». Это чистейшая ерунда. Общая обстановка нашего пребывания в Алма-Ате исключала какую бы то ни было возможность каких бы то ни было знакомств. Зачем ей понадобилась Алма-Ата? Мне абсолютно непонятно.

Дальше она пишет о «втором» аресте Ани в 1932 г. с ее мужем. Мальчик остался на попечении няни… Вы понимаете, Сара, что это означает. Автор письма встретился с Аней в тюрьме. Аня изменилась до неузнаваемости, первым вопросом ее был: «Где мой сын?» Она больна болезнью св. Витта, замучена допросами.

Из письма Н.Р. вытекает, что она была с Аней в более или менее близких отношениях. Во всяком случае, приняла большое участие в судьбе ее сына в период первый ее заключения и была арестована в тот день, как вывела Леленька из опасной квартиры и устроила под Москвой, а потом и дальше (не указывает места).

Председателю Верховного Совета СССР гражданину К. Ворошилову*

[февраль (?) 1956 г.]

В прессе идут широкие сообщения об освобождении заключенных из тюрем и лагерей. Некоторым из них, говорят, дано было разрешение вернуться на родину. В связи с этим прошу информировать меня о судьбе моего сына Сергея Седова, одно

время проживавшего в Кремле.

Прошло двадцать лет с тех пор, как мы узнали, что Сергей был арестован. В течение всего этого времени прямого сообщения ни о его пребывании, ни о его судьбе я не имела; никаких сведений, кроме косвенных указаний, что Сергей был в ссылке в Новосибирске, затем на Воркуте, а оттуда был отвезен в направлении Москвы – с тех пор ничего больше.

Обращаюсь к Вам с этим запросом в слабой надежде, что мой сын остался в живых и, быть может, находится среди освобожденных после пересмотра его дела.

Надеюсь, что эта информация мне будет дана.

Наталья Седова

* Послать по почте или через посольство? Т. е. послать письмо в русское посольство? Или непосредственно в Москву? Или по двум направлениям? Какая гарантия, что оно будет получено? Сообщить мой адрес? Полагаю, что да.

Сарочка, простите, что затрудняю Вас. Сделайте несколько копий его, переведите на английский язык и оставьте у себя две его копии по-английски. Сегодня не могу написать Вам – напишу на днях. <…>

На машинке печатать некому, пришлите мне, пожалуйста, две-три копии по-русски.

Из письма Н.И. Седовой-Троцкой Л. Эстриной от 8 марта 1958 года:

Милая Лелечка, наконец пишу Вам – обнимаю Вас.

20 лет прошло, как он вне жизни, как она проходит без него, и это было возможно, возможно невозможное. Милый, милый мой мальчик, родненький, Левик, вижу тебя на Принкипо в темно-синем одеянии со светлыми пушистыми волосами на голове – жизнерадостным и таким далеким от того, что произошло с тобой. Как это могло случиться? Нет, нет и нет, 20 лет нет его. Левик, Левик!

Как мне хочется передать жизнь двух мальчиков, детство их всему миру, милых необычных мальчиков, так не похожих на других… И их гибель.

Из послесловия Н. Седовой к американскому изданию дневников Троцкого 1935 года и предисловию М. Шахтмана (июль 1958, не закончено и не опубликовано)

Страничка к дневнику

Мне вспоминается, как часто Ленин приводил слова известного русского писателя И.С. Тургенева о том, что жить после 50 лет не следует. Сам он, Ленин, не дожил и до этого срока [279] . <…> Как известно, Ленин, отдававший себе отчет в характере своей болезни, требовал «самоубийства». Л. Т. в предвидении возможности наступления «медленного умирания» оставляет за собой право определить самому срок своей смерти, М. ГЩахтман], оглушенный идеей самоубийства, резким ее контрастом с натурой Троцкого, озабоченный ею, придал ей значение, которого она не содержала.

<…> Вот именно в силу этой выдержки Л. Т. и принял *условно* решение не задерживаться, знать меру, добровольно выйти из строя. <…> Л. Т. вообще был чрезвычайно чувствителен к физическим нарушениям в своем организме. Малейшее заболевание его выводило из равновесия. Он требовал от своего организма полного порядка, полной ладности. Борьба – истинная стихия автора дневника. Без борьбы нет для него жизни. Сущность его в борьбе. «Медленное умирание» и борьба несовместимы.

Из статьи Якова Шауса «Красная дактилоскопия на голубом экране»

…Все, что давно изложено в трудах русских и зарубежных исследователей большевистских злодеяний и подкреплено тысячами фактов, свидетельств, опять переигрывается. Вроде бы уже был достигнут научный консенсус: вопреки «Краткому курсу», который по-манихейски противопоставлял непогрешимому ленинцу Сталину вредителей и шпионов, – и Ленин, и Троцкий, и правые, и левые уклонисты вместе узурпировали власть и только после смерти вождя пролетариата сцепились друг с другом. Так нет же – телезрителям внушают, что все-таки Ленин и Сталин лучше остальных, а Троцкий действительно был вражеским агентом! Не могут сегодняшние правители России в силу профессиональной принадлежности признать, что НКВД зря расстреливал всех неугодных Сталину, в том числе Троцкого в Мексике. Больше того, в «исторических фильмах» педалируются безумные версии о международных заговорах против России, рифмующиеся с сегодняшним антиамериканизмом.

Вот, к примеру, телефильм с характерным названием:

«Штурм Зимнего. Опровержение». Авторы сценария – княгиня Елена Чавчавадзе, занимающая официальные должности директора президентских программ Российского фонда культуры и вице-президента этого фонда, и историк Петр Мультатули.

…Примечательная фигура и режиссер фильма. Как и ее коллеги, Галина Огурная оказалась мобилизованной и призванной после 2000 года. До появления на телевидении уже работала в историческом жанре, правда, в ведомственных рамках: создала с десяток рекламных фильмов для DVD из серии «Лубянка. Коллекционное издание».

В чем же состоит «опровержение» авторами фильма известной истории штурма Зимнего? Главное «открытие»: оказывается, перед октябрьским переворотом по Питеру перемещались… заброшенные из Гельсингфорса спецназовцы немецко-финско-латышского происхождения, вооруженные до зубов и снабженные подробнейшими картами города.

Совсем и не ленинский заговор – Запад давно хотел унизить Россию и поставить на колени. А Ленин вообще был заодно с Керенским! О том, что царскую семью, включая женщин и детей, расстреляли по указанию председателя Совнаркома, в фильме не упоминается. Возможно, все тот же таинственный иностранный спецназ добрался до Урала – ведь у него классные карты были!

Но вот Троцкий – не просто агент, а конечно же наймит мирового еврейского капитала. Посвященный ему телефильм «Троцкий: тайны мировой революции» (опять же: режиссер Галина Огурная, сценарист Елена Чавча-вадзе) впервые был показан 23 февраля 2007 года, в бывший День Советской армии, ныне – День защитников Отечества.

Кое-кому до сих пор мучительно больно, что героическую армию Красной России создал еврей Троцкий.

На экране появляется немало комментаторов, якобы ученых. Но не предоставляется слово ни одному из признанных биографов Троцкого. Тем не менее вскрывается одна из важнейших страниц зловещей биографии Троцкого: телезрителям рассказывают, что Лейба Бронштейн подло украл свой псевдоним у честного русского человека. А в дальнейшем только и катался по Европам и Америкам на щедрые подачки еврейских толстосумов, одержимых маниакальной страстью развалить Россию. Особенно подкармливали его русофобы в Австрии и Соединенных Штатах. Так что, на самом деле, это Троцкий, а не Ленин получил на Западе главные средства для переворота. К примеру, в Нью-Йорке Троцкий встречался с известным шпионом Сиднеем Рейли – причем беседовали они не где-нибудь в Гарлеме, прибежище угнетенных негритянских трудящихся, а на Бродвее, центре роскоши и разврата. В фильме постоянно подчеркивается любовь Троцкого к богатой жизни (что должно вызвать у вдумчивого зрителя воспоминания о скромности и аскетизме Ильича).

…В фильме Галины Огурной и Елены Чавчавадзе всячески варьируется и обрастает жутковатыми «подробностями» триада: Троцкий – евреи – еврейские деньги.

Из письма Жан-Жака Мари Елене Чавчавадзе (текст получен составителем от автора)

Е.Н. Чавчавадзе, автору фильма «Троцкий. Тайна мировой революции».

Г-жа Чавчавадзе!

В марте 2006 года Вы явились ко мне с командой телеоператоров. Вы заявили мне: «В России возрос интерес к Троцкому. Мы хотим снять объективный фильм о нем. Вы написали биографию Троцкого, о которой мы слышали немало хорошего. Поэтому мы хотели бы задать Вам несколько вопросов». И я ответил на ряд довольно безобидных вопросов о деятельности Троцкого в различные периоды времени.

С тех пор я ничего не слышал ни о Вас, ни о Вашем фильме, пока в апреле 2007 года случайно не узнал, что в феврале его показали по российскому телевидению. Я попросил у Вас копию фильма. Мне пришлось обращаться к Вам с подобной просьбой неоднократно, пока наконец я не получил ее в начале августа.

С изумлением я увидел, что фильм имеет подзаголовок «Тайна мировой революции». Вы умудрились впутать меня, даже если я появляюсь на экране всего два или три раза (эти кадры я требую убрать), в фильм, основанный на самых отвратительных сплетнях, которые распространялись в течение десятилетий полицейскими службами Европы и Америки. Я не могу расценить это иначе, как провокацию.

Ваш фильм – смешение нелепости и гнусности.

Нелепо утверждение, будто «Завещание» Ленина, опубликованное в СССР в 1956 году в Полном собрании его сочинений, является фальшивкой, сфабрикованной под руководством Троцкого. Даже Сталин (единственный руководитель большевистской партии, не подвергаемый нападкам в Вашем фильме), который однажды процитировал отрывок из этого завещания, направленный против его противников, – и тот не посмел зайти настолько далеко! Он довольствовался запретом на распространение документа и отправкой в ГУЛАГ всякого заподозренного в его чтении.

Гнусно и нелепо утверждение о том, что Ленин являлся немецким агентом.

Гнусно и нелепо утверждение, будто в 1912–1913 гг. Троцкий шпионил в пользу австрийского генерального штаба, а в 1917

году перешел на службу в английскую и американскую разведки, руководствуясь, по Вашему мнению, теми же мотивами, что и Ленин, – стремлением опустошить и разграбить Россию к вящей выгоде заграницы!

Такова якобы «тайна мировой революции»! Махинации немецких, английских, американских, австрийских, японских и даже шведских спецслужб, направленные на раздел Российской империи!

В этой связи гнусно и нелепо выглядят заявления г-жи Натальи Нарочницкой. Эта дама-«историк», зам. председателя Комитета Госдумы РФ по международным делам и член Парламентской ассамблеи Совета Европы, – весьма примечательный научный консультант! В июне 2006 года она заявила, что на политику Джорджа Буша оказывает влияние… троцкизм! «Речь идет не только о вступлении троцкистов в республиканскую партию, но и о следовании неоконсерваторов марксизму», – утверждала она. Для того, чтобы удостоверять состряпанную Вами мешанину грубых полицейских вымыслов, годятся только такие «историки»!

Эта дама, красующаяся в Вашем фильме, состоит в партии «Родина» (теперь – «СпРос»), четырнадцать депутатов от которой в 2005 году подписали письмо с требованием запрета еврейских организаций в России. Большинство российских революционеров, подвергаемых поношению в фильме, являются – несомненно, случайно! – евреями (Троцкий, Иоффе, Каменев, Свердлов, Володарский, Урицкий и др.). Таким образом, подвизаясь в «Российском фонде культуры», Вы продолжаете линию черносотенного «Русского собрания» 1900 года и основанного в 1984 г. антисемитского общества «Память», поскольку оба они, прикрываясь защитой русской культуры, пропагандировали самый отвратительный антисемитизм.

Список фальсификаций, наветов, вымыслов и фантазий, переполняющих Ваш фильм, слишком длинен, чтобы даже просто перечислить их.

Тон фильму задается сразу же, когда вы называете «провокацией» грандиозную манифестацию петербургских рабочих 9 января 1905 г. («Кровавое воскресенье»), потопленную в крови казаками и царской армией. То же самое утверждали в свое время царская охранка и Святейший Синод православной церкви, Ваши предтечи, которые осмелились заявить, будто демонстрация была организована на японские деньги!..

Столь ожесточенное стремление очернить облик и деятельность Троцкого метит не только в прошлое, но и в настоящее. ФСБ, достойная преемница КГБ, сегодня обвиняет

рабочих завода «АвтоВАЗ», бастующих против неприемлемых условий труда и за повышение столь же неприемлемых зарплат, в том, что ими манипулируют троцкисты. Ваш фильм служит прикрытием для такого рода полицейских провокаций. Лишь для этого он и предназначен.

Жан-Жак Мари

Часть пятая Юлия Аксельрод Из записок последних лет

Где бы я ни жила после эмиграции из СССР – в США двадцать пять лет (с 1979 по 2004) или в Израиле (с 2004), на стенах моих бесконечно меняющихся квартир висят фотографии моих родных, которые так далеко от меня, так невероятно далеко. Фотографии советского периода, даже самые последние, – все черно-белые. Фотографии моего периода жизни в Америке и Израиле – цветные.

Молодая пара, одетая по моде столетней давности – мои бабушка и дедушка по материнской линии, они же сорок лет спустя со мной – мне четырнадцать лет. Фотография сделана накануне нашего ареста и высылки из Москвы (1951 г.). А ниже – фото моей бабушки после ее реабилитации; дедушки уже нет в живых.

Улыбающаяся молодая женщина – моя мама. Молодая женщина с трагическим лицом держит младенца – это моя мама со мной. Рядом фотография моей матери незадолго до смерти.

Мой бывший муж.

Наш сын в распашонке. Он же с собакой.

Наш сын в израильском солдатском мундире.

Он же – со своей молодой женой, крошечной йеменской еврейкой.

Они с ребенком, с двумя детьми, потом с тремя, с четырьмя, с пятью, с шестью.

В моем сердце две страны: страна, в которой я родилась, трагическая история которой стала частью моей жизни, страна, из которой я уехала еще относительно молодой женщиной, – и страна, которую я выбрала как свою вторую родину и которую покинула уже пожилой женщиной, так как не хотела на старости лет жить в этой стране совсем одна.

Моя мама

Она была арестована в 1937 году, когда мне было чуть больше года. Меня вырастили бабушка с дедушкой, я была с ними в ссылке; к маме на Колыму я приехала, когда мне было шестнадцать, и уехала от нее в неполных восемнадцать лет, после того, как окончила среднюю школу. Между нами никогда не было близких отношений. Мы всегда жили в разных городах, а впоследствии и в разных странах.

Бабушка, когда мне было пять-шесть лет, научила меня читать и писать, и все годы мы с мамой переписывались. Может быть, это самая долгая в мире переписка между матерью и дочерью.

У мамы был диплом инженера-текстильщика, но после того, как ее выпустили из лагеря, она работала бухгалтером.

Согласно еврейскому закону и советскому паспорту она была еврейкой, хотя жизненная тропа, которой она шла, не имела с еврейством ничего общего. Мы с матерью говорили об этом, когда она приехала из Таллина в Москву проститься со мной перед моим отъездом в Америку, в 1979 году.

Она рассказывала мне о моем отце – каким он был веселым, романтичным человеком. Любил опасные шутки: мог, например, использовать для писем бумаги Льва Троцкого с официальным штемпелем.

Сергей был в ссылке, и мать поехала к нему в Красноярск. Счастье было очень ярким. И – недолгим. На шестом месяце беременности, в июне 1936 года, мать уже ходила под окнами красноярской тюрьмы. Какое-то время после ареста Сергея держали в местной пересыльной тюрьме, и мать ходила к нему на свидания, пользуясь тем, что режим соблюдался не слишком строго. Свиданиями это назвать трудно, ибо мать его не видела, а он видел ее сквозь щель в оконном намордннке, и они могли перекликаться. Но однажды, когда мать вот так стояла на тюремном дворе и ждала, он резко крикнул ей:

– Возвращайся в Москву – меня завтра увозят…

А когда она на следующий день все же пришла туда опять, чей-то незнакомый голос сообщил ей сквозь намордник:

– Отправили твоего Седова.

И мать вернулась в Москву к родителям на Маросейку. Из Красноярска она выехала через десять дней после ареста Сергея. Никто не пришел проводить ее на вокзал. Это видно из протокола допроса. Может быть, это Сергей велел маме оформить развод, если его арестуют. Это было трудно, ЗАГС требовал справку о

том, что муж арестован.

Когда мама пришла в НКВД просить такую справку, ей предложили стать осведомителем. Мать ответила: «Да как я могу это делать? Ведь от меня все шарахаются как от прокаженной. Помогите мне хотя бы развестись». Они помогли. Как успешно шла карьера моей матери в качестве осведомительницы – не знаю. Думаю, что никак. Она и на следствии ничего не подписала – ни на себя, ни на Сергея, ни на других.

В лагере мать с 1938 года работала в курятнике. Еще она что-то развозила на лошади и выполняла массу других работ. Однажды лошадь наступила ей на ногу. Нога так и осталась покалеченной.

Отец

Отдельно висит портрет молодого мужчины с грустным лицом. Портрет неясный, сделанный с маленькой фотокарточки. Это мой отец, Сергей Седов (1908–1937), которого я никогда не видела. Я очень мало знаю о нем.

Те, кто еще были живы, забыли Сергея. Время и обстоятельства сделали свое дело. Покойные его мама и папа, так же как и моя мама, запомнили его как очень яркую индивидуальность.

Я не знала о нем почти ничего, пока не прочла его письма: теплые письма сына к родителям, ничего необычного, и страстные, романтические и лирические – к моей маме.

Когда я читала эти письма, я чувствовала к нему какую-то материнскую любовь. Ему было примерно двадцать девять лет, когда он написал их, а мне было почти пятьдесят, когда я их впервые прочла. Я представляла себе его стертые ноги, его одиночество, его нереализованные надежды. В моей памяти он всегда будет двадцатидевятилетним.

А вот и фото Сергея с его племянником Люликом, сыном старшего брата Льва. Этот мальчик – один из самых близких моих родственников. Никто не знает, как сложилась его судьба.

В книгах, изданных в США и в России [280] , и в российских телепередачах мелькает фотография человека в военной гимнастерке, которого ошибочно выдают за Сергея Седова. На фотографии чужой человек. Дядя Боря, мамин брат, знавший Сергея, четко сказал мне: «Это не он». С журналистской дотошностью дядя Боря разыскал в Москве в 1987 году однокурсника моего отца по институту и показал ему фото из книги. Тот подтвердил, что фото не изображает С. Седова. Подлинные фотографии отца я раздобыла только после открытия архивов КГБ.

Я хочу сохранить память о нем. Никто не знает, где его могила. Тысячи людей, так же как он, были казнены, брошены в общие ямы и покрыты тонким слоем земли.

«Пепел Клааса стучит в мое сердце…»

Old man [281]

Как и отца, родителей его я никогда не видела. Их имена – Лев Троцкий и Наталья Седова. Их фотография на стене моей комнаты.

Вот еще фотография: несколько мужчин, все в зимних шапках, один из них в военной фуражке и очках, и два мальчика – сыновья мужчины в очках. 7 ноября 1919 года [282] . Ленину – мужчине в самом центре фотографии – осталось жить еще 4 с небольшим года. У него никогда не было детей, какая-то болезнь медленно поедала его тело и мозг. Он знал, что его кончина может быть мучительной.

Легенда гласит, что в самом конце своей жизни он осознал, какое общество он создал. Исправить что-либо он был не в силах.

Человек в военной фуражке – Троцкий – не понял ничего. Прежде чем сам был убит, он потерял всех своих детей – двух сыновей (один из них, на фотографии он в вязаной шапке с помпоном, – мой отец) и двух дочерей.

Москва, Маросейка, 13, кв. 12

Это адрес, на который Сергей посылал письма жене – моей матери. Это адрес, куда моя мама вернулась из Красноярска после того, как Сергей был посажен в тюрьму.

Письма Сергея из красноярской ссылки были сохранены приятелем матери Львом Охитовичем. Он пришел к нам после войны, увидел на вешалке старое пальто матери, которое донашивала бабушка, и воскликнул:

– Гита!

– Нет, – сказала бабушка…

Была война, эвакуация в Омск, возвращение в Москву. Дедушка вернулся первым и сохранил для меня весь карточный сладкий рацион военного времени. Самое тяжелое военное воспоминание: я иду по Неглинной в детскую библиотеку и вижу лужицу разлитого на асфальте молока. Человек становится на колени и всасывает молоко.

Когда мы с бабушкой в 1943 году вернулись в Москву, бабушка повела меня определять в школу. К началу учебного года мы опоздали. К тому же от недоедания я выглядела тогда синим заморышем. Директор посмотрел на меня и возмутился:

– Вот это в школу?.. Убрать!

Я пошла учиться только со следующего года.

Бабушка регулярно отправляла моей маме посылки на Колыму. Отправлять приходилось из Подмосковья – из города не принимали – и ближе к лету, чтобы посылки попали на Дальний Восток в навигационный период. В 1947 году мать освободили. От нее пришла телеграмма, и у нас собрались все родственники, кроме виновницы события. Она осталась на Колыме.

Помню день убийства Михоэлса (13 января 1948 г.). Мы жили в самом центре, и у нас опять собралась родня. Все долго сидели молча, испуганные и подавленные. Потом тетя [283] сказала, что во избежание ареста нам следовало бы уехать. Но куда? Так или иначе, мы не уехали.

Через некоторое время стали появляться мамины лагерные друзья, те, кто после освобождения ехал через Москву. Многие останавливались у нас. Бабушка была очень рада им, живым посланцам дочери, хотя это было небезопасно. Дело в том, что в нашей коммуналке в бывшей ванной – без окна – жила седая красивая старуха. Партийная. Она мастерила прекрасные елочные украшения и писала доносы.

Мы жили уже на Петровке, когда за нами пришли. Это было 10 мая 1951 года. Бабушка с дедушкой в этот вечер вернулись из

театра (не столь уж частое событие по тем временам). Помню, пока обыскивали квартиру, бабушка все допытывалась у дедушки: «Миша, что ты сделал? Скажи мне, что ты сделал, Миша?» – «Я ничего не сделал», – снова и снова повторял дедушка. Его увели первым, потом забрали бабушку, а меня увезли в детприемник.

Дедушке было семьдесят два года, бабушке – шестьдесят семь, мне – четырнадцать.

В бдительно охраняемом детприемнике я находилась по 1 июля, живя с девочками самого разного происхождения (мальчики жили отдельно). Наконец меня забрали из приемника, привезли прямо к специальному пассажирскому поезду и сдали дедушке с бабушкой. Они были приговорены к пяти годам ссылки в Сибири как «социально опасные элементы», и я должна была ехать с ними. Каждое купе поезда было снабжено дополнительной полкой, что позволяло загружать людей лежа. Нас поместили в первое купе, отдельно от всех (в обычном вагоне в этом купе находится проводник), у каждого была «своя полка». Поезд привез нас в Новосибирск, здесь мы были помещены в пересыльную тюрьму в ожидании распределения по местам ссылки.

Стояла невероятная жара, кормили нас тухлой рыбой, от которой дико воняло. Все мучились животом и толкались в очереди к параше, стоявшей тут же, в камере, рядом с нарами. Мое место было наверху, а бабушкино внизу. Ей, давней сердечнице, часто становилось плохо. Я мигом соскакивала с нар и принималась колотить в дверь. В конце концов надзирательница дверь отворяла, бабушку общими силами выволакивали на плаще в коридор, давали ей отдышаться, а потом водворяли обратно.

В конце концов наш этап был сформирован, и нас из новосибирской пересылки переправили к месту поселения – в районный центр Усть-Тарку Омской области. Там я пробыла целый год. Жизнь в Усть-Тарке была крайне убогая. Очередь за хлебом приходилось занимать с ночи. У хозяйки избы, которая сдала нам место на полу, имелся всего лишь один чугунок. В нем она готовила еду и для себя, и для скотины. По улицам поселка жадно рыскали оголодавшие колхозные свиньи.

Когда мне должно было исполниться шестнадцать – время получать паспорт, а в сельской местности паспортов не выдавали (1952), – за мной приехал отчим [284] и забрал меня к маме в поселок Ягодное, 540 км от Магадана, в горах Колымы. Я никогда не спрашивала бабушку Розу (с дедушкой Мишей у меня не было близких отношений), почему я живу с ними, а не со своими родителями. Впервые сказал мне, кто мой второй дед, мой отчим, когда увозил меня к маме на Колыму. Более подробно рассказала

мне историю семьи мама…

Мамин срок, определенный «судом», уже был отбыт, но она все еще находилась в ссылке. Мы с ней не очень-то ладили. Я не могла заставить себя называть ее «мама», этого слова не было в моем лексиконе.

В своих тогдашних сложностях я оказалась не одинока. В моем девятом классе лишь часть школьников была из семей «договорников», то есть людей, приехавших работать сюда, на Колыму, всей семьей, по договору. Преобладали дети репрессированных. Одни из них приехали вместе с матерями к освободившимся отцам. Другие, у которых были репрессированы и отец, и мать, приехали теперь к ним из детских домов, где провели все годы родительского заключения.

Мой одноклассник Леня Б. после ареста матери попал в детский дом, но его оттуда вскоре вызволила и усыновила какая-то женщина. Он прожил у нее несколько лет, однако, когда Ленину мать освободили, она разыскала его и отсудила. Но Леня любил свою оставшуюся где-то на материке приемную мать больше родной, чем доставлял родной матери немалые страдания. Она приходила к нам плакать.

Почти у всех у нас, детей, приехавших на Колыму к матерям, уже имелся тут отчим. Что касается моего отчима, то вот вкратце его история. Он происходил из дальневосточных эстонских переселенцев, что уже само по себе в тридцать седьмом году было подозрительно. Сел он студентом, когда ему было двадцать четыре года. В лагере ему довелось встретить брата, которому, по счастью, «вышку» заменили на «четвертак» [285] . Мало того, там же оказалась их сестра, с той только разницей, что она была не заключенной, а женой их лагерного начальника, причем тот запретил ей оказывать братьям какую бы то ни было помощь. (Много лет спустя, когда оба брата были уже реабилитированы, их бывший лагерный начальник, уволенный за ненадобностью в запас, соблазнившись какими-то махинациями, попался и сел. Тут братья, естественно, помогали сестре и двум ее дочкам.)

Назвать наш тамошний быт хоть сколько-нибудь комфортабельным было трудно. Мы жили в бараке, разделенном на комнаты. Деревянная будка общей уборной украшала собой двор. Воду для всех нужд привозили на машине один раз в сутки. Бочка помещалась в общей кухне, и ночью вода в ней замерзала. Утром мы выкалывали оттуда лед и ставили его в кастрюле на огонь. Обогревалась наша комната железной печкой и двумя электроплитками.

Мать любила животных, и у нас всегда дремали, свернувшись клубком, кошки. Были и две собаки, по типу напоминавшие

болонок – одна белая и одна черная. Собаки страдали от холода и постоянно норовили устроиться вплотную к плиткам, отчего порой подпаливали себе шерсть, и их приходилось тушить. На ночь плитки не выключались, что было опасно, но, кажется, за все время по этой части ничего не случилось.

Как-то, стоя в очереди, мать поздоровалась в моем присутствии с парнем – на вид лет тридцати, полуинтеллигентом, полублатным. «Твой родственник, – сказала мать. – 15 лет по лагерям мотается». Я по юной глупости и не подумала спросить, кто это; теперь не могу себе этого простить!

Пятого марта 1953 года умер Сталин. «Наконец-то сдох!» – сказала мама.

Окончив десятилетку, я в 1954 году одна поехала в Москву поступать в институт. После окончания школы нас посадили в автобус и повезли в аэропорт в Магадан. Сопровождал нас только один взрослый по фамилии Илюшин. Бывший зэк [286] , он женился на бывшей зэчке с двумя детьми: Фрида училась со мной в одном классе, а ее брат Саша на класс моложе. (Женщин в то время на Колыме было значительно меньше, чем мужчин.) Илюшин смог достать два билета для себя и Фриды, и они улетели. Мы же остались. И тут кто-то из детей договорников сказал: «Такое мог сделать только еврей».

«Он не еврей», – сказала я. «Русский такого сделать не может». – «А вот сделал же». Илюшин носил толстые очки, и его нос был несколько больше, чем у большинства людей, но это не делало его евреем.

Дедушка Миша и бабушка Роза были амнистированы в 1953 году, после смерти тирана. Это было время, когда на волю вышли десятки и сотни тысяч заключенных, в основном уголовников. Часть из них бесчинствовала на железных дорогах из Сибири в центр. Дядя Боря из-за этого просил дедушку с бабушкой повременить с возвращением. Они вернулись из ссылки только в 1954 году, но в Москве им по-прежнему жить не позволялось, пришлось поселиться в городе Александрове, в дальнем Подмосковье.

Я, в то время студентка техникума, приезжала из Москвы их навестить. Мне казалось, что возвращение из Сибири хорошо отразилось на здоровье и настроении дедушки. Но он через год умер.

Сама я снимала угол где-то в самом центре Москвы (улицу и дом забыла). Жила в одной комнате с двумя убогими старушками, одна страдала от слабоумия, другая от алкоголизма.

После смерти дедушки мы с бабушкой Розой поселились в Болшеве, это уже ближнее Подмосковье. Бабушку

реабилитировали, и она встала на учет для получения жилплощади в Москве. В Болшеве нас приняли на квартиру некие Рубинштейны, наши однофамильцы. Это дало возможность представить властям съем жилья как «родственное уплотнение жилплощади», и наши хозяева, сдавая площадь внаем, не платили налогов.
В 1957 (или в 1958?) году мы въехали в предоставленную нам квартиру на улице Строителей в Москве.

Когда-то давно в Союзе мне в руки попал справочник «для служебного пользования» с данными о достижениях народов СССР в различных областях науки и техники. Данные о достижениях евреев меня просто испугали. Они показывали великолепные достижения во всех областях и науки, и техники, и искусства. Где же пресловутый антисемитизм? Нельзя все свои жизненные неудачи списывать на враждебную систему. Меня не приняли в балетную школу. Антисемиты? Нет, у меня просто абсолютно отсутствует музыкальный слух. Меня не приняли на дневное отделение Московского химико-технологического института. Антисемиты? Нет. Я по-русски пишу безграмотно. Не мытьем, так катаньем я окончила вечернее отделение этого института.

На первом курсе нас было, по-моему, тридцать студентов, большинство из них девочки от восемнадцати до двадцати двух лет (мне – я перед этим окончила техникум – двадцать два). Все девочки институт окончили – правда, не все в один год. Все вышли замуж, почти у каждой появился ребенок (кое у кого и два). Ни один мальчик, поступивший в группу с нами, больше года не продержался. У нас была хватка и упорство идти вверх, что ли… У мальчиков этого не было.

В течение нескольких лет после окончания института мне снилось, что я что-то не сдала, и я просыпалась в ужасе. Очухавшись, соображала, что я все уже сдала и диплом лежит в ящике письменного стола.

Когда умерла моя бабушка – а я работала и училась – я сдала сына в ясли на пятидневку (ему был год). Вадик не разговаривал до трех лет. Нас уже стало одолевать опасение, все ли с ним в порядке. Но однажды я проезжала с ним мимо громадного портрета Ленина на берегу Москвы-реки. Вадик указал на портрет и сказал: «Дедушка Ленин»…

А дальше шло самое обычное: работа, повышение зарплаты, кооперативная квартира, сын рос, дрался в школе. Как-то прибежал, ему было лет двенадцать (он был хорошенький и очень похожий на девочку), и спрашивает: «Мама, это правда, что я еврей?» Я говорю: да, правда. «А что это значит?» Я не знала, что

ответить. Позже я узнала, что дети стащили классный журнал и оттуда узнали, кто есть кто. Классный руководитель тоже не смогла объяснить мне, что это значит и зачем это пишут в журнале.

В шестнадцать лет сын получил паспорт, где большими буквами было написано: ЕВРЕЙ. Его отец, Владимир Аксельрод, пришел домой, открыл паспорт сына и сказал: «Мы должны уехать».

И мы уехали.

Бабушка Роза рассказывала мне о своих бабушке с дедушкой (с отцовской стороны, фамилия их была Язвины, помню твердый знак в конце фамилии в старом документе: Роза Язвинъ). Дедушка ее был из кантонистов, николаевский солдат (двадцать пять лет службы), бабушка Роза помнила его высоким худощавым стариком с седыми усами. Бабушка, его жена, носила несколько юбок, надетых одна на другую, голова была накрыта платком, на котором были нарисованы волосы с пробором. (Возможно, платок призван был заменить обязательный для религиозных евреек Европы парик.) Маму бабушки Розы звали Голда, на единственной сохранявшейся в московской квартире маленькой фотографии она одета вполне по моде своего времени. Голда родила 16 детей, из которых 12 дожили до старости: 4 девочки и 8 мальчиков, все они от старого быта ушли. Жили они в Ельце («Елец – всем ворам отец»), далеко от «черты оседлости» [287] .

Братьев бабушки Розы я любила, они были веселые люди, не дураки выпить и поозорничать, любили вспоминать войны, в которых участвовали, – Гражданскую и Отечественную.

Дедушка Миша тоже происходил из обрусевшей семьи, обосновавшейся в г. Ефремове Орловской губернии. До революции он, как и его отец, был мастером на винокуренном заводе. Дедушка был старшим сыном, и потому в молодости братья и сестры с его мнением считались, хотя образование его осталось начальным. Даже второй по старшинству его брат, дедушка Илюша, – человек, в противоположность моему деду, уверенный в себе и удачливый в делах – считался с его мнением.

Незадолго до Первой мировой войны дядя Илюша съездил в Америку и решил, что вся семья должна оставить Россию и перебраться в Америку. Дедушка Миша отказался от этого плана, он не хотел покидать родные места. Его поддержали сестры, сказав, что не оставят родину Толстого и Чехова.

Тетя Нюня, жена маминого брата дяди Бори, родившаяся в 1916 году тоже за пределами «черты оседлости», рассказывала, что ее родители (оба выходцы из семей «николаевских солдат», не говорившие на идише) после ее рождения пришли к ребе

(казенному раввину) зарегистрировать девочку. «Как вы будете звать девочку дома?» – спросил ребе. «Дома будем звать ее Анной». – «Так и запишем ее Анной». Все близкие звали ее Нюней.

Америка

В 1979-м моя семья эмигрировала в Штаты. Это был год большого выезда евреев из Союза. В процессе переезда семья начала разваливаться. Свекровь отказывалась ехать и все время повторяла: «Володя, а в США ты будешь безработным». Появилась Другая. Что она говорила, я не знаю, но у нас уже было разрешение на отъезд, сыну вот-вот должно было исполниться восемнадцать лет, и вдруг муж отказывается ехать. Я разбила стул (об пол), и мы уехали вовремя.

Первая остановка – Вена – и встреча с Сохнутом [288] . Два человека обрабатывали нас: сотрудник трудился над мужской частью семьи, сотрудница над женской. Они знали или поняли, что наша семья треснула, свекрови была обещана в Израиле прекрасная старость, а мне хорошая личная жизнь и работа по специальности. В Америке (уверяли меня) мне уготовлена работа упаковщицы продуктов в супермаркете. И готовность моих спутников ехать в Америку и только в Америку постепенно ослабевала. Я сказала: вы поезжайте куда хотите, а я поеду в Америку. Причем я с ужасом думала, хватит ли у меня твердости привести в исполнение сказанное. В это время свекровь (Вера Марковна Бромберг, зубной врач с почти 50-летним стажем) сказала: «Мы не можем отпустить ее (меня) одну, мы ответственны друг за друга». Когда мы вышли из кабинета, на нас накинулись ожидающие своей очереди на собеседование: «Вы должны были решать этот вопрос дома, не здесь». В тот год из Союза выехало 50 ООО человек, и все офисы были переполнены.

А дальше была Италия, целых 4 месяца – ожидание оформления документов.

Из Рима организовывались экскурсии в Израиль. В одну из молодежных экскурсий попал и Вадик. Его фото на ливанской границе в 1979 году – первое цветное фото в моей жизни. Израиль ему так понравился, что Вадик решил там остаться. Но ему не было еще восемнадцати лет, и его вернули в Рим к насмерть перепуганным родителям.

Дождливым вечером 23 мая 1979 года мы приземлились в Нью-Йорке.

Из всей нашей семьи, приехавшей в Штаты, больше всех оказалась довольна переменой судьбы моя бывшая свекровь. Поначалу она плакала: в Москве остались ее дочь и 13-летняя внучка. Но вскоре и они приехали, так что вся семья была теперь в сборе.

Моей свекрови было восемьдесят лет, она упорно учила

английский, красила губы и ненавидела Советский Союз.

– Они мне там все врали, – не могла успокоиться она.

«Они всем врали, но не все верили», – подумала я.

Жила свекровь на верхнем, шестом этаже. Как-то во время сильного дождя у нее стало капать с потолка. Дело было ночью, на звонки смотритель не отвечал. Тогда свекровь позвонила в полицию. Полисмены тут же явились, увидали старую леди, расставляющую тазы, вытащили смотрителя из постели и обязали его доложить о происходящем хозяину дома. На другой день крыша была починена, а свекровь сокрушалась, почему она не переехала в Штаты еще пятьдесят лет назад.

Я написала из Нью-Йорка в Таллин моей «еврейской маме», что мой сын, а ее внук прошел обряд приобщения к еврейству [289] . «Еврейская мама» отреагировала очень бурно:

«Как вы могли позволить ему совершить такое варварство!»

А мы разве позволяли? Никто нас не спрашивал, и узнали мы об этом случайно. Правда, Вадику к тому времени уже исполнилось восемнадцать…

Попав в цепкие руки хасидов [290] из любавичской синагоги Crown Hights (район в Бруклине), он пошел учиться в иешиву и уже через год уехал в Израиль. Я, проработав 25 лет в США, в 2004 году тоже отбыла в Израиль. Бывший муж по-прежнему живет в Нью-Йорке.

Как-то в перерыве между занятиями английским в 1979 году я обнаружила в университетском холле на стене плакатик, на котором под красной звездой были изображены Ленин и кто-то еще, кого я приняла за Калинина. Но это оказался не Калинин.

Плакатик извещал, что в Нью-Йоркском университете такого-то числа будет отмечаться столетие со дня рождения Троцкого. И конечно, я отправилась на это мероприятие, хотя чувствовала себя там «внучкой лейтенанта Шмидта» [291] .

(К тому времени, а это было месяцев через шесть после нашего приезда, я еще не располагала письмами Сергея к моей матери, которые только и могли удостоверить мою причастность к этой фамилии. Московские друзья переслали мне их несколько позже, просто по почте, не все сразу, а по одному и с большими интервалами. И из разных почтовых отделений. Сколько было утеряно по дороге, не знает никто.)

Меня немало удивила вся атмосфера митинга. Он пришелся на начало хомейнистской революции, и в зале красовалось большое зеленое полотнище, по которому черными буквами было написано на английском: «Да здравствует революция в Иране!» Аудитория состояла сплошь из цветной молодежи, бурно реагировавшей на все выступления, о смысле которых я лишь

смутно догадывалась, так как быструю английскую речь я в ту пору едва понимала.

Затем показали документальный фильм о России. На экране промелькнули царь в окружении семьи, заседание кабинета министров, Лев Толстой, несколько хроникальных эпизодов времен революции и Гражданской войны, Ленин, Троцкий, Сталин, похороны Ленина, отъезд Троцкого из Советской России… Мне казалось, что фильм понятен только мне.

По окончании я все-таки подошла к устроителям митинга и представилась, не слишком надеясь, что мне поверят. Но меня сразу «признали» и тут же познакомили с Гарольдом Робинсом, бывшим телохранителем Троцкого. Мы с Гарольдом сразу и надолго подружились, чему способствовало и наше соседство – я тоже вскоре поселилась в Бруклине.

Из частого общения с Гарольдом я уяснила, что он остался убежденным приверженцем идей Троцкого и все еще верил в скорое наступление мировой революции. И хотя он был моим лучшим другом, за революционные призывы я готова была его убить. Он вполне серьезно советовал мне штудировать Маркса и Энгельса, а я кричала ему, что это чтение еще в институте мне обрыдло и что хватит с меня такой свободы, которая вся состоит из осознанной необходимости, и пусть он лучше скажет, куда нам всем драпать, если мировая революция действительно наступит.

Впрочем, некоторая часть воззрений ЛД для меня вполне приемлема. Мне очень импонирует его подход к еврейскому вопросу и к сионизму. В газете «Искра» (январь 1904 г.) ЛД опубликовал статью «Разложение сионизма и его возможные преемники», где назвал Теодора Герцля [292] «бесстыдным авантюристом» и предсказал исчезновение сионистского движения с исторической сцены. Также для меня совершенно реально беспокойное пророчество Троцкого о том, что Палестина станет не безопасным убежищем для еврейского народа, а смертельной ловушкой.

Гарольд как-то привез ко мне в бруклинскую квартиру моего кузена Всеволода (Севу; он же Эстебан) Волкова. По приглашению Севы я побывала в Мексике и увидела старый дом в Койоакане.
Я ходила по этому дому, рассматривала висевшие в кабинете фотографии хозяина дома и пыталась представить себе ЛД просто человеком и собственным дедом. Но – тщетно. Проклятие его имени давило на мою психику в течение всех лет моей сознательной жизни в Советском Союзе, и даже в Койоакане я еще не могла стряхнуть с себя мистику предрассудков.

В 1988–1992 годах я активно переписывалась с дядей Борей. В одном из его писем я наткнулась на непонятную мне строку: «А

голос у тебя веселый. Слышал, слышал…» Я долго не могла сообразить, в чем дело. Потом догадалась. На одном из троцкистских собраний (110 лет со дня рождения ЛД) я сидела рядом с корреспондентом радио «Свобода». Мы с ним тихонько разговаривали. Троцкисты же радио «Свобода» почему-то не любят. Они попытались вышвырнуть корреспондента («классового врага») из зала. Я активно воспротивилась этому, и мне удалось его отстоять. Эту-то сценку и услышал по радио «Свобода» мой дядя.

Заметка «Сын Троцкого – Сергей Седов пытался отравить рабочих» была опубликована в «Правде» 27 января 1937 года. В 1988 году, читая какие-то перестроечные газеты, я наткнулась на упоминание этой заметки и внезапно вспомнила, как однажды у нас на Маросейке бабушкин брат сказал, показывая на меня: «Отравлял рабочих! В «Правде» написано».

Я нашла микрофильмированную копию газеты в общественной библиотеке Нью-Йорка. Не могу описать, какое сильное впечатление произвел на меня этот микрофильм. Меня трясло как в лихорадке.

Я стала хлопотать о реабилитации, и старания увенчались успехом. Пришло письмо:

Embassy of the
UNION OF SOVIET REPUBLICS
1125 – 16th St. N.W. Washington D C. 20036

20 января 1989 г.

Уважаемая г-жа Аксельрод,

В связи с Вашими письмами в Москву, нам поручено сообщить Вам, что Ваш отец, Сергей Львович Седов, реабилитирован Верховным судом СССР.

Об этом сообщалось в советской прессе, в частности в статье Ю. Феофанова в газете «Известия» № 327 от 21 ноября 1988 г., копия которой прилагается.

Искренне Ваш, Первый секретарь

А. Парастаев

От любопытства и одиночества в начале жизни в США я стала ходить по близлежащим синагогам, но ничего интересного для себя там не нашла. Что-то читала по еврейскому вопросу, но из всего прочитанного запомнила только одну историю: сын в юности не испытывал никакого интереса к иудаизму, но скрывал свои чувства от горячо любимого религиозного отца. И, только став вполне взрослым, признался отцу, что иудаизм для него ничего не значит. На что религиозный отец ответил: Take it easy – успокойся, не принимай это близко к сердцу. В предотъездном разговоре с моей матерью я спросила ее, кем по национальности

считал себя Сергей. Она ответила, что он считал это деление просто глупостью. В своих двух следственных анкетах Сергей пишет в графе «национальность»: «русско-еврейская» в одной и просто «русский» в другой.

На одной из моих первых работ в Америке все руководство было еврейским. Накануне больших еврейских праздников я бегала от одного босса к другому, спрашивая, должна я выходить на работу или нет. Все отвечали, что я должна решить это сама. Я всегда работала в еврейские праздники, но всякий раз уходила с работы минут на 40 раньше. Нееврейские коллеги всегда спрашивали: «Почему вы уходите? Потому что нет начальства?» – «Нет, – говорила я, – я ухожу, потому что сегодня еврейский праздник». Накануне праздников устраивались общие ланчи для всей компании. Я всегда старалась предотвратить выбрасывание несъеденных продуктов в мусор и потому собирала все со стола и складывала в холодильник. Как-то я укладывала отдельно сыр и отдельно мясо [293] . В это время наш самый религиозный босс строго спросил меня: «Вы положили кошерное [294] мясо вместе с некошерным?» – «А?» – сказала я. После ланча ко мне подошла американская «делегация» и сказала: «Спасибо вам, мы всегда хотели сделать то же самое, но не имеем на это права».

В Нью-Йорке моего бывшего мужа взяли на работу в Колумбийский университет сразу по приезде, причем его будущий босс оговаривал условия Володиного приема на работу с Володиной мамой на идише, так как Володя не понимал разговорный английский. Мы (я и сын) могли учить английский в университете бесплатно. Предсказание Веры Марковны о том, что Володя будет в США безработным, исполнилось, но очень нескоро. Отдел, в котором он работал (это была уже другая работа), закрылся, Володя получил компенсацию и начал получать пособие по безработице. Было Володе к тому времени уже шестьдесят семь лет.

Он несколько раз был в Москве. Первый раз – очень давно, как только это стало возможным. На все мои вопросы «Что там делается?» отвечал: «Не знаю, я там не просыхал». Еще бы: он проработал семнадцать лет в Институте молекулярной биологии, который был для него и первым, и вторым домом. Домой приходил пешком, так как транспорт уже не работал.

Последний раз был уже не так давно, после двойного «ву пасса» (операция на сердце). Тогда он сказал: «Хорошо быть в стране, где говорят на твоем родном языке. Хорошо быть в этой стране, когда в кармане есть деньги».

Он женат, но не на той женщине, из-за которой оставил меня, тот союз быстро распался. Хочет переехать в Израиль.

Вера Марковна прожила 93 года.

Вадик через год по приезде в США переехал в Израиль. Учиться бесплатно в Колумбийском университете, где еще лет десять проработал его отец, Вадик не захотел. Позже он жалел об этом.

Я нашла работу на задрипанном лакокрасочном заводе в Бруклине через 3 месяца после приезда в США. Я химик-лакокрасочник. Я плохо понимала английский и плохо говорила. Но это не самое худшее. Самое худшее было то, что почти все двадцать лет работы в Союзе я занималась наладкой лакокрасочного оборудования и забыла всю лакокрасочную химию. Я купила толстый учебник и стала переводить его на русский, подписывая наверху значения незнакомых мне слов (сучку из Сохнута я хотела бы…) Дело как-то пошло вперед. Я сменила несколько лакокрасочных заводиков, научившись делать все известное в этой области. Это совсем не трудно, так как выпускается масса подсобной литературы, и это было очень интересно.

Я была три раза безработной. Самое трудное время было, когда мне уже было пятьдесят семь лет. Безработица была высокой, я должна была выплачивать банку деньги за недавно купленную квартиру. Помню, я стояла и плакала, воображая все ужасное, что может случиться со мной. Вдруг я увидела, что мои слезы падают в мисочку с фруктовым салатом, который я делала: клубника, киви и что-то еще. Я перестала плакать и вскорости нашла работу.

Новое место не имело ничего общего с лаками и красками. Это был небольшой очень милый завод с хорошей лабораторией. Они выпускали индикаторы для проверки качества стерилизации в больницах. Трудности с экономикой в стране не оказывали никакого влияния на завод: люди болеют и даже умирают всегда.

Завод процветал, хозяева купили гораздо большее помещение, чем имели, и переехали в глубь Нью-Джерси, 50 миль от Нью-Йорка. Я переехала тоже в глубь Нью-Джерси и сняла квартиру, где на 5,5 акра земли, кроме хозяина-столяра, еще были две лошади (в одну из которых я была по-настоящему влюблена), два барана, одного из них я помогала стричь. Там же были три кошки, с которыми я спала в ужасно продуваемой квартире-мансарде. На участке можно было (нелегально) разводить костер и сжигать мусор. Я собирала упавшие яблоки для лошадей и баранов. Они все ждали моего приезда с работы. У меня была собака Сюзи, мы очень любили друг друга. Их фотографии висят у меня на стенах уже здесь, в Израиле.

А потом компания была продана. Гигантская 3M [295] купила

нас. Со мной это было несколько раз: компании, в которых я работала, были проданы. Обычно это кончалось плохо, не сразу, может быть, через год или два. То же случилось и здесь: 3М решила перейти на новую продукцию, закупила дорогое оборудование, а новая продукция не пошла. Я и многие другие остались без работы. Мне на тот момент было шестьдесят два с половиной.

* * *

В 1999 году наш отдел закрыли. Я очень плохо видела (сейчас вижу, естественно, еще хуже) и довольно легко получила инвалидность, а заодно и какие-то привилегии.

Я могла бесплатно научиться работать на компьютере и даже, может быть, найти работу (есть специальные компьютеры с линзами и дополнительными устройствами, облегчающими работу). Но до работы дело не дошло: скорость моего печатания не превышала 15 знаков в минуту. Это, по-моему, в 4 раза ниже необходимой, зато я обзавелась компьютером!

Мне надо было работать хотя бы до шестидесяти пяти лет, и я поменяла много разных мест: работала нянькой в яслях, мыла и сушила собак и кошек (государство приплачивало хозяину за мое обучение), работала в городском управлении маленького соседнего городка по 4 часа в день, выполняя самую грязную работу в моей жизни. Государство опять доплачивало. В шестьдесят шесть лет я расплатилась с долгом за квартиру и уволилась, а в шестьдесят восемь уехала в Израиль, предварительно продав квартиру. Это был 2004 год.

Вскоре по приезде в США в поисках работы я пришла в некую компанию – по-моему, это был Colgate (зубная паста и другие домашние химикаты). Интервью прошло успешно, и меня провели в лабораторию. К моему удивлению, там работали одни мужчины (в Союзе на таких работах были только женщины). В Colgate меня не взяли; туда женщин вообще не брали, как я узнала позже. Там даже женского туалета не было.

В те же годы (начало 80-х) я с большим трудом получила кредитную карточку – к незамужним женщинам доверия не было. Мой босс отправил в банк письмо, в котором говорилось, что я имею хорошую специальность и постоянную работу.

За двадцать пять лет моей жизни в Америке очень многое изменилось. Ко времени моего отъезда в Израиль женщины пробили себе путь наверх; кредитная карточка и многое другое давно перестало быть проблемой для одинокой женщины.

Я гуляла в русскоязычной компании в нашем парке в Нью-Джерси, и одна из моих знакомых, по имени Валентина, рассказывала о своей эвакуации во время войны. Ее мама с тремя детьми: ее братьями – пятилетним и восьмимесячным, и с ней, четырехлетней, – находились в поезде, который шел в Сибирь. Отец был в армии. Для маленького братика не было молока, и он умер. Когда поезд остановился, мать вышла, чтобы оставить маленькое тельце на станции. Валентина и ее брат смотрели в окно, поезд тронулся, и дети увидели бегущую к поезду маму без маленького тела на руках. В этот момент я закричала: «Прекрати, прекрати, я не могу больше слушать!» Не знаю, что со мной случилось: я знала, что ее старший брат жив, что он эмигрировал в Германию; я видела фото ее матери, она была уже пожилой женщиной.

Я пришла домой, отдышалась, позвонила ей и попросила рассказать остальную часть истории: поезд должен был переехать на другие пути, мама знала это, они остались вместе.

Но многие терялись навсегда.

Это была Россия, это была моя страна, большая, трагичная, богатая и бедная, через нее проходят одиннадцать часовых поясов. Моя страна.

Мне очень хотелось еще раз побывать в Мексике, особенно когда я стала собираться в Израиль. В 1999 году отмечалось 120-летие со дня рождения ЛД. Маргарет Глоцер, вдова недавно умершего Альберта Глоцера, предложила пойти с ней на соответствующее мероприятие. Собрание было примерно в том же месте, что и в первый раз, по случаю столетия. За вход требовали 15 долларов (вдвое выше, чем стоимость билета в кино). Никакие уговоры Маргарет пропустить меня бесплатно как внучку юбиляра не подействовали, пришлось заплатить. Публика была совершенно иная, чем двадцать лет назад. Здесь были люди, среди которых я чувствовала себя молодой. Был там и Сева, но он был навеселе, поскольку перед митингом выпил много вина и плохо закусил. Он мне улыбался, но поговорить не удалось. Митинг был очень длинный, и мы с Маргарет, не дождавшись конца, ушли. В Мексику я второй раз так и не поехала.

Много лет назад я вырезала картинку из журнала «Тайм». Это глобус, в центре которого остров – Манхэттен, окруженный другими районами Нью-Йорка и Нью-Джерси. Я сделала внизу подпись на русском языке: «Тоска по родине».

Красная линия от Центрального парка через Хадсон (русскому уху привычнее Гудзон) указывает на мой дом в Нью-Джерси. Там, в Нью-Джерси, я жила много лет. С одной стороны улица, с другой – парк. В парке пруд, люди гуляют вокруг пруда

весь день и всю ночь.

Автобусная остановка до Нью-Йорка через дорогу. Ехать примерно 30–35 минут. Автобус идет через парк, потом прямо до Нью-Йорка. Я всегда сажусь сразу за водителем, я хочу видеть Нью-Йорк как можно ближе. Вид потрясающий, он остоянно меняется: гигантский серый колосс во время дождя, яркий в солнечном свете, разный по цвету в зависимости от времени дня, облачности, заката, рассвета. Я вижу два моста одновременно: Вашингтонский и Веризано. Тогда я была моложе и вообще не пользовалась общественным транспортом в Нью-Йорке. Я ходила пешком, могла пройти от 42-й улицы до Бэтерри-парка [296] и обратно. Я фотографировала необычных людей: женщину, у которой голуби сидят на голове, мужчину, разгуливающего с большим деревянным крестом, женщину с игуанами в Центральном парке, женщину, которая завернута в черные пластиковые мешки.

Человек на улице показывал какие-то трюки. Я его сфотографировала, он втащил меня в круг и заставил ему ассистировать. Кто-то барабанил по дну двух пяти-галлонных ведер, это было так громко, что я подумала, что идет парад. Когда я гуляю по Нью-Йорку, я всегда счастлива. Я вообще счастливый человек, но, когда я в Нью-Йорке, я чувствую, что моя голова будто наполняется пузырьками шампанского.

Мне нравится есть в местах, где большие окна, так я могу смотреть в окно на то, что происходит на улице. Мужчина идет с кошкой на плече. Пожилая пара, возможно муж с женой, одетые одинаково. Женщина в инвалидном кресле с тремя маленькими собачками в корзинке. Красота некоторых женщин в Нью-Йорке невероятна: смесь всех рас дает поразительный результат.

Вашингтон-Хайтс – забытый район, его нет в буклете для туристов, но в этом конце Манхэттена очень много прекрасных мест.

Возвращаясь домой, я вижу маленькие лодки на Хадсоне, вертолет почти на уровне воды, появление луны между огромными зданиями. Однажды я сфотографировала Нью-Йорк из окна автобуса. Нью-Йорк был голубой.

У Хемингуэя был роман о его жизни в Париже. Он был молод и счастлив. В русском переводе этот роман называется «Праздник, который всегда с тобой». Праздник, который всегда со мной, Нью-Йорк…

Переезд в Израиль [297]

Театр начинается с вешалки (Станиславский). Израиль начинается с офиса где-то на 22-м этаже дома на 33-й стрит и Второй или Третьей авеню.

На стене – плакат: нарисован глобус, на котором написано:

«The Jewish Agency The Global Jewish Partnership with Israel at the Center»

И в центре глобуса помещен Израиль.

На первом же собеседовании в этом офисе я сказала своей ведущей, что Сохнут и его работники – профессиональные вербовщики и что восемнадцатилетний юноша (мой сын), не имевший никакого жизненного опыта, не мог этого понять, когда в 1979 году захотел остаться в Израиле. Ведущая не отрицала, что они профессиональные вербовщики, но уверяла меня, что в восемнадцать лет вполне можно было бы понять, что речь идет о вербовке.

Процесс отъезда организован безалаберно. Сотрудники часто меняются, никто ни за что не отвечает. Выработанным правилам никто не следует.

Я обратилась в Сохнут с просьбой дать мне возможность приехать в Израиль на основании закона об объединении семей: там живет мой единственный сын. В ответ меня спросили, кто была моя бабушка и кто был мой муж. Я ответила, что мужа у меня нет, и я сама бабушка, у меня шесть внуков – какого черта им нужна моя бабушка? Тогда они обратились за разъяснениями к моему сыну. Выяснилось, что им надо, чтобы я ехала «на общих основаниях», «возвращалась на свою историческую родину». Я сказала, что я не сионистка и уж точно не религиозна, Израиль родиной не считаю и вполне довольна моей приемной родиной – Америкой. Они ответили, что хорошо меня понимают, но ехать я должна на общих основаниях, а по приезде могу отказаться от израильского гражданства и жить как постоянный житель. Я не смогу быть избранной в кнессет [298] и не смогу голосовать на выборах в кнессет, все остальное будет как у всех.

Я поступила так, как мне сказали, и стала постоянным жителем Израиля. Я получаю только американскую пенсию, а с 2010 года плачу налоги Израилю за деньги, заработанные в США.

Мать и сын подлежат закону об объединении семей, если они не евреи. Я же хотела приехать в Израиль только как мать своего сына, но мне этого не позволили.

Мой очень немолодой, но вполне надежный и вместительный «форд» пришла покупать сразу целая семья: он – Роберто,

шестьдесят один год, медицинский техник, темнокожий представитель какой-то маленькой латиноамериканской страны; она – Юраити, сорок семь лет, выходец из СНГ, литовка, бывшая конторская служащая, их дочь – пятилетняя Симона с кожей цвета глубокого загара. Симона говорит на английском и испанском, на языке страны, в которой она рождена, и языке ее отца. Симона говорит также на русском и литовском, на языке ее окружения и языке ее матери.

Кто бабушка Симоны? Какой Симона «национальности»? Да кому какое дело до этого. Это же Америка, Америка.

* * *

Сотрудник авиакомпании «Эль-Аль», оформлявший мой билет в Израиль, спросил у меня: «А не сдурела ли ты, бабка, что меняешь Америку на Израиль?» – «Да сын у меня там, единственный, больше детей у меня нет!» – «Так бери его сюда!» – «Не хочет». (Что мы – я и бывший муж – вряд ли сможем взять на себя ответственность за семью сына – жена и шестеро детей, – обсуждать с сотрудником «Эль-Аль» я не стала.)

Примерно то же самое («А не сдурела ли ты, бабка, что заявилась из Америки сюда?») сказала мне русскоязычная сотрудница министерства абсорбции в Иерусалиме.

Так кто же была моя бабушка, которой так интересовались в Сохнуте? А у меня их три.

Три мои бабушки

Моя «еврейская бабушка», Роза Ильинична Рубинштейн, по моим теперешним понятиям, была феминисткой и очень прогрессивной женщиной. Она с возмущением рассказывала мне о ежеутренней молитве, в которой мужчина благодарит Бога за то, что тот не сотворил его женщиной. Она готовила вкуснейшую фаршированную рыбу и с тем же мастерством великолепно шпиговала пряностями украинское сало. Это сало с черным хлебом под водку мы очень хорошо поглощали на нашей кухне с нашими (преимущественно еврейскими) друзьями.

О происхождении второй моей бабушки – Натальи Ивановны Седовой – я знаю очень мало. Отец ее как будто был из казаков, а мать из польских дворян. Нигде ничего больше о них не нашла. Д. Волкогонов сообщает, что они были людьми обеспеченными и отправили дочь учиться в Харьковский институт благородных девиц. Однако Наталью оттуда за участие в революционном движении исключили, и она уехала продолжать образование в Женеву, а потом в Париж.

Как американская гражданка я считаю своей названой бабушкой Элеонор Рузвельт, жену президента Франклина Рузвельта.

Три мои бабушки жили в одну и ту же эпоху, в те же годы (1882—84—1961—62), но в разных странах. Каждая из них была ярка по-своему. Две из них вошли в мировую историю, а третья была самым близким мне человеком.

Моя первая бабушка – мама моей мамы, моя самая близкая, самая любимая бабушка Роза. Я очень по ней скучаю до сих пор. Она вырастила меня. Я никогда не замечала в ней ничего еврейского; у нее было вольтеровское мышление. Бабушка могла смеяться над чем угодно, она была моей подругой, была готова побежать в кино в любой момент, ее все любили. «Кланяюсь твоей маме, к которой всегда испытывал чувство глубокой симпатии. Передай ей, что я прошу прощения за тот переполох, который внесен мной в ваш дом», – так писал Сергей моей маме 21 августа 1935 года. Когда я прочитала это, я вспомнила, как летом 1951 года мы трое, дедушка, бабушка и я, сидели на сибирской пыльной дороге и ждали конвоя, который должен был везти нас дальше. Местная крестьянка принесла нам овощи. Бабушка заплакала. Она ругала мою мать и все повторяла: «Мы говорили ей, чтобы она не делала этого, мы говорили ей, чтобы она не делала».

Бабушка была страстным читателем и русский язык знала в

совершенстве. Родившись в 1884 году, бабушка Роза вместе со страной прошла через все испытания Первой мировой войны, Гражданской войны, Второй мировой, эвакуации, ссылки, возвращения.

* * *

Бабушка Роза рассказывала, что она была в детстве и ранней юности «слабым ребенком», поэтому (!) специально для нее покупали ветчину, но посуду ветчиной «не пачкали», бабушка Роза ела ее с бумаги.

Отец ее был агентом по продаже швейных машин «Зингер», в семье росло 12 детей, в доме была кухарка.

Когда мои дедушка и бабушка поженились, они жили некоторое время у родителей дедушки Миши. Командовала в семье свекровь, которую все называли Вера Борисовна (еврейское имя свекрови мне неизвестно). В 6 утра Вера Борисовна каждый день раскалывала сахарную голову для всей семьи (четыре дочери и четыре сына, женат был тогда только мой дед), и это было сигналом побудки для всех.

Я больше любила бабушкиных братьев, они были жизнерадостными людьми, уже не чурались смешанных браков. Бабушка же уверяла меня, что Рубинштейны, которые казались мне тогда занудами, гораздо лучше, «они помогают друг другу, а Язвины только водку пьют».

В семье Рубинштейн лишь старшие дети – мой дедушка да еще тетя Фаня – не получили формального образования. Зато тетя Фаня была человеком невероятной доброты, и мы смогли сполна оценить это на ее похоронах – на кладбище пришло такое количество народа, которое могла собрать только какая-нибудь знаменитость.

Следующей по счету была тетя Анюта, она рано ослепла и рано овдовела. По-моему, она была библиотекарем. Затем шли Соня и Маня – они обучались при поддержке дяди Илюши в Швейцарии, обе стали врачами.

Три старших сестры были бездетны. Тетя Соня и ее муж (военный врач) взяли на воспитание девочку из детдома. Девочка – рослая блондинка, на вид белорусская крестьянка – изумила меня при встрече в те трудные годы (нам обеим было тогда лет по четырнадцать) своим четко выраженным еврейским самоощущением. У тети Мани было три сына; один из них погиб в первые дни Великой Отечественной, другой умер относительно недавно, а самый младший (старше меня на 6 месяцев, но

приходящийся мне дядей) сегодня живет в Израиле.

Вера Борисовна и муж ее Яков Моисеевич (по воспоминаниям их внучки Милы, моей тети, дочери дяди Илюши) дома разговаривали на хорошем русском языке. Еврейские праздники отмечали, но кашрут не соблюдали. А жениться на русских Рубинштейны стали только в поколении моей матери.

Тетя Фанечка, жена дяди Илюши, сохраняла красоту и изящество до глубокой старости, что удается женщинам крайне редко.

Бабушка Роза рассказала мне в детстве, что в какой-то еврейский праздник принято раскручивать живую курицу над головой, читая при этом молитву. Молитва способствует тому, что все грехи человека, раскручивающего живую курицу, переходят на курицу. После чего курицу режут и отправляют в кастрюлю. Бабушка Роза не слишком одобрительно относилась к этому обряду. Приехав в Израиль, я узнала, что это делается перед Иом-кипуром. В Иом-кипур в Израиле не летают самолеты, молчат израильское радио и телевидение, нет движения на улицах, не работают светофоры, и надо поститься. Ох, не понравилось бы все это моей «еврейской бабушке» Розе…

На моей последней работе в США вице-президент компании был католик. Он подарил мне Библию на русском языке с надписью, в которой он желал мне «найти правду». Я осилила примерно 70 % Ветхого Завета и столько же Нового. Вице-президента я огорчила, сказав, что после попытки знакомства с Библией я еще меньше склонна верить в Бога, чем до того.

Две истории из Книги мне запомнились.

Сарра выгнала из дому служанку Агарь (египтянку) с малым сыном Измаилом (отцом ребенка был Авраам, муж Сарры). Агарь в пустыне плачет и просит Бога послать им (или только Измаилу?) легкую смерть. Меня мольба Агари очень растрогала. Но тут явился ангел, и все благополучно завершилось. Где же он, этот ангел, сегодня? (Моральный облик первой еврейской семьи я обсуждать не берусь, так как не знаю нравы и обычаи тех времен.)

Другая история. Две молодые вдовы-нееврейки после неурожайного года решили уйти из мест проживания, последовав за своей свекровью. Спустя некоторое время одна из них по имени Руфь очень удачно вышла замуж (по-моему, за родственника покойного мужа) и нарожала много детей; среди ее потомков – царь Давид. А что еще можно было предпринять в те времена необразованной женщине? Пойти в вечерний институт, а днем работать?

Я уже не говорю о том, что царь Давид, если он действительно существовал, произошел от нееврейки. Кто была его бабушка?

Расспрашивали ли его об этом? И где эта Руфь оформила свой брак? В Болгарии? На Кипре? Или тогда до такой нелепости еще не додумались? В современном Израиле браки между евреем и неевреем не оформляются, для этого надо ехать за границу, туда, где это можно провернуть, например на Кипр. Иногда такие браки потом признаются недействительными, женщина превращается в девушку, а дети, если они у нее есть, имеют массу бюрократических проблем…

У меня ностальгия по Америке – каждый день, каждый час, каждую минуту уже целых шесть лет. Там всегда течет горячая вода из крана. Там всегда тепло в квартире. Там улыбчивые, вежливые и честные люди.

Перед отъездом я прочла книгу двух авторов – имен не помню – Crossing Roads. Она рассказывает о разности ментальностей американцев и израильтян. Американцы доверяют людям сразу и только потом, если бывают обмануты, перестают доверять. Представители избранного народа, наоборот, сразу же не доверяют. Только потом, если их не обманывают, начинают доверять людям. Это поведение подсказано личным опытом тех и других.

Вот отрывок из статьи израильских журналистов Таля Ориона и Авнера Хофштейна «Цинизм против доверчивости» (Едиот ахронот, 10.09.2008; я ознакомилась с ней в переводе в русскоязычной газете):

«По словам американского адвоката – жительницы Калифорнии, через ее офис проходят немало обманутых земляками израильтян. Впрочем, уважение пострадавших к законной процедуре ненамного отличается от морали тех, кто их надул. Они прекрасно знали, что хотят обойти американский закон на кривой козе так, как привыкли это делать на родине.

Между прочим, адвокат – еврейка, и ее поражает то, что попытки надуть власти находят поддержку у раввинов израильской общины. Не раз и не два клиенты заявляли ей, что, по словам их раввина, объегорить «гоев» [299] – это не грех… Мол, если наивные англосаксы не почуяли неладное, то, значит, они законченные лопухи, и не воспользоваться этим глупо.

…Субсидированный рейс компании «Эль-Аль» для возвращенцев [300] – это летающие курсы повышения квалификации для мошенников. А может, даже университет, в котором любой не отягощенный совестью израильтянин может узнать много новых способов нечестного приобретения денег. Пассажиры делятся схемами обмана кредитных и лизинговых компаний и хвастаются друг перед другом украденной наличностью.

…Ни один израильтянин не любит чувствовать себя фраером».

Именно поэтому израильтяне безобразно обсчитывают иностранных рабочих. С пенсионерами и даже жертвами холокоста тоже обходятся без особых церемоний. Меня, когда я еще жила в Америке, израильтяне пытались надуть дважды. Оба раза я отбилась от них. Но здесь я уже не в состоянии победить. В Израиле это намного сложнее, и у меня не хватает на это сил.

Как говорят специалисты, главная угроза экономике Израиля – преступность. Двух израильских министров посадили в тюрьму, министра финансов – за кражу денег, а еще одного министра (не помню какого, в Израиле министров больше, чем в любом другом государстве) – за взяточничество. Бывший премьер-министр Израиля под следствием за мошенничество, бывший президент – под следствием за изнасилование и другие развратные действия. Дела русскоязычного министра иностранных дел несколько лет расследуются полицией. И даже с Сарой Нетаньяху – женой нынешнего премьер-министра – судятся две домработницы за обсчет при выдаче зарплаты. Да и сам Нетаньяху далек от святости. Я помню, когда он был представителем Израиля в ООН, он часто выступал в новостях по американскому телевидению. Он убеждал выходцев из СССР приехать в Израиль, пожить в нем, а потом, если уж в Израиле не понравится, уехать. Насколько все это сложно, а часто и неисполнимо, Нетаньяху не сказал. Что жизнь в Америке намного легче и лучше, чем в Израиле, он тоже не сказал. (Это было до того, как выбор пути для отъезжающих из России был закрыт по инициативе израильского руководства и все были принуждены ехать в Израиль.) Две моих самых близких души – обе приблизительно моего возраста, обе оставшиеся одинокими лет в сорок– пятьдесят, – находятся в постоянной конфронтации со мной. Одна из них живет в Москве, более сорока лет в одной и той же квартире. Другая – лет двадцать назад с дочерью и внучкой перебралась в Америку и получила от Дяди Сэма все, что можно получить (а получить от него при настойчивости можно довольно много). Обе они, каждая из своего государства, приехали на двухнедельную экскурсию в Израиль. Обеим Израиль очень понравился, обе объявили себя сионистками, при том, что переезжать в Израиль они, конечно, не собираются. Они обе зачитываются книгами Дины Рубиной и с восторгом пересказывают мне содержание этих книг по телефону. Что же я могу поделать, если вижу Израиль совершенно иным, чем Дина Рубина?

Русскоговорящих приехало очень много – больше миллиона, селить их было негде, поэтому «историческая родина» закупила

временные домики, а продала эти временные домики ничего не подозревающим новым гражданам страны по цене постоянных. Такие вот дела на «исторической родине» [301] .

Приехавшие в последние двадцать лет специалисты с высшим образованием редко работают по специальности. Многие заняты неквалифицированным трудом. Социальный статус «репатриантов» резко понизился. Количество самоубийств в их среде значительно выше, чем среди местного населения. Дети новоприбывших часто не в состоянии преодолеть трудности жизни в новой стране и оказываются за бортом школы.
Из миллиона приехавших осталось около 800 тысяч. Точно никто не считает, никому это не выгодно.

Дом, в котором я живу в Иерусалиме, примерно того же возраста, что и я. С крыши время от времени течет вода, гудит соседский мазган [302] . Ночью это меня будит. Еще три года назад инспектор запретил пользоваться баллонным газом. Восстановить газоснабжение не удалось. Отопление не работает. Зимой очень холодно. Пол из каменных плиток – ледяной. Ноют кости. Зимой моюсь далеко не каждый день. Вода из израильского водовода перенасыщена минеральными солями, ее надо пропускать через специальные фильтры, иначе электрочайник обрастает накипью, моментально образующейся на нагревательном элементе.

Большинство американцев, приезжающих «сделать алию» [303] , не выдерживают здешних условий и поворачивают обратно в благословенную Америку.

Мой троюродный брат, пенсионер с женой, за десять лет, которые он прожил в Хайфе, вынужден был менять квартиру пять раз.

Квартир специально «на съем» не строят, невыгодно подрядчикам. Я снимаю квартиру, которую меня в любой момент могут попросить освободить, правда предупредив за три месяца. Купить же квартиру очень дорого из-за совершенно грабительских банковских и земельных законов. Победить эту систему еще никому не удалось [304] .

Редко что удается здесь сделать с первого раза: купить, починить и т. п. Когда из печати в России с неимоверными мучениями (на два года позже назначенного срока) вышла книга «Милая моя Ресничка», мне по электронной почте сообщили, что послали мне три экземпляра книги. Дней через десять я стала наведываться на почту, но никаких сведений о прибывшей книге не было. Месяца через два из Петербурга пришло сообщение, что книга вернулась с надписью: не востребована. Так здесь работают многие учреждения.

Рядом с моим жильем находится скверик, где я подкармливаю бездомных кошек. В этом же скверике есть чистый туалет, но какие-то типы справляют малую нужду в скверике – напротив меня. А как пахнет двор в начале улицы Агрипас? Ужас. Это центр города, и рядом кафе. Дожди здесь только зимой, так что вонь стоит всю весну, лето, начало осени. Полиция изредка в центре появляется, но занята лишь одним – штрафует тех, кто переходит дорогу на красный свет.

Рынок находится в центре города. На рынке много маленьких закусочных и ресторанчиков. Те из них, которые расположены на четной стороне улицы Агрипас, смотрят прямо на индустриальный мусорный ящик, в который сваливают весь негодный товар с рынка. Тут же бегают голодные иерусалимские кошки. Если бы это все из окна своего венского кафе смог увидеть Герцль! А как бы ему понравились сусальные портреты любавичского ребе [305] , которыми обклеен весь Иерусалим? Кстати, сам любавичский ребе никогда на Святой земле не был.

Рядом с моим домом, позади автобусной остановки, – большой промтоварный магазин. Теперь на этой остановке постоянно останавливаются для разгрузки грузовики с товарами. Чтобы увидеть приближающийся автобус, надо выбегать на проезжую часть. Остановится автобус впереди, сзади или сбоку разгрузки, угадать невозможно. Здесь каждый делает все так, как ему одному удобно, не обращая внимания, насколько это неудобно другим. С момента основания Израиля в автомобильных катастрофах погибло значительно больше людей, чем во всех войнах и терактах.

* * *

С сыном я разговариваю по-русски, с его женой по-английски, а с внуками почти не разговариваю, так как ни русского, ни английского они не знают. (Правда, за те годы, что я здесь, две внучки понемногу заговорили по-английски.)

Раньше я регулярно ездила к сыну и его семье по пятницам. По пятницам у моего сына выходной день. Сидеть в автобусе я всегда была обязана на задних местах. Передние – для мужчин.

Автобус идет в религиозный район. Роза Паркс (1913–2005) переворачивается в гробу. (Это та афроамериканка, которая не уступила место в автобусе белому человеку в 1955 году, и с этого началась правовая революция в Америке).

Не так давно семья сына переехала значительно дальше от Иерусалима. Теперь я могу приезжать к нему только 2–3 раза в

год, так как в пятницу автобусное движение прекращается рано, и я не успеваю обернуться туда и обратно. Перед субботой прекращается любая трудовая деятельность в этом государстве. Иногда это продолжается 2–3 дня – праздники соединяются с субботой. Есть праздники нерелигиозного характера или полупраздни-ки, тогда автобусы ходят.

Поселок расположен крайне неудобно, за «зеленой чертой» [306] , на оккупированной территории, и добраться до него сложно, а я делаюсь старше и старше.

Мои три двоюродные бабушки (родные сестры между собой) в 1933 году во время всеобщей паспортизации выбрали себе три разные национальности: старшая Полина, жившая в Одессе, записалась еврейкой, средняя Татьяна, жившая также в Одессе, записалась украинкой, а младшая Мария, жившая в пригороде Москвы, записалась русской. Так за тридцать лет до знаменитой речи Мартина Лютера Кинга (1963 год) они пришли к тому же выводу, что и он: человека надо принимать за «содержание его характера», а не за внешность.

Я родилась в 1936 году, и у меня во всех документах было написано: еврейка. Я никогда не могла понять почему. По «содержанию своего характера» я не была еврейкой и таковой себя никогда не чувствовала.

Я уехала из СССР потому, что во всех документах я должна была писать «еврейка», уехала потому, что никогда ни на что, даже на самое необходимое, не хватало денег; уехала потому, что очень хотела высунуть голову за железный занавес и посмотреть, что за ним делается.

В Америке еврей – религия. При заполнении анкеты на выезд в Израиль я должна была ответить на вопросы, к какой синагоге принадлежу. А ни к какой. Ни к какой синагоге не принадлежу, и все.

К какой сионистской организации принадлежу. Не сионист я, не сионист, и все тут. Знание иврита – 0,00000.

Разрешение на въезд в Израиль я получила потому, что в метрике, выданной Бауманским районом Москвы в 1936 году, написано, что мать моя – еврейка. В синагогу она тоже не ходила, сионисткой не была, и в этом ее даже не обвиняли. Ни идиша, ни иврита она не знала.

То, что я еду в Израиль только потому, что там живет мой единственный сын, никого не интересовало.

И вот я в Израиле. Я – американская гражданка и постоянный житель Государства Израиль. Мой родной язык – русский. Это мой родной и великий русский язык.

В Америке мне все или почти все нравилось… Там можно

было все доказать: неприятности с государственной пенсией, проблемы с местными законами, все это я могла достаточно легко решить. Приветливая обстановка, доверие к людям.

Здесь мне все не нравится: хмурые лица, грубость. Слово «Извините» можно услышать очень редко. И доказывать никому ничего не советую: легче получить инфаркт, чем что-то доказать. Проверила на себе. Иврит я начала учить, но мне этот язык очень не понравился, и буквы различать очень трудно. Не доучившись семестр, я бросила ходить на занятия. Вместе со мной бросил занятия недавно приехавший из Санкт-Петербурга «новый репатриант» [307] . Мы – товарищи по несчастью. У него тоже единственный сын вернулся к вере отцов. Это очень трудно пережить, когда такое случается – вырастает стена между людьми.

В ульпане [308] в группе в основном были религиозные пенсионеры, так же как и я, приехавшие к детям и внукам.

Нерелигиозному человеку не дадут снять квартиру в израильском религиозном поселении. Это противозаконно, но с этим никто не хочет связываться. Там можно смотреть только местное телевидение, но лучше вообще не иметь телевизора. Мой сын и сын моего товарища по несчастью телевизоров не имеют. Телевизор может дать детям понимание того, что на земле есть что-то более интересное, чем то, что этим детям дают, а этого допустить никак нельзя.

Сын делал ремонт в квартире, которую они должны были освободить, и они все приехали на субботу ко мне, так как они не могли находиться в свежевыкрашенной квартире. Так я в их присутствии не могла отвечать на телефонные звонки – суббота.

Толя Азарх из Москвы перебрался в Кирьят-Арбу [309] . Он возмущался тем, что из России выпроводили каких-то раввинов. Я сказала: «Правильно сделали». – «Как ты можешь так говорить, как ты можешь!» – «А вот когда ваш единственный ребенок перейдет в веру отцов, вы заговорите так же».

Тут как-то по телевизору показывали и рассказывали две разные истории. Показывали расцарапанную женщину, которая в субботу вышла из дома с собакой на поводке и с фотоаппаратом. В субботу это не разрешено, и религиозные напали на нее. Свои увидели и услышали и отбили ее.

Еще рассказывали о кошерном мясе. В процессе подготовки и перевозки мясо теряет в весе до 10 %, поэтому эти 10 % можно добавлять в виде воды. Добавляют больше чем 10 %, а чтобы удержать эту воду в мясе, добавляют химикаты, а чтобы анализы не показали уменьшения количества белков, в мясо добавляют желатин, который тоже является белком.

Толи Азарха уже нет. Его хоронили по обряду, по которому я не хочу быть похоронена.

Мой товарищ по несчастью живет в религиозном поселке на территориях.

Он старается почаще приезжать в Иерусалим, который он видит с холмов своего поселка. Иерусалим с высоты очень красив, но только с высоты. В городе все время что-то перестраивается, и арабы-рабочие пилят местный камень без всяких предохранительных масок. Каменная пыль стоит столбом, и они ею дышат. Мы гуляем по городу, который мы оба не любим. После Нью-Йорка и Петербурга очень трудно любить Иерусалим. Идет постоянный отток населения из города, и это видно по закрытым и заброшенным магазинам в центре. Особенно непригляден город в субботу: нет пестрой толпы, витрины зарешечены, и по городу бродят какие-то странные личности, которые в обычные дни незаметны.

Полиции нет. С полицией у русскоязычного населения очень сложные отношения.

Итак, мы ходим по городу, потом приходим ко мне. Выпиваем и закусываем, потом он идет спать в крохотную спальню на мою кровать, а я устраиваюсь на диване в большой темноватой комнате (по-моему, здесь это называется салон). Потом мы пьем кофе, и я провожаю его до автобуса.

Разваливающийся диван в моем салоне принадлежал когда-то покойной свекрови моей квартирной хозяйки. Фамилия этой свекрови обозначена на табличке на входной двери квартиры, в которой я живу. Я охотно установила бы здесь табличку с моей фамилией, но не влезать же со своим уставом…

После того как вышла из печати «Милая моя Ресничка» и дошла до моей родни, мне позвонила тетя Мила (1915 года рождения) – дочь дяди Илюши, дедушкиного брата, того самого, который хотел увезти родню в Америку. Она сказала: «Твой отец был очень хороший человек». Ее мнение основано только на прочтении книги. Потом она рассказала историю о том, как она с ее мамой пришли «знакомиться» со мной, когда меня только принесли домой, и как в это время на имя моей матери пришла поздравительная телеграмма. Я попросила тетю Милу записать рассказ и прислать мне. Вот ее письмо от 30 января 2007 года:

«Жаркий день [1936 г.]. Мы с мамой едем от Красных Ворот на Маросейку. Там, в доме № 13, девочка Юлька. Она совсем недавно родилась, и мы едем на нее посмотреть.

Юлька – дочь Гиты, а Гита – дочь тети Розы и дяди Миши. Кроме нас с мамой, в гостях – подруга Гиты. Оживленно беседуем в большой комнате, очень светлой и хорошо убранной.

Гита выносит Юльку: в пикейном пакете красивое маленькое личико. А голос! – чистый и звонкий, очень громкий. Чего-то она требует… Наши удивленные возгласы прерывает почтальон: телеграмма для Генриетты Михайловны.

Гита быстро пробегает глазами текст и говорит нам:

– Муж поздравляет меня с рождением дочери [310] .

Тетя Роза вертит в руках телеграмму и говорит, глядя на Гиту:

– Но это не тебе, ведь подпись Серегин.

Разгневанно вступает в разговор подруга Гиты:

– Ну и что? Мало ли как врет почта, иногда и понять ничего нельзя, а здесь почти правильно: Сергей – Серегин.

Все согласились с этим доводом, даже тетя Роза. Гита умеренно весело, просто и приветливо сказала:

– Телеграмма, конечно, мне: имя и отчество мои, и текст вполне подходит.

Откуда телеграмма, из Красноярска? – этого никто не спросил».

Далее мне позвонила другая моя тетя, дочь самого младшего дедушкиного брата Ефима. Разница в возрасте между братьями – двадцать два года, поэтому разница в возрасте между мной и тетей всего полтора месяца. Она рассказала, что на Маросейке, 13, где она тоже жила и дольше, чем мы, при входе во двор, где мы играли в детстве, жильцы дома на собранные ими деньги повесили мемориальные доски.

Одним из «невернувшихся» был еврейский поэт Лев Квитко, участвовавший в Еврейском антифашистском комитете. Он жил под нами. Его стихи (в переводе на русский) в мое время были известны всем детям: «Климу Ворошилову письмо я написал». Далее идут строчки о том, что, если старший брат писавшего погибнет в бою, младший брат (автор) пойдет на его место. Были еще очень милые стихи про поросят, которых детям так и не удалось увидеть.

Квитко расстреляли в 1952 году.

Мой сын, после того как отслужил в армии, работал в Израиле на самых разнообразных физических работах. Последние годы работает сварщиком. Сейчас, став дедом и почти достигнув пятидесяти лет, на радость родителям пошел учиться в местный колледж, которому недавно присвоили статус университета.

Декларация независимости определила Израиль как еврейское демократическое государство. Мы с сыном живем в разных государствах: он – только в еврейском, а я – только в демократическом.

Я считаю сына последним представителем нашей, когда-то большой, семьи. Он последний, кто знает и помнит, кто такие

Толстой и Чехов, из-за которых его прабабки не хотели покидать Россию. (Кстати, собрания сочинений и того и другого я не раз видела около помоек, где в Израиле принято складывать вещи, ставшие ненужными. Старики вымирают, и читать некому.) Все шестеро детей моего сына и внуки, нынешние и будущие, уже никакого отношения к моей семье не имеют. Это представители йеменско-израильской цивилизации, это другой мир, входить в который я не могу и не хочу.

За те шесть лет, которые я прожила в Израиле, семья моего сына обогатилась четырьмя новыми отпрысками [311] .

То, что я стала прабабушкой, не очень взволновало меня, а то, что мой сын – уже дед, кажется мне совершенно невероятным. В религиозных семьях вступают в браки рано, и эту позицию поддерживает руководство общины. То, что молодые родители, не успевшие получить никаких профессиональных навыков, будут барахтаться на грани нищеты, – все это очень даже на руку местному религиозному руководству, ибо зависимость делает людей покладистыми. Два моих старших внука обзавелись семьями и стали отцами, когда одному исполнилось двадцать, а другому – девятнадцать лет. Сейчас они в армии. Что они будут делать после армейской службы? Надо принять во внимание, что религиозные школы дают очень мало знаний по физике, математике, английскому языку. Старшая внучка тоже вышла замуж в восемнадцать лет и стала матерью. Но она поступила в вечерний колледж.

Религиозное население страны растет очень быстро и через некоторое время может догнать по количеству нерелигиозную часть. Взаимоотношения между двумя этими группами населения очень натянутые. В каком-то журнале я прочла, что мир с арабами может быть достигнут, а мир между нерелигиозными и религиозными невозможен. Война уже ведется. Ультраортодоксы выходят на улицы и устраивают демонстрации протеста, например против археологических раскопок. Недавно сорвали строительство нового кинотеатра в Иерусалиме. Бороться с ними невозможно, их много, и они очень хорошо организованы.

Религиозные имеют массу различных социальных привилегий, оплачиваемых в основном нерелигиозной частью населения.

Израиль очень напоминает мне СССР моего времени: здесь, как и там, мне пытаются вдолбить в голову что-то, с чем я никак не могла и не могу согласиться.

Либерия

Сионистский эксперимент напоминает мне историю государства Либерия. Либерия была основана в 1820 году освобожденными американскими рабами, которые мечтали вернуться на свою историческую родину, где они никогда не смешаются с белыми. Эти замыслы поддержал президент США Джеймс Монро (1758–1831). Бывшие рабы называли Африку обетованной страной. Они не интегрировались в местное африканское общество, а создали свою республику по образцу Соединенных Штатов. Столица страны, Монровия, названа в честь президента Монро. Название республики – от латинского слова «свободный».

Вовлечение аборигенов в политическую жизнь шло трудно, между вновь прибывшим меньшинством и местными уроженцами царили недоверие и жестокость. Значительная часть приехавших после Гражданской войны 1861–1864 годов и их потомков вернулась обратно в США.

К концу XX века только 5 % населения составляли потомки бывших рабов. Они являлись элитой государства. Почти исключительно из этой среды были все чиновники и специалисты. Многолетний президент страны Вильям Табмен (1895–1971, правил с 1944 и до смерти) приложил большие усилия для интеграции коренного населения в политическую и культурную жизнь страны. Возможно, его реформы оказались чересчур поспешны.

40 % населения составляли христиане, 20 % мусульмане, остальные 40 % принадлежали к разным конфессиям, в подавляющем большинстве языческим. Официальный язык Либерии – английский.

В 1989–1999 годах в два этапа прошла чрезвычайно кровавая гражданская война, сопровождавшаяся грабежами и разрухой. После гражданской войны «американо-африканцев» в стране практически не осталось.

* * *

В 1963 году губернатор Алабамы (южный, бывший рабовладельческий штат) в инаугурационной речи сказал: «Сегрегация сегодня, сегрегация завтра, сегрегация навсегда!» Вскоре ему пришлось изменить свое мнение.

В 2008 году был избран 44-й президент Соединенных Штатов,

рожденный в 1961 году. Его имя – Барак Хусейн Обама. О его бабушках – белой и черной – знает весь мир. Русскоязычная пресса Израиля не скрывает неприязни к нему. Многие высказывания о нем носят откровенно расистский характер.

1 сентября 2009 года в одном из городов Израиля, Петах-Тикве, дети из Эфиопии не могли пойти в школу, потому что ни одна школа их не принимала. Дело начало сдвигаться с места, только когда вмешался министр просвещения.

Я вспомнила, как, живя в США в начале 1980-х годов, не отрываясь смотрела по телевизору, как привозят эфиопских евреев в Израиль. Перевезти людей надо было как можно быстрее из-за военных действий в соседнем Судане. Показывали, как их загружали в самолеты. Эфиопы весили очень мало, не более 60 килограммов каждый. За время перелета родилось несколько детей. У нас собирали деньги в помощь прилетающим. Я выслала 300 долларов.

Теперь они здесь, и все было бы хорошо, да кормильцы семей не могли найти работу, так как то, что они делали у себя на родине, здесь не существует. Работать пошли жены – убирать и чистить. Дети остались без присмотра со всеми вытекающими последствиями. Кое-кто из детей все-таки успешно учится и заканчивает колледжи, но на работу устроиться трудно из-за цвета кожи («пятый пункт» по-израильски). Я видела по телевизору, как один из них кричал: «Зачем вы нас сюда привезли?»

А в местной газете появилась шутка: «Петах-Тиква. Городские власти объяснили, что не принимали эфиопских детей в школы из опасения, что опять вырастет солнце русской поэзии».

В ульпане вместе со мной обучался ивриту некий англичанин – христианский проповедник. Услышав однажды от меня критический пассаж об Израиле, он потратил немало стараний, чтобы убедить меня в особой миссии богоизбранного народа и его больших достоинствах. Но в другой раз, когда его дочь не приняли в школу, которую он для нее выбрал, из-за того, что она не еврейка, – проповедник был в ярости. «В Британии о такой дискриминации никто и подумать не посмел бы!» – повторял он. «Вы не в Британии, – ответила я. – Вы в еврейском демократическом государстве. В этом государстве разные законы о выплате алиментов: одни для евреев, другие для неевреев (гоев)».

В Израиле никак не могут провести закон о пересадке яйцеклетки от одной женщины к другой при бесплодии. Для этого приходится ехать за границу, например в Румынию. Причина – позиция ультрарелигиозных лидеров. Они могут

допустить пересадку только для двух женщин одного вероисповедания.

В СССР многие годы были запрещены браки советских граждан с иностранцами. Приблизительно что-то в этом роде существует и в Израиле. Пришлось создать даже специальное общество помощи смешанным семьям. Смешанная семья – это когда один из супругов еврей, а другой нет. Когда оба супруга нееврей – например, китаец и украинка, – это в Израиле не смешанная семья.

97 000 детей – репатриантов из бывшего СССР, живущих в Израиле, не имеют определенного этнорелигиозного статуса. Когда они вырастут, у них будут проблемы с заключением брака.

Особая ситуация возникает, если с нееврейским супругом приезжают его дети от предыдущих браков. Такие дети подлежат высылке из Израиля, когда им исполняется 18 лет [312] . Все русскоязычные газеты заполнены адвокатскими объявлениями, обещающими помощь при решении этих и других всевозможных вопросов, связанных с борьбой еврейского государства с нееврейскими гражданами этого государства.

Супруги, прожившие многие годы вместе, не могут быть похоронены на одном кладбище (или в одной могиле), если один из них нееврей. Таковы законы.

Местное русскоговорящее радио, которое я обычно слушаю по утрам, часто повествует о разных инцидентах, происходящих на территориях между поселенцами и арабами. Всегда виноваты арабы. Но однажды говорилось о студентах иешивы, которые оскорбляли монашек, плевали в их сторону, выкрикивали разные гадости и подбрасывали в монастырь дохлых кошек. Администрация монастыря официальных жалоб не подавала, не желая осложнять отношения с израильскими властями. А местная газета откликнулась на происходящее такой заметкой в разделе юмора: «Неизвестные вандалы осквернили препохабными надписями Троицкий собор в Иерусалиме. Полиция решила во что бы то ни стало не задерживать вандалов, чтобы их мечта стать известными вовек не осуществилась».

Меня же во всем этом интересует, откуда эти ученики иешивы брали дохлых кошек. Живых кошек в Иерусалиме множество, а с мертвыми я никогда не сталкивалась.

* * *

По поводу кошек – у меня их две, большая и маленькая. Большую кошку я взяла с разрешения квартирной хозяйки при

вселении в эту квартиру. Я тогда стала скатываться в депрессию и завела котенка – решила, что это поможет. Сейчас это большая ласковая кошка, согласная спать со мной под одеялом, это очень приятно.

Года через два я подобрала котенка в сквере, где я кормлю городских бездомных кошек. Крохотного котенка туда кто-то подбросил. Я выкормила эту находку и теперь терплю. По ночам она царапает все дверцы кухонного шкафа, пытаясь их открыть. Кошки днем спят вместе, а когда не спят – дерутся.

Кормежку уличных кошек мне давно бы надо прекратить, она стоит совсем не дешево. Промчавшийся по миру кризис здорово ударил меня по карману. Но кошки дожидаются меня и, увидев, бегут навстречу. Я не могу разочаровать их.

Иногда какая-то из этих кошек исчезает навсегда без видимых причин. Не виновны ли в этом ученики иешивы?

Недавно на рынке в Иерусалиме, в ходе дискуссии по поводу небольшой торговой операции, хозяин кондитерской лавочки толкнул меня в спину и крикнул: «Убирайся в свою Россию!» Более тридцати лет назад в сходных обстоятельствах мне советовали убираться в свой Израиль. А я уехала в Америку.

Америка уходит все дальше и дальше от меня. Новости уже не так интересны, как прежде. Многие события уже непонятны. И только американские фильмы волнуют, как раньше. Зато Россия стала гораздо ближе – не столько географически, сколько просто по-человечески.

Русскоговорящих здесь куда больше, чем в Америке. Потому больше русскоязычных газет и журналов, книг и телепрограмм.

Только Израиль остался так же далек, как и был, хотя я здесь живу уже шесть лет. Если бы я жила не в Иерусалиме, а, допустим, в Тель-Авиве, может быть, я не была бы столь привередлива. Многие не хотят жить в Иерусалиме из-за его особенностей. Но я обречена жить именно здесь, потому что вокруг Иерусалима вертится жизнь сына и его отпрысков. В Тель-Авив они ездить не любят. А сюда ко мне приходят все шесть внуков и четыре правнука.

Я всегда храню дома запас кошерной еды (другую они не едят, даже хлеб), бумажные тарелки и пластмассовые ложки-вилки. Из моей посуды они есть не станут – некошерная.

По четвергам приезжает сын часа на полтора. Я кормлю его, и мы смотрим новости на русском. Иногда он укладывается на диван. Как-то он задремал, и черная кипа [313] , которую он постоянно носит, соскользнула с его головы. И я с некоторым удивлением увидела, что у него очень большие залысины.

Здесь никто не верит ни в какой мир. Жизнь трудна, и облегчения

не видно.

У меня есть еще немало замечаний к «исторической родине». Но лучше поставить здесь точку. Мне предстоит жить и умирать в этой стране. Да и рассориться с сыном вовсе в мои планы не входит. «Дедушка Ленин» и дедушка Троцкий сделали революцию, и нас понесло по свету в поисках лучшей доли…

Заключение. От редактора

Имя Льва Троцкого – незаурядного публициста, организатора большевистского переворота в Петрограде, вождя Красной армии и, наконец, после ухода Ленина, главного соперника и врага Иосифа Сталина – широко известно в мире. Его идейным взглядам, политической эволюции, военному и организаторскому искусству, блестящему ораторскому таланту, феерически яркой судьбе и творческому наследию посвящено много книг, мемуарных текстов, тысячи статей на разных языках. Эмоциональный фон всей этой литературы поразительно многообразен – от восторженного поклонения до полыхающей ненависти.

Уверен, что дорогу к широкой аудитории найдет и этот сборник документов и материалов, составленный уцелевшей в годы террора внучкой легендарного политика Юлией Аксельрод. Очень далекая от идейных поисков и честолюбивых устремлений деда, Юлия Сергеевна сосредоточила внимание на трагической семейной саге. Родительский дом Льва Давидовича [314] , история двух его браков, рано оборвавшиеся жизненные пути четырех детей, судьбы внуков – в центре повествования. Сохранившиеся воспоминания самого Троцкого, его второй жены Натальи Ивановны Седовой (бабушки Юлии по отцу), письма и телеграммы членов и друзей семьи приведены в хронологическом порядке. В представленные тексты не вошли фрагменты, посвященные политическим программам, внутрипартийным и межпартийным разногласиям и идеологическим вопросам. Зато можно получить представление о взаимоотношениях, быте и досуге семьи революционера, потом руководителя государства, а затем и жертвы созданного революцией режима.

Химик по образованию (то есть человек науки), Юлия Аксельрод проявляет, насколько это возможно, объективный подход, воспроизводя документы без искажений (если не считать искажением изъятие политических текстов). Документы снабжены, помимо комментариев, редакционных или взятых из публиковавшихся источников, личными комментариями составителя (они выделены курсивом). Личное измерение придают и «Записки последних лет» самой Юлии Аксельрод – впрочем, она имеет на них полное право в качестве «члена семьи врага народа».

Представленная книга – не первый вклад Юлии Сергеевны в «троцкиану». Она сохранила и опубликовала спасенные ее матерью от бдительного ока советских карательных органов

письма отца. Книга «Сергей Седов. Письма к Ресничке» вышла в свет в Санкт-Петербурге в 2006 году. Но только настоящий сборник дает масштабную картину жизни нескольких поколений семьи революционера.

Использованная литература

1. *Пасюта А.* Земляки Троцкого: Проклятие его золота убило наших селян. Опубл. на сайте «Сегодня», 1.12.2009 // www.segodnya.ua/

2. *Троцкий Л.* Моя жизнь: В 2 т. М., 1994; первое издание – Берлин, 1930.

3. *Фрезинский Б.Я.* Предисловие к публикации: письма Л. Соколовской и А.А. Иоффе Л.Д. Троцкому // Диаспора. № 6. Париж; СПб., 2004.

4. Victor Serge and Natalia Sedova-Trotsky. The Life and Death of Leon Trotsky, Basic Books, Inc. Publishers, N. Y.; originally published in france under the title Vie et mort de Leon Trotsky (AMIOTDUMONT, 1951).

5. *Иоффе Н.* Время назад. Моя жизнь, моя судьба, моя эпоха. М., 1992.

6. *Волкогонов Д.* Троцкий. Политический портрет. Кн. 1. М., 1997.

7. *Савченко В.* Отступник. Драма Федора Раскольникова. М., 2001.

8. *Смирнов* Д, к. и. н. Она спасала буржуйское добро // Уральский курьер. 2002. № 62. 2 апр.

9. *Волков В.* Женщина в русской революции. Письма Натальи Седовой к Льву Троцкому. Опубл. 10.6.2003 на Мировом социалистическом веб-сайте: http://www.wsws.org/ru/2003/jun2003/ sedo-j 10. shtml

10. *Финкельштейн В.* Первая защитница российских памятников // Вече Твери. 2008. 1 февр. Опубл. на //www.veche.tver.ru/

11. *Троцкий Л.* Дневники и письма / Под ред. Ю.Г. Фельштинского. М., 1994.

12. *Рунин Б.* Мое окружение: записки случайно уцелевшего. М., 1995.

13. *Троцкий Л.Д.* Архив: В 9 т. Т. 2. Телеграммы. 1928. Т. 6. Из писем Л.Д. Троцкого Л.Л. Седову / Ред. – сост. Ю.Г. Фельштинский. 1928. Интернет-издание на сайте: http://www.ruslib.org/

14. *Троцкий Л.* Письма из ссылки. 1928. М., 1995.

15. *Травинский Я.* Письма Троцкого продолжают приходить. Опубл. на сайте «Новости СПб-Фонтанка». 2001. 16 апр. (http://old.fontanka.ru/2001/04/16/64250/)

16. *Glotzer A.* Trotsky: Memoir and Critique. Prometheus Books, Buffalo, N. Y., 1989.

17. *Седов С.* «Милая моя Ресничка!..» Письма из ссылки. СПб., 2006.

18. *Троцкий Л.* Лев Седов: сын, друг, борец // Бюллетень оппозиции. Париж, 1938. № 64.

19. *Николаевский Б.И.* Письма к А.М. Бургиной [Февраль 1933 г.]. Опубл. на сайте: http://lib.ru/TROCKIJ//dnewniki.txt_Piece40.14

20. *Ричардс П.* Встреча с сыном Троцкого // Четвертый Интернационал. Лето 1960. № 10. *(Richards P.* A meeting with Trotsky's son // The 4th International. 1960. № 10).

21. *Бергер И.* Крушение поколения. Воспоминания / Пер. с англ. Я. Бергера. Рим, 1973.

22. *Яковлев А.* Омут памяти. М., 2000.

23. *Роговин В.* Была ли альтернатива? Т. 6. Мировая революция и мировая война. М., 1998.

24. *Улановская НУлановская М.* История одной семьи. СПб., 2005.

25. *Верхолаз Н.* Внучка Троцкого // Еврейский камертон. 2003. 10 апреля.

26. *Шаус Я.* Красная дактилоскопия на голубом экране // Вести. Тель-Авив, 2009. 27 августа.

27. *Либов Л.* Мемуары. Эссе-реквием «Плачь, сердце, плачь!». 2-я кн. Сталин, Троцкий и я // Урал. 2004. № 10.

28. *Дойчер И.* Троцкий в изгнании: Пер. с англ. М., 1990.

Примечания

1

Воспоминания земляков, как обычно в таких случаях, носят характер легенды. *(Примеч. ред.)*

2

Сопилка – дудочка *(укр* .).

3

Синагоги в Яновке не было и не могло быть. Для устройства синагоги необходимо постоянное присутствие в населенном пункте не менее десяти взрослых мужчин-евреев (миньян). Л. Троцкий сообщает, что «в большие праздники родители ездили в колонию в синагогу» (см. ниже). *(Примеч. ред.)*

4

По-русски. Еврейскому чтению он, как было принято, обучался в детстве. *(Примеч. ред.)*

5

В царствование Екатерины II в Новороссии были организованы еврейские сельскохозяйственные колонии, в каком-то виде просуществовавшие до Второй мировой войны. Здесь, вероятно, речь идет о колонии Излучистой (ныне с. Лошкаревка

Никопольского р-на Днепропетровской обл.). *(Примеч. ред.)*

6

М.Ф. Шпенцер – одесский кузен Троцкого по материнской линии. *(Примеч. ред.)*

7

В украинском (но не в еврейском) семейном быту к родителям обращаются на «вы». *(Примеч. ред.)*

8

При всем том в начале 1917 г. Троцкий читал по-немецки доклады в Нью-Йорке. См. ниже. *(Примеч. ред.)*

9

А.Л. Соколовская (1872–1938?) – первая жена ЛД. *(Примеч. авт.)* Вслед за И. Седовой Ю. Аскельрод именует своего деда ЛД. *(Примеч. ред.)*

10

Иоффе А.А. (1883–1927) – революционер, затем советский дипломат (о нем ниже).

11

Родители были против женитьбы ЛД на Соколовской, так как Соколовская была значительно старше его и из бедной семьи.

12

Неустановленное лицо.

13

Аксельрод П.Б. (1850–1928) – русский марксист, с 1903 г. – меньшевик. Однофамилец составителя книги. *(Примеч. ред.)*

14

Конспиративная кличка Г.М. Кржижановского (1872–1959), социал-демократа, впоследствии хозяйственного деятеля Советского Союза. *(Примеч. ред.)*

15

Засулич В.И. (1849–1919) – русская революционерка, террористка, с 1903 г. – меньшевичка. *(Примеч. ред.)*

16

Мартов Л. (Ю.О. Цедербаум; 1873–1923) – русский социал-демократ, меньшевик. *(Примеч. ред.)*

17

Вероятно, рукопись воспоминаний Н. Седовой, которую цитирует здесь Л. Троцкий, была одним из источников книги Н. Седовой и В. Сержа (см. ниже). *(Примеч. ред.)*

18

Здесь и далее блоки текста, выделенные курсивом, принадлежат автору. Речь идет о II съезде РСДРП. *(Примеч. ред.)*

19

Речь идет о II съезде РСДРП. (*Примеч. ред.*)

20

Парвус (Александр Гельфанд, 1869–1924) – деятель русского и германского революционных движений. *(Примеч. ред.)*

21

Адлер В. (1852–1918) – лидер Австрийской социал-демократической партии и международного рабочего движения.

22

В Твери Н. Седова пробыла очень недолго. *(Примеч. авт.)*

23

Дейч Л. Г. (1855–1941) – деятель революционного движения в России.

24

«Россия в революции» *(нем.)*.

25

У кого оставила Наталья Леву? У своих родителей, о которых она совершенно ничего не пишет? У партийных товарищей? *(Примеч. авт.)*

26

Иоффе Н.А. (1906–1999) – дочь А.А. Иоффе (см. выше).

27

Скобелев М.И. (1885–1938) – юрист, меньшевик, впоследствии министр в правительстве Керенского.

28

Газета «Киевская мысль» выходила с 1906 по 1918 г. По свидетельству Троцкого, «Киевская мысль» «была самой распространенной на юге радикальной газетой с марксистской окраской» (Моя жизнь. С. 225). В ней он в 1912–1913 гг. печатался под псевдонимом Антид Ото.

29

Как вспоминает сам Троцкий, этот литературный псевдоним был выбран им в 1900 г. в Усть-Куте так: он раскрыл наобум итальянско-русский словарь, увидел слово antidoto («противоядие») и сделал из него Антида Ото.

30

Неустановленное лицо.

31

«Луч» – ежедневная меньшевистская газета.

32

Гильфердинг Рудольф (1877–1941) – один из лидеров австрийской и германской социал-демократии и II Интернационала; автор знаменитой книги «Финансовый капитал. Новейшая фаза в развитии капитализма» (Берлин, 1910; рус. пер.: М., 1912). Троцкий писал о нем без пиетета.

33

Нина находилась тогда не с матерью, а, скорее всего, у ее родителей. *(Примеч. авт.)*

34

Вероятно, Зина долгое время жила в Яновке у отца ЛД (его мать умерла в 1910-м). (*Примеч. авт.*)

35

Родители ЛД не раз привозили Зину к нему в Вену. (*Примеч. авт.*)

36

Иоффе А.А.

37

Фраза подчеркнута Троцким красным карандашом. Видимо, речь идет о предложении для Соколовской работать в организуемом Троцким журнале «Борьба», издание которого готовилось в Петербурге.

38

Причиной задержки, скорее всего, служило отсутствие документов, необходимых евреям для проживания в столице империи. (За пределами «черты оседлости» могли проживать только купцы первой и второй гильдии, люди с высшим образованием, а также ремесленники.)

39

Илья Львович Соколовский (1875 – после 1956) – младший брат Соколовской, журналист, печатавшийся в то время в «Одесских новостях» под псевдонимом Седой. В 1930-х арестован и осужден, но расстрелян не был и в годы оттепели вышел на свободу, после чего его след затерялся (сообщено одесским журналистом, историком литературы и краеведом Е.М. Голубовским). Письмо послано с оказией, поскольку И.Л. Соколовский из Одессы отправлялся в Вену.

40

Подчеркнуто Троцким синим карандашом.

41

Подруга Соколовской, жившая в Петербурге.

42

В № 7–8 «Борьбы» (вышел 6 июля 1914 г.) сообщалось, что «целый ряд фракционных изданий, обменивающихся объявлениями с буржуазной печатью, отказывается помещать объявления «Борьбы» – потому что наш журнал есть орган борьбы за единство» (с. 2).

43

Подчеркнуто Троцким синим карандашом; им же поставлены два восклицательных знака.

44

Подчеркнуто Троцким синим карандашом.

45

Неточно приведенная заглавная строка стихотворения (1866) Ф.И. Тютчева.

46

Зина, видимо, жила у отца Троцкого, а не с матерью в Одессе, как Нина. *(Примеч. авт.)*

47

Видимо, речь идет о направлении А.Л. Соколовской по окончании срока ее ссылки в Петербург (возможно, в связи с планировавшимся изданием в Петербурге журнала Троцкого «Борьба»); «вы» здесь несомненно множественного лица – то есть речь идет о нескольких людях, причастных к этому проекту.

48

Речь идет о попытке Соколовской восстановить утраченный ею диплом акушерки (получен в Одессе); такой диплом давал бы ей право на жительство в столице.

49

А. Соколовская с дочерьми оказалась в Петрограде, но когда и как – нам неизвестно. Возможно, это связано с практической отменой «черты оседлости» в годы Первой мировой войны. *(Примеч. авт.)*

50

Смерть сербам (дословно: Все сербы должны умереть) *(нем.)*

51

Да здравствует Сербия! *(нем.)*

52

Гейер – в то время шеф политической полиции Австро-Венгрии.

53

Масарик Т. (1850–1937) – чешский философ и политик либерального направления; в 1918–1935 гг. президент Чехословакии.

54

Король Испании Альфонсо XIII (1886–1941) был свергнут в 1931 г.

55

Для самого Сережи Седова приезд в Россию не был возвращением: он раньше там не жил, родился в дер. Хюттельдорф под Веной. *(Примеч. авт.)*

56

А. Серебровский позднее санкционировал прием ссыльного С. Седова на работу в Красноярске и заплатил за это жизнью (см. ниже). *(Примеч. авт.)*

57

Имеется в виду содержание под стражей в Канаде при переезде из США в Россию. *(Примеч. авт.)*

58

Здесь: кружит голову.

59

Народный взгляд на взаимоотношения ЛД и Ленина можно оценить по частушке того времени:

Ленин Троцкому сказал:
«Я мешок муки достал!
Мне кулич, тебе маца».
Ламца-дрица, лам-ца-ца!

Мацу ЛД ел только в раннем детстве. Но частушка, при всей примитивности, верно отражает реалии поры «военного коммунизма»: а) экономические взаимосвязи («достал» и распределяю); б) дружбу персонажей. *(Примеч. авт.)*

60

Яков Джугашвили (1907–1943).

61

Эфрос Абрам (1888–1954) – искусствовед, художественный критик, переводчик и поэт.

62

В каком году Нина и Зина перебрались в Москву? Наталья не в ладах с хронологией. В книге «Жизнь и смерть Льва Троцкого» есть хронологические ошибки. *(Примеч. авт.)*

63

Гусев С.И. (Я.Д. Драбкин, 1874–1933) – большевик с 1903 г., советский партийный деятель.

64

Раскольников Ф.Ф. (1892–1939) – русский социал-демократ, военный деятель большевистского переворота, советский дипломат. Беллетризированная биография не противоречит историческим источникам.

65

В книге В. Савченко помимо беллетризированного текста, приведены подлинные письма Ф. Раскольникова. В приведенном здесь письме речь идет о кратком военно-полевом романе между Троцким и Ларисой Рейснер, в то время женой Ф. Раскольникова.

66

Этот беллетризированный отрывок достаточно верно отражает события Гражданской войны и не противоречит историческим источникам.

67

В 1922–1923 гг., так же как и в 1925–1926 гг., события жизни Троцкого были связаны главным образом с политическими разногласиями и интригами и в настоящем сборнике не отражаются. *(Примеч. ред.)*

68

Р у н и н Б. (Рубинштейн, 1912–1994) – родной брат матери Юлии Аксельрод. Этот и другие отрывки из его мемуаров выпадают из жанра семейной саги, но являются выразительными памятниками эпохи.

69

Белобородов А.Г. (Янкель Исидорович Вайсбарт, 1891–1938) – советский государственный и партийный деятель.

70

Раковский Х.Г. (1873–1941) – по происхождению болгарин, русский социал-демократ, советский государственный деятель.

71

Жена А.Г. Белобородова.

72

Жена А.А. Иоффе.

73

Украинизм.

74

н е в ельсон Ман Самсонович (7—1937), в 1927 г. исключен из партии, сослан, впоследствии расстрелян.

75

Малютки – 7-летний Лева (его судьба оказалась трагичной, см. ниже отрывок из очерка Л. Либова) и 3-летняя Волина (ее судьба прослеживается только до 1935 г.). *(Примеч. авт.)*

76

В другом месте письма сказано, что письмо от Нины получено

1 июня. Нина была еще жива, когда ЛД писал это письмо. *(Примеч. авт.)*

77

ЛД был убежден (и, вероятно, небезосновательно), что письмо умирающей задержали намеренно. Но вот 76 лет спустя, в 2006 г., в связи с выходом в свет книги «Милая моя Ресничка» я отправила из Иерусалима в Петербург срочное заказное письмо стоимостью около 20 долларов. Письмо было доставлено адресату лишь через 12 дней. Все мои жалобы в Иерусалимское городское почтовое отделение были напрасны. *(Примеч. авт.)*

78

Это написано в 1930 г., через два года после смерти Нины. (*Примеч. авт.)*

79

Нина – первая из четырех детей ЛД, безвременно ушедшая в мир иной. Ссылка ЛД и М. Невельсона, безусловно, ускорили ее кончину. Но она умерла естественной смертью. Смерти второй дочери и двух сыновей были более трагичны. *(Примеч. авт.)*

80

Муралов Н.И. (1877–1937) – революционер, государственный и военный деятель СССР.

81

Эта версия наиболее близка к действительности. Почему у ЛД такая разница в информации о смерти Нины, мы можем только догадываться. В книге Д.А. Волкогонова написано: «Оставшись без какой-либо серьезной помощи, 26-летняя Нина умерла 9 июня 1928 года. Троцкий узнал об этом только через 73 дня!» У Волкогонова я нашла много неточностей. *(Примеч. авт.)*

82

Истра т и Панаит (1884–1935) – румынский писатель.

83

ЛД в «Моей жизни» называет Аню невесткой. Кажется, он нигде не называет ее по имени. В «Письмах из ссылки» ЛД уточняет, что невестка – жена старшего сына, который уехал с ними. Наталья, описывая те же события, называет Аню по имени. Волкогонов читал «Мою жизнь», но, вероятно, не читал книгу Н. Седовой и В. Сержа (книга на русском языке не издавалась), а потому решил, что Сережа приехал с женой. Сережа к этому времени, по-видимому, женат еще не был. *(Примеч. авт.)*

84

Этот отрывок из мемуаров Рунина выпадает из жанра семейной саги, но является выразительным памятником эпохи.

85

Раймон Молинье (1904–1994).

86

Куроедов П.С. (1894–1932) – военный моряк, затем шифровальщик советского полпредства в Норвегии, тайный сторонник Троцкого.

87

Милль М. (П. Окунь, Обин) – русский эмигрант в Париже, сторонник Троцкого. В 1932 г. раскаялся перед советскими властями и возвратился в СССР. Есть предположение, что он с самого начала был агентом ОГПУ.

88

Неустановленное лицо.

89

Альберт Глоцер и его жена Маргарет на всю жизнь остались

друзьями Севы, а затем и его дочерей. Они стали и моими друзьями. В какой-то мере они заменили мне московскую родню – дядю Борю и тетю Нюню. *(Примеч. авт.)*

90

Письма Сергея Седова к родителям хранятся в Гарварде: Houghton Library, Leon Trotsky Exile Papers (bMS Russ 13.1), G. 4933–4961; E. 13038, 13039; письма к брату Льву: Там же. E. 13040—13042; Текст публикуется с разрешения Houghton Library, Harvard University. Подготовка текста к публикации Е.В. Русаковой. К сожалению, нам неизвестно, каким образом эти письма попали в Гарвард. Мы не знаем, получали ли Л. Троцкий и Н. Седова еще какие-нибудь письма от С. Седова. Письма даются с небольшими сокращениями. *(Примеч. авт.)*

91

Ольга Гребнер, первая жена Сергея, библиотекарь.

92

Л а ф а р г Пьер (1842–1911) – французский социалист, зять К. Маркса.

93

После пожара в доме ЛД и Наталья переехали. Новый адрес я нашла в книге Альберта Глоцера. *(Примеч. авт.)*

94

Захар Моглин – первый муж Зинаиды.

95

Александра Моглина – дочь Захара и Зинаиды.

96

Платон Волков – второй муж Зинаиды.

97

Вторая жена Захара Моглина, которая впоследствии вырастила Александру Моглину.

98

Датируется по штемпелю.

99

Датируется по содержанию.

100

По-видимому, с улицы Грановского на Большую Серпуховскую. На Большой Серпуховской Сергей и Леля жили уже в 1931 г. (это я узнала из адреса на открытке, который не воспроизведен в книге «Милая моя Ресничка»). *(Примеч. авт.)*

101

Это и следующее письмо датируются по содержанию.

102

Зина родилась в 1900 г., ей было 32 года. *(Примеч. авт.)*

103

Так в тексте.

104

Зина была больна, по-видимому, давно, и ЛД мало что мог изменить в тех условиях. Сергей дважды в своих письмах убеждает родителей, что отправлять ее обратно в Союз нельзя, и повторяет: «Служить она не сможет». Значит, Сергей еще до всей этой истории знал, что Зина больна. По словам Надежды Иоффе, которая встретила Александру Соколовскую на Колыме (см. ниже), Соколовская узнала о самоубийстве Зины из письма ЛД. *(Примеч. авт.)*

105

Сестра А.Л. Соколовской.

106

Вслепую *(фр.)*.

107

Потрясающе, то же самое и сейчас, в 2009 году. *(Примеч. авт.)*

108

По состоянию здоровья разрешение проживать в департаменте Миди, сверх уже имеющегося разрешения проживать на Корсике *(фр.)*.

109

Люмбаго – острые боли в пояснице.

110

Сюртэ женераль – французская тайная полиция.

111

В первые месяцы своего пребывания во Франции Троцкий жил в местечке Сен-Пале вблизи г. Руайана. В начале сентября 1933 г. Н.И. Седова выехала в Париж для консультаций с врачами в связи с заболеванием рук. В Париже она пробыла около месяца.

112

Мартен де Пейлер Жанна (1897–1961) – жена Р. Молинье, ставшая затем женой Л.Л. Седова. Была членом Компартии Франции с 1921 г. В 1929 г. исключена из партии за сочувствие идеям Троцкого.

113

Ланис Вера (1906—?) – в 1933 г. сожительница Р. Молинье. Родом из Бессарабии. Владела русским языком. Во время пребывания Троцкого во Франции вместе с Ж. Мартен вела домашнее хозяйство в его доме.

114

Ул. Лавандо, 4 – место в Париже, где произошла первая встреча Л.Д. Троцкого и Н.И. Седовой в 1902 г.

115

В начале октября 1933 г. Троцкий поехал в поселок Багнер-де-Бигор в Пиренеях, где провел три недели отдыха, продолжая, однако, переписку и работу над книгой о Ленине. Затем он переехал в г. Барбизон под Парижем.

116

Речь идет о Саре Вебер (1900–1976) – деятельнице оппозиционного коммунистического движения. Она была женой деятеля Компартии США Луиса Джекобса, ставшего затем участником Коммунистической лиги США. В конце 1933–1934 г. (а также в 1938–1939 гг. – *Авт.)* Сара Вебер являлась секретарем Троцкого.

117

Строка приписана после написания письма.

118

Речь идет о Э. Аккеркнехте.

119

Имеется в виду Л.Л. Седов.

120

Славная компания: Лева, Раймон, Жанна и Вера. *(Примеч. авт.)*

121

Так в тексте. *(Примеч. авт.)*

122

Имеется в виду Шмидт.

123

«Возрождение» – газета на русском языке, выходившая в 20—30-х гг. в Париже. Формально была независимой, но финансировалась полпредством СССР и проводила соответствующий курс.

124

Анри Молинье (1898–1944), брат Раймона, единомышленник Троцкого…Бизнесмен, офицер в отставке, он был крайне удобен для выполнения всякого рода «официальных» дел: получения виз и пр. Погиб во время Второй мировой войны.

125

Николаевский Борис Иванович (1887–1966) – историк, архивист, публицист, прозаик, общественный и политический деятель. Родился в Башкирии в многодетной семье православного священника. Активный участник российского революционного движения. В 1908–1910 гг. находился в ссылке в Архангельской губернии. В 1913 г. стал помощником депутата IV Государственной думы М.И. Скобелева. С 1917 член ВЦИК партии меньшевиков, работал в Комиссии для ликвидации дел политического характера бывшего Департамента полиции,

сотрудничал в журнале «Былое». С 1919 г. по 1921 г. возглавлял Московский историко-революционный архив. В 1921 г. арестован и содержался в Бутырской тюрьме. После освобождения в 1922 г. уехал в Берлин. В Берлине работал заведующим Русским социал-демократическим архивом, с 1923 г. научный корреспондент Института Маркса и Энгельса в Берлине. В 1933 г. организовал эвакуацию Русского архива из Берлина в Париж. По-видимому, хорошо знал Льва Седова, а также ЛД и Наталью. В 1940 г. переехал в США, где создал «Лигу борьбы за народную свободу», издавал журналы «За рубежом», «Грядущая Россия». По окончании Второй мировой войны предпринял поездки по лагерям советских военнопленных и перемещенных лиц в Европе, издал книгу о лагерях в СССР. Его книга «Власть и советская элита» стала бестселлером. В послевоенный период участвовал в политической жизни российской эмиграции, много раз приезжал в Европу для участия в политических съездах и совещаниях эмигрантов.

126

Бургина А.М. – жена И.Г. Церетели (см. ниже).

127

Церетели И.Г. (1881–1959) – политический деятель, один из руководителей меньшевиков.

128

Ренодель Пьер (1871–1935) – один из руководителей Французской социалистической партии.

129

Имеются в виду внуки Л. Троцкого – дети Нины – Лев и Волина.

130

В конце письма приписка неизвестно чьей рукой: «Как сообщил [пропуск] Ал. Л. послано 150, Сергею – 100 (для России это немало)».

131

В верхней части письма приписано зеленым карандашом почерком Н.И. Седовой: «1934, апрель».

132

В дневниках ЛД говорится о планах высылки в Мадагаскар. *(Примеч. авт.)*

133

Здесь и далее в письмах Сергея выделено мною. (*Примеч. авт.*)

134

Датируется по содержанию.

135

Датируется по содержанию.

136

На последней странице письма неизвестной рукой написано «Последнее письмо».

137

18.02.1935 – последний день работы Сергея. См. ниже «Анкету арестованного». *(Примеч. авт.)*

138

Ко времени ареста Сергей уже был официально женат на моей маме. Имя Лели не появляется ни в описаниях ареста и высылки семьи из Москвы, ни в сценах жизни в Алма-Ате и высылки из СССР. В «Анкете арестованного» 3 марта 1935 года в пункте «Состав семьи» Сергей пишет: «Генриетта Михайловна Рубинштейн – жена, О.Э. Гребнер – бывшая жена». По рассказу моей матери, они обе приходили на свидания в тюрьму к Сергею. Из последующих писем Сергея видно, что обе женщины не только хорошо знали друг друга, но и были дружны. Сергей писал Леле письма из ссылки и в Москву, и в Воронеж, куда ее вскорости сослали. *(Примеч. авт.)*

139

По адресам телеграмм, посылавшихся ЛД Сергею, можно видеть, что Сергей жил на ул. Грановского. В дальнейшем Сергей и Леля жили на Большой Серпуховской, там же жили Аня с сыном. *(Примеч. авт.)*

140

«Анкета арестованного» (см. ниже) датирована 3 марта.

141

В книге опубликована по материалам ЦА ФСБ РФ. Д. Р-33578. Л. 1–1 об. Публикация С.А. Ларькова.

142

«Сумерки богов» *(нем.)*.

143

Анри Молинье.

144

Сергей был доцентом, а не профессором. *(Примеч. авт.)*

145

Выделено мною. Здесь речь идет действительно о последнем предарестном письме Сергея. В других случаях (см. ниже) и ЛД, и Наталья все время называют «последним письмом» письмо от 9.12.1934. *(Примеч. автп.)*

146

Внуки: дети Нины – Лев и Волина (Невельсон), Саша – дочь Зины и Захара Моглина.

147

После выезда из Кремля Троцкие жили на ул. Грановского,

где Сережа продолжал находиться и после высылки ЛД в Алма-Ату. Но в 1931 г. Сережа и Леля уже жили на Большой Серпуховской. (*Примеч. авт.)*

148

Лева Невельсон, 1921 г. р. *(Примеч. авт.)*

149

Ил ь и н Я.Н. (1905–1932) – советский писатель.

150

И ЛД, и Наталья все время говорят об этом «последнем» письме. Но было еще одно письмо, написанное явно позже 9.12.1934, недатированное, в котором Сергей предчувствует приближающийся арест и в то же время надеется, что все обойдется. В этом письме он впервые прямо просит родителей «помочь немного в денежном отношении». Почему не упоминают об этом письме ни ЛД, ни Наталья? Оно ведь было получено, иначе не попало бы в архив. (*Примеч. авт.)*

151

Бюллетень оппозиции. Июль 1935. № 44. С. 10–11.

152

Письмо от имени Н. Седовой было написано Л. Троцким. (*Примеч. ред.)*

153

Льва.

154

Сергей был арестован 3 марта 1935 г. *(Примеч. авт.)*

155

Семен Львович Клячко, эмигрант-революционер, живший в Вене и умерший там в 1914 г. Во время второй эмиграции Троцкого был его другом.

156

«Бош» – презрительное название немца.

157

Сила духа *(нем.)*.

158

Впоследствии и Мария Львовна была отправлена в лагерь. (*Примеч. ред.)*

159

Поль Лафарг (1842–1911) и его жена Лаура (1845–1911; дочь К. Маркса) покончили с собой по предварительному решению поступить так, как только наступит старость, мешающая им вести борьбу. *(Примеч. ред.)*

160

Письмо Л.Д. Троцкого, адресованное «Д.», было написано 7 января 1936 г. Д – первая буква слова Диг, одного из псевдонимов

Л.Л. Седова. В письме содержалась критика деятельности Л.Л. Седова по руководству «Бюллетенем оппозиции» в Париже.

161

Очевидно, имеется в виду «письмо Д.».

162

Вычеркнуто слово «грубостями».

163

Л.Л. Седов имеет в виду свою работу в качестве редактора «Бюллетеня оппозиции».

164

Последующая часть письма написана на полях предыдущих страниц.

165

Азарх Анатолий – историк, востоковед.

166

Толя был единственным человеком (кроме моей матери, которой письма предназначались), прочитавшим все сохраненные матерью письма Сергея. Сколько их было потеряно при почтовой пересылке из Москвы в США – неизвестно. Все дошедшие до Америки письма опубликованы в книге «Милая моя Ресничка». В моем архиве имеется также английский перевод этих писем, сделанный в Англии по заказу Джорджа Лавана Вайсмана (1916–1985). Он был одним из организаторов Социалистической рабочей партии США, во время Второй мировой войны воевал в чине капитана артиллерии, затем был директором ряда издательств, состоял в национальном и политическом комитетах СРП, а также во множестве различных организаций (среди которых Национальная ассоциация защиты цветных, американский студенческий союз в Гарварде, Комитет по борьбе с расовой дискриминацией, Комитет по защите гражданских прав и даже Кубинский революционный комитет). Вайсман делал попытки издать письма отца в Англии. К сожалению, это издание не состоялось. *(Примеч. авт.)*

167

Возможно, имеется в виду первый муж Г. Рубинштейн Андрей Болтянский.

168

Неустановленные лица. Впрочем, второй из них, возможно, Б. М. Черномор дик, один из соавторов С.Л. Седова по книге «Легкие газогенераторы…».

169

Nomen amicitiae sic, quatenus expedit, haeret… (Сатирикон, гл. 80).

170

Вероятно, статья была снята редакцией.

171

Вероятно, статья была снята редакцией.

172

Удалось обнаружить только одну статью.

173

ДУК – Дирижабельный учебный комбинат.

174

Вероятно, это Лев Лазаревич, который упоминался ранее.

175

14 августа – день рождения Генриетты. *(Примеч. авт.)*

176

Выделено мною. Как можно понять из писем Сергея родителям, он и Леля отпуска проводили поврозь. В письме от 6.06.34 г. Сергей сообщает о возможности попасть в дом отдыха под Москвой, а в письме от 5.08.34 рассказывает о дискомфорте в доме отдыха: плохая погода, посредственная кормежка, к тому же болел ангиной. «…Я все-таки отдохнул хорошо… <…> Двадцать пять суток ни о чем абсолютно не думать – это иногда бывает крайне полезно». А здесь Сергей упоминает Черное море. В протоколе допроса дедушки Миши записано: «Дочь познакомилась с Седовым в Сочи». В протоколах допросов бабушки Розы: «Познакомилась с Седовым на курорте». То же говорила и мама на допросе: «Познакомились на курорте». В письме Николаевского к Наталье неизвестная корреспондентка сообщила, что мама познакомилась с отцом «на курорте, то ли в Крыму, то ли на Кавказе». Дядя Боря в воспоминаниях называет Хосту. Но время все указывают одинаково: 1934 год. Значит, летом 1934 года Сергей отдыхал не в Подмосковье (или не только в Подмосковье), а у Черного моря. *(Примеч. авт.)*

177

Жизнеописание, биография *(лат.)*.

178

Вероятно, хозяйка комнаты, которую снимали в Москве Сергей и Генриетта или в которой они иногда встречались.

179

Квадратные скобки принадлежат С.С.

180

Фрагмент письма без даты. Датировано по содержанию.

181

Доктору Панглосу, наставнику вольтеровского Кандида, принадлежит сентенция: «Говорить, что все хорошо, – глупость. Правильно говорить: все к лучшему».

182

В архиве Ю. Аксельрод сохранилась фотография со следующей надписью на обороте: «Такую рожицу я положила в твои вещи. Если ты ее не нашел – на всякий случай посылаю вторично. Кроме того, в вещах есть фотография групповая: Оля, Мира и я. Мы сфотографируемся на этих днях и пришлем тебе (мы – это Оля и я). Целую тебя, толстого и дорогого! Пожалуйста, ухитрись не похудеть – мне очень интересно – какой у тебя животик: Женя».

183

Инж. *С. Седов.* О напряжениях, возникающих в гайке, в связи с зазорами по ОСТам 95-а и 95-б // Вестник стандартизации. 1931. № 7. С. 48–52.

184

Маяковский В. Облако в штанах.

185

Квадратные скобки принадлежат С. Седову.

186

Последняя строфа стихотворения Гейне из цикла «Германия. Зимняя сказка».

187

Где эти вещи находились? На старой квартире, где еще жила Леля? Синюю вазу сохранила бабушка Роза и переслала ее моей матери на Колыму. Прочитав это письмо (лет 20 назад), я полезла в старые колымские фотографии и нашла одну, где ваза стояла на полке. После смерти матери родственники переслали мне вазу в США. Перед отъездом в Израиль я послала вазу в Музей Л.Д. Троцкого в Мексике. Кувшин баккара исчез во время нашего ареста, так же как и статуэтка химеры. Об остальных вещах я ничего не знаю. *(Примеч. авт.)*

188

Вероятно, имеется в виду средневековый рисунок неизвестного автора «Убийство Уота Тайлера», который помещался во многих изданиях, начиная от школьных учебников по истории Средних веков (его можно найти и в учебнике для 6-го класса 1997 года издания) до иллюстрированных журналов. Не исключено, что речь идет о картинке, вырезанной из журнала «Огонек». Судьба Уота Тайлера в данном случае тоже наводит на размышления о том, что Седов вспомнил о нем не случайно.

189

Датируется по содержанию. Начало письма утрачено.

190

Вероятно: *Седов С.Л., Мезин И.С., Черномордик Б.М.* Легкие газогенераторы автотракторного типа. [Л.], 1934.

191

Датируется по содержанию. Начало письма утрачено.

192

Белье (от *фр.* dessous).

193

Датировано по содержанию письма, у С.С. написано, вероятно, ошибочно: IX, но в середине сентября он был еще без работы, директор Красмашстроя должен был приехать и решить вопрос о его трудоустройстве только 20.09.

194

Фрагмент письма без даты. Датируется по содержанию.

195

На самом деле – Венев. *(Примеч. авт.)*

196

Из этого ответа следует, что в Москве мама паспорта так и не получила. Из-за ожидания московского паспорта случилась даже небольшая перепалка в переписке между моими родителями. *(Примеч. авт.)*

197

Марта.

198

Выделено мною. *(Примеч. авт.)*

199

Протокол допроса свидетеля Тимофеева А.П. [Текст] / Следственное дело Субботина А.П. // Архив РУ ФСБ по КК. П-5990. Л. 230.

200

Протокол допроса Сидорова Г.Я. [Текст] / Следственное дело Субботина А.П. // Архив РУ ФСБ по КК. П-5990. Л. 219–220.

201

Протокол допроса свидетеля Орлова А.Н. [Текст] / Следственное дело Субботина А.П. // Архив РУ ФСБ по КК. П-5990. Л. 223.

202

Протокол допроса А.В. Телегина от 4.02.1937 [Текст] / Следственное дело Субботина А.П. // Архив РУ ФСБ по КК. П-5966. Л. 110.

203

Псевдоним, личность не установлена.

204

Бергер-Барзилай Йосеф (1904–1978) – журналист, деятель коммунистического движения, руководитель Компартии Палестины в 20-х годах. После возвращения из сталинских лагерей вернулся к ортодоксальной религиозной вере.

205

Фактически через несколько дней – еще 19 февраля он работал, а 3 марта его арестовали. *(Примеч. авт.)*

206

Особые внешние приметы

207

Информация о событиях на Красмаше пересказана нами по публикациям К.Ф. Попова и А.С. Ильина, размещенным на сайте Красноярского общества «Мемориал»: memorial.krsk.ru.

208

На самом деле – 1910. *(Примеч. авт.)*

209

На самом деле – Тульской области, см. след, документ. *(Примеч. авт.)*

210

До Натальи доходили сведения о Сергее от людей, встречавших его в тюрьме, лагере или на этапе. Это письмо, где речь идет о моей маме и обо мне, потрясло меня, когда попало в мои руки. *(Примеч. авт.)*

211

Меньше. С августа 1935 г. по май или июнь 1936-го. *(Примеч. авт.)*

212

Симонов К.М. (1915–1979) – советский писатель.

213

Ямпольский Б.С. (1912–1972) – писатель.

214

Имеются в виду радиопередачи.

215

3 марта 1935 г. *(Примеч. авт.)*

216

1900–1953.

217

Новый журнал. Нью-Йорк. 1984. № 155. С. 232.

218

В начале июля 1937 г. в условиях напряжения, возникшего во взаимоотношениях между Троцким и его женой в связи с его любовной историей с Фридой Кало, супруги решили на время расстаться. 7 июля Троцкий выехал на гасиенду Ландеро вблизи Сан-Мигель-Регла примерно в 150 км на северо-восток от Мехико. Н.И. Седова осталась в Койоакане. 26 или 27 июля Троцкий возвратился в Койоакан. Он попросил Ф. Кало возвратить ему его письма, адресованные ей, что и было сделано. Письма, видимо, были уничтожены. Взаимоотношения Троцкого и Фриды послужили, по-видимому, одной из причин, но не главной,

разрыва Риверы с Троцким.

219

Сиксто – шофер Д. Риверы.

220

Казас Жезус – лейтенант мексиканской полиции. Руководил отрядом полицейских, охранявших дом на авенида Лондрес в Койоакане, где проживал Троцкий.

221

Ландеро – хозяин гасиенды возле г. Сан-Мигель-Регла, где в июле 1937 г. жил Троцкий.

222

Марин – американский сторонник Троцкого, сотрудник бюллетеня The Socialist Appeal.

223

Cinema *(англ.)* – кино.

224

Из этих слов и ряда следующих мест вытекает, что в 1937 г. Троцкий вел дневник, который до настоящего времени не обнаружен. Возможно, после гибели Л.Д. Троцкого он был уничтожен Н.И. Седовой. В пользу этого свидетельствует несколько упоминаний Троцкого в письмах Седовой, что он вел дневник только для нее.

225

Когда-то давно я скопировала фотографию из книги: ЛД и Наталья стоят у какой-то ограды и смотрят друг на друга. Они уже не молоды, возможно, это Мексика. Об их переписке я в то время понятия не имела, но и тогда поняла, что у них были какие-то особые отношения. *(Примеч. авт.)*

226

Главный концессионный комитет республики (Главконцеском) был образован после издания декрета Совнаркома РСФСР от 23 ноября 1920 г. о разрешении заключать концессионные договоры с целью привлечения иностранного капитала в Россию. Л.Д. Троцкий возглавлял Главконцеском после его снятия с поста наркома по военным и морским делам (снят в январе и назначен в мае 1925 г.). С поста председателя Главконцескома Троцкий был снят после его исключения из ЦК ВКП(б) в октябре 1927 г.

227

Имеется в виду Рут Агелофф – американская сторонница Троцкого. Она принимала техническое участие в работе комиссии Д. Дьюи. Благодаря ее косвенной непроизвольной помощи агент НКВД Р. Меркадер, вступивший в интимную связь с ее сестрой Сильвией Агелофф, смог проникнуть в дом Троцкого.

228

Ф а в н – в римской мифологии бог плодородия, покровитель скотоводства, полей и лесов.

229

В предыдущих письмах содержались намеки на интимные отношения Троцкого с Ф. Кало. Здесь о них, как и о том, что эти отношения прерваны, сказано более откровенно.

230

Рита Яковлевна – машинистка Троцкого в Мексике в 1937—1938 гг.

231

По всей видимости, речь идет о фиктивной встрече между ЛЛ. Седовым и Е.С. Гольцманом, подсудимым на судебном фарсе в Москве в августе 1936 г., которая якобы происходила в отеле «Бристоль» в Копенгагене в 1932 г. Встреча не могла состояться, так как этот отель был разрушен еще в 1917 г.

232

Имеется в виду Этьен. Этьен – псевдоним Марка Зборовского (выступал также под псевдонимом Тюльпан) (1908–1990) – эмигранта из Западной Украины, проживавшего в 30-х гг. во Франции. С 1934 г. Зборовский был агентом НКВД. Он был внедрен в число ближайших сотрудников Л.Л. Седова, полным доверием которого пользовался. В 1941 г. эмигрировал в США. Был разоблачен в 1955 г. сенатской подкомиссией Джозефа Маккарти и приговорен к тюремному заключению за дачу ложных показаний.

233

Паульсен Л. – псевдонимЛ. Эстрин (Даллин), ближайшей сотрудницы Льва Седова. (Наталья долгое время оставалась с ней в переписке. Знала ли Л. Эстрин об истинной роли Этьена, неизвестно. – *Авт.)*

234

В середине февраля 1938 г. Троцкий несколько дней нелегально проживал в доме правительственного чиновника, друга Д. Риверы Антонио Гидальго в Ломас-де-Чапультепеке, респектабельном районе г. Мехико. Это было предпринято в связи с опасениями покушения на его жизнь. Троцкий возвратился в Койоакан, где оставалась Н.И. Седова, после поступления известия о смерти Л.Л. Седова.

235

Кашне, шарф *(фр.)*.

236

По всей видимости, имеется в виду Силвия Агелофф (сестра сотрудницы Троцкого Рут Агелофф) и ее любовник,

фигурировавший под именем Жан Морнар. На самом деле это был Рамон Меркадер (1914–1978) – испанский коммунист, убийца Л. Троцкого. В литературе господствует мнение, что Меркадер появился в доме Троцкого значительно позже. Но, судя по данному письму, это произошло уже в начале 1938 г.

237

Имеется в виду статья «Шумиха вокруг Кронштадта». Троцкий отрицал личное участие в подавлении Кронштадтского восстания и писал, что он «не помнит», находился ли он в Петрограде во время восстания. Факты же свидетельствуют, что он прибыл в Петроград 5 марта (восстание началось 1 марта) и находился в городе несколько дней. Именно по его приказу М.Н. Тухачевский был назначен командующим 7-й армией, которой было поручено подавление восстания. Троцкий приказал подавить восстание, не останавливаясь ни перед какими жертвами.

238

Видимо, имеется в виду дом Губерта Геринга в городе Такско* в Мексике, который был предоставлен в пользование Троцкого. Г. Геринг – американский профессор, специалист по Латинской Америке. Поддерживал дружеские отношения с Троцким, многократно посещал его и привозил к Троцкому на беседы своих студентов. [*Фельштинский далее пишет «Таксако», но правильное написание – «Такско».]

239

Видимо, идет речь о Вальтере Кривицком (1899–1941), перебежчике из НКВД на Запад.

240

Скорее всего, речь идет о работе «Их мораль и наша» (Бюллетень оппозиции. 1938. № 68–69. С. 6—19).

241

О ком идет речь, установить не удалось.

242

Av. Londres (авенида Лондрес) – улица, на которой в 1937—

1939 гг. проживал Троцкий в доме Д. Риверы. В марте 1939 г. после разрыва с Риверой Троцкий переехал в дом на авенида Виена.

243

Мичоакан – штат на юго-западе Мексики. Центр г. Морелия.

244

Трагичны строки Натальи о гибели сына Льва в Париже. Только почему Наталья относит события к 1937 году? Это было в тридцать восьмом! Дальше еще более странно: «Лева умер, когда ему было

245

Не с дочерью, а с сыном – Львом (Люликом), 1926 г. р. Из письма Сергея родителям от 6.1.1933: «Я не писал вам раньше, т. к. не видел никакой надобности, что Аня вышла замуж». *(Примеч. авт.)*

246

Телеграмма Зборовского и Эстрин Троцкому о смерти ЛЛ. Седова была получена после того, как он уже узнал о происшедшем из вечерних мексиканских газет от 16 февраля 1938 г.

247

Обсерватор (от *англ.* Observer) – наблюдатель.

248

К л а р т – французский сторонник Троцкого, член Интернационального Секретариата IV Интернационала.

249

С. И. (Secretariat Internationale) – Интернациональный Секретариат IV Интернационала, находившегося в стадии формирования.

250

Б о й т е л ь Жоаннес (псевдоним Бардина Алексиса) (1905—?) – французский сторонник Троцкого, один из лидеров Интернациональной рабочей партии.

251

Брош, Жерар, Про – члены конкурировавших между собой групп сторонников Троцкого во Франции.

252

Так в тексте.

253

Partie ouvrier internationaliste (POI) – Интернационалистская рабочая партия Франции – французская секция IV Интернационала. Основана в конце 1938 г. В феврале 1939 г. часть членов ПОИ перешла в Рабочую и крестьянскую социалистическую партию, основанную в июле 1938 г. М. Пивером.

254

Енукидзе Авель Софронович (1877–1937) – советский государственный деятель. Социал-демократ с 1898 г. С 1918 г. секретарь Президиума ВЦИК, в 1922–1935 гг. секретарь Президиума ВЦИК. Был снят с ответственных постов. Арестован и расстрелян во время «большого террора».

255

«Партийное строительство» – журнал ЦК ВКП(б). Выходил в 1929–1946 гг. (до него с 1919 г. издавались «Известия ЦК РКП (б) – ВКП(б)»). С 1946 г. вместо «Партийного строительства» стал

выходить журнал «Партийная жизнь».

256

Рейсс Игнатий (Натан Маркович Порецкий) (1899 – 4 сентября 1937) – деятель ЧК-ОГПУ-НКВД, видный разведчик, невозвращенец. Убит спецгруппой НКВД в Швейцарии.

257

Вебер Сара (Якобс), являвшаяся секретарем Троцкого в Турции и Франции, а также в 1938 г., а затем в 1939 г. в течение нескольких месяцев в Койоакане. Авторство письма установлено по содержанию.

258

Видимо, имеется в виду газета La lutte ouvrier.

259

POUM (Partido Obrero de Uniflcaciön Marxista) – Рабочая партия марксистского единения в Испании.

260

Levin I.D. The Mind of an Assassin. P. 52.

261

Documents of the Fourth International. The Formative Years (1933–1940). N. Y., 1973. P. 169.

262

Дойчер Исаак (1907–1967) – историк, публицист, политический деятель.

263

Дойчер И. Троцкий в изгнании. С. 454.

264

Documents of the Fourth International. The Formative Years (1933–1940). P. 298.

265

Ibid. P. 299, 431.

266

Архив Международного института социальной истории в Амстердаме, коллекция Б.К. Суварина. Письмо Б.И. Николаевского Б.К. Суварину от 19 декабря 1955 г., 1 лист.

267

Архив Международного института социальной истории в Амстердаме, коллекция С. Эстрина.

268

11 января 1933 г.

269

Как рассказывал мне Гарольд Робинс (см. о нем ниже в моих записках), Жанна привязалась к Севе и просто не хотела с ним расставаться. *(Примеч. авт.)*

270

На этом месте запись обрывается.

271

Опубликовано в Socialist Appeal 11 мая 1940 г.

272

Сикейрос Давид (1896–1974) – выдающийся мексиканский художник, коммунист. Сотрудничал с ОГПУ СССР.

273

В книге «Жизнь и смерть Льва Троцкого», в главе «Последний день», Наталья трогательно описывает последний день ЛД в больнице. ЛД не хотел, чтобы его раздели медики, и просил сделать это Наталью. Наталья провела ночь в кресле у постели ЛД. Жизнь покинула ЛД в момент, когда Наталья задремала. Это было в 19.25 21 августа 1940 г., в мой день рождения (я родилась в 1936 году). *(Примеч. авт.)*

274

Инбер Вера (1890–1972) – советская поэтесса и прозаик, племянница (или кузина) Л.Д. по материнской линии.

275

Дочь Зинаиды – Александра Захаровна Моглина, в замужестве Бахвалова (1923–1989). Насколько мне известно, у нее была дочь Ольга. *(Примеч. авт.)*

276

Моглин Захар Борисович особым совещанием 27 апреля 1934 г. приговорен к 3 годам заключения. 9 октября 1937 года особой тройкой приговорен к высшей мере наказания. *(Примеч. авт.)*

277

Вероника (1955 г. р.) – искусствовед, критик, поэт (Мексика); Нора (1956 г. р.) – директор Национального института наркологии (США); Патриция (1956 г.) – врач-исследователь; Наталия, младшая дочь, – экономист (Мексика). У близнецов пятеро детей, Севиных внуков.

278

Оказывается, мы были соседями! Бабушка Роза и я получили комнату в коммунальной квартире на Ленинском проспекте, если не ошибаюсь, в 1958 году. *(Примеч. авт.)*

279

1924 – 1870 = 54. *(Примеч. авт.)*

280

См., например, книгу: *Троцкий Л.Д.* Дневники и письма / Под ред. Ю.Г. Фельштинского. Тинефли, Нью-Джерси: Эрмитаж. С. 177; также *Волкогонов Д.* Троцкий. М., 1993. Т. 2. С. 192. *(Примеч. авт.)*

281

«Старик» *(англ.)* – прозвище Льва Троцкого в кругу последователей.

282

Фото извлечено из кинохроники. *(Примеч. авт.)*

283

Жена дяди Бори, Анна Дмитриевна Мельман. *(Примеч. авт.)*

284

Алан Адольфович Мерк (1913–1987). *(Примеч. авт.)*

285

«В ы ш к а» – высшая мера наказания, в те времена – расстрел; «четвертак» – 25 лет лагерей.

286

З э к – заключенный. *(Примеч. ред.)*

287

Черта оседлости – до Февральской революции область дозволенных для еврейского проживания территорий Российской империи. Вне «черты» могли жить лишь некоторые категории евреев: купцы 1-й и 2-й гильдий, ремесленники и другие.

288

Сохнут («Еврейское агентство») – организация, занимающаяся практическими вопросами репатриации евреев в Израиль.

289

Брит-мила – обряд обрезания.

290

Хасиды – направление в иудаизме, возникшее в XVIII в. в Восточной Европе. Любавичская ветвь хасидизма (она же ХАБАД) основана Шнеур-Залманом из Ляд (1745–1812).

291

П.П. Шмидт (1867–1906) – один из героев русской революции 1905 г. За «сыновей лейтенанта Шмидта» выдавали себя аферисты-попрошайки в романе Ильфа и Петрова «Золотой теленок».

292

Герцль Теодор (1860–1904) – основатель политического сионизма (движения за возвращение еврейского народа на свою историческую родину).

293

По религиозным канонам иудаизма, мясные и молочные продукты хранятся и употребляются отдельно. *(Примеч. ред.)*

294

Кошерный – разрешенный в пищу по правилам иудаизма. Кошерные продукты оберегают от соприкосновения с некошерными. *(Примеч. ред.)*

295

3М (точнее, МММ) – аббревиатура американской промышленной корпорации.

296

Бэтерри-парк – южная точка Манхэттена. *(Примеч. авт.)*

297

Некоторые мои добрые знакомые, прочтя рукопись, умоляли меня не публиковать израильскую часть этих заметок – публикация, мол, сослужит добрую службу врагам Израиля. А несколько издателей вообще отказались иметь дело со мной. Я же полагаю, что публикация мнений, даже весьма негативных, исходящих от любого жителя, – неотъемлемый признак демократии в стране. В этом ее сила. Боятся критики только диктаторские режимы. *(Примеч. авт.)*

298

Кнессет – парламент в Израиле.

299

Г о й – нееврей *(иврит)*.

300

Во время экономического кризиса некоторые израильтяне, поселившиеся в США, вернулись в Израиль. *(Примеч. авт.)*

301

В газете «Наш Иерусалим» появилась статья под заглавием: «Первые симптомы новой криминальной эпидемии в Израиле: адвокаты-мошенники». Меня такой адвокат-мошенник нагрел на 250 долларов. *(Примеч. авт.)*

302

Мазган – кондиционер в летнее время, обогреватель – в зимнее. Все дома в Иерусалиме с наружной стены обвешаны разнообразными мазганами. *(Примеч. авт.)*

303

А л и я – букв. «восхождение» – официальное именование приезда евреев на постоянное жительство в Израиль. (*Примеч. авт.*)

304

В газете «Наш Иерусалим» была напечатана заметка с предложением организовать ассоциацию квартиросъемщиков – жертв холокоста. Я позвонила по указанному телефону, прося принять и меня в эту ассоциацию, хотя я не жертва холокоста. Мне резко ответили: «Нет». Как это ни нелепо, мне вспомнилась фраза из Ильфа и Петрова: «Пиво продается только членам профсоюза». *(Примеч. авт.)*

305

Менахем-Мендла Шнеерсона (1902–1994), духовного вождя любавических хасидов, его приверженцы объявили Мессией и

ожидают его воскрешения. *(Примеч. ред.)*

306

«Зеленая черта» – линия перемирия 1949 года. *(Примеч. ред.)*.

307

Репатриант – человек, возвращающийся на родину после войны или стихийного бедствия, а не через две тысячи лет. Израиль использует этот термин в пропагандистских целях. *(Примеч. авт.)*

308

У л ь п а н – начальные курсы обучения ивриту.

309

Кирьят-Арба – поселок за «зеленой чертой» рядом с Хевроном, там жилье дешевле. *(Примеч. авт.)*

310

Скорее всего, Сергей поздравлял жену с рождением «ребенка», а не «дочери». Срок рождения ребенка он должен был знать, а пол ребенка не мог быть ему известен. *(Примеч. авт.)*

311

Мои внуки: Йосеф – ему сейчас 22 года, Веред (ее назвали в честь бабушки Розы, в переводе на иврит) – 21, Эльнакам (в переводе «Бог отомстил») – 20, Рахель – 18, Барух-Меир – 10 лет и Михаэль (он же Мики, назван в честь моего деда Михаила Рубинштейна) – 7 лет. У Йосефа уже двое сыновей – двухлетний Шмуэль и недавно родившийся Сарэль, у Веред годовалая дочь Лилах («сирень»), у Эльнакама недавно родился сын Амицур. *(Примеч. авт.)*

312

Депортации по достижении совершеннолетия подлежат также дети иностранных рабочих, родившиеся в Израиле, некоторые от отцов-израильтян (зачастую эти дети не знают никакого языка, кроме иврита). *(Примеч. авт.)*

313

К и п а (небольшая тюбетейка), согласно обычаю, всегда находится на голове ортодоксально верующего еврея. *(Примеч. ред.)*

314

Вслед за Н. Седовой Ю. Аксельрод именует своего деда ЛД.